

ЛИДИЯ ГРОТ

.....

***ПРИЗВАНИЕ
ВАРЯГОВ***

.....

***НОРМАННЫ,
КОТОРЫХ НЕ БЫЛО***

**ЭКСМО
Москва
алгоритм
2013**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г 89

Оформление Б. Протопопова

Грот Л. П.

Г 89   **Призвание варягов, или Норманны, которых не было /**
Лидия Грот. — М. : Алгоритм, 2013. — 368 с. — (Исторические
сенсации).

ISBN 978-5-4438-0415-6

Лидия Грот — кандидат исторических наук. Окончила восточный факультет ЛГУ, с 1981 года работала научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. С начала 90-х годов проживает в Швеции.

Лидия Павловна широко известна своими трудами по начальному периоду истории Руси. В ее работах есть то, чего столь часто не хватает современным историкам: прекрасный стиль, интересные мысли и остроумные выводы. Активный критик норманнской теории происхождения русской государственности. Последние ее публикации серьезно подрывают норманистские позиции и научный авторитет многих статусных лиц в официальной среде, что приводит к ожесточенной дискуссии вокруг сделанных ею выводов и яростным, отнюдь не академическим нападкам на историка-патриота.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0415-6

© Грот Л. П., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Вступление

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Известно, что более полутора десятков лет Правительство России, представители политических партий и различных общественных организаций, центральные научные центры заняты обсуждением и разработкой национальной идеи и других консолидирующих культурно-ценностных принципов, способных дать российскому обществу понятие общероссийской идентичности. Но пока цельной и убедительной концептуальной системы по данной проблеме так и не сложилось.

К решению задачи по формулированию национальной идеи призвал в свое время Б.Н. Ельцин, в результате чего с середины 90-х годов началось широкое обсуждение сущности национальной идеи в самых различных формах: на конференциях, на базе различных общественных форумов, в рамках исследовательских проектов и пр. Одновременно проявился и скепсис: дескать, обществу, занятому борьбой за выживание, поиски национальной идеи безразличны.

Однако серьезный интерес российских руководителей к проблеме консолидирующей системы ценностей продолжал оставаться и при президенте В.В. Путине. Об этом свидетельствует нашумевшая публикация одного из номеров еженедельника «Версия» за 2002 год, в которой рассказывалось о том, что президент Путин собрал на неофициальную встречу в Кремле ученых-историков и почти полтора часа потратил на беседу с ними. Ученых, как сообщает еженедельник, призывали для того, чтобы наметить основные вехи отечественной истории и на этой базе сформулировать национальную идею.

Одним из вопросов президента России был вопрос о том, возможно ли, опираясь на опыт русской государственности, выработать национальную идею? Но этот вопрос остался без ответа. «Никто этого не знает, — признался академик В.Л. Янин, — и мы этого не знаем». Далее, согласно статье в «Версии», следовали рассуждения в том духе, что в России сейчас доминирует мироощущение, которое наводит только на идеи о хлебе насущном.

К концу первого десятилетия, как можно было заметить, накал дискуссий по проблеме национальной идеи стал остывать, однако декабрьские межэтнические волнения 2010 года резко поставили государство и общество России перед фактом того, что серьезная работа по выработке общероссийских консолидирующих идей — это насущная необходимость для страны. 11 февраля 2011 года в Уфе состоялось заседание Государственного совета, на котором обсуждались вопросы межнационального и межконфессионального согласия, а также — развития национальных культур. Научная общественность откликнулась рядом дискуссий, одной из которых стал «круглый стол» Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН в Институте социологии РАН, проведенный 14 марта 2011 года.

Материалы данных мероприятий показали, что обсуждения проводились на высоком профессиональном уровне, содержали множество глубоких мыслей, показали искреннюю заинтересованность всех участников найти действенные решения для назревших проблем. Но обнаружили они также и одну интересную особенность, на которую хотелось бы обратить внимание. При перечислении того, какой опыт уже существует в мире для решения проблем межнационального и межконфессионального сосуществования, политики и ученые называли опыт советский, американский и канадский, французский и английский, но ни разу не прозвучали призывы изучить опыт российский (имеется в виду российский опыт до 1917 года), хотя во многих выступлениях подчеркивалось, что Россия — изначально страна полиэтничная.

Таким образом, как российские политики, так и российские ученые при рассмотрении проблематики межэтнических отношений готовы сосредоточиться либо на иностран-

ном опыте, возникшем в условиях, несхожих с российскими, либо на советском опыте, просуществовавшем 73 года и закончившемся взрывом яростного национализма, и закрывают глаза на опыт наших предков, благодаря которому уникальный феномен российской полиэтничности родился и существовал в течение множества веков. Сам по себе этот факт можно расценить только одним образом: как фактически негативное отношение к тысячелетнему опыту отечественной истории. Факт этот усугубляется еще и тем, что в современной российской науке отсутствует до сих пор концепция национальной истории как единая система от ее истоков до наших дней, в силу чего российская история оказывается лишенной собственных корней.

Но тогда ответ на вопрос, почему национальная идея в руки не дается, напрашивается сам собой, ибо связь этой проблемы с историей очевидна. Национальная идея — это детище национальной истории и плод национальной культуры, которые вырастают из жизненного опыта всех предшествующих поколений наших предков как синтез того, что создано их руками и мыслью. А россияне вышли из распавшегося СССР, как уже было сказано, без цельной концепции своей национальной истории.

В предлагаемых ниже статьях мне хотелось бы на исторических примерах показать, какое значение для выхода общества из духовного кризиса имеет позитивное восприятие национальной истории, и, соответственно, продемонстрировать связь национальной истории с национальными интересами и национальной идеей.

Лидия Грот, кандидат исторических наук

Часть 1

КАКИМ БЫВАЕТ «СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ»

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ КАК ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ

Понимание необходимости изображать прошлое своей страны и народа в сугубо позитивном ракурсе с целью создания здоровой историософии и искренней веры, необходимых для морального здоровья нации, уходит своими истоками к началу эпохи, которая получила название эпохи Возрождения.

В числе характеристик этой эпохи принято называть усиленное развитие товарно-денежных отношений, появление ранней буржуазии и соответствующее этим социально-экономическим переменам изменение общественного сознания. Лейтмотивом Возрождения называется гуманизм, под которым понимается интеллектуальное движение, направленное на «признание самодовлеющей значимости, неуязвимого достоинства человека, всего богатства творческих проявлений индивида в качестве высшего жизненного блага». Под покровом этих обобщающих описаний почти всегда скрывались конкретные действия конкретных людей, которые привели в действие процесс, вызвавший «переформатирование». Итак, конкретное место и время действия известны — это Италия XIV—XV веков.

Первыми гуманистами называют прославленных писателей Ф. Петрарку (1304—1374) и Дж. Боккаччо (1313—1375) — эти великие итальянцы были зачинателями среди тех, кто стал обращаться к изучению античности и стремиться в наследии античных авторов найти идеалы, нужные для их современников.

«С наибольшим рвением предавался я изучению древности, ибо время, в которое я жил, было мне всегда так не по душе», — писал Петрарка. Чем было вызвана устремленность в древнюю историю своей страны? Поиски ответа на этот вопрос приводят к некоторым корректировкам в общем мажорном ладе, доминирующем в создании образа эпохи Возрождения. Дело в том, что первая страна Возрождения — Италия в XIV—XV вв. представляла собой жалкую картину политического разлада и общественной деморализации при интенсивном экономическом и культурном развитии.

Вот что мы видим, например, в очерке о жизни Савонаролы:

«Во всей Италии было полное отсутствие общего национального духа, и даже само слово «Италия», не исчезнувшее из народного языка, в действительности не представляло никакого определенного понятия. Стремление к разрозненности не ограничивалось нескончаемыми спорами с близкими или дальними соседями... Постоянное желание захватывать в свои руки власть возбуждало отдельные партии к взаимной вражде... Одерживая верх, победители пускали в ход кровавую расправу... Резня шла открытая и тайная, убивали на улицах среди бела дня и предательски, из-за угла. ...Тицеславие побуждало отдельных правителей щегольнуть перед врагами не только внешним могуществом, но и развитием в своих областях наук и искусств, которые были доведены в Италии до процветания, неизвестного в остальной Европе... Сами преемники св. Петра на папском престоле больше врагов христианства и католичества способствовали умалению значения папства... Никогда так низко не падал авторитет папской власти, как в пятнадцатом веке, хотя еще предательства и алчность папы Павла II (...) набросили достаточную тень на папство. Он сам мучил римских академиков, заподозренных в уважении к учениям Платона, и один из них даже умер от пытки в его руках.

...За Павлом II явился Сикст IV, и весь Рим стал указывать пальцами на кардиналов, продавших в священной коллегии свои голоса за его выбор. ...Дальнейший его путь был путем невообразимого разврата, алчного добывания

денег всеми средствами и бешеной траты этих денег. ...Его кондотьеры заливали кровью Италию. ...Дело дошло до того, что в Риме насчитывалось по двести убийств в две недели. ...Ни одного дня не проходило в Риме без мелких убийств, так как за деньги убийцы оставались безнаказанными. «Бог не желает смерти грешников, — глумились папские прислужники, — а пусть они платят и живут». ...После смерти Иннокентия VIII для занятия вакантного престола нашелся Родриго Борджа, подкупивший пятнадцать кардиналов из двадцати избирателей и удостоившийся избрания под именем Александра VI. Он превзошел всех своих предшественников не только разгулом, предательством и убийствами, но и полным индифферентизмом в делах веры, когда эти дела не сулили ему каких-либо выгод.

Не лучше были в это время и светские власти Италии — размеры их жестокости видны из многих примеров. Один из миланских правителей Галеаццо Сфорца расправлялся с виновными, приказывая зарывать их в землю по горло и кормить их нечистотами. При деморализованных правителях трудно было остаться нравственным обществом. Итальянские правители этого не понимали, бессознательно развращали народ и сами подрывали уважение к власти, подкапывая фундамент созданного ими же здания. О флорентийцах того времени, например, говорилось: «... Погрязшие в разгуле, они предавались бессменным оргиям. Они были запятнаны всякими предательствами, всякими преступлениями. Бессилие закона и отсутствие справедливости обеспечивали им полную безнаказанность. ...Они исполняли все медленно, лениво и беспорядочно, так как лень и низость были правилами их жизни». Эти слова можно было бы отнести к любому итальянскому городу того времени».

Сходную картину находим у известного российского историка и философа А.Ф. Лосева, который отмечал, что всякого рода разгул страстей, своеволия и распущенности достиг в возрожденческой Италии невероятных размеров. Священнослужители содержали мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома. Тогдашние писатели сравнивали монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами. Распущенностью и развратом прославились многие

известные лица — князья, купцы, церковные деятели, в том числе и занимавшие папский престол. Центр культурной жизни Италии — Флоренция — раздиралась борьбой партий. Казни, убийства, пытки, заговоры являлись здесь нормой. А.Ф. Лосев охарактеризовал все это как «обратную сторону титанизма», из чего следует, что обрисованное падение нравов воспринималось им как прямое следствие гуманистических идей, основу которых составляла установка на индивидуалистическое самоутверждение личности. Именно такая трактовка и закрепилась в научной литературе.

Как бы то ни было, низкие нравы, бесчинства толпы, коррумпированность властей открывают эпоху гуманизма в Италии. Не случайно Петрарка заметил, что ему было не по душе время, в которое он жил. Но язва низких нравов точила Италию и до времени Петрарки. Старший современник Петрарки, великий автор «Божественной комедии» Данте Алигьери (1265—1321) был также изгнан из Флоренции, как и отец Петрарки, в силу политических козней и интриг. Флоренция и при жизни Данте была раздираема непрекращающейся борьбой за власть, жадной богатства, кровавыми казнями.

Папы из личного честолюбия беспрерывно призывали в Италию чужеземцев — английских, немецких, швейцарских или французских наемников — и затевали новые войны, сменяли правителей, осыпали богатствами и почестями своих сородичей. Раздоры возбуждались и городами, выступавшими против того или другого правящего дома, кондотьеры-наемники заливали кровью то одну, то другую часть Италии. Иногда на папском престоле оказывалось несколько пап, а в XIV в. папский престол на несколько десятилетий вообще покинул Италию.

Но все эти безобразия политического развития не выливались в экономическую разруху и оскудение жизни, поскольку приток богатств в Италию в средневековый и ренессансный периоды превышал их поглощение во время войн и других бедствий. Магистральные торговые пути шли через Византию и итальянские города, которые пользовались преимуществами от торговли с Востоком и с Причерноморьем: золото стекалось сюда со всех концов известного в то время

мира. Грабительские крестовые походы были дополнительным источником притекающего «золотого руна» из других стран. Тщеславие правителей и городов придавало ускорение торговому обороту, непрекращающиеся заказы на предметы роскоши стимулировали развитие ремесел и искусств, в силу чего общество не прозябало в нищете и убогости.

Однако, как явствует из взглядов Петрарки и Боккаччо, состояние нравов итальянского общества вызывало беспокойство его интеллектуальных представителей. Жизнь в постоянном хмельном угаре греховного праздника губительно сказывалась на нравственном здоровье народа. Общество разлагалось, захваченное алчным добыванием денег и бешеной тратой этих денег.

При жизни Петрарки и Боккаччо Рим утратил свое первенство как религиозный центр — папы покинули его и обосновались в Авиньоне. Именно на этом фоне в творчестве Петрарки и Боккаччо, их младших современников Колуччо Салютати (1331—1406) и Леонардо Бруни (1370—1444) получило развитие то направление итальянской общественной мысли, которое в дальнейшем стало называться гуманистическим от латинского обозначения программы гуманитарных наук *studia humanitatis*.

Таким образом, беспокойство за судьбы своего народа и страны, прежде всего осознанное представителями образованных кругов итальянского общества, оказывается тем субъективным фактором, который породил течение гуманизма. Итальянскому обществу не хватало объединяющей идеи, которая могла бы дать людям понимание общей цели, сплотить вокруг высоких идеалов и сделать из них жизнедеятельную нацию, способную защитить себя, если придет такое время, а не погибнуть как скот вокруг опустевшей кормушки. Выбор таких объединяющих идей был невелик. Идея «светлого будущего» в образах райского блаженства была прерогативой церкви. Поэтому незанятой оставалась только «идея «светлого прошлого», и два великих итальянца Петрарка и Боккаччо начинают возрождать перед взорами своих соотечественников величественные картины античности, которые в их восприятии были картинами истории предков итальянцев. Данная мысль не вполне совпадает

с привычной нам социально-классовой трактовкой возникновения гуманизма как феномена, развившегося на фоне «ломки феодальных и возникновения раннекапиталистических отношений, усиления авторитета буржуазных прослоек общества».

Повышенный интерес к античной культуре у итальянских гуманистов был не чем иным, как интересом к историческому прошлому своего народа. И именно его стремился возродить Петрарка в своем сочинении «О славных мужах» (жизнеописание великих политических деятелей от Ромула до Цезаря, а также их исторических соперников), а также Боккаччо в его монументальном трактате по древнеримской мифологии «Генеалогия богов». Смысл?

Логичным может быть только одно объяснение: использовать позитивное изображение исторического прошлого как светоч для объединения соотечественников в обстановке деморализации общества. Это много позднее античность станет рассматриваться как общеевропейское достояние, а для Петрарки и Боккаччо древнеримская античность была историческим прошлым итальянцев. Исходя из тогдашней картины жизни общества в итальянских городах, можно понять и «антропоморфизм» гуманизма: для спасения разлагающегося общества необходимо было встряхнуть человека, показать, что он — существо с великим внутренним потенциалом и безграничными возможностями к совершенствованию, что его предназначение — служение высшим целям и общему благу.

Это было началом грандиозного реформативного сознания, которое позже охватило всю Европу.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

В духовной жизни общества религиозному учению должна обязательно сопутствовать светская идейная система. Вот ее-то, как видно, и пытались отыскать Петрарка и Боккаччо, а потом их последователи, предложив новый тип гуманитар-

ного образования. Ядром новой образованности была сделана история собственной страны, ее великое прошлое, на прославлении славных картин которого следовало начать воспитывать общество.

Безусловно, генераторами новых идей в Италии выступили представители творческих интеллектуальных кругов, но утверждение и распространение их в итальянском обществе (а позднее и в других западноевропейских странах) происходило при активном участии и содействии итальянской политической верхушки, как светской, так и церковной. В этом смысле сложившийся в науке классический образ ренессансного гуманиста, как «свободного художника», на досуге предающегося вольным размышлениям на высокие темы и избегающего тянуть лямку службы, расходится с биографией многих реальных личностей. Решающую роль в итальянском общественно-научном переформатировании сыграли именно политические деятели.

Одним из первых, кто облек эти идеи в форму политических сочинений, был Колюччо Салютати, флорентийский политик, поклонник Петрарки и друг Боккаччо. В 1375—1405 гг. он был канцлером Флорентийской республики, т.е. главой ее государственного органа управления, и держал в своих руках нити внутренней и внешней политики. Естественно, он располагал реальными возможностями создавать условия для организованного внедрения в обществе воззрений, которые должны были оказать благотворное влияние на сограждан. Его собственный дом стал своеобразной школой для молодежи, из числа которых вышли многие крупные политические деятели.

В трактатах и письмах Салютати красной нитью проходит мысль о том, что человек должен служить на благо своего общества и государства и что только это возвышает человека. Таким образом, он чутьем политика прозрел в поэтико-философских произведениях Петрарки и Боккаччо социально-оздоровительное содержание, которое следовало использовать в гражданственно-воспитательных целях для приостановки деморализации флорентийского общества.

Эту же линию проводил флорентийский политический деятель следующего поколения Леонардо Бруни (1370—1444), один из тех, кто был выпестован в кружке молодежи, собиравшемся в доме Салютати. Леонардо Бруни начал свою карьеру как секретарь папской курии, а в зрелые годы занял пост канцлера Флорентийской республики. И у него мы видим прагматическое преломление идеи возрождения античного наследия для воспитания гражданственности у соотечественников. Именно с его именем связано оформление новой системы гуманистического знания *studia humanitatis* — он впервые и использовал этот латинский термин, от которого пошло обозначение всего интеллектуального движения эпохи Возрождения как гуманизм.

Но Бруни не был бы политиком, если бы ограничился только реформой системы образования. Для него цель новой системы заключалась в том, чтобы поставить ее на службу воспитания граждан и подготовки их к политической жизни. Освоение античной философии молодыми итальянцами, согласно Бруни, должно было сочетаться с изучением творчества итальянских поэтов и мыслителей — Данте, Петрарки, Боккаччо, Салютати. Только такое комплексное образование могло, по мнению Бруни, подготовить подрастающие поколения для служения обществу.

Мысль, заслуживающая самого пристального внимания. Религиозное воспитание создавало чувство причастности к общеконфессиональному, интернациональному. Однако для полноценного развития обществу необходимо и чувство национального. Вот эту непрерывность традиции национального и представил Бруни своим соотечественникам: у итальянцев было великое прошлое — античность, но значит есть и великое настоящее, ради чего стоит жить и творить.

На мой взгляд, в работах ренессансоведов не была до сих пор вычленена эта целенаправленная работа итальянских политиков по выработке национальной светской идеологии, с помощью которой, вкупе с идеологией сакральной — христианством, они стремились создать здоровую духовную культуру для жизнедеятельности своего общества. И именно данная часть гуманизма оказалась самой жизнеспособной.

ГОТИЦИЗМ, или ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ГУМАНИЗМА

Общеизвестно, что многие великие идеи эпохи Возрождения потерпели фактическое крушение в XVI—XVII веках: были погублены в процессах инквизиционных трибуналов, возрожденных с конца XV в., вымерли в ужасах и страданиях Великой крестьянской войны в Германии (1524—1526), потонули в крови религиозных войн во Франции, венцом которых стала Варфоломеевская ночь, развены в сражениях Тридцатилетней войны (1618—1648), раздавлены в Англии деспотией Генриха VIII, при власти которого, по выражению Томаса Мора, «овцы съели людей», а виселицы по дорогам стали непременным условием английского ландшафта.

Уже при жизни первых гуманистов было очевидно расхождение их возвышенных идеалов и реальной жизни западноевропейских обществ, т.е. идеи свободы оставались чаще всего только блестками в сплаве красноречия, если использовать характеристику известного ренессансоведа П.О. Кристеллера.

В «Истории флорентийского народа» Бруни трезво оценивал ситуацию в столь прославляемой им Флоренции: «Поверьте мне, мы подавлены уже давно и сносим в действительности постыдное рабство при сохранении пустого имени прекрасной свободы».

Но идею итальянских гуманистов о воспитании общества на основе прославления славного прошлого его предков ждала иная судьба. Неустанная и длительная работа итальянских политиков, представителей купечества и аристократии, поэтов, мыслителей, художников по внедрению в сознание флорентийцев, венецианцев, римлян мысли о том, что их всех объединяет единое великое прошлое, увенчалась успехом. Мысль о том, что античность — это то прошлое, которым всем итальянцам надо гордиться и осознавать себя его неотъемлемой частью, сделалась стержнем, вокруг которого стало концентрироваться идейное развитие итальянского общества и который стал важнейшим фактором в процессе формирования итальянской нации.

Однако отношение итальянского гуманизма с историей имело две стороны. Одна — лицевая, которая была представлена выше и которая заключала в себе идею прославления своего исторического прошлого, а другая являла собой обратную сторону итальянского гуманизма, или *eine Kehrseite*, по определению шведского историка Свеннунга. Она сложилась как феномен, который в литературе получил наименование **антиготская пропаганда**.

Дело в том, что в деятельности итальянских гуманистов, параллельно с возвеличиванием своего славного прошлого, набрало силу очернение исторического прошлого своих соседей — североевропейских народов — в форме поругания готского начала, как разрушителя великой античной культуры Рима. О готском периоде как «темных веках» писал и Петрарка, и его окружение. Эта мысль получила последовательное развитие в трудах итальянских политиков, занимавшихся историей.

Данный исторический подход утвердился и присутствовал как общепринятый и классический у политического деятеля и историка следующего поколения, знаменитого Никколо Макиавелли. Его «История Флоренции» уже привычно начиналась с разрушения Римской империи вестготами и другими народами, «жившими севернее Рейна и Дуная». Тысячелетие, последовавшее за этими событиями, характеризуется им как время бедствий. «Готское» сделалось синонимом «варварского».

Исследователь проблемы «готики» в историографии Йозеф Хаслаг отмечал, что итальянский гуманизм прочно связывал имя готов с крушением Римской империи и с уничтожением культуры и науки. Готы представлялись как передовой отряд варваров, который был не только разрушителем культуры, но и началом, враждебным всяческой культуре. О них писали, что они положили начало темному, варварскому периоду в истории Европы. Готы увязывались в единый исторический контекст с понятием «Средние века», также созданным Ренессансом. В качестве горячих проводников этой идеи Хаслаг называет, помимо Н.Макиавелли, итальянского политика и историка Донато Джанотти. В его труде «*Libro de la republica de Vinitiani*» красной нитью про-

водилась мысль о готах как разрушителях Рима и о готском периоде как нашествии варваров.

Филология кватроченто рассматривала готов не только как разрушителей римской культуры вообще, но на них возлагалась ответственность за падение уровня латинского языка в Средневековье и за плохую сохранность древних рукописей монахами. Хаслаг называет крупного итальянского гуманиста Лоренцо Валла, который в своем прославленном сочинении «О красотах латинского языка» («Elegantium Libri Sex») писал, что борьба за чистоту латинского языка — это преодоление его дегенерации, обусловленной готским влиянием. Антиготский настрой итальянского гуманизма не миновал и готской традиции в архитектуре. Согласно Свенунгу, представители итальянского ренессанса с глубоким презрением отзывались о позднесредневековой архитектуре Италии, связывая ее с готами, и всячески восхваляли и любовались античными, «классическими» архитектурными формами.

Эти «антиготские» идеи, как сказано выше, достигли кульминации своего развития к XVI веку и пронизывали все творчество итальянских гуманистов от исторических до литературно-поэтических сочинений. Антиготская пропаганда, сложившись в устойчивую историографическую традицию итальянского гуманизма, задевала человеческое достоинство многих европейских народов. Но больше всего мишенью антиготских нападок итальянских гуманистов осознавало себя немецкоязычное население Священной Римской империи, т.е. население Германии, а также ощущавшие свое родство с ним представители образованных слоев скандинавских стран. В Германии постепенно получило развитие негативное отношение ко всему итальянскому или римскому.

Эта реакция на идеи итальянского Возрождения в германских городах начала проявляться на рубеже XV—XVI вв., вкупе с протестом против католической церкви, вылившемся в идейно-политическое движение Реформации XVI века. Главной мыслью первых немецких реформаторов, которых традиционно называют также и гуманистами, был призыв к борьбе против чужеземного ига, под которым понималась власть римско-католической церкви. Их призывы освободо-

даться от «папской тирании» пронизывала истинно ядовитая злоба, направленная против Рима.

Ульрих фон Гуттен, один из первых гуманистов Германии, писал: *«Решительно покончим с папской тиранией... Я готов смириться со смертью, но не с жалким рабством».*

Итак, те же призывы к свободе, как и у итальянских гуманистов, но острие их было нацелено против Рима, а не устремлено к возрождению величия Вечного города, за что ратовали итальянские гуманисты. Получается так, что гуманизм распространялся в Западной Европе не как единое течение, а как ряд противоборствующих течений.

Но, может, в немецких городах было меньше свобод и денег, чем в итальянских городах, отсюда и призывы немецких гуманистов свергнуть папскую тиранию? Вовсе нет. Немецкие города были издавна объединены в союзы: Ганза, союз Рейнских городов, союз швабских городов, которые успешно защищали свои права, вольности и возможность вести прибыльную торговлю. Даже «чистотой» нравов жизнь в немецких городах была схожа с итальянской жизнью. Т.Н. Грановский писал об этом периоде: *«Каждый из значительных городов Германии имел свои страшные революции, в которых гибли лучшие граждане. Можно привести тому много примеров; уже в летописи города Роттенбурга видно, что с 1300 по 1450 г. этот город каждый год вел, по крайней мере, одну войну, иногда три, потом это не изменялось до конца XV столетия; иногда бывало даже хуже, как в 1500 г.: город Нюрнберг окружен был со всех сторон хищными рыцарями, грабившими купцов городских; горожане его прославились счастливыми экспедициями против рыцарей: без суда вешали они на своих городских башнях всех попавшихся им в плен рыцарей. К началу XVI столетия относится один любопытный памятник: записки рыцаря Гетца von Berlichingen. Он описывает сам свои подвиги, большей частью заключающиеся в разбоях на большой дороге, ограблении купцов, нападении врасплох на города. «Раз утром, — говорит он, — выехал я один в поле и подождал обоз; передо мной пробежала стая голодных волков; бог помочь, добрые товарищи, — сказал я им. — Вы отправляетесь за тем же, как и я; и это показалось мне счастливым предзнаменованием».*

В этой общественной среде, схожей с итальянской разлагающим отсутствием консолидирующей идеи, с конца XV — начала XVI вв. стало складываться особое интеллектуальное и идейно-политическое движение протеста — готицизм. Его сторонники стремились возродить и показать великое историческое прошлое древнего народа готов, прямыми предками которого считали себя народы Германии и скандинавских стран, что породило со временем умозрительное тождество готского и германского. Как видим, и в этих странах стремление спасти человеческое достоинство общества пробудило интерес к родной истории, но кроме того и приняло форму защиты своего исторического прошлого от нападок иноземных клеветников.

Характеризуя эту ответную реакцию, Свеннунг отмечал, что ревностное изучение античных авторов, благодаря которому итальянцы открыли миру величие древнеримской империи, уничтоженной германцами, в немецкой среде вылилось в не менее ревностное изучение немецких источников или источников, с помощью которых можно было бы ослабить или полностью опровергнуть обвинения итальянских гуманистов. В этой обстановке европейскому миру были заново открыты сочинения древнеримского историка Тацита, в частности его «Германия», и готского историка Иордана.

Одним из первых исторических произведений, возвеличивших германскую древность, стало произведение Франциска Иреника под названием «*Germaniae exegesis*», появившееся в 1518 году. В нем автор прославлял высокие моральные качества, отличающие германские народы: братскую любовь друг к другу, геройский дух — создатель сильных держав в Европе, вечное преклонение перед мудростью и справедливостью, постижение христианского учения ранее других народов. В силу этого германцы провозглашались законными наследниками Римской империи. По замечанию шведского историка Курта Юханнессона, Иреником были сформулированы идеи, заложившие основы западноевропейского историописания, сохранившие свое влияние до наших дней.

Я бы несколько скорректировала эти слова и сказала, что Иреник заложил основы готицизма, которые стали становым хребтом значительной части западноевро-

пейской историографии, пронесшим через века мысль о германских завоеваниях как причине возникновения государственности в Европе. Интересно, что Иреник обсуждал план своего труда с другими немецкими историками и по требованию Виллибальда Пиркхеймера, которого шведский историк Юханнессон назвал Нестором немецких гуманистов, включил готов в число германских народов, что и оформило идею тождества готского и германского, столь привычную нам.

Возникнув в нездоровой обстановке несправедливых обвинений и предъявления абсурдных исторических «счетов», готицизм изначально был обречен сделаться рассадником исторических мифов и утопических взглядов, во что он на самом деле и воплотился.

В завершение этого краткого обзора необходимо отметить, что исторические препирательства между представителями итальянской гуманистической историографии и сторонниками готицизма стали фоном для еще одного идейного противостояния в Западной Европе, а именно, славяно-германского.

Для представителей готицизма стремление защитить историческое прошлое германских народов от критики итальянских гуманистов вылилось в упорное желание отыскать объект, на который можно было бы, в свою очередь, перенести обвинения в варварстве, темноте, неспособности к цивилизованному развитию. Такой объект был отождествлен со славянскими народами. Сам по себе этот спор — целиком и полностью порождение западноевропейской идейной традиции, перенесенной в Россию в XVIII веке Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером, А.Л. Шлецером, а также другими представителями западноевропейской общественной мысли, вместе с набором представлений, известных в науке под названием **норманнская теория**.

XVIII век стал тем временем, когда многие из западноевропейских историографических представлений, сложившихся в течение предыдущих столетий, стали достоянием российской общественной мысли и начали влиять на развитие российской исторической науки.

О ШВЕДСКОМ ГОТИЦИЗМЕ И РУДБЕКИАНИЗМЕ КАК ИЗЛОЖНИЦАХ НОРМАННИЗМА

XVI в. был во многом переломным периодом в развитии историографии многих стран Западной Европы. В это время в Европе интенсивно развивался процесс накопления исторических знаний друг о друге: извлекались из библиотек забытые источники, фиксировалась устная традиция, шел отбор материала о наиболее существенных исторических событиях европейской истории. Но параллельно в западноевропейской историографии нарастала и другая тенденция — тенденция мифологизирования исторического прошлого своих народов, где наиболее активную роль сыграли представители готицизма.

Представители немецкого готицизма создали конструктив тождества *готского* и *германского*. Кроме того, Пиркхеймер предложил упомянуть и шведов как один из народов «на германских островах»¹, что было естественно, поскольку юг Швеции стал мыслиться как прародина готов. Таким образом, тождественность германского и шведского, сиречь скандинавского, которым с такой легкостью оперируют современные норманнисты, является не естественным результатом исторического развития, а — рукотворным произведением ученой среды Германии XVI века.

Включение Швеции как прародины готов в искусственный гото-германский историографический симбиоз вдохновило шведских историков и литераторов XVI в. на создание исторических произведений, бравурно прославлявших воображаемое величие древнешведской истории. Шведский историк Нордстрем отмечал, что романтика готицизма была формой национального самоутверждения в условиях римско-католической культурной гегемонии. Римское и готическое провозглашались итальянскими гуманистами как антиподы, соотношение между которыми было равнозначно соотношению понятий «культура» и «варварство». «Потом-

---

¹ Johannesson K. *Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker*. Stockholm, 1982. S. 118.

ки римлян, — писал Нордстрем, — они не забыли чужеземное владычество в Италии выходцев с Севера, поэтому «готское» стало для них ненавистным эпитетом всего, что было чуждым их латинскому классицизму. Но уже в ранний период поднимается в нас чувство патриотизма против изысканного отвращения гуманистов к готскому имени... И тон здесь был задан Юханнесом Магнусом»¹.

По единодушному мнению шведских историков, И.Магнус (1488—1544) был самой крупной фигурой шведского готицизма. Большую часть своей жизни И.Магнус провел за пределами Швеции, в европейских центрах гуманизма, где ревностно стремился отстаивать идею древности Швеции и ее особую миссию. И. Магнус с юности посвятил себя духовной карьере и в 1517 г. как полномочный шведский легат был направлен в Рим, где сразу же оказался вовлеченным в водоворот идейного противоборства, царившего в Италии. В 1517 г. вышел труд польского историка М.Меховского «Трактат о двух Сарматиях», где автор, согласно с античной традицией, упоминал и готов как народ, живший у Черного моря и в Малой Азии, откуда они и начали завоевания и миграции. И.Магнус сразу же отреагировал письмом протеста Меховскому, поскольку усмотрел в его работе посягание на идею происхождения готов из Швеции.

Меховский опубликовал письмо Магнуса вместе со своим язвительным ответом на него, где написал, что для него очевидно, что его молодой друг начался рассказов старинных писателей о густонаселенном острове *Скандия*. Но почему он верит им более, чем своим собственным впечатлениям? По дороге в Рим он мог осознать, насколько мал и беден Скандинавский полуостров. Как же он или другие представители готицизма смогут когда-нибудь доказать, что вестготы и остготы вышли с нынешнего Скандинавского полуострова, из тех его двух областей, которые носят созвучные названия, хотя нет ни одного датского, шведского или готского источника того периода.

Уничижительный ответ Меховского послужил, возможно, решающим толчком, под воздействием которого И.Маг-

---

¹ Nordström J. De yverbornes ö. Sextonhundredtalsstudier. Stockholm, 1934. S. 98.

нус обратился к написанию шведской истории, или истории о конунгах готов и свеев в духе готицизма. Главными источниками для него стали его шведский предшественник Эрик Олай (ум.1486), прославлявший остров Скандию как прародину готов, завоевавших Рим, и немецкий историк и теолог Кранц, также популяризовавший сведения из сочинения готского историка Йордана. Над своим произведением И.Магнус работал до самой смерти в 1544 г., хотя его первый вариант был завершен уже в 1540 году. Опубликовано оно было братом И.Магнуса, Олафом Магнусом, под названием «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*» в 1554 г. в Риме, в типографии приюта Святой Биргитты (1303—1373), известной шведской религиозной деятельницы, скончавшейся в Риме и причисленной католической церковью к лику святых. После этого труд И. Магнуса издавался в Базеле в 1558 г., в Кёльне в 1567 г. и стал постепенно одним из наиболее популярных сочинений. Современник Магнуса, датский профессор Ханс Мюнстер с неудовольствием писал в 1559 г. из Лондона, что история о королях готов и свеев раскупается в Лондоне нарасхват, и вместе с этим распространяются среди доверчивых иностранцев беспочвенные вымыслы «великого Гота» (т.е. И. Магнуса), что датскому королю тоже следует найти автора, способного создать подобный труд о Дании¹.

Важно учитывать, что готицизм, зародившись как движение идейного протеста и стремления отстоять достоинство исторических судеб германоязычных народов, с самого начала развивался при активной поддержке правителей этих стран. Так, идеи готицизма крайне интересовали шведских правителей периода Кальмарской унии (уния между Данией, Швецией и Норвегией, существовавшая с перерывами с 1389 г. по 1520-е гг.), поскольку в них усматривалась возможность для культурно-идеологического обоснования стремления шведской знати разорвать Кальмарскую унию и восстановить суверенитет шведской короны. Отыскание и подбор аргументов, которые доказывали бы первенство и особое положение Швеции в реконструируемой древней

---

¹ Johannesson K. Op.cit. S. 103

истории готов, становились насущной политической задачей. В силу этого небезосновательно предположение о том, что именно по инициативе шведского короля Карла Кнутсона (1409—1470) писал шведский историк Эрик Олай свою историю Швеции на латыни под названием «*Chronica regni Gothorum*», обращая тем самым к ученым кругам всей Европы и придав ей форму хроники готских королей, где исходным пунктом был мотив о готах — выходцах с острова Скандии, взятый у Иордана. Скандия у Эрика Олая безусловно отождествлялась со Швецией. Карл Кнутссон был активным противником королей унии — Кристофера Баварского (1441—1448) и датского Кристиана I (1457—1464). Для осуществления своих политических амбиций он нуждался в исторической доктрине, обосновывавшей превосходство Швеции среди других скандинавских стран. Героическое прошлое готов как прямых предков королей Швеции и как прамбулы к панораме шведской истории было созвучно его целям. При поддержке королевской власти идея Швеции как прародины готов быстро укоренилась в шведской историографии и получила дальнейшее развитие в последующие годы, в частности, при дворе правителя Швеции Стена Стюре Младшего (1512—1520), который также видел в готицизме идеи, полезные для обоснования легитимности независимости шведской королевской власти. И.Магнус был посланцем Стена Стюре в Риме, и отсюда понятна его горячая увлеченность готицизмом, а также та запальчивость, с которой он опровергал Меховского, критиковавшего мысль о Швеции как прародине готов. В качестве посланца шведского правителя И.Магнус отстаивал официальную линию шведского двора. При короле Густаве Вазе (1521—1560) идея готского происхождения шведских королей стала официальной догмой. Историческая версия И.Магнуса, связывавшая династию Ваза с героическим прошлым древних готов, ласкала воображение представителей этой династии. Труд И.Магнуса сделался официальной историей Швеции вплоть до XVIII в. При Густаве Вазе он рассматривался и как актуальная политическая идеология, в силу чего все историки, ставившие под сомнение основополагающую для готицизма идею отождествления Швеции с прародиной готов, риско-

вали жизнью. Так случилось, например, с современником И. Магнуса, историком и реформатором шведской церкви Олафом Петри (1493—1552), приговоренным к смертной казни за свою «Шведскую хронику», в которой он раскритиковал идею Швеции как прародины готам. И объяснить это несложно. Ведь совсем недавно — в 1523 г. — Густав Ваза принял в свое управление страну, разоренную и залитую кровью в бесчисленных сражениях и битвах между представителями шведской знати и королями Кальмарской унии — выходцами из Дании, Поморско-Мекленбургского дома или Баварии. Первый период его правления был отмечен рядом крупных восстаний в разных областях Швеции, что было реакцией на ужесточенную налоговую политику, а также на религиозную реформу и введение лютеранства вместо католицизма. Для объединения растерзанной страны в функционирующий организм Густаву Вазе, как воздух, нужна была соответствующая идеология, основанная на национальной идее, способной объединить страну. Мысль о том, что объединяющая национальная идея — это детище национальной истории, представленной картинами славного прошлого народа, уже более полутора столетия осваивалась западноевропейским гуманизмом. Попытки приписать историю древнего народа готам как пролог к шведской истории предпринимались еще при предшественниках Густава Вазы и уже тогда использовались в обоснование особых политических амбиций шведских правителей, что приходилось под стать общему духу развития в немецкоязычных странах.

Обнаруженная Пиколломини в 1450 г. рукопись труда Иордана «Getica» была использована в 1470 г. Эриком Олафом в его вышеупомянутой латиноязычной истории готских правителей — выходцев из Скандии, в его версии — Швеции. С течением десятилетий миф готицизма рос и набирал силу. В 1515 г. рукопись Иордана была впервые опубликована немецким гуманистом Конрадом Певтингером, а в 1519 г. увидело свет первое научное издание «Германии» Тацита, подготовленное эльзасским историком Беатусом Ренанусом. Одновременно теолог и историк Кранц (ум. 1517 г.) создал свою «Датскую, шведскую и норвежскую хронику», где ее значительная часть была посвящена истории готам,

взятой из рукописи Иордана. Вот на этой базе немецкие историки Иреник, Пиркхеймер и другие как раз и стали конструировать схоластическую систему готско-германского единства, в которую были включены и шведы. Готицизм обрел свою легенду, свой концептуальный костяк. В данных обстоятельствах шведскому королю Густаву Вазе просто необходимо было представить «германскому» миру свой исторический труд, который на новом витке готицизма закрепил бы за Швецией сиятельный венец прародины готов и дал бы династии Ваза древние корни.

С интересом следил Густав Ваза за работами немецких историков. Большой интерес вызвало у него творчество авторитетного немецкого гуманиста С.Мюнстера, основной труд которого «Космография» вышел на немецком языке в 1543 г., после чего переиздавался 45 раз на шести различных языках. «Космографии» Мюнстера многие хотели придать значение продолжения традиций Тацитовой «Германии». Густав Ваза очень интересовался работой Мюнстера и передавал ему свои пожелания написать труд, который вернет готскому имени тот блеск, который озарял имя готов в трудах древних писателей. Свою «Космографию» Мюнстер посвятил Густаву Вазе. В его труде представлено множество сведений как о землях и народах Европы, так и о наиболее значительных европейских правителях и династиях. Среди прочих правителей был назван Мюнстером и древнерусский князь Рюрик, призванный в Новгород из народа вагров, или варягов, главным городом которых был Любек («... aus den Völkern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck»)¹. Никаких протестов со стороны Густава Вазы это сообщение не вызвало — миф о Рюрике из Швеции еще не был рожден. Около 1550 г. Густав Ваза обратился к герцогу Модены с просьбой сделать для него копию с портрета одного из предков шведских королей, сохранившегося в Италии. Возможно, как считает шведский историк Юханнессон, имелся в виду портрет Теодерика, Тотилы или какого-то другого остготского короля и в планах Густава Вазы было создать портретную галерею, которая, что называется,

---

¹ Münster S. *Cosmographia*. Basel, 1628. Faksimile—Druck nach dem Original von 1628. Lindau, 1978. S. 1420.

наглядно бы демонстрировала генетическую связь династии Ваза с героическим готским прошлым.

На этом фоне становится понятным, почему хроника И. Магнуса о конунгах свеев и готов была принята Густавом Вазой и его преемниками как официальная история Швеции. Труд И. Магнуса заполнял идеологическую лауну, создавшуюся в шведском обществе, приняв за историческую данность все фантомы готицизма и создав из них грандиозную феерию в качестве пролога к шведской истории. Говоря современным языком, в период правления Густава Вазы хроника Магнуса явилась политически корректным трудом, и именно поэтому она была призвана стать официальной историей Швеции и влиять на умы общества страны вплоть до XVIII века. К XVIII в. барочная пышность изображений готских подвигов стала изживать себя, на смену им стали приходиться другие идеологические концепции, и историческая мысль Швеции, сделав виток, отринула Иоанна Магнуса. Но как шутили когда-то, культ умирает, но служители остаются: часть исторического наследия И. Магнуса законсервировалась в трудах последующих поколений шведских историков и получила новое рождение под иными личинами. Приведу несколько выдержек из труда И. Магнуса, поскольку в них можно обнаружить много идей, легко узнаваемых в трудах современных норманистов.

Главным источником для И. Магнуса являлся, безусловно, готский историк Иордан. Но рассказ у Иордана об острове «Scandza» весьма скуп. Он кратко сообщает о том, как готы отплыли с острова под предводительством короля Берика (Иордан — единственный автор, который упоминает Берика), после чего достигли устья Вислы, подчинили или потеснили народы южнобалтийского побережья, а по прошествии многих лет продолжили свое движение к югу. Шведский историк Нордстрем пишет, что из нескольких строчек Иордана И. Магнус создал пространное историческое полотно в жанре свободной фантазии. Три корабля Иордана, на которых готы покинули Скандзу, разрослись у Магнуса в целую флотилию, пара слов о победе над вандалами — в насыщенные подробностями батальные сцены с демонстрацией блистательных побед готов по всему балтийскому по-

бережью от Прибалтики до Мекленбурга, с перечислением имен готских правителей, которых не знает ни один источник. Под пером И. Магнуса весь регион Балтийского моря превратился в гигантскую готскую державу, управляемую победоносными и могущественными готскими конунгами и просуществовавшую около ста лет, чтобы далее продолжить свою блистательную историю в южных землях, в Причерноморье, где готы стали выступать под именем скифов¹. Смелою рукою вводит Магнус в свое произведение хронологию, облакая ее потоками литературного сочинительства: «В год 836 после всемирного потопа Берик был единодушно избран свеями и гетами королем обоих королевств... В конце концов, было принято единодушное решение собрать войско достаточной силы для того, чтобы победить и подчинить неприятельские страны...». Следуя за готами в Причерноморье, Магнус плавно вводит в свое произведение историю скифов, свободно преподнося ее как историю шведо-готов. И вот уже под его пером предки шведов — готы выступают как завоеватели Азии, как соперники древнеегипетских фараонов. Многие известные герои древности, согласно Магнусу, были готского (читай — шведского) происхождения, но их готские имена оказались искаженными в последующем историописании. Например, по убеждению Магнуса, имя героя сказаний о Троянской войне Телефа — это искаженное греками готское имя Елефф, которое до сих пор встречается в Швеции. Но потом к нему подставили букву *t*, что сделало готское имя неузнаваемым². Однако по характеру Телеф — настоящий гот, поскольку он — мужественный и непобедимый, унаследовавший готский характер от своей матери. Таким образом, Телеф причислялся Магнусом к готским королям и возводился в прямые предки королей Швеции. Подобная методика была типична для готицизма вообще, как шведского, так и немецкого. Приведенные рассуждения Магнуса легко ассоциируются с норманистской методикой. Вспоминается, например, крупнейший российский норманист XIX М.П. Погодин, который писал о

---

¹ Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm, 1975. S. 136—140.

² Johannesson K. Op. cit. S.105—106.

гордой и страстной, «истой норманке» Рогнеде, об истинном витязе в норманнском духе Мстиславе Владимировиче или о «норманнском характере» Святослава и пр. Возникает вопрос, а что это такое есть «истинный норманнский дух» или «истинный норманнский характер» и чем он отличается от духа неистинного? Откуда это романтическое любовование вместо научной аргументации? Судя по всему, утопические образы, как живые организмы, кочуют во времени и пространстве, возрождаясь в подходящей среде.

Приведенные примеры показывают, что готицизм уже с самого начала не имел научного характера. Рожденный духом протеста против нападков итальянского гуманизма, также злоупотреблявшего использованием исторических источников в политико-идеологических целях, готицизм дал начало историческому мифотворчеству самых необъятных масштабов, когда известные источники стали препарироваться и домысливаться с безграничной фантазией в угоду схоластическим версиям. При этом вырабатывалась определенная методика. Когда не хватало собственных материалов и источников для сооружения исторической конструкции, то совершался рейд в чужую историю, материалы и источники которой объявлялись своими и начинали осваиваться для собственного историописания. В приведенном выше примере И.Магнус свободно и деловито преподносит древнегреческие источники как источники по истории древнешведских королей. Другим примером подобного рода является история тракийских и фракийских народов, называемых греками общим именем гетов. Она, как известно, использовалась уже Иорданом для реконструкции готской истории, но с еще большей свободой заимствуется эта история Магнусом для его фантазийной истории гото-шведских предков. В частности, материалы из этой истории привлекаются Магнусом для того, чтобы снять с готов обвинение итальянских гуманистов в варварстве. Магнус стремился доказать, что готские предки прославились не только воинской доблестью, но своей духовной культурой и религиозными традициями.

И в этом контексте он приводит историю прославленного Замолксиса — ученика Пифагора, ставшего объектом почитания у гето-даков. Логика Магнуса понятна: он идет

вслед за Иорданом, предложившим гетов считать готами, поэтому гето-дакийский Замолксис является для Магнуса законным персонажем готской истории и предком шведов. Имея в виду Замолксиса и его проповеди в русле пифагорейской школы о переселении душ, Магнус провозглашает: «Надежные лица засвидетельствовали, что готы много больше других народов были прославлены своей премудростью и разумением и уже на заре истории приняли от высокоученых мужей идею о бессмертии души...»¹. Мысль о Замолксисе как предке шведов получила дальнейшее развитие у шведских историков XVII века. Нордстрем приводит высказывание известного шведского историка Иоанна Мессениуса (1579—1636), который в 1614 г. назвал Замолксиса первым шведским законодателем («...primas ferme Suecogum Gothorumque Leges a Zamolxe conditas...»). Особого расцвета, по словам Нордстрема, подобные фантазии достигли в русле рудбекианизма, сохранявшего место влиятельного течения западноевропейской исторической мысли до середины XVIII века. Еще шведский поэт и литератор О.Далин (1708—1763), опубликовавший в период 1747—1761 гг. трехтомную историю Швеции, основанную на самой безудержной фантазии, причислял Замолксиса к предкам шведов. Римская история также не избежала попыток И.Магнуса «объединить» ее с готской, каковая для него была идентична шведской истории. Так, он доказывал, что римский Марс, по сведениям некоторых античных авторов, был рожден среди гетов, т.е. среди готов, и, следовательно, Марс — готского происхождения. Поэтому, согласно Магнусу, в римском Марсе следует видеть не кого иного, как Одина² (таким же образом норманнисты пытались в древнерусских Перуне и Волосе видеть скандинавских Тора и Одина, причем с такой же «научной» обоснованностью).

Взгляды Магнуса стали методологической основой для многих поколений шведских историков. Например, пастор Якоб Гислонис (ум. 1590) в кратком историческом компендиуме по мировой истории «*Chronologia seu temporum series...*», опубликованном после его смерти в 1592 г., сооб-

---

¹ Nordström J. Johannes Magnus... S. 174.

² Nordström J. De yverbornes ö. S. 101—181.

щал, что «готы, или шведы» пришли из Скифии в Скандинавию, а оттуда расселились по разным землям и назвались разными именами¹. Но даже в подобных хвалебных писаниях Гислонис ни словом не упомянул о таких шведских подвигах, как основание древнерусской княжеской династии и древнерусского государства, не названы им были и имена летописных древнерусских князей — все это выходило даже за рамки его необъятной фантазии. Идея об основоположничестве предков шведов в древнерусской истории произрастет от корня шведского готицизма позднее, в XVII в. Латвакангас, внимательно изучавший все факты упоминания русской истории в шведской историографии, отметил, что в шведских учебниках по истории, издаваемых в XVI — первой половине XVII в., собственно России никакого внимания не уделялось, разве что в рамках традиционного курса мировой истории, который преподавался, например, в Упсале или в Обо.

Также и немецкая традиция XVI—XVII вв., или шире — традиция общеевропейская, которой следовала и Швеция, в рамках своих знаний о мировой истории ничего не знала о связи Швеции с древнерусской историей. Имя русов упоминалось либо в контексте фантазий готицизма о «мировых» завоеваниях гото-шведских королей вообще, либо в трудах обобщающего характера с указаниями на генетическую связь московитов с роксоланами (Карион). Сражения против русов упоминались часто вкупе со сражениями против датчан, что наводит на мысль о существовании русов и по соседству с датчанами, на южнобалтийском побережье.

Более того, в это же время публиковались работы немецкоязычных авторов, где говорилось о варягах как населении Вагрии. Выше уже упоминалась «Космография» Мюнстера. Отождествление Мюнстером варягов с ваграми, причем дополненное упоминанием их главного города Любека, не вызвало в европейских образованных кругах никаких нареканий, из чего проистекает вывод: в XVI в. в европейской исторической науке еще не существовало идей о «германстве» варягов. Это тем более очевидно, что Мюнстер был круп-

---

¹ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 269.

ным ученым своего времени, Мюнстер был знатоком исторического прошлого Германии, основной задачей труда Мюнстера было отыскание фактов, которыми можно было бы прославить германское имя, и Мюнстер не знал никаких варягов, связанных с «германским» именем. Позднее о варягах как ваграх писал и современник Мюнстера, дипломат Сигизмунд Герберштейн: «...Русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов...», издавший свои «Записки» через несколько лет после выхода в свет труда Мюнстера¹.

Латвакангас обратил внимание на то, что в трудах немецких историков Слейдануса, Меланхтона, Кариона и др. маститых авторов трудов в области общеевропейской истории, издававшихся в одно время с работами Мюнстера и Герберштейна, не оспаривались сведения о варягах как ваграх, а происхождение русских не связывалось со Швецией. Сведения о варягах Рюрика как выходцах из Вагрии встречались во многих работах западноевропейских авторов рассматриваемого периода. Среди наиболее известных следует назвать имя ректора городских училищ в Новом Бранденбурге/Мекленбурге и Фленсбурге/Шлезвиге Бернгарда Латома (1560—1613). Он написал труд «Genealochronicon Megapolitanum» (1610) по истории Мекленбурга, включая генеалогию Мекленбургской герцогской династии, которая охватывала и правящие роды Вагрии, и Ободритского дома, одним из представителей которых, согласно Латому, был князь Рюрик, сын вагрского и ободритского князя Годлиба². Генеалогические изыскания Латома были продолжены его соотечественником И.Ф.Хемницем (1611—1689), подтвердившим сведения Латома. Вагрское происхождение Рюрика не подвергалось сомнению и в работах немецких авторов XVIII в., в частности таких, как знаменитый философ и математик Г.-В.Лейбниц, составители генеалогических таблиц

---

¹ Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примечания А.И.Малеина. СПб., 1908. С. 3.

² Latomus Bernhard. Genealochronikon Megapolitanum // J.E. Westphalen, Monumenta inedita. Leipzig, 1739. P. 9—67; Thomas F. Avitae Russorum atqve Meclenburgensium Principum propinqvitatits seu consanquinitatis monstrata ac demonstrata vestigia. Rostok, 1717. S. 7.

И.Хюбнер, Ф.Томас, историки Г.Клювер, М.Бэр, Д.Франк, С.Бухгольц и др.¹

Данные о Рюрике, призванном от варягов/вагров, сообщались и другими западноевропейскими авторами, например, французским историком и натуралистом К. Дюре (ум. 1611) в его «Всеобщем историческом словаре», польским хронистом М. Стрыйковским (род. 1547), главой посольства Священной Римской империи в Москву в 1661—1662 гг., дипломатом А. Майербергом в его книге «Путешествие в Московию», прусским историком XVII в. М. Преториумом и др.² Иными словами говоря, княжеское вагрско-ободритское родословие Рюрика относилось к числу общеизвестных фактов вплоть до середины XVIII в., когда под влиянием исторического догматизма, овладевшего историософией эпохи Просвещения, были преданы анафеме некоторые источники, не подходившие под модные теории, в том числе и источники о родословии Рюрика. Однако память о Рюрике из Вагрии-Мекленбурга продолжала существовать в устной традиции, что свидетельствует о глубоких местных корнях этих сведений. Доказательством тому служат материалы французского исследователя фольклора К.Мармье, записавшего в первой половине XIX в. во время путешествия по Мекленбургу устное предание о трех сыновьях князя Годлиба, призванных в Новгород на правление³. Записи Мармье хорошо известны, но от них принято небрежно отмахиваться. Подобное отношение к сведениям устной традиции, касающихся русской истории, достаточно типично и свидетельствует о неадекватности восприятия именно древнерусских источников. Никому не приходит, например, в голову подвергать сомнению значение письменно зафиксированной только в XIX в. «Калевалы» как исторического памятника. Записи Мармье — это полевые материалы этнографических исследований, т.е. эт-

---

¹ Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. РИО. Т. 8. С. 136—143; Он же. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005.

² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 36—37, 429—430; Он же. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Выпуск 1. С. 378—379.

³ Marmier X. Letters sur le Nord par X. Marmier. Paris, 1841. P. 30—31.

нографический источник, который тем более интересен, что зафиксированная им устная традиция подкрепляется данными самых разнообразных письменных источников.

Зачисление варягов Рюрика в «германцы» началось в XVII в. как результат все нарастающей в рамках готицизма склонности к мифологизации истории. И первый шаг в этом направлении был сделан именно в шведском обществе, более столетия воспитывавшемся на идее особого величия Швеции в древности как прародины готов — «кузницы народов и матери племен». До немецкоязычной традиции эта идея дошла только к началу XVIII в., уже под влиянием рудбекианизма, который постепенно вытеснил автохтонное знание о варягах как о врагах. Отмеченное свойство готицизма — легко покидать лоно науки и перерождаться в мифотворчество — объяснялось его исходной политизированностью: в этом смысле готицизм никогда и не был наукой. Он родился в форме политического протеста «угнетенных» готов, и мина несправедливо «забигаемых» страдальцев стала переходить по наследству ко всем последователям традиций готицизма, дойдя до современных норманистов. Методика, рожденная мифотворчеством готицизма, со всей полнотой проявилось в родственном готицизму *рудбекианизме* — феномене западноевропейской исторической мысли XVII—XVIII вв., зародившемся в шведском обществе. Вот какова краткая характеристика рудбекианизма.

Надо сказать, что у шведского готицизма с самого начала возникла проблема несоответствия между названием Швеции и именем готов, поскольку имя страны — *Sverige*, означавшее *Svearike* — *Свейское королевство*, было связано с другим предком шведов — свеями, которых возвеличение готов заслонило и отодвинуло в тень. Здесь мне хотелось бы привлечь внимание к одному существенному моменту в шведской истории, который чрезвычайно важен в данном контексте. В современной исторической науке, особенно в работах последователей норманистских концепций, недостаточно учитывается тот факт, что шведское общество, как, впрочем, и все остальные общества, не возникло как исторически гомогенный феномен. Оно образовалось из двух этнополитических компонентов — областей гетов

и свеев. От их слияния, как зафиксировано в официальном документе, и создалось королевство Швеция: «Королевство Швеция вышло из языческого мира, когда соединились страны Свея и Гота. Свея называлась земля на севере, а Гота — земля на юге» (*Sverikis rike är af hedne värld samankomit af Svea och Gotha landh. Svea kalladis nordanskogh och Gotha sunnanskogh*)¹. Данной декларацией открывалась новая редакция общегосударственного свода законов, принятая в 1442 г. при одном из королей Кальмарской унии, Кристоффере Баварском (1418—1448). Объединение земель Свеи и Геты/Готы в шведской истории можно сравнить с объединением «юга» и «севера» в истории многих государств, что и становилось поворотным моментом в процессе их политогенеза. И как у многих народов, память о собственных древних корнях долго сохранялась как у потомков гетов, так и у потомков свеев. Даже сейчас в современном шведском обществе вспыхивают время от времени дискуссии о том, кто был ведущим в шведской истории — свеи или геты, откуда пошла государственность и т.д. Это соперничество имеет глубокие корни и длительную историю. В процессе развития именно королевский род свеев, или упсальский род, стал правящим в пределах объединившихся земель, а из имени Свеярике родился общий политоним — Швеция, т.е. *Sverige* или *Svearike*, благодаря чему свеи традиционно рассматривались как наиболее выдающийся предок шведов.

И вдруг развитие готицизма начинает испытывать основы этой традиции, поскольку образ гетов, соединенный с древней историей готов, приобретает неслыханный блеск. Юг Швеции, или Геталандия, оказывается колыбелью и истоками великого гото-германского начала, откуда вышли основоположники и зиждители западноевропейской культуры. Шведские короли, еще недавно сверху вниз смотревшие на титул готских королей, начинают величаться их славой. Нетрудно догадаться, что готицизм должен был вызывать некоторый внутренний дискомфорт в шведских интеллектуальных кругах XVI века.

---

¹ *Sveriges regeringsformer 1634—1809 samt konungaförsäkringar 1611—1800, utgiven av Emil Hildenbrand. Stockholm, 1891. S. 1—57.*

Ощущение психологического дискомфорта оттого, что имя готов воспарило и приобрело неслыханную известность, а имя свеев оказалось обойденным историческими чинами, проявилось уже в труде Эрика Олая «*Chrinica regni Gothorum*». Пытаясь примирить означенное противоречие, Олай писал, что «имя страны *Sverige* — это искаженное *Zwerike* d.i. «*duo regna*»... «*Cui concordare dicunt, quod ciuitas principalis Suitensium [«der Schweizer»], que se a Suecis siue Gothis deuenisse fatetur, vocatur Zwerik, i.e. «duo regna», et latine Turegum*»¹. Толкование *Sverige* как *Zweirike* явно относится к числу «рискованных этимологий», используя уже приводимое выражение Нордстрема, но, к сожалению, таковыми являются большинство «этимологий» готицизма, в рамках которого закрепились традиции произвольного манипулирования именами или частями слов для подтверждения умозрительных концепций. И к еще большему сожалению, традиции «этимологий» готицизма в свое время плавно перешли в норманнизм. На мой взгляд, толкование Швеция как Цвейрике по «научности» мало уступает толкованию Руси от шведских *родсов-гребцов*, о чем разговор будет вестись в следующих главах.

Размышления представителей шведского готицизма о том, как соединить свеев с идеей великого готского прошлого в истории Швеции, и явились, очевидно, побуждающим мотивом к рождению утопии *рудбекианизма* — от имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека (1630—1702) — понятие, которое я начала в своих статьях вводить в научный обиход, поскольку хотя рудбекианизм и упоминался еще А. Шлецером, он остался совершенно за пределами внимания российских ученых. И, тем не менее, рудбекианизм оказал существенное влияние на развитие российской исторической науки, ибо под воздействием О.Рудбека произошло формирование исторических взглядов Г.З. Байера, и, следовательно, рудбекианизм является одним из истоков норманнизма.

Здесь следует сказать, что вообще все истоки норманнизма идут из Швеции. Заслуга этого принципиально важ-

---

¹ Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. S. 44.

ного открытия принадлежит В.В. Фомину, в работах которого впервые была представлена развернутая аргументация, опровергающая укоренившееся в науке представление о Байере как родоначальнике норманнизма, в основе которого виделся «... «немецкий патриотизм», свысока взиравший на «варварскую Русь»». Фомин показал, что взгляды, составившие ядро норманнизма, берут свое начало в Швеции XVII в., а побудительной силой для них выступила политическая мысль шведских придворных кругов, связанных с завоевательной политикой Швеции того периода. Родоначальником норманнской теории выступил шведский дипломат и историк П. Петрей (1570—1622), поскольку именно в его работе впервые прозвучала мысль о шведском происхождении летописных варягов¹.

Феномен норманнизма, на мой взгляд, имеет как бы двойную природу. Совершенно справедливо указывалось в работах некоторых российских историков на то, что появление идей о шведском происхождении летописных варягов в шведской историографии XVII в. было обусловлено сугубо политическим фактором — внешнеполитическими устремлениями шведской короны этого периода, направленными на идеологическое обоснование территориальных приобретений в пределах Новгородской земли.

Но у норманнизма был и еще один источник, пройдя мимо которого, мы не сможем понять, каким образом идеи, родившиеся в среде шведских литераторов и историков XVII в. под влиянием шведской внешней политики этого периода, перешли затем в общеевропейскую историософию, отделившись от материнского организма. Научной субстанции в идеях о шведском происхождении летописных варягов было ровно столько же, сколько в высказанных несколькими десятилетиями ранее уверениях шведского готицизма о гото-шведском происхождении таких исторических героев, как древнегреческий Телеф, как ученик Пифагора Замолксис или как древнеримский Марс.

Следовательно, речь здесь должна идти о таком феномене, как влияние утопий на человеческое сознание и способ-

---

¹ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 8—47; Он же. Начальная история Руси. М., 2008. С. 9—16; Он же. Варяго-русский вопрос... С. 340—342.

ности этих утопий приспособляться к жизни в лоне науки, становясь на какое-то время ее частью. Безусловно, жизнеспособности утопий способствует заинтересованность в них большой политики. Но если бы дело было только в политическом прагматизме, то от утопий было бы несложно избавляться: кончился прагматизм — кончилась и утопия. Сложность заключается в том, что утопия входит в сознание и становится вопросом веры и привычки. И в качестве догмата веры уже утопия может влиять на политику, требуя воспитания общества в системе определенных ценностей. Эта мысль хорошо иллюстрируется историей рудбекианизма.

Надо сказать, что интерес к античным источникам, пробудившийся в западноевропейской общественной мысли под влиянием итальянских гуманистов, вызвал из забвения и такой источник, как мифы о гипербореях. В ученых кругах Западной Европы обнаружилась тенденция рассуждать о том, чьими предками были гипербореи. В 1569 г. было опубликовано сочинение нидерландского географа Иоанна Горопиуса Бекануса «*Origines Antwerpianæ*», где он высказывал мысль, что античные мифы о гипербореях описывают древнее прошлое народа кимвров. Этим объемистым трудом, по характеристике шведского историка Нордстрема, Горопиус воздвигнул монумент древнему народу кимвров, в которых он видел одного из основателей Антверпена. Поэтому он постарался проследить их историю из самой глубины времен, т.е. от библейских предков. По мнению Горопиуса, язык кимвров являлся праязыком для европейских народов, и современные ему жители Антверпена сохранили его древнее благозвучие. От кимвров произошли основные народы Европы, получив в наследство их древнюю мудрость. Именно от кимвров, считал Горопиус, получили древнегреческая и древнеримская культуры свое ценнейшее содержание (как видно, обвинения итальянских гуманистов в адрес северных варваров породили массу ответных теорий со стороны «северных варваров»). В качестве источника для своих теорий Горопиус обращается к мифам о гипербореях, которые, по его убеждению, были кимврского происхождения, соответственно, греки получили свою культуру от кимвров. Поскольку споры о предках народов были популярны в то время в ученых кру-

гах, то Горопиус проявил осведомленность и о труде Иоанна Магнуса, скептически отозвавшись о поисках прародины готы в Швеции. В соответствии с мнением Горопиуса, готы не вышли с юга Швеции, а переселились туда с европейского континента в ходе одной из последних волн колонизации, что тоже вполне почетно для шведских предков. Другой предок шведов — свеи — пришли из нынешней Германии и являются переселившимися в Скандинавию свевами.

Сочинение Горопиуса привлекло внимание крупного шведского деятеля в области словесности Юхана Буре (1568—1652). В Упсальской библиотеке Ю.Нордстрем нашел экземпляр «*Origines Antwerpinae*», принадлежавший Ю.Буре. Книга испещрена его заметками, свидетельствующими о внимательном ее изучении. Из комментариев Буре явствует, что больше всего его заинтересовали рассуждения Горопиуса о прародине гипербореев, вернее, о том, где она находилась. Он язвительно критикует все соображения Горопиуса и, в конце концов, завершает записи восклицанием: «Все, кто в здравом уме, могут увидеть, что Гиперборея — в Скандии» («*Om de icke äre galne, kunne de ju see at Hyperborej är in Scandia*»). Это восклицание венчает начерченный Буре эскиз карты Скандинавского полуострова, на котором область вокруг озера Меларен, или исторический центр области расселения свеев (иначе говоря, столь любимая норманнистами Средняя Швеция), названа как Гиперборея, а таинственные Рифейские горы помещены на севере, на месте северных отрогов Скандинавского хребта. От земель свеев легким пунктиром намечен предполагаемый Буре маршрут гипербореев на остров Делос¹.

Таким образом, Буре проникся мыслью, что под именем гипербореев описаны предки свеев, и под влиянием этого озарения он, опираясь на мифы о гиперборейцах как «источник», начинает «восстанавливать» древнюю историю свеев. Удивляться этому не приходится, имея в виду, что ко времени Буре шведское общество уже более ста лет воспитывалось на мысли готицистов о том, что многие античные и другие источники содержат сведения по древней истории Швеции, если их «правильно» интерпретировать.

---

¹ Nordström J. De yverbornes ö. S. 111—116.

Поскольку главным культом гипербореев был культ Аполлона, то, по мнению Буре, следы пребывания Аполлона следует искать в Швеции. Однако Буре трудно увязать известные данные о квадратной форме Упсальского храма с данными Диодора о том, что храм Аполлона на острове гипербореев был круглой формы. Согласно исследованиям шведских археологов, языческий храм в Упсале действительно имел прямоугольную форму: внутренний квадрат, заключенный в прямоугольник, чуть вытянутый с востока на запад. Предположительно, был возведен в середине X в., а разрушен в конце XI в.¹ Описание древнего храма Аполлона круглой формы (что логично, поскольку круг являлся древнейшим графическим символом солнца) есть в сборнике Латышева В.В.² Но ничто не могло поколебать убежденность Буре в том, что Эллада получила своих богов из Скандинавии и что древнегреческие культы имеют скандинавское происхождение.

Свои «гиперборейские открытия» Буре не публиковал, и они так и остались в рукописном виде. Но есть множество свидетельств тому, что его увлечение гиперборейями и его трактовка гиперборейских мифов быстро получили распространение в шведском обществе. Буре был весьма влиятельной фигурой как в придворных, так и в ученых кругах Швеции. Рано начав свою придворную службу, он добился высокого положения при Карле IX и был назначен в качестве учителя к наследнику престола Густаву Адольфу, который на всю жизнь сохранил уважение и симпатию к Буре и, взойдя на престол, постоянно осыпал его своими милостями и почетными должностями. Буре увлекался историей письменности и литературы, был инициатором перевода на шведский язык исландских саг и внес существенный вклад в развитие шведской словесности. Нордстрем предполагает, что увесистый фолиант с вышеупомянутым сочинением Горопиуса о гиперборейях преподнес Буре сам король Карл IX и что Буре был первым читателем этого труда в Швеции. Вскоре после

---

¹ Gellested N. Hednatemplet i Gamla Uppsala // *Förnvännen*, 1950. S. 193—203.

² Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о скифах и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 461—462.

ознакомления Буре с работой Горопиуса идеи о гиперборейцах как предках свеев начинают распространяться в упсальском кружке шведских ученых. Историк и профессор права в Упсальском университете Юхан Мессениус (1579—1636) в своей истории Швеции «*Scondia illustrata*» уже говорит о связях шведских гиперборейцев с Грецией. Младший современник Буре, шведский философ и поэт Георг Штэрнфельм (1598—1672) начинает развивать идеи о великом гиперборейском прошлом свеев в своих работах, в частности, в трактате о гиперборейцах «*De Hyperboreis Dissertatio*», изданном после его смерти в 1685 г.

Нордстрем подчеркивал, что в работах Штэрнфельма тема гиперборейцев используется как основа доказательств того, что в далеком прошлом скандинавы выступали владыками мира, и что в этих работах проявились все контуры будущей рудбековской «Атлантиды». Штэрнфельм утверждал, что из шведского языка лучше всего толкуются имена богов и народов и что Скандинавия была колыбелью многих народов-завоевателей, которые могли выступать под разными именами, но благодаря их завоеваниям распространялся язык, поэтому шведский язык занимает особое положение благодаря своей древности. Прародина шведов также известна под многими именами, в том числе как Остров гиперборейцев или Эликсия, а это название сохранилось в скандинавских топонимах, например, Helsingöг на западном побережье Норвегии. Правильное шведское название гиперборейцев Штэрнфельм реконструирует, следуя логике Буре: гиперборейцы живут за Бореем, что по-гречески означает «за северным ветром», значит, исходное шведское название должно было звучать как *Öfwer-Nordlingar* — *Крайне северные Скандинавцы*. Штэрнфельм считает неправильным утверждение, что Аполлон родился на Делосе. Как он, так и его сестра-близнец Диана, по его мнению, увидели свет на Острове гиперборейцев. Аполлон почитался больше других богов, и его храм — это Упсальский храм, построенный богами Фреем и Ньордом (сыном Борей), поскольку Njord — это тоже самое, что и Nord, что значит север, которое греки перевели на свой язык как Борей. Вообще все гиперборейские имена, уверяет Штэрнфельм, имеют скандинавское происхождение. Напри-

мер, имя гиперборейского мудреца Абариса — это испорченное скандинавское Эварт или Иварт (по этой же самой методе имя Рюрик объявляется «испорченным» Hróðrekr). Подобные изыскания шведских древностей продолжил ученик Штэрнъельма, профессор Олаф Верелий (1618—1682). Верелий, находившийся под сильным влиянием идей своего учителя, попытался использовать мифы о гипербореях для толкования исландских саг и нашел, что саги содержат достаточно много материала, подтверждающего, что Швеция — древняя Гиперборея. Из этого следовал вывод о том, что в трудах Диодора Сицилийского должно видеть бесценный источник для изучения древней истории Швеции¹.

Но поиски великого прошлого шведскими историками и литераторами в начале XVII в. не ограничивались экскурсами в древнегреческую историю. Как было сказано в начале очерка, именно в это время у дипломата и историка П.Петрея появляются рассуждения о шведском происхождении летописных варягов, и таким образом идея об основоположничестве предков шведов начинает распространяться и на древнерусскую историю. Сам по себе этот факт не может вызывать удивления, если учесть, что готицизм уже более ста лет насаждал в шведском обществе мысль об основоположничестве предков шведов в истории большинства европейских народов. А в начале XVII в. наследие готицизма обогатилось подключением мифов о гипербореях к шведской истории благодаря изысканиям Буре. В частности, вышеупомянутый эскиз карты Буре с Гипербореей в Средней Швеции «реконструировал» путь предков свеев из Средней Швеции через всю Восточную Европу к Черному морю и далее в Грецию и утверждал образ свеев, под именем гипербореев путешествовавших с древности по рекам Восточной Европы до Черного моря и обратно.

Таким образом, обстановка, в которой творил Петрей, ясна. Но некоторые подробности прольют более яркий свет на «научную» ценность его трудов. Высказывание о шведском происхождении летописных варягов появилось в работе Петрея «История о великом княжестве Московском»

---

¹ Nordström J. De yverbornes ö. S. 102—193.

(«Regni muschovitici sciographia»), опубликованной в 1614—1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. также и на немецком языке в Лейпциге. Здесь, в рассказе о первых русских правителях, впервые в историографии была высказана мысль, что варяги русских летописей были выходцами из Швеции: «...оттого кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции». И если в шведском издании эта мысль была выражена совершенно недвусмысленно, то в немецкой версии — в диспозитивной форме: «...aus dem Königreich Schweden, oder dero incorporirten Ländern, Finland und Lieflland...». Нетрудно понять дипломатическую осторожность Петрея, если принять во внимание распространенность в его времена влиятельной немецкоязычной историографической традиции, выводившей варягов из Вагрии (Мюнстер, Герберштейн). Но на какие источники ссылается Петрей в своем шведском издании? Оказывается, его соображение о том, что воинственные завоеватели русских варяги («waregos») должны были происходить из Швеции, исходило только из интерпретации фантазий Иоанна Магнуса и из слов Магнуса, что шведы завоевали страну русских до реки «Танаима» и взимали с них дань.

Исследователь варяжской проблемы из Финляндии Латвакангас отмечал неожиданность появления в «Истории о великом княжестве Московском» мысли о шведском происхождении варягов. Буквально за два года до этого сочинения Петрей опубликовал трактат по истории Швеции «Краткая и благодетельная хроника обо всех свеярических и гетских конунгах» («Een kort och nyttigh chrönica om alla Swerikis och Göthis konungar»). Здесь он постарался обрисовать, в духе гоцизма, подвиги древних шведских конунгов и утверждал, что они завоевали полмира, достигнув пределов Азии, и собирали дань со всех земель к востоку и югу от Балтийского моря. Затрагиваются и отношения с русскими, но ни слова не говорится о шведском происхождении русских князей. Более того, в 1614 г., когда уже начала выходить из печати шведская версия «Regni muschovitici sciographia», было опубликовано второе издание указанной хроники о готто-шведских королях, где тем же Петреем указано, что он «не нашел в русских хрониках каких-либо сведений о завоевани-

ях шведских конунгов, но это и понятно, поскольку хроники начинают рассказ с прихода Рюрика, Синеуса и Трувора из Пруссии в 562 г.»¹. Тем самым Петрей в этой своей работе фактически воспроизвел так называемую «Августову легенду», изрядно перепутав дату призвания Рюрика.

Таким образом, создается впечатление, что рассуждения о шведском происхождении Рюрика и варягов Петрей внес в готовый текст «*Regni muschovitici...*», не успев согласовать их со своими прежними публикациями. Спрашивается, что же побудило Петрея в кратчайший срок между двумя публикациями перенести и варягов, и Рюрика с юга Балтии в Швецию? Хочется напомнить, что внешнеполитическая обстановка того времени особенно благоприятствовала экзерсисам с попытками пристроить предков шведов еще и в основоположники к древнерусской истории, поскольку фоном для этих экзерсисов служили такие события, как военное присутствие шведских войск в Новгороде и шведско-русские переговоры в 1613 г. в Выборге о кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа на пустующий московский престол.

Историческая мысль долго занимала себя представлениями о том, что будто на переговорах в Выборге 28 августа 1613 г. новгородские послы сами заявили, что когда-то у них был князь шведского происхождения по имени Рюрик. В официальном отчете шведской делегации о переговорах в Выборге, хранящемся в Государственном архиве Швеции, имеется запись, что руководитель новгородского посольства архимандрит Киприан отметил, что «новгородцы по летописям могут доказать, что был у них великий князь из Швеции по имени Рюрик» («*De Nougårdiske kunde bewijisa af sijne Historier, at the hafwe hafft ifrån Swerige en Storfurste benämndh Rurich*»). Но со временем выяснилось, что «речь Киприана» — подлог, совершенный сановниками Густава II Адольфа, которые сфальсифицировали часть данных в отчете о переговорах, добавив от себя фразу, будто был в Новгороде «великий князь из Швеции по имени Рюрик». Сличение протокола с неофициальными записями, которые также велись при встрече в Выборге и также сохранились в Госу-

---

¹ Latvakangas A. Op. cit. S. 136—137.

дарственном архиве Швеции, позволило восстановить подлинные слова архимандрита Киприана: «...в старинных хрониках есть сведения о том, что у новгородцев исстари были свои собственные великие князья... так из вышеупомянутых был у них собственный великий князь по имени Родорикус, родом из Римской империи» («...uti gamble Crönikor befinnes att det Nogordesche herskap hafuer af ålder haft deres eigen Storfurste for sig sielfue... den sidste deres egen Storfurste hafuer uarit udaf det Romerske Rikedt benemd Rodoricus»)¹. Следовательно, архимандрит Киприан представил ту же самую «Августову легенду» с целью подчеркнуть древность родословия новгородских князей.

В чем же дело, каким образом одна и та же мысль вдруг и почти одновременно поразила воображение шведского дипломата и высокопоставленных сановников шведского королевского двора? Чей замысел и чье влияние подтолкнули к подлогу в официальном дипломатическом протоколе (поскольку если называть вещи своими именами, то это был подлог)? Вопрос далеко не второстепенный, поскольку именно этот протокол и стал важнейшим источником, на который впоследствии ссылались шведские историки, уверяя, что сами новгородцы «помнили» о своем князе Рюрике «родом из Швеции».

Приведенные выше материалы об увлечении шведских историков гиперборейскими мифами, породившем фантазии о путешествиях свеев под именем гипербореев по рекам Восточной Европы до Черного моря, приводят к догадке, что интерес к гиперборейским мифам такого влиятельного человека, как Буре, вызвавший к жизни гипербореяду шведских историков и литераторов, явно возбудил и рвение ловкого дипломата Петрея на ходу вставить в свою работу «Regni muschovitici sciographia» фразу о шведском происхождении летописных варягов — основоположников великой правящей династии Русского государства.

Если уж даже древние гиперборейцы были шведского происхождения, то почему бы не приписать туда же и древне-

---

¹ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 24, 52; Latvakangas A. Op. cit. S. 130.

русских варягов? Тем более что вторую книгу своего труда Петрей прямо-таки и посвятил принцу Карлу-Филиппу, что яснее ясного говорит о службистской подоплеке его «исторических» изысканий. Дескать, а вдруг карта ляжет как хочется и Карл-Филипп станет правителем в Русском государстве, а тут уже и верный слуга Петрей со своим политически корректным трудом: прибег, доложил, а там как начальству будет угодно. Прямая связь между «ученой» гипербореадой, политической конъюнктурой и выступлением Петрея в роли «первооткрывателя» шведского происхождения летописных варягов хорошо подтверждается хронологией. В 1611 г. шведский дипломат Петрей опубликовал работу по шведской истории в духе готицизма, упомянув при этом и русского князя Рюрика, пришедшего в Новгород из Прусской земли. Увлечение Буре гипербореадой, согласно Нордстрему, приходится на период с 1610 г. по 1613 г. И вот в 1614—1615 гг. Петрей издает на шведском языке другое свое произведение, уже по истории Московского княжества, в котором вдруг появляется мысль о варягах как выходцах из Швеции и рассуждения об именах древнерусских князей как испорченных шведских, разительно напоминающие рассуждения ученика Буре, Георга Штэрнъельма о древнегреческих именах как искаженных шведских.

Влиянием Буре, по всей вероятности, можно объяснить и дерзость шведских сановников, сфальсифицировавших отчет о переговорах: едва ли они решились бы на заведомый подлог без поддержки влиятельных лиц. И этот подлог имел существенный резонанс. «Сведения» из сфальсифицированного отчета, равно как и из книги Петрея, стали распространяться в ученых кругах Европы, постепенно вытесняя немецкоязычную историографическую традицию, выводившую варягов из Вагрии. В 1671 г. шведский королевский историограф Юхан Видекинд опубликовал «Историю десятилетней шведско-московитской войны», с описанием событий Смутного времени, где привел сфальсифицированные слова архимандрита Киприана из этого отчета с собственными комментариями: «Из древней истории видно, что за несколько сот лет до подчинения Новгорода господству Москвы его население с радостью приняло из Швеции князя

Рюрика»¹. Работа Видекинда неизменно пользовалась доверием: придворный историограф имел доступ к королевскому архиву и опирался на подлинные архивные материалы. В частности, в восприятии Шлецера сведения Видекинда неопровержимо свидетельствовали о том, что в Смутное время сами новгородцы верили в шведское происхождение Рюрика. Шлецер не знал о подлоге, совершенном шведскими сновниками, однако об этом уже давно стало известно современной исторической науке. Фрагмент документа с подлинными словами архимандрита Киприана, зафиксированными в неофициальных записях в Выборге, впервые был опубликован еще Г.Форстенем в 1889 г., а несколько лет тому назад был представлен в монографиях финского историка Латвангаса и российского историка Фомина, однако современный норманизм проходит мимо данного факта.

Вышеприведенный материал показывает, что идея о гиперборейцах как предках свеев оказалась тем недостающим звеном, которого так искали представители шведского готтицизма в XVI веке. Теперь картина шведского прошлого становилась полной: один из предков шведов — готы — стояли у истоков всей германской культуры, а другой предок — свеи, выступая под именем гипербореев, был вдохновителем как древнегреческой цивилизации, так и великих культур в Восточной Европе, вплоть до древнерусской культуры. Поэтому естественным представляется ход мысли Буре, который, сказав: «Гиперборейя — это Скандинавия», затем продолжил: «А гиперборейи — это свеи!» При таком раскладе каждый получал свое: пусть готы/геты заложили Германию и германскую культуру, зато свеи, оказывается, выступая под именем гипербореев, были вдохновителями древнегреческой цивилизации — фундамента общеевропейской культуры и основоположниками древнерусской культуры и государственности.

Историк Нордстрем так передавал эйфорическое чувство, вызванное в шведском обществе этим историозодчеством: «Ни один из народов Европы, помимо классических

---

¹ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны XVII века. М. 2000. С. 280.

народов, не мог предъявить прошлое, полное столь дивных испытаний в мужестве, как мы — потомки готов. Это придало нашему патриотизму новый элемент мужества, как раз в преддверии державного периода XVII в., в который, как казалось его современникам, возродились заново героические силы готов. Но до этого только из исторической памяти черпали шведское национальное чувство и историческая фантазия подлинную пищу. Благодаря трудам историков, благодаря популярным рассказам об исторических судьбах отечества, благодаря небольшим простонародным сочинениям, благодаря красноречию политиков и ученых, благодаря поэзии, театру — великое множество форм использовалось для того, чтобы совместить в шведском народном сознании представление об истории отечества с блистательной героической сагой о древних готах, в которой отразилось совершенное проявление силы и способности нашего народа... С такой историей мы чувствовали себя аристократией Европы, которой предопределено владычествовать над миром»¹. Здесь необходимо подчеркнуть, что все это говорилось об истории миражной, об истории или великом прошлом, которого никогда не было в действительности. Вернее, сами по себе исторические события происходили, конечно, но они не имели никакого отношения к шведам, поскольку происходили в истории других народов.

Удобством работы с историческими химерами было то, что при этом не требовалось особого изучения автохтонных источников. Перед шведскими историками XVII в. были величественный мираж готицизма и мифы о гипербореях, озабоченные собственной фантазией: достаточно было как-то притачать одно к другому. Эту миссию и осуществил шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек в его знаменитом произведении «Атлантида», или «Атлантика» («*Atland eller Manheim*»), основные главы которого были изданы в 1679—1698 гг. и которые вобрали в себя как традиции готицизма, так и гипербореяду Буре и его учеников.

Рудбек принадлежал к упсальскому кружку и разделял взгляды учеников и последователей Буре на скандинавское

---

¹ Nordström J. De yverbornes ö. S. 95.

происхождение гипербореев. В своей «Атлантиде» он попытался собрать воедино как фантазии Иоанна Магнуса о великом готическом прошлом Швеции, химеры «гипербореады», возвеличивавшие прошлое свеев как гипербореев, а также присовокупить сюда путаные фантазии Петрея о варягах из Швеции и создать таким образом из шведской истории какую-то величайшую феерию мирового масштаба. Основной мыслью рудбековской «Атлантиды» стало стремление «обосновать» основоположничество шведов с древнейших времен в историях большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры, в том числе древнегреческой, скифской и древнерусской. Рудбек обнаруживает специфическую методику работы с источниками. Уже его влиятельные предшественники Магнус и Буре проявили склонность к более чем свободной интерпретации писателей древности Иордана и Диодора Сицилийского. Но Рудбек пошел еще дальше. И у Магнуса, и у Буре все-таки можно увидеть границу между источниками и их собственными домыслами. Рудбек мешает источники и свои фантазии беззастенчиво и вкладывает в уста древних авторов то, что ему заблагорассудится, поэтому пробираться через чащобу его писаний особенно сложно.

В своей «Атлантиде» Рудбек высказывает уже ставшие привычными для шведского общества убеждения, что за именами многих народов и стран у античных и других древних авторов скрывались прямые предки шведов, но что это с течением времени все это забылось, оказалось утерянным и т.д. И он начинает «реконструировать» утраченную шведскую историю через отождествление со Швецией платоновской Атлантиды, острова гипербореев, или Эликсии, Скифии, Варягии и др.¹ Важное место у Рудбека занимает, естественно, дальнейшее развитие «гипербореады» его старших упсальских коллег, как новомодного витка шведской историософии, выводящего местное мифотворчество на орбиту совершенно безбрежных возможностей. Рудбек, вслед за Буре, Штэрнъельмом, Верелиусом стремился предста-

---

¹ Rudbeck O. Atland eller Manheim. Uppsala och Stockholm, 1937. Första delen. S. 191, 228, 265, 293, 324.

вить античные мифы о гиперборейях картинами подлинной шведской истории в древности. Но если основоположник шведской «гипербореады» Буре оставлял грекам хотя бы имя бога северного ветра Борея, полагая, что оно было переводом на греческий исходного скандинавского имени, забытого со временем, то Рудбек начинает уверять, что имя Борея — шведское, но искаженное при передаче на греческий язык. Манипуляция ономастикомом, начатая еще Магнусом (Телеф-Елефф) и охарактеризованная Нордстремом как «рискованные этимологии», расцвела под пером Рудбека пышным цветом.

«Филологический» метод, с помощью которого Рудбек препарировал имя Борея, также отдает чем-то до боли знакомым. По убеждению Рудбека, имя Борей принадлежало одному из древних шведских конунгов и по-шведски звучало как Боре (Bore/Bore), но греки произносили его как Борей. Выражение «род Борей» (Bores ätt), по мнению Рудбека, у скандинавских скальдов варьировалось как *borne* (урожденный), *ätteborne* (по происхождению, по рождению), *bordig* (происходящий). Исходным для всех этих слов, указывал Рудбек, служил глагол *bära*, «рождать», откуда и *barn* (ребенок), и *barnbarn* (потомок). Отсюда пошли, согласно Рудбеку, выражения *börd födsel* (благородного происхождения) и *bore fader*. Последнее выражение как таковое смысла не имеет, но в общем русле рассуждений Рудбека фактически наделяется значением «урожденный по отцу», ибо далее Рудбек рассуждает следующим образом. Слово «дети, или потомки», *ungar*, стало произноситься как *Yngiar* или *Ynglingar*, эквивалентно имени Инглингов, легендарной династии шведских конунгов из «Круга земного» Снорри Стурлусона, и постепенно стало использоваться для обозначения королевской династии. Почва для этого была подготовлена прежними обозначениями королевских потомков, такими как *borne*, *baarne*, *baroner*. Последнее слово Рудбек также относит к «скандинавским» по происхождению, отмечая, что происхождение этого титула было сложно установить, но совершенно очевидно, что оно входит в состав таких шведских слов, как *Yfverborne*, *Urboren*, *af Yfver*, что означает *высокий* или *рожденный как борен* (*Boren född*) — строго говоря, совершеннейшая абра-

кадабра. Постепенно слово *borne* стало варьироваться и использоваться с приставкой *över*, «высокий», чтобы подчеркнуть благородство происхождения. Именно такая форма, *överboren*, «высший среди *borne*», и закрепилась за династией конунгов.

Это слово, согласно Рудбеку, было подхвачено древними писателями, чтобы отметить особо выдающихся потомков рода *borne*, поэтому слово *överborne* утвердилось в значении «благороднейший». Название *Överbornes ö* (у Рудбека *Yfverbornes Öö*) закрепилось, в свою очередь, за Скандинавским полуостровом в качестве места проживания Упсальской династии как самой высокородной. Соответственно, считает Рудбек, по имени этой династии древние греки и латины стали называть северный ветер *Boreas*. Но вот только не знаю, писал Рудбек, как именно Диодор Сицилийский смог узнать народное шведское имя *Yfverboren* и ввести его в греческий язык. Наверняка он взял из скандинавского слова приставку *över-* и перевел ее на греческий как *hyper*, откуда и получилось слово *hyperboreas*. Диодор, в интерпретации Рудбека, сам признает, что все короли гипербореев, назывались *ættborne* или *Bores ætt* (под *Боре*), т.е. *Boreades* от имени первого их короля *Bore/Bore*. Поэтому греки и латины называют весь народ *Yfverborne*, и это исконное скандинавское слово («...detta namnet wara det Norska folkets egenteliga modernmåls ord...»), сами греки не очень уверены в происхождении этого слова и думают, что оно греческое, но это старое доброе шведское слово («...menades det wara Grekiska, som är gamla goda Swenskan...»), которое значит наивысший в королевстве и называется *Högborne* или *Yfverborne*. С помощью такой «этимологии» — или «филологической герменевтики» — Рудбек доказал скандинавское происхождение Гипербореи, продемонстрировав, что Диодор не опознал в греческом Боре доброе старое шведское имя *Поре/Боре*. Такую же «герменевтику» Рудбек использовал для доказательства скандинавского происхождения и ряда других топонимов греческих мифов. Например, в главе «О наименовании Швеции *Heligs Öja* или остров Блаженных» Рудбек постулировал, что в древности Швеция называлась также и Эликсией, или островом Блаженных: «Из всех имен, ко-

торами Швеция была почтена и которые были услышаны греками и записаны ими в несколько неверном виде, было и такое как *Helixoia...*», которое произносилось также как *Elixoia*, или остров, где жили *yfwerborne*, — Рудбек, не раздумывая, вставляет свое искусственное слово *yfwerborne* вместо *гипербореи* в цитаты из древнегреческих авторов, принуждая их говорить его тарабарским языком. Если бы греки понимали наш язык, уверен Рудбек, они бы не стали писать, что *Elixoia* — остров, поскольку шведское слово «*ö*», «остров», уже входит в название *Elixoia*. Но отсюда и явствует, что за греческим названием *Эликсия* скрывается шведское *Heligsö*, что и означает, по Рудбеку, «Остров Блаженных»¹. Учитывая современное состояние науки, следует предупредить, что вся вышеприведенная «лингвистика» Рудбека — набор бессмыслицы.

Но кроме гипербореады с идеей основоположничества шведов в создании древнегреческой культуры Рудбек дал ход и другой фантазии, зародившейся одновременно с гипербореадой, — идее основоположничества шведов в создании древнерусской государственности. Политическая конъюнктура благоприятствовала: после Столбовского мира, заключенного в 1617 г., Швеция удерживала захваченные во время Смутного времени обширные территории Новгородской земли: Ижорскую землю, Ивангород, Копорье, Ям, Орешек, Корелу с уездом, благодаря чему контролировала русскую торговлю хлебом на западноевропейских рынках, что давало приток свободных средств в казну шведской короны. В 1630-х гг. Швеция вступила в Тридцатилетнюю войну (1618—1648), общеевропейский военный конфликт, изначально вспыхнувший между католиками и протестантами Германии с целью подчинить своему контролю балтийское побережье Германии, и одержала ряд крупных побед в этой войне. Все эти обстоятельства направляли шведскую историографическую мысль на поиск новых «побед» и в историческом прошлом. В 1671 г. была опубликована «История десятилетней шведской войны» Юхана Видекинда, где была приведена сфальсифицированная речь Киприана, в кото-

---

¹ Ibid. S. 228, 230—233. 293—301.

рой он якобы говорил о Рюрике из Швеции. В 1675 г. в Лундском университете Эрик Рунштеен защитил диссертацию «О происхождении свео-готских народов», в которой, развивая фантазию о переселении свея-готского народа из Швеции в Скифию, доказывал, что этнонимы Восточной Европы — скандинавского происхождения: аланы получили свое имя от провинции Олодингер (Ålândingar et Olândingar), а роксоланы — имя выходцев из Росландии (Roslandia) или Рослагена (Roslagia).

Как видим, путь от фантазии готицизма к утопии норманнизма выстраивался представителями шведской историографии XVI—XVII вв. как в игре в кубики: для каждого нового пролета отбирались «кубики» от предыдущей «стройки», при этом чуткий нос придворных историков все время вытягивался, жадно ловя и изучая парфюмы, исходящие из придворных канцелярий, — какой материал отбросить, какому отдать предпочтение? Диссертация Рунштеена как раз олицетворяет попытку соединить историю роксоланов — древнего народа Восточной Европы, в которых античная и ренессансная традиция видела одного из предков русских, с воображаемой историей свео-готских народов. У Рунштеена уже присутствует «кубик» с идеями о шведском происхождении восточноевропейских этнонимов, о происхождении от Рослагена имени роксоланов, связываемых с предками русских. А материал для этого «кубика» нашелся все в той же неистощимой сокровищнице неопубликованных произведений Буре.

В один из периодов своей деятельности Буре составлял словарь готских и старошведских терминов, используя принятую в его время традицию «рискованных этимологий». Так, он решил, что финское название шведов «*rodzelainen*» произошло от шведского названия прибрежной полосы в Упландии Рослаген (Roslagen), а топоним Рослаген возник как результат сложных трансформаций целого комплекса понятий, восходящих к глаголу *ro* — *грести*: «*Rodhen och Rodhzlagen hafwa nam(n) af ro- och rodher ty der brukas mest rodd med båtar, och deres rät heter rodherätt som i äl(d)sta lagbokene fines(; af roen har Sverike fåt na(mnet) Rodzema på finska, och alle svenske rodzelainen ty de wiste först föga af andra*

än Roslagen». (Bure(us), Johan(nes): *Götisk och gammalsvensk lexicon*)¹. (Роден и Родслаген получили название от слова *гребсти*, поскольку там в обычае были гребные суда, а право называлось гребное право, оно есть в самых старинных законах; от гребли Швеция стала называться по-фински Родзема, а все шведы — родзелейнен, поскольку финны узнали Рослаген прежде других земель [Швеции]). Эти рассуждения творца шведской гипербореады Буре сейчас известны как основа символа веры норманнизма. И с того времени, как он написал их, т.е. с начала XVII в., все только и делали, что переливали из пустого в порожнее их «филологический» смысл, не тратя много усилий на проверку их исторической доброкачественности.

Авторитет Буре явно вдохновил некоторых историков Швеции, в том числе Рунштеена, использовать название Рослагена в рамках своих готицистских построений и начать примерять его на восточноевропейских ландшафтах. На следующей витке шведской фантазийной историографии роксоланы, как известно, были отброшены как неподходящий материал, а Рослаген оказался непосредственно подключенным к этимологии Руси. И этот новый «кубик», введенный в игру уже в XVIII в., был также создан шведскими историками А. Моллером, А. Скарином, Ю. Тунманном и др. Но как далее будет показано, Рослаген в силу геофизических особенностей образовался не ранее XI—XII вв., следовательно, такого же позднего образования должно быть и финское название «Родзема» (или Руотси), если оно связано с Рослагеном и «греблей».

Конечно, пробиться через развесистые кущи историографической фантазии XVII в. и составить о ней четкую картину не так просто, но полагаю, что именно Рудбек был тем историком, кто первым в полной мере дал развитие подброшенной Петреем идее, что к предкам шведов следует причислить и древнерусских летописных варягов, а также использовал «свидетельства» Видекинда о Рюрике из Швеции. Но поскольку единственным источником Петрея был Иоанн Магнус, Рудбек постарался максимально расширить свою источниковедческую базу и призвал в свидетели своей правоты даже самого Господа Бога и библейские тексты.

---

¹ Latvakangas A. Op. cit. S. 147.

Ссылаясь на Священное Писание, Рудбек, сохраняя традиционную для европейского летописания XVI—XVII вв. схему Библии, пытается доказать присутствие на севере, т.е. в Швеции и Финляндии, внука Ноя, Магога и других библейских праотцов. Рудбек ссылался, например, на книгу пророка Иезекииля (38, 2-15; 39, 1-6)¹ и следующие слова Писания: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! Обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя... Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарна, от пределов севера... Посему изреки пророчество, сын человеческий, и скажи Гогу: так говорит Господь Бог: не так ли? В тот день, когда народ Мой Израиль будет жить безопасно, ты узнаешь это; и пойдешь с места твоего, от пределов севера...»; «...Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера, и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей... И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно, и узнают, что Я Господь...». Эти слова из пророчества Рудбек комментирует следующим образом. Все названные здесь персонажи: Магог, Гог, Фувал, Мешех, по убеждению Рудбека, явно проживают на Крайнем Севере или в северных широтах, а также на островах Севера. Все ученые люди знают, что жители островов на Севере — это Швеция и Финляндия, так что упоминание севера и островов, согласно Рудбеку, первое неопровержимое доказательство того, что речь в пророчестве идет о Швеции и Финляндии. Библейские имена легко идентифицируются Рудбеком как шведские, с помощью чего он доказывает, что страна Гога и Магога, которая упоминается в Священном Писании, находилась в Швеции, а шведы были князьями над финнами и русскими².

¹ Цит. по изданию: Библия. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. М., 1988. С. 832—833.

² Rudbeck O. Op. cit. Tredje delen. S. 174—191.

Образ вендов и славян, подчиненных шведам, занимает у Рудбека много места и обосновывается благодаря манипулированию известными источниками. Кому подчинялись венды и славяне, убеждает Рудбек, видно из преданий самих русских, а также из рассказа императорского легата Герберштейна. Согласно этим источникам, русские брали своих королей от варягов-шведов (*Waregis/Svenska*), от них же прозывается море как *Warega more* (Балтийское море — *Östersjön* или Восточное море), а остров как Варген (дословно: Волчий остров). Однажды пришли с этого Волчьего острова (*Wargön*) три брата *Roderick*, *Sinaus* и *Trygo*. У Гваньини, говорит Рудбек, мы можем прочесть о том, что этот *Rörick Varg* (что дословно означает *Рерик Волк* — так Рудбек переворачивает по-своему имя *Рюрик варяг*) расширил свою державу до Греции, а Одерборн (Рудбек пишет *Oderbernus*) писал, что Родерик Варг/Волк (*Roderik Warg*) жил в Новгороде (*Nogord*), а его родственники или дедери/зятья (*swågrar*) правили в Литве, Финляндии, Швеции и Норвегии. В старых летописях рассказывается, что своими первыми королями русские считают тех, кто пришел с (острова) Варген (*Wargöön*), а Варген находился по другую сторону Балтийского моря, из чего ясно, что это была Швеция (Выделено мной. — Л.Г.). Саги рассказывают, продолжает Рудбек, что старейшей резиденцией русских правителей был сначала Новгород, а потом Киев. Эти резиденции объединил Вальдемар, который был потомком Эрика Вадерхата, короля Швеции (*Erik Väder hatt* — мифологический правитель в Упсале, сказочный герой, мог менять направление ветра, поворачивая свою шляпу), а его сын Ярослав женился на дочери Олофа Шетконунга. Этот Вальдемар обращался за помощью к варягам и получил ее благодаря Эрику Победоносному, его союзнику. Все эти данные, по мнению Рудбека, являются убедительными доказательствами того, что шведы с глубокой древности правили вендами, т.е. славянами и русскими. Подтверждение тому Рудбек находит и у Матвея Меховского и напоминает, что тот писал, что древняя территория Сарматии, или Азиатской Скифии, находилась под властью готов, пока татары не подчинили себе все ее земли.

Азиатская Скифия, согласно Рудбеку, это Венден, т.е. Польша, Болгария и Россия до Волги и Оби, а готы — это

шведы. Ссылаясь на Никифора Грегору, Рудбек пополняет свои «доказательства» батальными картинками, которые уже совсем легко проецируются на сочинения многих современных норманнистов: «Наши предки гиперборейские скифы (Yfwerborne Skythar), или гиперборейские норманны (Yfwerborne Norske), — пишет Рудбек, — их насылал бог на тех, кого хотел покарать, они покидали свою родину и подчиняли себе многие страны мира, а народы превращали в своих рабов, взымали с них дань. Те народы, которые жили ближе к их отечеству Старой Скифии (gambla Skythien), или Швеции (Swerige) сохранили за ними их старое название и продолжали называть их по-прежнему Скифией. Они покорили и тех, кто жил севернее истоков Дона (Tana flodens källor), т.е. финнов, и тех, кто жил по реке Дону (Tana floden), т.е. русских, а потом захватили и остальную Европу и подчинили ее до Меотийского болота. Потом через много сотен лет из нашей первой и старейшей Скифии вышли другие могучие ватаги и, разделившись на два потока, покорили Азиатскую Сармарию (Sörmland) до Каспийского моря, а также Польшу, Германию, Францию, Италию, Рим, Испанию и Африку. Когда читаешь, что писали о нас другие писатели, — заканчивает Рудбек свои фантазии, — то видишь ясно, что наш Гог в стране Магог (Швеции) был действительно владыкой над Мешехом (Финляндией) и Тувалом (Венден или Россией) вплоть до Черного моря, Босфора и Каспийского моря, и все это подтверждается Священным Писанием»¹.

Для того чтобы доказать шведское происхождение летописных варягов, Рудбек выстраивает следующую «этимологическую» конструкцию. Среди многочисленных имен, которые, согласно Рудбеку, Швеция носила в древности, было название Варген или Варг-ен (Warg-öön). Поясню, что название это Рудбек производит от *warg* — волк и *öön* — остров. Как обычно, для подкрепления своих нелепых утверждений Рудбек обращается к «авторитетным» авторам: «...Магнус в своей истории говорит, что остров Швеция некоторые называли Балтиям, а некоторые Вергион. П.Классон называет Швецию Wargöön. Шведское море Эстершен (Восточное

---

¹ Ibid. S. 194—199.

море. — Л.Г.) русские называют Варгехавет (Wargehafwet)... а шведов — варьар (Wargar), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы к ним пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О.Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (Wargur) — это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море... И поскольку Швеция носит имя Варген, а шведские мореходы называются волки, я хотел бы пояснить некоторые старинные сказания... У нас верят, что люди могут обращаться в волков... Об этом было известно Геродоту, когда 2000 лет тому назад ему рассказывали о наших предках и говорили, что, живя среди греков и скифов, они могли раз в год превращаться в волков, но Геродот отметил, что он не поверил этим рассказам... Если бы Геродот понимал наш язык и значение слова warg, а потом бы еще прочел наш Упландский свод законов... о ежегодных поставках морского снаряжения для осуществления морских набегов и о морской службе по очередности, то тогда бы он поверил и понял, что в рассказе о людях, превращавшихся в волков (wargar) на много дней, а потом опять принимавших человеческий облик, имелось в виду именно это (т.е. уход на морскую службу. — Л.Г.)...»¹. Жаль, конечно, что Геродот не знал по-шведски, да это и мудрено было в его время!

Как известно, рассказ о превращении людей в волков, переданный Геродотом, касался народа невров, этническая идентификация которого была предметом длительных дискуссий между специалистами в области славянских и балтских языков, но никогда эти дискуссии не касались того исторического контингента, который Рудбек величает «наши предки». Однако Рудбека никогда и не печалила задача исторической достоверности его построений. Он кромсал исторические источники, следуя за своей фантазией без руля и без ветрил. Его аргументация шведского происхождения Рюрика Волка или варягов как шведских волков-разбойников, по меньшей мере, нелепа, потому что подпитывалась ненаучными источниками: готицизмом Магнуса, гипербо-

---

¹ Ibid. Första delen. S. 324—325.

реадой Буре, карьеристскими потугами первого норманниста Петрея и других угодливых сановников шведского двора. В шведской историографии все перечисленное наследие, включая и Рудбека, давно отнесено к мифотворчеству, не имеющему научной ценности. Особенно едкие оценки высказывались относительно «Атлантиды» Рудбека, в которой, по заключению Свеннунга, Рудбек довел шовинистические причуды человеческой фантазии до полного абсурда¹.

Какой же тогда смысл возвращаться в современном историческом исследовании к рассмотрению рудбековской «Атлантиды»? Приведенные выше фрагменты говорят сами за себя. Из них хорошо видно, что не все из «причуд фантазий» Рудбека отошли в прошлое, некоторые из них легко узнаваемы по работам норманнистов, как уже и было отмечено выше. Достаточно вспомнить, например, как Байер аргументировал свою идею о шведском происхождении варягов: «...Скандия от некоторых называется Вергион и что оно значит остров волков... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля...». Не правда ли, Байер прямо со школярским доверием почти дословно цитирует одну из причуд фантазий Рудбека? А ведь Байер до сих пор является непрекращаемым авторитетом для каждого норманниста, вклад которого вкуче с Миллером и Шлецером оценивается как «подлинно академическое отношение к древнейшей русской истории, основанное на изучении источников»².

Но из вышеприведенного видно, что основным «источником» Байера оказывается Рудбек, за которым маячит фигура дипломата Петрея. Следовательно, выяснение роли Рудбека в формировании взглядов Байера является остро актуальным вопросом для изучения варяжского вопроса, поскольку мифотворчество Рудбека и других шведских литераторов и политических деятелей XVI—XVII вв. обнаруживает несомненную связь между их фантастическими реконструкциями великого прошлого предков шведского народа и современным норманнизмом. Так же, как Рудбек упрекал Ге-

---

¹ Svennung J. Op. cit. S. 91.

² Джексон Т.Н. Варяги — создатели Древней Руси? // Родина. 1993. № 2. С. 82.

родота и Диодора в незнании «скандинавских» языков, так и современные норманнисты упрекают древнерусских летописцев в незнании скандинавского языка и неверной передаче непонятных им «скандинавских» слов, существующих порой лишь в воображении современных наследников шведской «гипербореады». В их трудах легко узнаваемы и вера в скандинавское происхождение древнерусских топонимов, этнонимов и антропонимов, и метод «доказательства» их скандинавской этимологии.

Утопия не обладает способностью саморазвития, обеспечивающего движение от старого к новому, а лишь воспроизводит самое себя. Примеры с древнерусскими именами и географическими именами, которые препарируются а ля Рудбек современным норманнизмом для доказательства основоположничества в древнерусской истории выходцев из Скандинавии, — одно из подтверждений справедливости такого заключения. Но аналогичную же сохранность в современной науке обнаруживают и другие «открытия» рудбекианизма. Например, идея исходно скандинавского происхождения древнегреческих культов, в частности культа Аполлона, обрела новую жизнь в попытках норманнистов отождествить культы Перуна и Волоса с культами Тора и Одина (или, по крайней мере, доказать наличие последних на Руси). Стремление Рудбека увидеть в древнегреческих источниках от Геродота до Диодора Сицилийского отражение древнешведской устной традиции получило продолжение в попытках вывести происхождение ПВЛ из древнешведского дружинного эпоса или исландских саг. А отождествление летописного выражения «за моря»/«из-за моря» со Швецией?! В вышеприведенном отрывке из Рудбека я выделила эту фразу, чтобы показать, что отождествление выражения «из-за моря» как «из Швеции» заимствовано целиком и полностью из Рудбека, хотя многие современные авторы, в том числе и скандинависты, вряд ли знают об этом. В сущности, аргумент-то ведь нелепый, но у Рудбека нелепо все. Если верить ему, то для определения того, где находится летописное «заморье», надо в буквальном смысле выйти на берег моря, окинуть взором морские дали и воскликнуть: Вон, вижу! Швецию вижу за морем! Значит, «из-за моря» — это

«из Швеции». Для Рудбека подобный способ был единственной возможностью «анализировать» русские летописи — русского языка он не знал, летописей не читал. В своей «Атлантиде», после того, как Рудбек сплел побасенку о гиперборейцах из Швеции, он с легкостью в мыслях необыкновенной перешел к сочинению аналогичной же побасенки — о варягах из Швеции, которая якобы носила и название Варгена — Волчьего острова. Никогда в жизни Швеция подобным именем не называлась! Но в XVIII в. Рудбек слыл модным автором среди западноевропейской читающей публики, его цитировали, и цитаты расходились кругами в академических кругах Западной Европы. Так глуповатый аргумент «за море», значит «в Швецию», приехал в Россию вместе с известным Г.Ф.Миллером, который привел его в одной из своих работ, пояснив, что князь Владимир отправился «за море, к варягам, т.е. в Швецию»¹. Как однозначное доказательство «скандинавства» летописных варягов приводится это рассуждение и у Шлецера: «Они пришли *из заморя*, так говорится во всех списках; следственно из противоположащей Скандинавии»². С тех пор эта рудбековская мудрость так и осталась крутиться в науке, как мусор в талой воде, и пусть читатели сами начнут обращать внимание, в каких трудах весьма уважаемых авторов можно столкнуться с рассуждением: «за море»/«из-за моря» — значит из Скандинавии, скорее всего, из Средней Швеции.

Возникает законный вопрос: как же это получилось, что несуразные «реконструкции» древнешведской истории, произведенные Рудбеком в конце XVII в., вдруг обрели новую жизнь в древнерусской истории, переселившись туда в форме норманнизма? Чтобы ответить на этот вопрос, надо продолжить рассмотрение западноевропейских утопий, поскольку именно история их развития помогает понять, что же произошло с изучением русской истории в XVIII в. Продолжение этой темы следует в очерке «Рюрик и призвание правителя «стороны»».

---

¹ Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. Перевод с немецкого И.Долинского. СПб., 1788. С.100.

² Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском. Ч. I. СПб., 1809. С. 274.

КАКИМ БЫВАЕТ «СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ»

Дать обществу его «светлое прошлое» — значит поддержать общество в годину лишений и морального разложения и вдохновить на работу для достижения стабильного будущего. Эта мысль заложила основу западноевропейской традиции написания национальных историй в период, когда в лоне западноевропейской государственности стали формироваться национальные государства.

Национальная история, изучение великого прошлого страны было положено в основу системы гуманитарного образования начиная с эпохи Возрождения. Наряду со своей историей стала изучаться своя литература, свое искусство, жизнеописания своих героев. Данная система сделалась с течением времени неотъемлемой частью воспитания молодежи всех европейских обществ, поскольку она формировала и укрепляла национальное самосознание и направляла осознание своих национальных интересов.

Приведу небольшой пример в подтверждение моей мысли о том, что обращение к славным страницам родной истории и чувство гордости за достояние родной культуры — это круг спасения для нации в пору испытаний. Вот пара выдержек из статей известного французского писателя Андрэ Моруа, написанных им в тяжелейшее время для его родины — Франции. В 1940 году французская армия, считавшаяся сильнейшей в мире, всего за несколько недель была сокрушена молниеносными ударами гитлеровских войск, и Франция перестала существовать как независимое государство, будучи разделенной Гитлером на оккупационную зону и «свободную» зону режима Виши, обязанную сотрудничать с Германией по изготовлению военного снаряжения.

В феврале 1942 г. Моруа публикует в Нью-Йорке статью «Дух Франции», где он пишет о том, что ни один «истинный француз никогда не примирится с тем, что на его родине хозяйничают захватчики».

«Франция выйдет из войны свободной и независимой... Почитайте историю Франции — вы убедитесь, что нет в мире страны, пережившей столько нашествий... Фран-

цузы сопротивляются завоевателям, потому что они солдаты. Они помнят свое славное прошлое и гордятся им. Сегодняшние французы — потомки тех, кто сражался при Вальми и Ваграме, на Марне и под Верденом. Они хотят быть достойными своих отцов...

Славное прошлое, единодушие в настоящем, свершение сообща великих дел, мечта о новых победах — вот что отличает настоящий народ, писал Ренан. О том, что за плечами у французов славное прошлое, неопровержимо свидетельствуют музеи, памятники и целые государства, раскиданные по всему свету. В том, что впереди у французского народа еще более славное будущее, заверит вас любой молодой француз. Вот почему французской нации суждена долгая жизнь. Дух Франции не изменился со времен Жанны д'Арк. Франция так же непокорна, исполнена той же веры в будущее...

«Ненавидите ли вы своих врагов?» — коварно спросил Жанну д'Арк один из руанских судей.

«Не знаю, — ответила Жанна, — но зато я твердо знаю, что мы выдворим их из Франции всех до единого, кроме тех, что падут на нашу землю мертвыми». Таков был дух Франции, таким он остается и поныне»¹.

Этот небольшой фрагмент служит прекрасной иллюстрацией того, что память о славных страницах из истории своего народа помогает сохранить дух нации в тяжелые периоды ее истории и не потерять из виду главной цели — возрождение нации. К этому выводу пришли итальянские гуманисты еще в XIV в., и он верно служил европейским народам вплоть до наших дней.

К сожалению, в западноевропейском гуманизме эпохи Возрождения имелась и оборотная сторона: восхваление собственной истории сопровождалось одновременным развитием традиции оплевывания истории других народов, чему примером служит «антиготская» пропаганда итальянских гуманистов. Эта оборотная сторона гуманизма также утвердилась со временем в западноевропейской общественной и политической мысли, что в различные исторические периоды удалось почувствовать и российскому обществу

---

¹ Моруа А. Дух Франции / Надежды и воспоминания. М., 1983.

через нападки на историю России и попытки принизить и очернить то, чем россияне по праву гордились.

Продолжу иллюстрировать примерами, связанными с историей Франции.

В приведенных выдержках из статьи Моруа в числе событий, которыми гордятся французы, он называет битву при Ваграме — селении в Австрии, где в начале июля 1809 г. наполеоновские войска одержали победу над австрийской армией. Но Моруа не называет ни одного сражения из русской кампании Наполеона 1812 года, например, сражения при отступлении Наполеона на пути от Москвы до Березины: Тарутинский бой, сражение под Малоярославцем, сражение под Вязьмой, бой у Красного, сражение на Березине. Вполне естественно: описание поражений и позора разгрома оставляют обычно либо неприятелям, либо берутся за их анализ в счастливую для себя пору.

Я вспомнила здесь войну 1812 года, потому что по ее завершении Россия — победительница в войне — испытала на себе кампанию клеветы того масштаба, который сегодня получил название информационной войны.

Вот несколько отрывков из воспоминаний прославленного героя войны 1812 года Дениса Давыдова, написанных как ответ на послевоенную антироссийскую клевету в странах Западной Европы:

«Два отшиба потрясли до основания власть и господствование Наполеона, казавшиеся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двух оконечностях завоеванной и порабощенной им Европы: Испаниею и Россиею.

Первая, противуоставшая французскому ополчению одинокому, без союзников и без Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго при помощи огромных денежных капиталов и многочисленной армии союзной с нею Англии. Последняя, принявшая на свой щит удары того же французского ополчения, но усиленного восставшим на нее всем Западом, которым предводительствовал Наполеон, — достигла того же предмета без всяких иных союзников, кроме оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству. Однако ж все уста, все журналы, все исторические произведения эпохи нашей превознесли и не перестают превозносить

самоотвержение и великодушное усилие испанской нации, о подобном же усилии русского народа нисколько не упоминают и вдобавок поглощают их разглашением, будто все удачи произошли от одной суровости зимнего времени, неожиданного и наступившего в необыкновенный срок года.

Двадцать два года продолжается это разглашение между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредством книгопечатания. Все враги России, все союзники Франции, впоследствии предательски на нее восставшие, но в неудачном вместе с нею покушении против нас вместе с нею же разделившие и стыд неудачного покушения, неутомимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой ложной причины торжества нашего.

Должно, однако, заметить, что не в Германии, а во Франции возник первый зародыш этого нелепого разглашения; и не могло быть иначе. Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое без малейшей посторонней помощи и в такое короткое время отстояло независимость свою не токмо отбитием от себя, но и поглощением в недрах своих всей европейской армады... И когда! Когда, обладая монополиею словесности, проникающей во все четыре части света, завоеванные ее наречием, справедливо почитаемым общим наречием нашего века, она более других народов могла ввести в заблуждение и современников, и потомство насчет приключения, столь жестоко омрачившего честь ее оружия»¹.

Отрывок из воспоминаний Дениса Давыдова показывает, что попытки западноевропейских завоевателей обесславить российскую военную историю имеют глубокие исторические корни, питающиеся миазмами, источаемыми оборотной стороной гуманизма. Корни эти, как легко заметить, очень цепкие. Например, пропагандистский трюк наполеоновских историков приписать победу над Наполеоном силам природы и отнять тем самым честь победы у русской армии использовался в следующем столетии гитлеровской

---

¹ Давыдов Д. 1812 год / Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985.

пропагандой в объяснении побед Советской армии под Москвой и Сталинградом.

Свою лепту в историю очернения победы советской армии над нацизмом внесли и идеологи холодной войны. В советологии создался стереотип о Великой Отечественной войне как о схватке двух тоталитарных режимов, а подлинную же победу над нацизмом одержали армии США и Великобритании. Татьяна Толстая, преподававшая несколько лет в США, заметила в одном из своих очерков: «...В моем колледже русской кафедры нет. А те, кто ко мне ходили, о России практически ничего не слышали... Те, кто слышал о войне, думают, что СССР воевал на стороне Германии».¹

Холодная война отошла в прошлое, но тень оборотной стороны гуманизма по-прежнему падает на военный подвиг советского народа. В постсоветский период советология пополнилась новой колонной бойцов информационного фронта — отечественных искателей «альтернативных» толкований Великой Отечественной войны. Примеры таких толкований приводятся в статье Андрея Журбина «Мародеры — Соросята», опубликованной в «Советской России» (11.06.2002) и в книге А.Г. Кузьмина «Мародеры на дорогах истории». Недавним примером из этой серии являются выступления на международной конференции «Великая Отечественная война — 70 лет нападения нацистской Германии на СССР», проведенной 10—11 июня сего года в центре русистики Будапештского университета. В докладах ст. научного сотрудника ИНИОН РАН Ирины Глебовой и директора ИНИОН РАН академика Юрия Пивоварова звучали такие формулировки как «миф о победе», «так называемая Отечественная война», «миф, созданный вокруг советской победы над нацистской Германией», «предавший забвению миллионные жертвы миф о победе» и пр.

Все это свидетельствует о том, что российская историческая мысль переживает серьезный кризис, который и предопределяет кризис формулировки национальной идеи.

Приведу в заключение очерка еще несколько высказываний А. Моруа из его статьи «Трагедия Франции», написан-

---

¹ Толстая Т. Интервью / Толстая Т., Толстая Н. Сестры. М., 1988.

ной и опубликованной в 1940 г., в тяжелейшую минуту для его родины

«В чем наше спасение:

Направлять общественное мнение. Вождь должен вести массы за собой, а не идти у них на поводу.

Бороться за единство страны. Партии — пассажиры одного корабля. Если он пойдет ко дну — потонут все.

Оберегать общественное мнение своей страны от иностранных влияний. Отстаивать те или иные идеи — законное право каждого; получать за это плату от иностранных держав — преступление.

Незамедлительно принимать меры против любого незаконного насилия. Проповедь насилия равносильна преступлению.

Оберегать молодежь от влияния тех, кто расшатывает единство народа. Государство, которое не заботится о своем будущем, само обрекает себя на гибель»¹.

Как нас учит и живая история нашего народа, сила и богатство возвращались в Россию благодаря тому, что наши предки не теряли веры в себя, в то положительное, что было создано отечественной культурой. Это отмечалось всегда и западноевропейскими соседями. Сила россиян может возродиться только с осознанием себя частью единой плоти России и наследниками, продолжателями дела ее многонациональных предков, которые умели осознавать национальные интересы Отечества.

РОССИЯ С РУССКИМИ

25 декабря 2011 г., в канун Нового года, на канале НТВ вышла в эфир передача «Россия без русских?» Она еще раз подтвердила, до какой нелепой ситуации может прийти общество, находящееся более двадцати лет в идеологическом безвременье. Одним из результатов такого идеологического распада является тот факт, что самый большой народ Восточной Европы — русские — оказался не только без своего русского государства, как заявил один из участников про-

---

¹ Моруа А. Дух Франции // Надежды и воспоминания. М. 1983. С. 102.

граммы, публицист Егор Холмогоров, но и вообще без своего места в Восточной Европе.

Пиком этого абсурда можно считать недавнее высказывание татарской журналистки, сотрудницы республиканского телеканала НТВ, заявившей родителям — участникам пикета в защиту права на изучение русского языка в Татарстане: «Вам, оккупантам, не место на земле Татарстана». Выходит, что русские — оккупанты в Восточной Европе, на своей собственной земле? Не сошло ли с ума российское общество?

Но мысль о «пришлости» и чужеродности русских в России в той или иной форме разбрелась и зацепилась в мозгу очень многих представителей российских СМИ. Чем, как не этой мыслью, вызваны слова одного из ведущих ток-шоу «НТВшники» Антона Хрекова о том, что в Канаде, например, трудно представить себе лозунг: «Канада — для англосаксов». Во-первых, в Канаде противостояние между англоязычным и франкоязычным населением — реальность жизни общества на протяжении всей его истории. А во-вторых, при чем здесь Канада? Получается, что для Антона Хрекова русские — такие же колонизаторы в Восточной Европе, как англичане и французы — в Северной Америке?

Абсурд?! Абсурд! Но как мы забрели в этот ментальный тупик? Очень многое начинается с истории, вернее, с утраты исторической памяти. Современная российская историческая наука находится в глубоком кризисе. И данная программа в «НТВшниках» — лишнее тому подтверждение.

«Нужна правда истории, — восклицает участник передачи, писатель Михаил Задорнов, — мы живем в кривде!» И я с ним полностью согласна. Но что мы видим далее? Разговор по историческим сюжетам занимает первые несколько минут программы, а потом переключается на рассуждения о языке, об анализе крови и, естественно, на вопрос о том, что иностранцы сотворили на Руси и в Московии. Будто бы Францию строили одни французы, Англию — только англичане и т.д. Может, тогда поскребем национальную сущность французов и англичан, отделим все реки, которые питают море их национальной культуры?

По поводу крови хочу напомнить то, что сказал Коровьев из «Мастера и Маргариты»: «Ах, королева... вопросы кро-

ви — самые сложные вопросы в мире!.. Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт». Несмотря на это, «кровь» стала занимать не по праву ведущее место в спорах, подобных имевшему место в данной программе. Но так сложилось сравнительно недавно.

Достаточно напомнить, что в Российской империи этническая принадлежность определялась в том числе и как принадлежность конфессиональная. Иначе говоря, русскими считались люди, исповедующие православие. Таким образом, русским мог стать каждый, кто переходил в православие. Это ли не замечательно: у каждого человека был собственный выбор — кем быть? А кровь, получается, являлась вопросом отнюдь не первостепенного значения. Графа о национальности, жестко фиксирующая этническую принадлежность на веки вечные, была введена советской властью.

Но оставим вопросы крови и вернемся к истории, поскольку именно она — одна из тех областей, где начинается путаница, которая потом тянется, как удав, через всю нашу общественную мысль, оставляя в ней серый унылый след.

В программе фрагмент о начале русской истории привычно посвящен имени Руси, в связи с чем столь же привычно упоминают и шведский Рослаген — дескать, эта область до сих пор существует в Средней Швеции. Проблема только в том, что этой области не существовало в IX веке, т.е. в то время, с которым связывается выход Древней Руси на историческую арену. Ее не было в силу геофизических особенностей развития восточного побережья Швеции — подъема дна Балтийского моря, что делает бессмысленными все попытки каких-то лингвистических изысканий по поводу Рослагена — Руотси. Ну смешно же, в самом деле! Земли Рослаген не было в природе, а алхимики от истории пытаются выпарить какие-то лингвистические элементы, которые торжественно преподносят в качестве научных откровений о начале Руси!

И представителям российских СМИ стоило бы обратить внимание на геофизические факты по данному вопросу, вместо того, чтобы до бесконечности тиражировать смешную выдумку про Русь из Рослагена.

Далее, продолжая исторический пассаж, участники программы предприняли попытку порассуждать о том, существ-

вовала ли Русь до призвания варягов. Это тоже обычный вопрос для тематики по начальному периоду русской истории. Почему он возник? Очень просто.

Древнерусские летописи совершенно однозначно говорят о том, что Русь в Восточной Европе существовала и до призвания варягов. Об этом говорит Лаврентьевская летопись, перечисляя тех, кто обратился к варягам: «Рѣша русь, чудь, словѣни, и кривичи». Но в программе приводят и классическую аргументацию, сложившуюся благодаря норманизму. Поскольку, говорят, в летописи по Радзивилловскому списку эта фраза написана как: «Рѣша руси чюд(ь), и словене, и кривичи, и вси», то здесь следует видеть падежную форму: сказали кому? Ответ напрашивается сам — Руси. Однако никакого падежного окончания в Радзивилловской летописи нет, а есть мн. ч. *руси* наряду со *словени*, *кривичи*. Можно провести аналогию с Никоновской летописью, где сказано, например: «Роди же нарицаемые Руси, иже и Кумани». То есть название народа *русь* могло быть и в форме мн. числа *руси* или как нам более привычно — *русы*.

Но кроме этого есть сообщение Повести временных лет об образовании Русской земли у полян под 852 годом, т.е. за десять лет до призвания Рюрика. Так, даже беглое обращение к летописям показывает, что наша историческая мысль живет под прессом традиции подгонять источники под известную догму: Русь из Рослагена, а до этого никакой Руси в Восточной Европе не было, и быть не могло. Но если манипулировать источниками, вместо того чтобы уважительно изучать их, то трудно будет отыскать дорогу к нашим корням и ответить на вопрос: откуда мы?

По моим исследованиям, Русь и как народ, и как имя ниоткуда в Восточную Европу не приходили, а именно там родились и прожили длительную историю. Поясню высказанную мысль несколькими примерами.

Норманнисты без устали повторяют, что у многих народов имя пришло «со стороны», и перечисляют англичан, французов, болгар. При этом, в силу лингвистической зашоренности, не учитывается вся сложность взаимодействия различных этнических групп при миграции одного народа на землю другого, когда в результате миграций складывается новая общность.

Согласно моим наблюдениям, рождение новой этнической общности происходит от союза двух «родительских» организмов по определенной схеме: новая общность получает язык от одного «родителя» и имя — от другого. Причем если один из «родителей» является «пришлым», то другой должен быть автохтоном, связанным с местной землей. Это как бы формула этногенетического процесса, состоящая из двух величин: вопроса языка и вопроса имени — двух важнейших вопросов, которые вставали перед людьми при рождении новой общности.

Например, Италия, согласно легенде, получила свое имя от царя пришлых сикулов (сицилийцев) Итала, а ее латинский язык сохранил имя аборигенов — латинов. Современная Франция получила имя от пришлых франков, но язык остался от автохтонной кельто-галльской традиции. В английской истории общий политоним объединенного королевства был унаследован от кельтской Британии, а язык — от пришлых германоязычных англосаксов. В смешанной этнической среде — симбиозе тюркских протоболгар — потомков волжских булгар и балкано-славянских племен родилась современная Болгария, при этом политоним — Болгария — был взят от тюрко-булгарских пришельцев, а язык и другие феномены культуры — от местных славянских племен. Кстати, помимо волжских булгар на Балканы переселялись и индоевропейские народы. Академик О.Н. Трубачев выделил на юге Восточной Европы прототип этнонима сербы, первоначально неславянского, но индоевропейского, носители которого ославянились на Балканах с принятием славянских языков (см. его работу «К истокам Руси»).

По сходной логике должно было происходить и рождение современной русской общности и как этнического, и как политического объединения в период расселения славянства в Восточной Европе. Одним из «родителей» русских, давших новой общности язык, было, безусловно, восточноевропейское славянство — «родитель» пришлый, как это и наблюдалось в истории большинства народов. Но тогда имя Руси не могло прийти «со стороны», как это продемонстрировано выше на известных примерах. Оно должно было родиться в Восточной Европе до прихода туда славянства, но иметь индоевропейское происхождение.

Поставив вопрос таким образом, я несколько лет тому назад подошла к идее индоевропейского субстрата на севере и в центре Восточной Европы в древности, в котором увидела этническую среду, явившуюся лоном для Древней Руси. На основе данной идеи я стала развивать концепцию о двух периодах древнерусской истории: дославянском (но индоевропейском) и славяно-русском. Эту гипотезу я представила в ряде опубликованных работ, но в силу ее масштабности (включая и проблему соотношения взаимоотношений индоевропейского субстрата с концепцией «сплошного финно-угорского мира на севере Восточной Европы в древности») останавливаться на ней в этом очерке не буду, тем более что для ее раскрытия в полноценную концепцию потребуется время.

Здесь же хочу с помощью небольшого примера лишь подкрепить мое предположение о том, что расселение славян в Восточной Европе происходило в среде дославянского индоевропейского субстрата. Без учета наличия этого древнерусского предка — насельника в Восточной Европе — мы никогда не получим цельную картину древнерусской истории. Напомню, что говорится в летописи: *«Славяне пришли и сели... по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане...»*

В науке особенно не растолковывается, как и почему славяне назвались по имени дославянского гидронима Полота. Чуть ранее летопись рассказывает нечто аналогичное и говорит о том, что *«Яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася морава...»*

Открываем работу известного индоевропеиста Юлиуса Покорного «Zur Geschichte der Kelten und Illyrierg» и читаем: *«На территории... к востоку от Эльбы и к югу от Варты и Шпрее, ... Сев.-Вост. Богемии до Эльбы, в Моравии, нижн. Австрии и Словакии ... названия рек не относятся ни к германским, ни к славянским, они происходят, как доказано, из вето-иллирийских языков. В областях, где потом поселились славяне: Далмация, Паннония, Истрия — были иллиры и вены. ... Сами иллирийские вены ославянились позднее.»*

В числе дославянских, но индоевропейских гидронимов Покорный называет и Мораву. Таким образом, о расселении южных и западных славян имеется достаточно четкая кар-

тина: оно происходило в Европе вплоть до Балтики среди субстратного (или более древнего) индоевропейского населения дославянской языковой принадлежности. Расселяясь, славяне вступали с ним во взаимодействие на условиях, которые я указала выше: если пришлая общность давала свой язык, то принимала имя местного народа.

А вот что касается восточноевропейского славянства, то такой же четкой картины его расселения среди индоевропейского субстрата Восточной Европы (само понятие индоевропейского субстрата Восточной Европы — своего рода *tabula rasa*, невзирая на уже накопленные знания об индоиранцах III тыс. до н.э.) не имеется, соответственно, и непонятно, почему пришельцы называли себя, например, по имени реки Полота. Логично признать, что названия тех восточноевропейских рек, именами которых назывались пришедшие сюда славяне, существовали в Восточной Европе до славянского расселения, т.е. принадлежали дославянскому индоевропейскому субстрату.

Но иногда, согласно летописи, происходило так, что и пришлые славяне давали новой общности свое имя: «*Словѣне же съдоша около езера Илмеря, и прозвахася своимъ имянемъ...*». Как видим, летопись четко фиксирует тот единственный случай, когда пришлые славяне дали свое имя новой общности в Приильменье, однако новгородский и псковский диалект сохранили особенности, которые не отмечались в других восточнославянских диалектах (о чем — ниже). Значит, во всех остальных примерах славяне получали «не свои», а местные имена, явно индоевропейской языковой принадлежности, но существовавшие до их прихода, закрепленные в топонимике, что определялось связью с местной культовой сакральностью, предковыми именами, отразившимися и в названиях наиболее важных природных феноменов — рек, гор и т.д.

Исследователи давно обращали внимание на обилие гидронимов в Восточной Европе, в образовании названий которых участвовал корневой компонент *рас / рос / русь* или *рус*.

Так, древнейшим из известных названий главной реки Восточной Европы Волги было *Ра*. Оно сохранилось у Птолемея (середина II в. н.э.), а позднее обнаружилось и у Геродота (V в. до н.э.) в той же огласовке корня *ра-*. Историк А.В.По-

досинов считает, что есть и более древние названия Волги. Одно из них сохранилось в древнеиранской «Авесте», общепринятой датировкой создания которой считается конец II — первая половина I тысячелетия до н.э. В текстах этого памятника упоминается река под названием *Raṅha* (*Рангха*, *Ранха*), в котором многие иранисты видят Волгу. В гимнах древнеиндийской «Ригведы» (конец II — начало I тыс. до н.э.) упоминается некая северная река *Rasā*, которую отождествляют с авестийской *Raṅha*, т.е. тоже с Волгой. Если говорить об этимологии древнеиранского названия Волги, напоминает Подосинов, то лингвисты считают вполне закономерным выведение греческого *'Pā* и авестийского *Raṅha* из авестийского же *ravan*-река, при этом, очевидно, -v- было передано грекам через дигамму, которая впоследствии, как известно, исчезла — признак большой древности заимствования в греческий. Начиная с Волги / Расы, вся Восточная Европа изобилует названиями рек, несущими в корне *pac* / *ros* / *рус*. Приведу также несколько примеров, собранных Д.Иловайским: «Народное имя Рось или Русь, как и многие другие имена, находится в непосредственной связи с названиями рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так Неман в старину называли Рось; один из его рукавов сохранил название Русь; далее следуют: Рось или Руса, река в Новгородской губернии, Русь, приток Нарева; Рось, знаменитый приток Днепра на Украине; Руса, приток Семи; Рось — Эмба; Рось — Оскол; Порусье, приток Полиста, и пр. Но главное, имя Рось или Рас принадлежало нашей Волге. В этом удостоверяют нас свидетельство Агафемера в III веке и сохраняющееся доселе у Мордвы для обозначения Волги название Ра. Эта последняя форма встречается еще у Птолея и Аммиана Марцелина». В книге индолога Н.Р.Гусевой есть ссылка на известного знатока русских древностей М.Забылина, писавшего, в частности, что «многие священные реки у литовцев и славянорусов назывались Русами и Росами... Так, например, рукав Немана донныне называется Русой... река, впадающая в Нарву, называется Росс... река Русо в Старорусском и др.»

Таких примеров можно было бы привести больше, но, с одной стороны, они достаточно хорошо известны, а с другой

стороны, им до сих пор не находилось убедительного объяснения в системе рассуждений о происхождении Руси (да и как бы это произошло, если основные силы рассуждающих были сосредоточены на Рослагене!). Известны, например, мысли писателя В.Чивилихина о том, что словом *раса / руса / роса* обозначалась просто река, как природное явление, тогда народ русы — это «люди рек». Полагаю, что это не совсем так. Из летописи мы видим, что, например, названия рек Полота и Морава, по именам которых назвались полочане и моравы, не были тождественны понятиям реки вообще. Это были их особые имена, причем, судя по исследованиям индоевропеистов, пришедшие откуда-то из глубины времен. В древние дописьменные времена названия рек или гор служили маркерами границ, отделявших территорию одного народа от другого. Первобытное сознание обожествляло окружающий мир, и в общей картине мира своя земля как земля многих поколений своих предков отделялась от чужой земли как земли чужих предков именами древних божеств — оберегов или именами обожествленных предков. Пришельцы в землю иного народа, называя себя уже существующим в этой земле именем, тем самым как бы переходили «под руку» местных сил, принимали местные культы предков, местные священные традиции. И наоборот: если пришельцы утверждали свои феномены культуры, например, приносили новое общее имя для этнополитической организации, то это могло отражать процесс внедрения новых культурных ценностей в форме новых культов, объектов поклонения и т.д. Однако и прежние имена не исчезали полностью, но становились менее значимыми, например, из общетерриториальных переходили в разряд местных. Сама по себе тема взаимосвязи древних названий местности и имени народа очень обширна, и здесь я обратилась к ней только затем, чтобы пояснить два момента. Первое: летописные сведения о полочанах и реке Полоте вполне вписываются в современные знания о том, как в архаичные времена происходило расселение новых общностей на территориях других народов. Второе: пример с полочанами и Полотой раскрывает перед нами связь между реками с названием *Раса / Руса / Рось* и народом, назвавшимся по ним русами — насельника-

ми в Восточной Европе со времен «Ригведы» и «Авесты», до-славянскими древнеевропейскими прямыми предками современных русских, украинцев (малороссов), белорусов, а также целого ряда малых народов России. За многие века это имя пережило богатую, насыщенную событиями историю. Наверняка, оно не однажды меняло свое значение, соединялось с другими именами, переселялось на новые территории.

Как, например, именовалось приильменское индоевропейское население до расселения там словен и принятия их имени как общего? Может, русью и именовалось? А после того, как имя *словене* было принято в качестве титульного, прежнее имя руси могло стать одним из локальных названий. О носителях этого локального имени явно и идет речь, когда летопись перечисляет состав делегации, отправившейся к варягам — руси. Имена народов, как и любые родовые имена, могли распространяться на разных территориях. Так произошло и с именем Руси. Только это имя вышло из Восточной Европы, а не пришло в нее. На севере Европы мы видим его идущим от Немана / Руси (кстати, до сих пор город в устье Немана называется Русне) через Пруссию / Порусье до летописных варягов-руси в западном приделе Южной Балтии. Распространялось имя Руси и в южных приделах. Вот несколько примеров из книги В.Е.Борисова «Карта Сарматии во II в. по Р.Х. по греческому географу Птолемею» (Ковно, 1909): «Весь венгеро-румынский район покрыт названиями, напоминающими о руси: Пояна Руска, Рускберг, Русс, Русор, Русанешти, Рускова, Рушова, Рушполяна, Рустина, Рутка, Росток, Россия, Роскочь, Росчина; ко многим селениям прибавляется «орос», «орош», по-венгерски «русь». Прилагают и «Олах» или влах, т.е. римский, «маджар», «хорват», «роман», «немет». Это служит несомненным доказательством, что население между собой, по крайней мере в старину, различало русов, волохов, хорватов, немцев». Можно также напомнить, что есть город Руса в Болгарии неподалеку от болгаро-румынской границы. Хотелось бы только подчеркнуть, что история народа и история имени народа не полностью тождественны друг другу. Для краткости, привожу пример с именем *англов*: имя *англов* ушло с юга Ютландского полуострова на Британские острова, а оттуда — в Но-

вую Англию США. С каждым переходом оно переносилось на новую общность, которая в значительной степени отличалась от предыдущего носителя. Поэтому я критически расцениваю попытки норманистов поставить анализ имени Руси, причем якобы сугубо лингвистический анализ, во главу угла всей древнерусской истории (более подробно эта точка зрения будет раскрыта в статье «О Рослагене — выдуманной прародине Руси»). Исследование этнонима, включая и его этимологию, — часть истории самого народа, при этом, только малая ее часть, которую нельзя рассматривать в отрыве от данных письменной и устной истории, духовной культуры, исторической географии и т.д. Только в русле всей культурно-исторической традиции анализ имени народа, включая и этимологию, может добавить что-либо существенное к истории народа. Но все мои наблюдения говорят за то, что начало древнерусской истории, включая и происхождение имени *Русь*, связано с Восточной Европой в древности, хотя для развития их в полноценную концепцию потребуется время.

Следующим логически вытекающим примером в рассуждениях об индоевропейском субстрате Восточной Европы и восточноевропейском славянстве может быть пример, касающийся особенностей древненовгородского диалекта, упомянутого выше. Многочисленные дискуссии на эту тему привели исследователей к выводу о том, что эти особенности не могут быть объяснены только последовательным расселением восточноевропейского славянства из Поднепровья на север, исходя из концепции монолитного православнославянского языка, восходящей к А.А. Шахматову (см. об этом труды академика А.А. Зализняка). Однако и этот важный вывод о северных диалектах древнерусского языка как более сложном феномене, чем это предполагалось ранее, не решает всех проблем.

Классическим примером, подтверждающим мысль о том, что русский и славянский языки развивались в древности как отдельные языки, являются названия Днепровских порогов. Как известно, у Константина Багрянородного приводятся два ряда имен для днепровских порогов — «славянские» и «русские», из чего явствует, что еще в середине X в.

эти языки не были идентичны. М.Ю. Брайчевский, например, обосновывал скифо-сарматскую этимологию русских названий порогов с конкретными аналогиями из осетинского языка, т.е. иными словами, — он обосновывал дославянское восточноевропейское происхождение части древнерусских топонимов.

Русская номенклатура Днепровских порогов, согласно М.Ю. Брайчевскому, намного старше славянской и восходит, скорее всего, к последним векам до нашей эры. Именно эта номенклатура была исходной, а славянская представляла собой переводы или кальки сарматских названий. При этом общеизвестны стремления норманнистов доказать, что «росский язык» у Константина Багрянородного сохраняет скандинавскую (древнешведскую) лексику. Однако их выяснение языковой принадлежности «росских» названий осуществлялось тем же методом, что и выяснение «этимологии» имени Руси — на основе лингвистической схоластики, в отсутствие не только исторической, но и самой обычной логики, т.е. методом, сильно напоминающем Рудбека.

Поскольку предлагавшиеся норманнистами скандинавские названия порогов были неразрывно связаны со шведскими «гребцами» *rodzmån из Rodzlagen, который, как оказывается, в IX веке еще не «всплыл» на поверхность, то сейчас в первую очередь требуется уточнить, откуда эти «гребцы» пригребли на Русь, а потом продолжать навязывать «скандинавскую» этимологию названий порогов.

Но идея о дославянском слое в древнерусском языке наталкивается не только на противодействие норманнистов (как фантастическая определялась, например, этимология Брайчевского), но и на господствующее в науке убеждение в том, что древнерусский и славянский язык — синонимы. Однако так ли уж безупречна эта мысль и так ли уж невероятна идея о двухслойности древнерусского языка? Например, сегодня понятия English language и British language используются как синонимы, но вряд ли кому-нибудь покажется абсурдным утверждение о том, что British language имел в истории своего развития догерманский период. Также никто не удивляется тому, что законные предки славян венды/венеды имели длительный, длиной в несколько тысячелетий, дославянский индоевропейский период.

То, что имя *Русь* имеет глубокие корни в Восточной Европе, подтверждается обилием вышеупомянутых гидронимов с корнем *рус / рос / рас*, которые очерчивают восточноевропейский ареал от Волги до Немана и Карпат. На этот феномен давно обращалось внимание, но использовать эти данные в полной мере пока не удавалось, хотя с гидронимией как источником работали многие ученые. Например, хорошо известны исследования О.Н. Трубачева о связи имени *русь* и индоарийского субстрата в Северном Причерноморье. Но норманисты отмахиваются от этих доказательств, томно заявляя: «Ах, ну, это все простые созвучия!» Ничего себе, простые созвучия, разбросанные чуть не на половине Европы! А взамен нам предлагают лодку с гребцами и с социальным наполнением (?!).

Глубина корней Руси должна соизмеряться с данными науки об эпохе индоевропейской общности в Восточной Европе, ее датировками, с теориями распада индоевропейского единства и формирования выделившихся новых общностей, одной из которых, полагаю, и стала общность с именем Русь.

Гидронимика свидетельствует о том, что произойти это должно было в глубокой древности. Возможно, это был период, совпавший с уходом протоиндоариев на юг и далее — предположительно середина II тыс. до н.э. По моим предположениям, *Русь* — это имя автохтонного, реликтового «женского первопредка», родившегося в среде архаичного индоевропейского населения Восточной Европы и выделившегося из этого субстрата, дав имя народу и став политонимом в разные исторические периоды. Полагаю, что как коренной субъект Восточной Европы Русь имела здесь и свою длительную предковую предысторию. Надеюсь, что со временем мне удастся раскрыть эти идеи в отдельной работе под названием «Материнские корни Руси». Использование терминов родства, таких как «материнский предок» и «отцовский предок», для представления картины происхождения народа сохранилось у народов с более архаичной историей, например у части кельтских народов.

Пока же, как в этой передаче на НТВ — все согласны, что нельзя плевать в прошлое, но практически, исключив историю из беседы, запросто потеряли русских в России.

ВАРИНЫ — ВАРЯГИ — ВЭРИНГИ: СУДЬБЫ В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ¹

Утверждение того, что летописные варяги — это скандинавы (часто — выходцы из средней Швеции), принадлежит к символу веры норманнизма — течения в исторической науке, сторонники которого, помимо скандинавского происхождения варягов, убеждены еще и в том, что летописный Рюрик был безродным воякой шведского происхождения, нанятым по договору в наследные князья предками новгородцев (аналогов чему нет в мировой династийной практике), а также — проповедают идею шведской этимологии слова *Русь*, из чего пытаются вытянуть происхождение всего русского народа, хотя общеизвестно, что происхождение субъекта и происхождение его имени — это две отдельные истории.

Варяжская гвардия в Константинополе (из хроники Скилицы)

¹ Расширенная версия доклада, прочитанного на международной научной конференции «Начала русского мира», Санкт-Петербург, 28—30 окт. 2010 г.

Заявления о скандинавстве варягов в работах норманистов предлагаются как бесспорная истина, давно доказанная и обоснованная. Однако когда начинаешь проводить более дотошные разыскания в их работах, то обнаруживаешь, что никаких убедительных доказательств тому нет. А продолжая разыскания, выясняешь, что их и быть не может, поскольку оказывается, что все постулаты норманизма проистекают из фантазийного ненаучного источника. Эти два положения я и постараюсь раскрыть в данном очерке. Кроме того, в статье будет показано, что фантазии в истории — не такая уж безобидная вещь. Проникнув в науку, они стремятся поглотить и подменить живой исторический материал собственными химерами. Примером тому может служить история народа варингов — древних мореходов и торговцев с Южной Балтии или история термина «викинг», который оказывается старше истории стран Скандинавского полуострова.

Начав около пятнадцати лет тому назад исследовать истоки полемики о варягах, я обнаружила, что эта тема оказалась изначально втянутой в круг целого ряда утопий, сложившихся в западноевропейской исторической мысли XVI—XVIII вв. В числе таких утопий следует назвать *готицизм и рудбекианизм* — течения, в рамках которых развилась тяга к реконструкции истории древних народов Европы, начиная с готов, а также сложилось стремление претендовать на родство с ними и приписывать себе славу их истории. В дискуссиях готицизма с самого начала активную роль приняли на себя шведские историки и политики в силу своих притязаний видеть в Швеции прародину готов. Уверовав в эту идею, шведские историки, начиная с XVI в., увлеклись воссозданием грандиозных картин якобы своего готского прошлого. Но поскольку материала собственной истории не доставало, начала складываться привычка приписывать себе историю других народов древности, для чего общеизвестные классические источники стали объявляться принадлежностью шведской истории, только не узанной ранее в силу искажения названий и пр. Так, частью гото-шведской истории была объявлена история скифов, история тракийских и фракийских народов, называемых греками гетами, и многое другое.

Традиции мифотворчества получили дальнейшее развитие в XVII в., когда шведскими литераторами и историками было сделано новое чудесное открытие о том, что и гипербореи из античных источников — тоже прямые предки шведов и что, следовательно, мифы о гипербореях — это забытый источник по древнешведской истории. Присоединение «гипербореады» к шведской истории открыло уже совершенно безбрежный простор для любых фантазий на исторические темы, таких, например, как идею притязать на основоположничество шведов в создании фундамента древнегреческой культуры, т. е. быть в области истории как бы впереди Европы всей. На этой волне и в условиях захватнических военных действий шведской короны в Новгородской земле шведским дипломатом и историком П. Петреем в его «Истории о великом княжестве Московском» была высказана верноподданническая мысль о том, что и варяги из древнерусских летописей должны были быть выходцами из Швеции. А почему бы и нет? Если уж гипербореи — из Швеции, то кто мешает вывести из Швеции и варягов?

Подобные фантазии на темы собственной истории достигли своего пика в *рудбекианизме*, особом феномене западноевропейской исторической мысли XVII—XVIII вв., от имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека. Олаф Рудбек прославился тем, что в своем произведении «Атлантида» («*Atland eller Manheim*»), основные три тома которого были изданы в 1679—1698 гг., а последний, 4-й том был поврежден в пожаре 1702 г. и восстанавливался много позднее, пропагандировал основоположничество шведов в истории всех древних европейских народов, а Швецию представлял колыбелью общеевропейской культуры. Именно априорность идеи об универсальном основоположничестве шведов в европейской истории навела О. Рудбека на рассуждения и о варягах, в которых он подхватил и развил слова П. Петрея о варягах из Швеции. О. Рудбек наделил эту мысль и этимологическим воляпюком, в его время вера в этимологию, как панацею от всех исторических проблем, утвердилась самым незыблемым образом. По мнению О. Рудбека, слово «варяги» означало шведских морских волков-разбойников, что показывало — «...великокняжеское имя русской династии

явилось из Швеции». Г.З. Байер принадлежал к поколению западноевропейских ученых, воспитывавшихся на наследии готицизма и рудбекианизма. Идеи этого наследия, включая и идею о скандинавском происхождении варягов, были привезены Г.З. Байером в Россию как новейшее достижение западной науки, поскольку в его время даже самые выдающиеся западноевропейские мыслители увлекались этими направлениями в силу моды на идеи о готско-германских началах в западноевропейской истории.

В своей статье «О варягах», которая до сих пор является программным документом норманнизма, Г.З. Байер заявил, что «Сказывают же, что варяги у русских писателей были из Скандинавии и Дании дворянской фамилии товарищичи на воинах и служивые у русских солдаты, царские ковалергарды и караульные на границах,... все до одного шведы, готландцы, норвежцы и датчане назывались варягами...», в качестве источников сослался на шведских историописателей-фантастов: Иоанна Магнуса, создавшего феерический труд о Швеции как прародине готов и колыбели всей германской культуры, на Верелия — одного из проповедников шведской гипербореады и на О. Рудбека, у которого, по определению современных шведских исследователей, «шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда». Итак, перечисленные Г.З. Байером авторитеты — не наука, но, к сожалению, вслед за Г.З. Байером из этого ненаучного источника продолжает насыщаться и современный норманнизм. Но, может, современному норманнизму удалось сделать невозможное — наполнить научным содержанием «причуды фантазии» П. Петрея и О. Рудбека? На мой взгляд, нет. Но судите сами.

Ведущими специалистами в обосновании «скандинавского» происхождения варягов являются сегодня Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин. С наибольшей полнотой система их доказательств была представлена в статье, специально посвященной этому вопросу «Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: к истории названия «варяг»». Статья эта хорошо известна, поэтому напомним только суть аргументации авторов. С первых строк авторы статьи продекларировали, что значение слова «варяг» — это «скандинав на Руси»

и что скандинавская этимология этого слова очевидна, хотя само слово, по их утверждению, образовалось на Руси, но в скандинавской среде. Их статья помогает обнаружить, что в этимологических исканиях по поводу имени *варяг* норманизм столкнулся с двумя крупными незадачами. Первая незадача была исторического характера, т. е. на пути норманистской концепции встала сама история.

Общеизвестно, что в поисках доказательств скандинавского происхождения слова «*варяг*» норманисты давно стали исходить из того, что первичным для него является слово «*вэринг*», во множестве встречающееся в исландских сагах и других скандинавских источниках для обозначения людей, находящихся на службе в Византии в особых военных отрядах — как телохранители императора или в императорской гвардии (в византийских источниках именовались *варангами*). Но для подтверждения того, что *варяги* — производное от *вэрингов*, надо было, чтобы *вэринги* добирались в Византию через Русь, однако в скандинавских источниках о наиболее ранних поездках *вэрингов* обо этом — ни намек. О поездках исландцев в Константинополь с конца X в. рассказывается, но через Русь они туда не ездили — неудобно (в более поздние времена — да, случалось). Более того, имя *вэринги*, как отмечают вышеупомянутые авторы, не употреблялось для выходцев из скандинавских стран, побывавших на Руси, только — для служащих в Византии, причем только в особых отрядах. Стендер-Петерсен объяснял этот казус случайностью дошедших до нас скандинавских известий. Да нет, говорят наши авторы, скандинавских источников очень много.

Вот такой конфуз: *вэринги*, согласно источникам, изначально оказывались сами по себе и через Русь идти никуда не хотели, а *варяги* — сами по себе и в одну цепочку с *вэрингами* не связывались. Но эту незадачу наши авторы преодолели с легкостью, типичной для рудбекианизма: надо было найти подходящий исторический контингент из соответствующего источника и объявить его как неопознанных ранее скандинавов. Так авторы статьи и поступили: они взяли известный эпизод из ПВЛ, где рассказывается о событиях 941—944 гг.: о военных действиях князя Игоря против Ви-

зантии, о его поражении, в силу чего князь Игорь послал «по варяги многи за море...», что по толкованию авторов означало, что князь вызвал из-за моря скандинавов. Далее их фантазия рисует заключение Игорем договора, определявшего условия службы наемников, что, дескать, и вызвало к жизни самоназвание, т. е. слово «варяг». Звучит складно, только где же этот договор?! Договор Игоря о найме скандинавов, на основе которого авторы воздвигают свою концепцию, не существует (также, впрочем, как и договор о «найме» Рюрика), поэтому и все их рассуждение — бойкая фантазия. Здесь следует также пояснить, что попытка связать появление слова «варяг» с X в. объясняется очень просто: для того, чтобы подтянуть свою версию к вэрингам из саг, упоминаемым не ранее 980 г., как хорошо показано в статье данных авторов. Поэтому и появление летописных *варягов* должно было быть приурочено к этой дате.

Вторая незадача оказалась лингвистического характера: лингвистически никак не удавалось произвести слово *варяг* от *вэринг*, поскольку именно *вэринг* обязано быть первичным по отношению к *варяг* для того, чтобы сложилась вся «концепция». Одна из последних попыток такого рода предпринималась немецким лингвистом Г. Шраммом. Но Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин отвергли его рассуждения как неубедительные, поскольку Г. Шрамм не смог, по их словам, преодолеть ряд сложностей фонетического порядка. Убедительной они провозгласили этимологическую конструкцию, предложенную ранее Г. Якобссоном, согласно которой между *вэрингами* и *варягами* была промежуточная форма *wārangR* — слово, неизвестное скандинавским источникам, но выделенное Г. Якобссоном в названии Варангерфьорда на севере современной Норвегии (подчеркиваю, современной). Итак, безымянные скандинавы пришли к Игорю, назвали себя неизвестным в Швеции, Дании, а также и в Норвегии (норвежская корона достигла северной оконечности Скандинавского полуострова много позднее X в.) словом *варангр* и, оставив это название трансформироваться в русское *варяг*, понесли *варангр* далее в Византию, а уже из Византии — и в скандинавское общество. Но на обратном пути, где-то по дороге из Византии в Скандинавию древне-

скандинавская форма снова трансформировалась и превратилась в *вэринг*, поскольку «...архаичный и малоупотребительный суффикс *-ang* заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом *-ing*...». Может кто-нибудь представить все это в реальной жизни? Поэтому нарисованная авторами картина, может, и обходит фонетические сложности, но в категории человеческой жизни она совершенно не укладывается, поэтому ее ценность в качестве исторического доказательства для меня равна нулю. И я остановилась на ней потому, чтобы, во-первых, показать, что за утверждениями норманнистов о скандинавском происхождении варягов не видно никаких доказательств, а во-вторых — подойти к вопросу о том, что утопические концепции существуют в истории за счет сокрытий и подмен из историй других народов.

Знакомство с результатами исследований английского ученого начала прошлого века Т. Шора показало, что с нашептанием норманнистских утопий оказались преданными забвению факты европейской континентальной истории. Первая из них — история древнего народа *варинов* с Южной Балтии. Приведу несколько фрагментов из книги Т. Шора «Origin of the Anglo-Saxon race — a study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people» / «Происхождение англосаксонского народа» (я познакомилась с ней благодаря упоминанию ее А.Г. Кузьминым). Т. Шор был далек от дискуссий норманнистов и антинорманнистов — его просто интересовала история всех народов, которые действовали в начальный период истории Англии, и прежде всего — история англов и саксов. Но в рамках этой истории он рассказывает и о народе *варинов*, и этот рассказ оказывается потерянным звеном в цепи рассуждений о летописных варягах.

Повествуя о происхождении народа англов (*the Angles*), Т. Шор пишет, что этот народ был впервые упомянут Тацитом в паре с другим народом — *варинами* (*the Varini*). Говоря о *варинах*, Т. Шор всегда приводит написание этнонима «*варины*» с вариантом «*вэринги*» (*Varini or Warings*), обнаруживая перед нами ту простую истину, что *Warings/вэринги* совершенно очевидно являются англоязычным вариантом слова *Varini*. Т. Шор высказывает убеждение, что *англы* должны

были находиться с *вэрингами* (*the Warings*) или *варинами* (*the Varini*) Тацита в тесных союзнических отношениях в течение длительных периодов. Он напоминает, что во время Карла Великого (742—814) был известен утвержденный кодекс законов под названием «*Leges Anglorum et Werinorum*» — «Законы Англов и Варинов» (у Т. Шора: «*The laws of the Angles and Warings*» — «Законы Англов и Вэрингов»). Эти *варины*, или *вэринги* (*the Warings*), жили, согласно Т. Шору, в юго-западной части побережья Балтики, причем с древних времен. Отражение имени варинов Т. Шор видит в названии реки Варины или Варны (*Warina, Warna*), от чего произошло и название Варнемюнде.

Интересным фактом в связи с историей *варинов/вэрингов* Т. Шор считает их связь с островом Рюген, который при жизни епископа Оттона Бамбергского (1060—1139) назывался Верания (*Verania*), а его население известны как вераны (*Verani*) — злостные язычники. Т. Шор отмечает, что, без сомнения, в этом сообщении речь идет о славянских язычниках и ясно, что *вэринги* (*the Warings*) принадлежали к их числу.

Далее Т. Шор рассказывает, что варины/вэринги с ранних времен были одним из торговых народов Балтики и вели торговлю как с Византией, так и в славянских землях, передвигаясь там по рекам на небольших судах. *Варины/вэринги* (*the Warings*) с ранних времен были связующим звеном в торговле между балтийскими портами и различными областями (*dominions*), подчиненными греческим императорам (*Greek Emperors*). Т. Шору известна связь варинов с древнерусской историей. Он сообщает, что в ранних русских источниках известны как сами варины, так и их страна *Варингия* (*Waringia*), и что по их имени названо *Варингское море* (*Waring Sea*). Эти древнейшие союзники англов, по словам Т. Шора, оставили глубокий след в истории Восточной Европы. *Варины* оказали огромное влияние на историю древних славян (*old Slavs*), или историю той страны, которая сейчас является Россией. *Варины* имели свои поселения среди славян, вели торговлю с Византией. Киевский монах Нестор, писавший в одиннадцатом столетии, упоминал Новгород как город *варинов/варангов* (*Varangian city*) — свиде-

тельство того, что в этой части Руси была большая колония *варин*ов/*варан*гов (*settlement of Varangians*).

Т. Шор говорит, что *варин*ы были известны в Византии, поскольку из них был образован отряд телохранителей византийских императоров (*Varangian body-guard*). Их имя стало в Константинополе эталоном воина, и в XI—XII столетиях большей частью из этого народа набиралась византийская императорская гвардия *варан*гов (*Varangian guard*). В этот же корпус входили и лица староанглийского корня (*Old English*), что, по мнению Т. Шора, было естественным результатом древности связей между этими двумя народами. Т. Шор обнаружил, что имя *варин*ов/*вэрин*гов осталось в рунических памятниках Норвегии и отразилось, например, в записи, найденной в южной Норвегии, в Хардангере: «*Læta (or Læda) Wæringæa*» в память того, кто носил имя *Вэрин*га. Я привожу эту запись как она дана Т. Шором. Запись эта свидетельствует о том, что миграции *варин*ов/*вэрин*гов шли и на север, в Норвегию.

Согласно Т. Шору, англ

ы и *варин*ы выступали в тесном союзе и при завоевании и заселении Англии. Следы *варин*ов/*вэрин*гов, так же как и на южнобалтийском побережье, прослеживаются в топонимии Англии. Так, *Weringehorda* и *Wereingeurda* в Девоншире остались, по мнению Т. Шора, от *варин*ов/*вэрин*гов. Т. Шор подчеркивает при этом, что англ

ы и *варин*ы принадлежали к разным языковым семьям, говоря, что *варин*ы/*вэрин*ги не принадлежали к «тевтонской» расе, и добавляет, что в некоторых источниках они названы как *варн*ы (*Wærn, Wernas*). Т. Шор не использует понятие индоевропейского субстрата, применяемого в современной науке, поэтому и затрудняется определить происхождение *варин*ов, указывая только, что они были не «тевтонского» происхождения.

Приведенные отрывки из книги Т. Шора свидетельствуют о том, что из нашей исторической науки оказался исключенным важнейший материал — история древнего народа *варин*ов, в силу чего открылся простор умозрительным толкованиям имен *варя*гов — *вэрин*гов — *варан*гов. Возврат истории *варин*ов в историческую науку имеет принципиальное значение для реконструкции ранних периодов русской истории.

Введя в научный обиход данные из истории варингов, мы получаем возможность дать простое и логичное объяснение многим сообщениям византийских и других иностранных источников о варягах/варангах, которые не могли найти разумное толкование в русле спора, ограниченного поисками либо славянского, либо скандинавского происхождения варягов. Напомню, что В. Г. Васильевский собрал целый ряд свидетельств с различными этническими атрибуциями варангов, которые до сих пор вызывают недоумение ученых. Так, он приводил слова Кедрина (XII в.), который, воспроизводя Иоанна Скилицу, писал о варангах как о кельтах, а Иоанн Киннам пояснял, что «это Британский народ, издревле служащий императорам греческим». Согласуется с этими сведениями и приведенное им замечание норманнского хрониста XI в. Готфрида Малатерры: «англыне, которых мы называем варангами», а также — сообщение византийского писателя Георгия Кодина о том, что варанги прославляли византийского императора на отечественном языке, которым был английский.

Удовлетворительного объяснения в науке эти сведения так и не получили. Ларчик же открывается просто, если исходить из истории миграций народа варингов со своей древней родины на юго-западном берегу Балтии и прослеживания основных путей миграций: одного — в Восточную Европу, на Русь, а другого — вместе со своими древними соседями и союзниками англами, на запад, на Британские острова. Так, в диаспоре появились и варины англоязычные, и варины славяноязычные. Но понятно, что общее древнее прошлое, общая древняя идентичность служили объединяющим моментом для разноязычных групп варингов. Данный момент и определял то, что на службе у византийских императоров могли находиться и варины/варяги, пришедшие туда из Руси, и варины/вэринги, прибывшие с Британских островов, вкупе со своими традиционными союзниками англами, что давало самые законные основания относить их либо к британскому народу, иначе — к кельтам, либо объединять варингов с англами, как это мы видим у Малатерры. Благодаря данным Т. Шора, мы находим и логичное объяснение тому, почему варины добились особого статуса в Византии: древние морехо-

ды и торговцы — они издавна владели водными торговыми путями между Балтикой и Византией.

В рамках истории варингов становится понятным и общий Саксоном Грамматиком эпизод о посещении датским королем Эриком Эйегудом (1095—1103) Константинополя и о высказанном по этому поводу желании варангов встретиться со своим королем с соизволения византийского императора. Этот эпизод был приведен Г. З. Байером в его статье «О варягах» как один из аргументов в пользу его концепции — детища рудбекианизма: «...когда в Константинополь прибыл, то варанги от императора получили позволение к королю своему прийти, которых Эрик важною речью к верности, и к добродетели, и умеренному житию увещавши, у греков был в великом удивлении». Совершенно понятным становится этот эпизод, если мы введем его в историю взаимоотношений между южнобалтийскими варинами и их соседями с древних времен — королями данов. Земля варингов, или древняя Вариния, — *Verania* у Оттона Бамбергского — часто переходила под руку королей данов. Так было и во время правления Эрика Эйегуда: известно, что он вел победоносные войны с так называемыми «вендскими язычниками», в частности, с рюгенцами, что на практике означало распространение власти короля на завоеванные земли. Эрик Эйегуд правил всего несколько лет и, соответственно, его военно-политические успехи были самой свежей новостью в Византии во время его прибытия в Константинополь. Поэтому вполне логичным представляется желание варингов/варангов из Варинии/Рюгена как военных людей представиться своему новому королю и изъявить ему свою лояльность. Не менее логичным, вполне в контексте отношений «король — подданные», выглядит и поведение Эрика Эйегуда: «отеческие» увещания своим подданным служить «верой и правдой» их нанимателю — византийскому императору. И совершенно нелепыми на этом фоне выглядят комментарии Г. З. Байера данного фрагмента из Саксона Грамматика: «Я не спору, что датчане были варанги, ежели мне кто позволит, что в том числе многие были и шведы, и норвежцы». Эта фраза показывает, что Г.З. Байер под влиянием догм готицизма — рудбекианизма перестал пони-

мать логику живой истории. Для Г.З. Байера, в соответствии с готицизмом, датчане, норвежцы, шведы — некие абстрактные «скандинавы», которых он позволяет себе рассматривать как этноисторическую общность, никогда в реальной жизни не существовавшую. Языковая общность сложилась, но история у каждого из этих народов была своя, и королевские династии были свои. Даже в те непродолжительные периоды, когда Дания, Норвегия и Швеция объединялись в унию, короли или королевы, возглавлявшие союз трех монархий, должны были обосновывать свои права на каждый из трех престолов отдельно, т. е. каждый из этих народов всегда имел «своего» короля. Если рассуждения Г.З. Байера перевести на исторический язык, то, согласно его утверждению, в 1103 г. Эрик Эйегуд был «своим», т. е. общим королем для Дании, Норвегии и Швеции, но это — историческое заблуждение. Когда-то даже А.А. Куник, по словам В.Г. Васильевского, заметил по поводу византийских «гвардейских секироносцев»: «Относительно поездок в Византию надобно различать Шведов и Норвежцев строже...». Глас вопиющего в пустыне! Из приведенной здесь статьи Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, так же как и из других работ норманистов, видно, что схоластически обобщенный образ «скандинавов», рожденный утопией готицизма, по-прежнему подменяет конкретику истории королевств Дании, Швеции и Норвегии.

Вышеприведенная работа Т. Шора подкрепляет мой вывод о том, что мифы сознания норманизма живут за счет заимствований из историй других народов: лоскутность концепции Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина о происхождении слова «*варяг*» объяснима тем, что под свою «скандинавскую» историю они подложили часть истории народа *варинов*, т. е. норманистская концепция о скандинавском происхождении варягов пытается обобрать в свою пользу часть истории народа *варинов* — рудбекианизм в действии!

При исследовании проблемы о том, кто играл изначально ведущую роль в судоходстве на Балтийском море, принципиально важным является вопрос о том, какой народ ранее других овладел парусом. Не следует упускать из виду, что такое изобретение, как парус, позволившее создать

суда, пригодные для преодоления открытых морских пространств, пришло в скандинавские страны довольно поздно и могло быть заимствовано от тех соседних народов, которые стали использовать его намного раньше. Датский археолог Юханнес Бренстед, отмечая данный факт, сильно недоумевал по его поводу: «Археологические находки в Скандинавии рассказывают нам о больших открытых гребных ладьях (roddbåten) без паруса и со слабо выраженным килем, таких, например, как судно из Нюдама (Nydambeten) из Южной Ютландии [...]. Другие скандинавские археологические памятники, например, рисованные камни Готланда, показывают, как парус в период, следующий за эпохой Великого переселения народов, постепенно проникает в Скандинавию и в течение VI—VIII вв. медленно совершенствуется, пройдя путь от небольших и неуклюжих четырехугольных кусков ткани, прикрепленных к одной-единственной мачте, до парусов на больших роскошных парусниках викингов. И одновременно с этим происходило совершенствование самого судна, прежде всего — килевой части — и превращение гребной ладьи в корабль. [...]. Это очень странно, что парус пришел в Скандинавию так поздно»¹. О появлении паруса в Скандинавии только примерно за столетие до эпохи викингов (т. е. на рубеже VII—VIII вв.) говорит и датская исследовательница Э. Роэсдаль².

Странности и «загадки» истории, как уже отмечалось выше, возникают тогда, когда из мира исследований выпадает, а затем забывается какая-то часть исторического материала. Отсутствие какого материала мешает нам логично объяснить скачок, происшедший в развитии судостроения скандинавских стран в VII—VIII вв.? Ведь действительно, гребные суда использовались на северных берегах Балтики бесценно в течение нескольких столетий. Точкой отсчета здесь могут быть известные свидетельства К. Тацита, который ок. 98 г. упомянул в своей «Германии» о народе свионов: «...среди самого Океана обитают общины свионов,

¹ Brönsted J. Vikingarna hemman och i härnad. Stockholm, 1992. S.14.

² Roedahl E. Vikingernes verden: vikerne hjemme og ude. Published 2001 by Gyndendal.

помимо оружия и воинов они сильны также флотом... Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них... съёмные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону». Я здесь абстрагируюсь от вопроса о том, насколько правомерно идентифицировать свионов Тацита со средневековыми свеями в истории Швеции. Так или иначе, есть все основания отметить, что традиция гребных судов существовала на севере Балтики чуть не полтысячи лет, а потом вдруг получила импульс к усовершенствованию и модернизации. Какие факторы сыграли здесь свою роль? Ведь модернизация и развитие, независимо от того, происходят ли они в VI, XVI или XXVI веке, требуют материальных и человеческих ресурсов.

Для продолжения моих рассуждений хочу обратиться к работе историка и писателя С.В. Цветкова, который напомнил нам, что «в истории северного мореплавания и судостроения совершенно незаслуженно забыты кельты-венеты, которые уже в I в. до н. э. были самыми умелыми мореходами на славившемся своими ветрами и штормами Северном море и побережье Атлантического океана», и привел, в частности, ссылку на античный источник: «Еще Юлий Цезарь отмечал, какими прекрасными мореходами были венеты Арморики. «Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем...»». Интересно отметить, что среди союзников венетов Цезарь называет *морин*ов из приморской части Франции и Бельгии. Поскольку в кельтских языках звуки «в» и «м» взаимозаменяемы, то *морины* являются вариантом того же древнего имени *варинов*¹.

Я не рассматриваю венетов ни как кельтов, ни как галлов, в традициях вышеприведенной античной лексики, а только как венетов. Имя венетов, согласно многим источникам, явно древнее имени кельтов. Венеты/венеды (енеты/ге-

---

¹ Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб., 2010. С.147, 128—130.

неты у Геродота) относились к одному из реликтовых индоевропейских этносов и в ходе тысячелетних миграций отдавали свое имя многим полиэтническим объединениям. Об этом имеется обширная литература, сошлюсь для примера на работу А.Г. Кузьмина, где упоминается, в частности о том, что по археологическим данным венеты появились на севере Адриатики около XII в. до н.э.¹ Таким образом, древнейшее имя венетов/венедов, по аналогии также с очень древним именем варинов, в процессе переселений оказывалось рассеянным по разноязычным территориям, но общее имя и генетическая память, аккумулированная в нем, должны были связывать разные ветви древнего народа идеей общих корней. По крайней мере, тот факт, что к началу нашей эры древнее имя венетов/венедов-мореходов окаймляло европейское побережье от Адриатики через Атлантику до Балтии, не может быть случайным.

Однако все в мире подвержено переменам. Рубеж IV—V вв. считается началом великих миграционных процессов, вошедших в европейскую историю как эпоха Великого переселения народов. Но миграции были более или менее постоянным фоном и в предшествующие века в истории европейских народов: люди всегда стремились переселиться туда, где жизнь сулила лучшие или большие возможности.

Так, уже в течение III в. какая-то часть континентального населения из областей между Везером и Эльбой стала переселяться к Атлантическому побережью, туда, где морская торговля и гавани в течение столетий находились в руках венетов и где они еще во время Юлия Цезаря «...сделали своими данниками всех плавающих по этому морю»², т. е. туда, где бурлила торговля, где богатство плыло в руки сильных и неразборчивых в средствах. Новые имена стали связываться с пиратством на Атлантике — имя саксов, как общее имя для разноэтничных пришельцев, стало упоминаться в античных источниках в связи с морскими набегами. Сидоний Апполинарий (ок. 430—489), галло-римский поэт и епископ в Клер-

---

¹ Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 89—93.

² Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути. Корабли кельтов и славян. СПб., 2008. С. 90; Цветков С.В. Указ соч. С. 128—129.

монте, писал о саксах, возвращавшихся домой «на всех парусах». К концу древнеримской эпохи часть прибрежной полосы в современной северо-восточной Франции и Бельгии, а также в восточной и юго-восточной Англии стала известна под именем *Saxon Shore* — Берег саксов. Однако в 560 г., т. е. через несколько десятилетий, византийский историк Прокопий Кесарийский писал о ближайших соратниках и союзниках саксов — англах в Англии, что у них не было парусов и что они всегда плавали на веслах.

Следует помнить, что в ходе миграционных процессов создавались новые конфедерации народов, принимавшие имя какого-то одного народа из данной конфедерации, за которым скрывались и исчезали прежние этнонимы. Новое собирательное имя имело обыкновение выдвигаться в силу религиозных, культурно-языковых или династийных перемен, однако под внешней оболочкой новой этнополитической системы многое могло оставаться неизменным, например, владение определенными знаниями и навыками, сберегаемое определенным народом. Вполне вероятно, что венеты-мореходы времен Юлия Цезаря, оказавшись в IV—V вв. в сфере влияния правителей саксов, стали выступать под новым общеполитическим именем, но продолжали сохранять традиции парусного судоходства в своем ведении, что и поясняет замечание Прокопия о том, что англыв не знали паруса. Так социально-политические и демографические изменения выступали в роли передаточного механизма по переносу древних знаний в новые этнополитические системы.

Данное рассуждение вполне применимо и к Балтийскому региону. Здесь временем заметных перемен был период конца V—VI вв., когда балтийское побережье, связанное с венедами названием Венедского залива, начинает осваиваться носителями суковско-дзедзицкой культуры, которых отождествляют со славянами. Связь венетов/венедов со славянами устанавливается, в частности, благодаря сообщению историка Иордана (ум. ок. 552 г.), который писал: «У левого их склона (Альп. — Л.Г.), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным

родам и местностям, все же преимущественно они называются склавинами». Благодаря этому сообщению венедов очень часто напрямую отождествляют со славянами, хотя очевидно, даже из нескольких примеров, вышеприведенных здесь, что венеды намного древнее славянства. Но из высказывания Иордана можно также заключить, что группировка народов, объединившаяся под именем склавинов, сложилась в этническом массиве, в течение какого-то времени связанного общим именем венетов/венедов, а затем усилилась настолько, что передала свой язык большей части сообщества при сохранении венедского имени. Подобное явление — сложение новой общности в результате объединения нескольких старых общностей, когда принимался язык одной из них, а имя — другой — можно было повсеместно наблюдать в древности и раннем Средневековье.

Таким образом, миграции славян в Балтийском регионе были не только миграциями славянского населения, но выступали и в форме распространения славянского языка среди своих давних соратников венедов/венетов и их союзников варинов-моринов. Это объясняет сравнительную быстроту ославянивания южнобалтийского субстрата и перенесение опыта балтийских венедов и варинов уже в новые этнополитические образования со славянским языком в качестве средства общения. Однако любые преобразования вызывают размежевания в обществе, где они происходят, и часть населения покидает родные места — так было всегда. Поэтому логичным представляется предположение, что часть варинов или венедов переселялась в течение VI в. с южнобалтийского побережья севернее, на острова Балтийского моря или южное побережье Скандинавского полуострова. Приток этого населения в Скандинавию и мог оказаться тем недостающим звеном, которое замкнуло цепь и дало толчок в развитии судостроения на Готланде и появлении парусных судов, что запечатлелось в изображениях на каменных стелах. Местное население, использовавшее в течение столетий гребные суда, владело опытом использования местной акватории, а пришельцы были необходимым дополнительным человеческим ресурсом со знаниями о парусном флоте, а также, вероятно, и с материальными средствами —

соединение всех этих факторов логично объясняет появление паруса на Готланде в конце VI—VII вв.

Полагаю, приведенных здесь материалов оказалось достаточно для того, чтобы обосновать высказанное в начале статьи утверждение о том, что концепция норманнистов о скандинавстве летописных варягов черпает свои аргументы из ненаучного источника, а также — о том, что утопия норманнизма подменила и заслонила от нас живую историю части народов южнобалтийского побережья. Значительную часть ее в раннее Средневековье составляла история народа варинов — древнего народа на южнобалтийском побережье, обладавшего развитыми традициями мореходства и торговли и в качестве постоянного союзника англо-саксов участвовавшего в заселении Британских островов, а также, вероятно, и использовавшего новые пути на север Западной Европы из Балтии вдоль западного побережья Скандинавского полуострова.

Часть 2

РЮРИК, ТРУВОР И СИНЕУС

О РОСЛАГЕНЕ — ВЫДУМАННОЙ ПРАРОДИНЕ РУСИ

Крупнейший российский лингвист О.Н. Трубачев в работе «К истокам Руси (наблюдения лингвиста)» вечным вопросом назвал не только вопрос о том, «откуда есть пошла русская земля», но и вопрос о том, как и откуда она стала так называться. Трубачев высказал убеждение, что эти два вопроса взаимосвязаны, и в подтверждение сослался на высказывание Александра Брюкнера: «Тот, кто удачно объяснит название Руси, овладеет ключом к решению начал ее истории». Однако если во главу угла при исследовании историогенеза народа брать второй вопрос — об удачном объяснении имени, — то первый вопрос никогда не будет решен, потому что наука завязнет на втором, что и происходит перед нашим взором в дискуссиях о начальном периоде древнерусской истории. Аналогов данной ситуации нет, поскольку истории других народов не ставятся в зависимость от разгадки их имени.

Подмена летописного вопроса «Откуда есть пошла русская земля» вопросом «откуда она так стала называться» произведена норманнизмом, который вот уже более 200 лет навязывает науке свою концепцию скандинавского происхождения слова «русь» от шведских «гребцов»-*rodzmän и финского Ruotsi (подчеркиваю, слова, поскольку «русь» у них изначально не имя).

Пора все-таки вспомнить, что история какого-либо субъекта не может быть решена, если во главу угла поставить историю имени субъекта. Летописному вопросу «откуда есть пошла русская земля» должно вернуть его главенствующее, ведущее положение, как это и было обозначено

в летописании. И это является тем более неотложной научной задачей, что сама идея о происхождении имени Руси от финского Руотси родилась в ненаучной шведской историографической традиции XVII—XVIII вв., увлеченной фантазиями на темы древнешведской истории.

В статье этого сборника «Как востоковед Г.З. Байер внедрял шведские инновации» показано, что в статье Байера «О варягах» были использованы в основном аргументы, которые Байер почерпнул в переписке со шведскими историками и литераторами, в течение многих поколений воспитывавшимися на образах миражной истории Швеции, созданной Иоанном Магнусом и Олафом Рудбеком о великом прошлом предков шведов в древности и уверявшей читателей в том, что полмира было завоевано и окультурено предками шведов — готами и гиперборейцами. В частности, в лоне этой миражной истории получила развитие фантастическая «концепция» о том, что имя легендарной Гипербореи из трудов античных авторов имело скандинавское происхождение.

А шведская «этимология» имени Гипербореи, по мнению сторонников этой «ученой» концепции, говорила за то, что и сама Гиперборея была создана трудами скандинавов, конкретно — предками шведов. Поскольку и в труде Магнуса «История всех готских и шведских королей», и в «Атлантиде» Рудбека много места было уделено героическим деяниям предков шведов в Восточной Европе, то постепенно в поле зрения шведских литераторов и историографов попала и древнерусская история, в результате чего у них стала рождаться мысль о том, что имя русского государства — Руси — также происходит из Швеции. И по наезженной колее, по примеру с фантазиями о Гиперборее, пошло дальнейшее развитие этой мысли: раз имя Руси — из Швеции, то и все остальное на Руси — из Швеции.

Звеньешком в цепи филологических «доказательств», с помощью которых стали пытаться обосновывать шведское происхождение имени Русь, явилась диссертация шведского историка Эрика Рунштеена «О происхождении свео-готских народов», защищенная в 1675 г. в Лунде. В этой диссертации Рунштеен, развивая фантазию о переселении свея-готского народа из Швеции в Скифию, стал в лучших

традициях готицизма доказывать, что этнонимы Восточной Европы — скандинавского происхождения. В частности, по его убеждению, этноним «аланы» — шведского происхождения и произошел от названия провинции Олодингер (Ålândingar et Olândingar), этноним «роксоланы» — тоже шведского происхождения и произошел от имени выходцев из Росландии (Roslandia), или Рослагена¹. Мысли эти явно родились под влиянием рассуждений известного шведского литератора и сановника Ю. Буре, который при составлении словаря готских и старошведских терминов обратился к распространившейся в XVI—XVII вв. моде «этимологизирования» по созвучию слов. Так, Буре решил, что финское название шведов *rodzelainen* произошло от шведского названия прибрежной полосы в Упландии Рослаген (Roslagen), а топоним *Рослаген* возник как результат сложных трансформаций целого комплекса понятий, восходящих к шведскому глаголу *ro* — *грести*.

Все перечисленные находки «филологической герменевтики» слились воедино у шведского востоковеда Хенрика Бреннера, который и породил идею о связи имени Русь с финским наименованием шведов «*gotzalainen*». Бреннер свято верил в распространившуюся благодаря Рудбеку мысль о том, что предки финнов заселяли Восточную Европу вплоть до Дона задолго до других народов, а предки шведов их покорили и собирали с них дань², поэтому и стал утверждать, что все названия в Восточной Европе были даны финнами, соответственно, и имя Русь произошло от названия финнами шведов как «*gotzalainen*» или «*rossalainen*», а последнее, в свою очередь, произошло от Рослагена. Мнение такого образованного человека, как Бреннер, было подхвачено его соотечественниками, а также вызвало интерес и в зарубежных ученых кругах. Из шведов на рассуждения Бреннера о связи Рослагена с финским названием Швеции сразу же стал ссы-

---

¹ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 269.

² Rudbeck O. Atland eller Manheim. Uppsala och Stockholm, 1937. Tredje delen. S. 196—199.

латься Страленберг. В свой черед на «этимологические» реконструкции Бреннера стали ссылаться и Байер, и Шлецер.

Следующий вклад, умозрительно связывавший Рослаген с Руотси и русами, был сделан Арвидом Моллером, профессором в области права и этики в университете в Лунде. В 1731 г. он защитил диссертацию «Dissertatio de Waregia (Wargön)», в задачу которой входило опровергнуть аргументацию, доказывавшую происхождение варягов из Вагрии (С. Мюнстер, С. Герберштейн, М. Стрыйковский, К. Дюре, Б.А. Селлий, Б. Латом, Ф. Хемниц, Г. Лейбниц и др.).

Моллер собрал вместе и соображения Рунштеена о роксоланах из Рослагена, и рассуждения Буре о финском *rodzelainen*, происшедшем от Рослаген, в свою очередь образованном от шведского глагола *ro*, и выстроил их уже в конструкт более привычного нам вида: *Roxolani* или *Russi* произошли от *Ruotsi* — финского названия Швеции. Моллер, вслед за Бреннером, верил в то, что славяне позднее шведов добрались до «Holmgard» или «Gardarrike», поэтому, по его убеждению, «варварское» население в Холмогардии, над которым господствовали шведские наместники, составляли только финны, говорившее, соответственно, по-фински¹. Сложнее оказалось последователям Моллера, которым все-таки пришлось признать наличие славянского языка в Приильменье в период до призвания варягов.

Из упомянутой переписки Байера со шведскими коллегами очевидно, что шведские историки стремились распространять сведения о своих «варяжских» находках среди иностранных ученых, пытались сделать и эти идеи достоянием общеевропейской исторической мысли, чтобы получить для них такое же международное признание, какое выпало на долю шведов-готов и шведов-гипербореев. Особенно хотелось добиться успеха в университетских кругах Германии, с которыми шведов связывали давние и прочные связи. И в случае с Байером усилия шведских филологов и истори-

---

¹ Цит. по: Scholz Birgit. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographi. Wiesbaden, 2000. S. 259—263.

ков увенчались блистательным успехом. Молодой немецкий востоковед всерьез увлекся рассказами своих шведских корреспондентов о шведских «розалайнен», основавших древнерусскую династию, и о прочих новинках шведской исторической мысли, что, в принципе, объяснимо: шведские фантазии Рудбека были признанными респектабельными теориями и, соответственно, вполне приличным фоном для «концепций» шведских коллег.

Поэтому неудивительно, что в небольшой по объему статье «О варягах», вышедшей в 1735 г., Байер использовал около десятка шведских авторов, а именно, П. Петрея, Л. Буре, И. Перингшельда, Х. Бреннера, А. Моллера во главе с тремя ведущими мифотворцами шведской истории: И. Магнусом, О. Верелием и О. Рудбеком — как методологическую опору для своей аргументации. И статья Байера стала первым проводником идей шведской историографии о русах-шведах в международных научных кругах. Венцом «реконструирования» происхождения имени *Русь* из *Ruotsi* — финского названия Швеции — стала работа современника Шлецера, упсальского профессора Ю. Тунманна (1746—1778), провозгласившего, что его реконструкция является неопровержимым доказательством того, что русы были шведами, основавшими Древнерусское государство¹. Ловкость Тунманна заключалась в том, что он, как разъяснял В.А. Мошин, нашел подтверждение «...летописной легенды о призвании славянскими и финскими племенами руси из Швеции в том лингвистическом факте, что финны до сих пор называют шведов именем *Ruotsi*, из которого вполне правильно выводится славянская форма «*русь*». Не устранив затруднений, которые представляло для норманнской теории отсутствие указаний на существование в Швеции племени «*русь*», якобы давшего династию восточным славянам, указанный факт дал норманнской теории твердую научную опору, так что и до настоящего времени он остается важнейшим аргументом для доказательства скандинавского происхождения руси».

---

¹ Thunmann J. Untersuchungen über die älteste Geschichte der östlichen Völker. Leipzig, 1774.

Факт этот, как выясняется из результатов геофизических исследований восточного побережья Швеции, о которых речь впереди, никакой твердой опоры под собой не имел, поскольку, в буквальном смысле слова, был написан вилами по воде. Но норманнизм по природе своей — порождение полета фантазии и умозрительности, поэтому никому из его творцов не приходило в голову опускаться на грешную землю для реальной проверки фактов. В силу этого «доказательства» Тунманна были восприняты Шлецером как самые верные и неопровержимые. Шлецер ввел их в своего «Нестора» и придал облик академического наукообразия странной, в сущности, мысли о том, что лингвистическое препарирование какого-либо имени может раскрыть историю носителя этого имени. Но прежде чем раскрыть высказанную мысль, считаю необходимым сделать небольшое отступление.

Пару лет тому назад, в 7-м выпуске «Средневековой Руси» Н.Ф. Котляр в небольшой статье-рецензии перечислил основные пункты символа веры норманнизма, где на первом месте стоит, естественно, концепция скандинавского происхождения слова «русь». При этом Котляр заметил, что все другие этимологии имени «русь», славянского, кельтского, иранского и пр. происхождений, давно скомпрометированы лингвистами, соответственно, все, кто пытается противопоставить скандинавской этимологии какую-то другую, относится данным автором к кучке малообразованных антинорманнистов, выступающих под ветхими знаменами, и пр.

Я считаю нужным вкратце очертить нынешнюю ситуацию с продолжающимися попытками обосновать скандинавскую этимологию имени (или, как Котляр пишет, слова «русь», поскольку, повторяю, у норманнистов оно изначально — не имя, а так себе, слово какое-то).

Напрасно норманнисты заявляют, что все в их концепции прочно, лингвистически подшито и подогнано, в силу чего и признано всеми людьми доброй воли. У шведских медиэвистов, например, до сих пор не отыскалось убедительных обоснований этимологии Руси с происхождением от «шведских гребцов». В работах по этой проблематике осто-

рожно сообщается, что лингвистический аспект по данному вопросу остается дискуссионным. Напомню еще раз, что приснопамятные «гребцы» от шведского глагола го «гresti» должны были, по мысли создателей данной концепции, происходить из шведской местности Рослаген, более раннее название которой было Руден.

В научной литературе не раз указывалось на то, что название Руден впервые упоминается в Швеции в 1296 г. в Упландском областном законе, в котором указом короля Биргера Магнуссона повелевалось, что все, кто живут в Северном Рудене, должны следовать данному закону. В форме Roslagen (Rodzlagen) это название, также в текстах законов, появляется только в 1493 г., и далее в 1511, 1526 и в 1528. Как общепринятое название оно закрепилось еще позднее, поскольку даже при Густаве Вазе было в употреблении называть эту область Руден¹. Не собираюсь вдаваться в рассмотрение всех филологических экзерсисов по поводу производства Руден в Руотси, а Руотси — в Русь. Скажу только, что в шведской медиевистике ученые не пришли к единому мнению по большинству основных вопросов, связанных с Руденом: какую изначальную роль он играл, каковы были его границы; по-прежнему дискуссионным, как сказано выше, остается и лингвистический аспект, т.е. попытки преобразования глагола го-/гresti и существительного godd/гребля через Руден в Руотси и Русь, поскольку наличие соответствующих праформ в шведском языке раннесредневекового периода, по-прежнему, не вышло за рамки умозрительного допущения, т.е., проще говоря, эти праформы не найдены, и единственное, что есть в наличии, это, повторяю: Roden — 1296, rodzkarlena (1470), rodzmän — примерно в этот же период, Rodzlagen — не ранее 1493, т.е. из этих данных видно, что rodzmän могли образоваться от Roden, а Rodzlagen мог образоваться от rodzmän, но все эти преобразования могли происходить в период с конца XIII в. и по XVI в., причем замыкались лишь на определенный регион Швеции.

---

¹ Gunnar T. Westin, Det medeltida Sveriges första häfte för Uppland/DMS, 1:1, Norra Roden, 1972.

Далее следует сказать, что только в последние пару десятилетий с отрицанием научной обоснованности скандинавской этимологии Руси выступили такие крупные российские ученые, как О.Н. Трубачев (см. например, «К истокам Руси. Наблюдения лингвиста») и А.В. Назаренко (см., например, «Древняя Русь на международных путях»). Отмечая бесплодность результатов производства имени Русь из шведской этимологии, А.В. Назаренко писал, что «не только любой (как выразилась Е.А. Мельникова), а ни один из предложенных до сих пор композитов не дает лингвистически удовлетворительной праформы...», поскольку остается загадкой, как в языке самих носителей исходная форма типа *rofs-men могла редуцироваться до rofs.

О.Н. Трубачев также произнес решительный приговор попыткам произвести имя Русь от шведских гребцов, сказав, что «...разумнее будет согласиться, что скандинавская этимология для нашего Русь или хотя бы финского Руотси не найдена», и напомнил, по его определению, пророческий приговор Яна Отрембского, крупнейшего польского языковеда и индоевропеиста: «Эта концепция (имеется в виду норманская этимология Руси у Фасмера) является одной из величайших ошибок, когда-либо совершавшихся наукой».

Как многие, вероятно, помнят, Трубачев все-таки видел связь между финским Руотси и Русью, правда, полагая, что имя Русь пришло с юга и повлияло на финское *rotsi. Но даже такая попытка при всей тонкости анализа Трубачева не вышла за пределы допущения, поскольку для ее доказательства требовалось предположить, что существовало прадревнерусское *Rutsь, которое шло с юга на север, т.е. снова на пути рассуждений возникал вопрос праформы, которую не нашли.

На этом я оставляю мир лингвоозабоченности по поводу происхождения имени Руси — полагаю, что я воздала должное этой, на мой взгляд, скорбной традиции, и перейду к тому, о чем я, собственно, хотела рассказать, а именно, почему не удалось найти древнюю праформу для Рудена или почему имя Руден такого позднего происхождения. Этому имеется самая естественная причина.

Занятые лингвистической казуистикой относительно связи шведского Рудена и финской Руотси, ученые не удо-

сужились проверить, а существовал ли шведский Руден в чисто в физико-географическом плане, иначе говоря, — задать себе летописный вопрос «откуда есть пошла земля Руден?» Я попробовала это выяснить, поскольку мне стало любопытно узнать: если название Руден и производные от него имеют столь позднее происхождение, то как же эта местность называлась ранее? И оказалось, что никак не называлась, поскольку самой этой земли в раннесредневековый период еще не было. Земля, или прибрежная полоса, получившая название Руден в конце XIII в., не только в IX в., но и в X в. как физико-географический феномен не существовала, ибо она находилась под водой. Дело в том, что Ботния в районе шведской прибрежной акватории, начиная с последнего ледникового периода, обнаруживает любопытный феномен постепенного подъема морского дна и прирастания за счет этого подъема новой суши, новой береговой полосы.

По исследованиям шведских ученых, уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, был минимум на 6—7 м выше нынешнего. Даже в XI—XII вв., как пишет исследовательница из Упсалы Карин Калиссендорф, уровень моря был на 5 м выше, чем сейчас. Нынешнее озеро Мэларен было открытым заливом моря, а значительная часть береговой полосы была островками, более или менее выступавшими из воды¹.

Эта область только к XIII в. стала представлять собой территорию с условиями, пригодными для регулярной человеческой деятельности, что подтверждается многими данными.

Тот факт, что область Руден/Роден только к XIII в. стала представлять из себя территорию с условиями, пригодными для регулярной человеческой деятельности, подтверждается как современными геофизическими исследованиями, так и данными источников. Одним из таких данных является вышеупомянутый королевский указ 1296 г. из областных Упландских законов. А главным свидетельством как раз и является поздняя фиксация названий этой местности: до тех пор, пока нет субъекта, не может появиться и его имя.

---

¹ Karin Calissendorf, arkivarie vid Ortnamnarkivet i Uppsala, Ortnamn i Uppland. Stockholm, 1986. S.11.

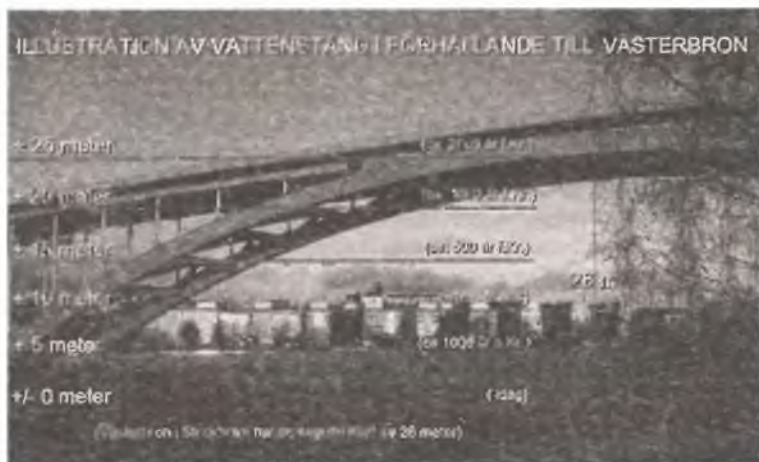

Иллюстрация изменения уровней водной поверхности относительно современного моста Вэстербрун (Стокгольм), взятого за эталон благодаря своей высоте в 26 м. Отметки: верхняя 25 м — 2000 лет до Р.Х.; 10 м — рубеж нашей эры; 5 м — ок. 1000 лет после Р.Х., то есть XI век. Картинка показывает, как суша в прибрежной полосе Восточной Швеции постепенно «вырастала» из моря, и в IX в. она почти вся была под водой. Стокгольм — это южная часть Родена/Рослагена, который в это время находился между отметкой 5 м и 10 м

Первые достоверные сведения о прибрежной области на востоке Свитьёда, ставшей впоследствии областью с названием Roden/Roslagen, мы получаем от Снорри Стурлусона, который в 1219 г. побывал в Швеции и получил от своих информаторов ценные сведения о Свейской стране (Svthiod или Sveavälde в шведских переводах), в частности, об ее административном делении, которые он привел в Саге об Олаве Святом («Круг земной»). Там сообщается, что собственно Свитьёда состоит из пяти частей и что пятая часть — это Sjöland/Sæland, к ней же относится все, что лежит в море к востоку от нее (den femte Sjöland och det som ligger därtill. Det ligger österut med havet)¹.

¹ Snorri Sturluson. Heimskringla. Noregs konunga sögur. Utgivet af Finnur Jonsson. København, 1911. YS, S. 36—39.

Tidpunkt Время	Händelse Факты (относительно уровня воды)
1000 f.kr 1000 лет до Р.Х.	ca 14 meter över dagens nivå около 14 м выше современного уровня
ca 1000 XI в.	6—7 meter högre 6—7 м выше современного уровня
ca 1100 XII в.	nåset börjar bildas. En strömtröskel uppkom genom landhöjningen i strömmarna vid Gamla stan: Söderström och Norrström. — Начинает формироваться мыс. За счет поднятия дна образовался порог, разделивший протоку в районе Старого города на два рукава: Седерстрем и Норрстрем.
ca 1200 XIII в.	havsvik övergår till insjö — морской залив превратился во внутренний водоем
ca 1200 XIII в.	strandlinje ca 4 meter högre än idag — береговая линия на 4 м выше, чем сегодня
1248—1266	Birger Jarls regeringstid — Stockholm anläggs. Время правления Биргера Ярла и основание Стокгольма.

Фрагменты из сводной таблицы с данными об изменениях уровня водной поверхности в районе Мälарен (чуть севернее Риддар-фиорда, отсюда и разница в уровнях в один и тот же период: подъем суши не происходил равномерно в разных областях)¹

Было время, когда шведские исследователи, искавшие доказательства того, что название Руден существовало ранее, пытались убедить, что Снорри Стурлусон, говоря: «все, что лежит к востоку в море», мог иметь в виду Руден. В некоторых шведских переводах Саги об Олаве Святом даже вместо Sjöland/Sæland смело подставлялось Руден. Но это — чистая подтасовка фактов и попытка выдать желаемое за действительное. Название Sjölan/Sæland — это не Руден и таковым быть не могло.

¹ Адрес в Интернете: <http://arne.ljungdahl.info/malaren/MALAREN.HTM>.
Название статьи «Om Mälaren».

Один из видов Рослагена-Skarven (из книги Альфа Нордстрема:
Nordström A. Roslag. Stockholm, 1990. S. 9)

Другой вид Рослагена — Huvudskär
(из книги Альфа Нордстрема. S.15)

Sjöland (от *sjö* — море и *land* — земля, страна) или немецкое *Seeland* — это мореландия, т.е. это уже не море, но еще и не земля. Это архипелаг, состоящий из островов, островков, выступающих над водной поверхностью, это — суша в процессе образования. На ней еще мало и кустов, и деревьев, на ней еще так мало почвы, что ее покрывают одни лишь мхи и немного травы, стелющейся по каменистой поверхности и непонятно как цепляющейся за нее корнями. Эти островки — еще не земля, это — ее костистая основа, выпирающая из воды и греющаяся под тусклым северным солнцем. В этом царстве камня еще нет места для кипучей человеческой жизни. Только редкие рыбацьи хибарки могли закрепиться на влажной поверхности каменных выступов, хранящих борозды, оставленные на них ледниками. Вот что такое *Sjöland/Seeland*. Это, собственно, не топоним: это синоним слова *архипелаг* — группы островов, не получивших еще собственных имен.

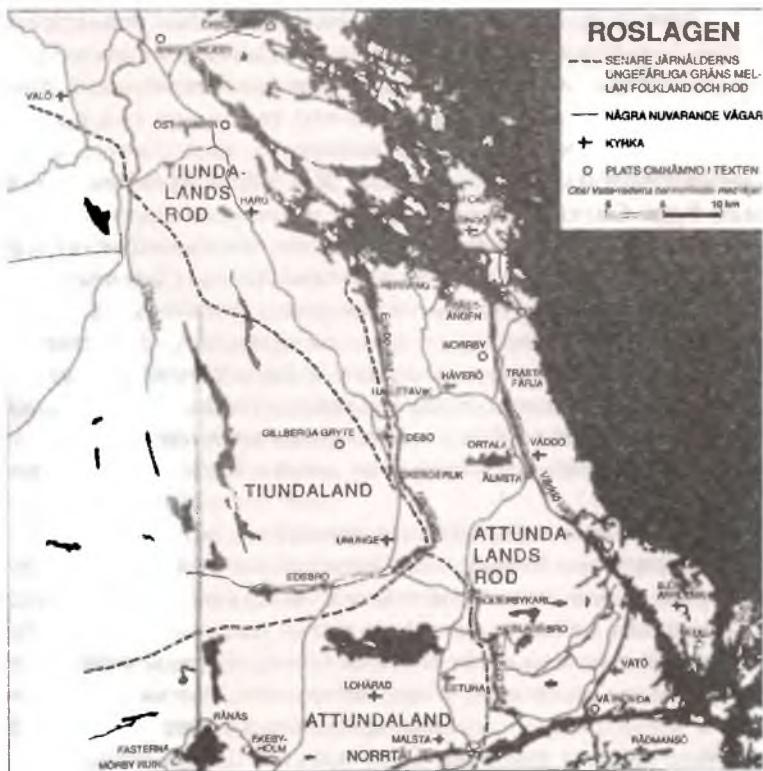
Данные Снорри Стурлусона — очень важное свидетельство того, что даже в его время прибрежная полоса будущего Рудена находилась в процессе формирования. Только к самому концу XIII в. части этого архипелага могли стать местом жительства для населения в таком количестве, которое уже представляло интерес и для королевской власти. Потому-то и потребовался вышеупомянутый указ 1296 г., в котором предписывалось, что отныне на население Северного Рудена будет распространяться тот же закон, которому подчинялось и население трех основных областей/земель (фолькланд) Упланд, а именно: Тиундаланд, Атундаланд и Фьедрундаланд, известных с XI—XII вв. Вывод напрашивается сам собой: только к самому концу XIII в. природные условия прибрежной полосы позволили включить для начала ее северную часть как новую землю в систему административного деления государства и объявить ее население подвластным королю свеев. Но как обратил внимание шведский краевед П.М. Лийсинг, в выборах короля свеев по-прежнему участвовали только представители трех старых земель, но не население Рудена¹, которое, видимо, все еще не представляло, как бы сейчас сказали, интересного или сильного электората. Вот простое объяснение того, почему названия Руден/Рослаген имеют позднее происхождение: имя образовалось тогда, когда образовалась эта земля.

Тогда цепочка Руден/Рослаген/Руотси рассыпается. Если Руотси связано с Руден/Рослаген, то этот симбиоз не имеет отношения к Руси по чисто хронологическим соображениям. Если Руотси связано с чем-то другим, то надо сначала найти это другое, а потом строить концепцию. На фоне приведенных данных попытки лингвистическим путем отыскать корни Руси практически в подводном царстве выглядят чистейшим абсурдом. Этот абсурд стал возможен потому, что исходный момент в исследованиях был неверен: вместо поисков происхождения народа стали заниматься поисками происхождения его имени. Ничего подобного нет в истории ни одного народа.

---

¹ Lijising P.M. Roden och Roslagen, rospiggar och ruser // Hundare och skepslag. XI. Norrtälje, 1953—1955; Stockholm, 1998. S. 5—6.

Карта, на которой представлены две исторические области средневековой Упланд: Аттундаланд и к северу от нее — Тиундаланд (из книги Альфа Нордстрема, обороты обложки). Пунктиром на картах обозначена граница этих областей в XI в., отделявшая их от островной части. Из названий на карте видно, что освоение земель шло в направлении из внутриконтинентальных исторических областей к прибрежно-островной части, когда каждая из этих областей осваивала сначала свой Руден — свой стан для гребных судов, и только с самого конца XIII в. северная часть прибрежной полосы получила некий отдельный административный статус. Никаких реальных сведений о самостоятельных «поморьях», имевших в древности великое прошлое, шведская история не знала

Факт довольно позднего образования (не ранее XI—XII вв.) прибрежной полосы Руден/Рослаген как земли сам по себе уже делает бессмысленными лингвистические усилия норманнистов использовать эти топонимы для производства некоего «походного названия» выходцев из этой местности, которое уже якобы в IX в. могло превратиться в имя Руси. Соответственно, так же нелепо выглядят построенные на этой основе концепции о том, что выходцы из этой области, часто обозначаемой в литературе как Средняя Швеция, сыграли ведущую роль в процессах образования Древнерусского государства, в создании древнерусского института верховной княжеской власти, в таинственной институционализации контроля над Балтийско-Волжским торговым путем (Мельникова Е.А.), в возведении древнерусских городов в русле не то завоевательной экспансии, не то миграций колонистов.

Ко времени событий, описываемых в летописях в связи с призванием Рюрика, имя Руси носили многие субъекты в Европе, как в Восточной, так и в Западной, передавая его преемникам либо на основе родовых, либо — иных традиций, определяемых мифопоэтическим сознанием, используя его и как родовое имя, и как политоним. Рассказ ПВЛ как раз и касается того периода древнерусской истории, когда сначала древнее имя Руси было принято двумя вновь образованными политиями в Восточной Европе по отдельности: одной стала Русская земля в Поднепровье или в летописном княжестве полян, а второй — Русская земля в Поволховье / Ильменском поозерье или в летописном княжестве словен, вернув себе древнее имя Руси через смену княжеской династии таким же образом, как в свое время Приильменье получило династию словенских князей и вместе с ними — название княжества Словен. А затем произошел процесс объединения этих двух политий в одну этнополитическую систему, связанную общим именем древнего материнского предка Руси и ставшую предтечей средневекового Русского государства.

Как уже было сказано ранее, многие из высказанных мною взглядов находятся на стадии рабочих гипотез. Но независимо от этого, общий вывод из всего вышеизложено-

го несомненен: наша историческая наука должна критически переосмыслить наследие предыдущих эпох и избавиться от утопий, мешающих исторической науке двигаться вперед.

РЮРИК И ПРИЗВАНИЕ ПРАВИТЕЛЯ «СО СТОРОНЫ»

В 2012 году исполняется 1150 лет со дня призвания на княженье к ильменским словенам князя Рюрика и его братьев, согласно Повести временных лет. До XVIII века в понимании этого события каких-либо экстравагантных суждений не замечалось. Российская историческая мысль придерживалась вековой летописной традиции, согласно которой Рюрик и его братья приглашались как князья в силу своих наследных прав, по причине отсутствия у словен прямых наследников мужского пола.

Согласно ПВА Лаврентьевской редакции, события в княженье словен перед призванием варяжских братьев разворачивались так: *«Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и въста род на род, [и] быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву».*

Никоновская летопись дополняет эту картину: *«И по сем събравъшися рѣша к себѣ: «поищем межъ себе, да кто бы в нас князь был и владѣл нами, поищем и уставим такового или от нас, или от казар, или от полян, или от дунайчев, или от варяг». И бысть о сем молва велиа; овъм сего, овъм другаго хотящем, таже совѣщавшася послаша в варяги».*

Почему выбор пал на кандидата из варягов, разъясняет Воскресенская летопись, где читаем: *«И в то время в Новгороде некой бе старейшина, именован Гостомысль, скончиваеши житие, и созва владальца суща с ним Новаграда и рече: «Совет даю вам, да послете в Прусскую землю мудрые мужи и призовете князя от тамо сущих родов»».*

Каким образом «тамо сущие роды» были связаны с княженьем словен, мы узнаем из Иоакимовской летописи, в которой рассказывается о том, что *«Гостомысл бе муж елико храбр... имел четыре сына и три дочери. Сынове его ово на*

войнах избиени, ово в дому измроша, и не остана ни единому им сына, а дочери выданы быша соседним князем в жены...»

Вещуны предсказали, что *«имать наследовати от своих ему... Единою спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщере его Умилы произрасте древо велико плодови-то и покры весь град Великий... Востав же от сна, призва весчуну, да изложат ему сон сей. Они же реша: «От сынов ея имать наследити ему»...*

ПВА опускает детали обсуждения, приводя только его конечный результат: *«...идаша за море к варягам к руси... реша русь, чудь [и] словени и кривичи вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володети нами».*

Если освободить эту фразу от смыслового искажения (отождествления «наряд» со словом «порядок» вместо «власть»), привнесенного А.Л. Шлецером, то она логически завершает всю картину: представители княженья словен отправляются в страну, где находятся намеченные кандидаты на их княжеский престол, и обращаются к ним с приглашением занять этот престол в силу отсутствия у них власти-наряда (или представителя власти — «нарядника») в соответствии с правом и местом в ряду княжеского родословия.

Кроме летописей известен целый ряд других русских источников, посвященных родословию правителей Руси и характеризующих в науке как легендарно-политические сказания русской литературы XIV—XVII вв., в которых также сообщается о княжеской родословной Рюрика и его братьев и повторяется, что они приглашались на правление в силу своих наследных прав и по причине отсутствия прямых наследников мужского пола после смерти Гостомысла.

Эти сведения русских источников подкрепляются и дополняются данными из произведений многих западных авторов XV—XVIII вв. (С. Мюнстер, С. Герберштейн, М. Стрыйковский, К. Дюре, А. Майерберг и др.). Из них мы, в частности, узнаем не только то, почему и кого призывали, но и откуда призывали: из южнобалтийской Вагрии (части современного Шлезвиг-Гольштейна).

XVI век — период крупных и знаменательных событий в европейской истории. Это было время общеевропейских по-

трясений, религиозных войн, смены культурно-этнических ориентаций, переоценки мировоззренческих принципов, складывания национальной государственности и пр. В такой обстановке естественно обострялся интерес к прошлому и стремление зафиксировать, сохранить в памяти старинные сведения, уносимые в небытие потоком новых пристрастий и взглядов.

Понятен в этой связи и интерес к генеалогическим материалам, которым была отмечена общественная мысль XVI—XVII вв., что хорошо иллюстрируется деятельностью составителей немецких генеалогий, в частности, генеалогий Мекленбургского герцогского дома, прямыми предками которых были правящие роды Вагрии и Ободритского дома, с отдаленных времен связанные междинастийными узами со многими европейскими домами, в том числе и на севере Восточной Европы. Среди наиболее известных исследователей генеалогий следует назвать Б. Латома и его *Genealochronicon Megapolitanum* (1610). Генеалогические изыскания Б. Латома были продолжены его соотечественником И.Ф. Хемницем. Согласно их сведениям, Рюрик был сыном вагрского и ободритского князя Годлиба. Результаты этих исследований были восприняты и получили развитие в работах немецких авторов XVIII в., таких, как знаменитый философ и математик Г.-В. Лейбниц, составители генеалогических таблиц И. Хюбнер, Ф. Томас, историки Г. Клювер, М. фон Бэр, Д. Франк, С. Бухгольц и др. Мекленбургские генеалогии и княжеское вагрско-ободритское родословие Рюрика были объектами исследования вплоть до середины XVIII в., а затем исчезли из науки под влиянием новых «теоретических» веяний, о которых разговор впереди.

Если мы оставим Запад и обратим наш взор на Восток, то сведения о княжеской власти в летописных княжениях (см. ПВА) дополняются сочинениями средневековых арабских и персидских географов и историков о Восточной Европе. Так, арабский географ IX в. Ибн Хордадбех, рассуждая о титулах современных ему правителей, писал: «Титулы земных царей. Царь Ирака ... (назывался также) Шаханшахом, ...цари Турка, Тибета и Хазара все называются Хаканами... царь Славян (называется) Кнадзь...». Трудami востокове-

дов (А.Я. Гаркави, В.В. Бартольда, Б.Н. Заходера, А.П. Новосельцева и др.) была переведена и проанализирована потестарная терминология, на основе чего было установлено, что термины, которыми арабские и персидские авторы определяли правителей славян (райис, малик, падишах), означали коронованных, наследственных государей.

Начиная с середины XVIII в. взгляд на призвание Рюрика стал радикально меняться и приобретать самые удивительные формы.

Перво-наперво был ликвидирован княжеский титул Рюрика, в силу чего Рюрик стал безродным наемником. Вместе с княжеским достоинством Рюрика бесследно исчезли и все летописные княженья с князьями, которые, согласно ПВЛ, «княжаше в роде своем». Начало этому положил Г.Ф. Миллер, который в своих работах объявил: *«По изгнанию варягов из северные части России упоминается о царе оныя земли Буриславе... чтобы он державствовал в Новегороде, за тем не может статья, что там в оное время правление было демократическое... В Несторовой яко в древнейшей российской летописи... наипаче объявляется, то новгородцы были без владетелей, пока варягов для принятия княжения назад не призвали».*

Миллеру вторил и А.А. Шлецер: *«Какая была цель призывающих? — Они не искали государя, самодержца в настоящем смысле. Люди, возвращенные в дикой свободе и может... столь же мало знавшие, что такое значит Король, не могли вдруг и добровольно переменить гражданское свое право на монархическое. Они искали только защитников, предводителей, оберегателей границ... Но говорят, что трех братьев призвали быть Князьями, княжити, т.е. царствовать? Да и сами они, по своему роду, будто были Князья, т.е. государи, принцы. — Но надобно знать, что на других славенских наречиях значит еще и теперь слово Князь. В Лаузице оно вообще означает почтение: млоды Кнезь, молодой дворянин, Кнеине, барыня, Кнество, дворянство... Кому тут придет на ум принц или государь?»*

Вот так-так. Как же это летописцы не углядели?! В Новгороде-то, оказывается, была демократия! А раз демократия, то князьям там быть не положено (так думали в XVIII в.).

Спасибо, хоть Миллер со Шлецером разъяснили. Однако разъяснили они не все, что было нужно. Просветив, что Рюрик князем не был, не договорили толком, а кем же он тогда был? И с тех пор толки и пересуды на эту тему не прекращаются.

Кого приглашали и зачем? «Смысл приглашения чужестранцев, очевидно, заключался в стремлении привлечь опытного полководца...» — говорят некоторые современные исследователи, прямо по Миллеру, поворачиваясь спиной к Нестору.

«Именно так, наняли по договору и все дела, — вторят другие. — Тогда это было самое обычное дело. Сейчас, например, в сити-менеджеры нанимают, а тогда нанимали в эти... в наемные военачальники, что ли».

«А почему же из своих спасителя Отечества не назначили?» — не унимаются вопрошающие. «Да ведь экспансия тогда викингская повсюду была, и на Западе, и на Востоке Европы, вот чтоб от экспансии уберечься, и пригласили», — запутываются объясняющие все больше и больше.

Что же произошло в научном мире в XVIII веке, что позволило Миллеру, Шлецеру, а за ним Карамзину и всей последующей чреде норманнистов отвернуться от сведений, подтверждаемых солидным корпусом разнообразных источников, и низвергнуть, казалось бы, ясные сведения о призвании Рюрика в безбрежное море фантазирования? Нашлись какие-то новые, бесспорные источники, которые позволили перечеркнуть всю вековую историографическую традицию? Ни в коем случае! Ни клочка, ни обрывка нового не нашли! Но произошел в то время мыслительный переворот. А мыслительные перевороты иногда оказывают самое неожиданное действие, например, ставят все с ног на голову и предлагают есть пятками.

Здесь следует вернуться к началу данного сборника, к очерку «О шведском готицизме и рудбекианизме как изложениях норманнизма», который был закончен примерами того, как Миллер и Шлецер приводили в своих работах аргументацию, явно заимствованную у шведского литератора О. Рудбека, прославившегося безудержными фантазиями на темы древнешведской истории. Каким образом Рудбек сде-

лался такой влиятельной фигурой в западноевропейской исторической мысли? Здесь надо еще раз отметить, что среди шведских историков Рудбек уже при жизни сделался непрекаемым авторитетом. Известный шведский историк и литературовед Хенрик Шюк писал, что фантазии рудбековской «Атлантиды» в Швеции конца XVII—XVIII вв. воспринимались как святыня, сравнимая только с Аутсбургским символом веры (официальный вероисповедальный документ — богословская норма лютеран)¹. Таким образом, догма готицизма, утвержденная в Швеции при Густаве Вазе, была в конце XVII века пополнена в шведской историографии еще и святыней рудбекианизма.

Однако самого по себе авторитета Рудбека, влиятельного историка в шведском обществе, явно было бы недостаточно для того, чтобы стать и властителем дум, например, немецких ученых, таких, как Миллер и Шлецер. И тем не менее рудбекианизм в конце XVII — первой половины XVIII в. получил общеевропейскую популярность. Произошло это в силу того, что готицизм, в русле которого немецкими и шведскими историками и литераторами в течение XVI в. был создан образ великого прошлого готов как завоевателей мира и героических предков германских народов, с XVII в. стал привлекать все большее внимание английских историков, а несколько позднее — и французских мыслителей. И вот в рамках общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности приобрели большое распространение во многих европейских странах, вместе с чем имена Иоанна Магнуса и Рудбека на какое-то время стали признанными европейскими именами.

В 1647 г. Натаниэль Бэкон заявил в своем «*Historical Discourse of the Uniformity of the Government of England*», что древнее готское право оказало большое влияние на английское право в ранний период истории². В английской литературе проявилось увлечение древнескандинавским литера-

---

¹ Schück H. Den äldre Peringskiölds tid. // KGL. Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. I—VIII. Stockholm, 1932—1944. B. IV. S. 138.

² Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jarhundert. Köln, 1963. S. 14; *Svennung* J. Op. cit. S. 64.

турным наследием, которое отождествлялось с готическим («alt nordisch» в значении «gothic»). Романтика английско-го готицизма подогревалась идеями исходного родства всех германских народов. Эти идеи, как уже говорилось выше, были сформулированы немецким готицизмом, но, распространяясь и на предков англичан — англов, ютов, саксов, захватили постепенно и английских мыслителей. Роберт Шерингем в 1670 г. написал работу «De Anglorum Gentis Origine Disceptatio», где привлек всю доступную скандинавскую литературу, которая характеризовалась как «libri antiqui lingua Gothica scripti». Дискуссия о прародине готов получила развитие среди английских историков и отразилась в таких работах, как «Британия» Уильяма Кэмдена (1610), как «История Великобритании» Джона Спида (1611), как «Archaeologus» Генри Спельмана (1626) и др. Идея Швеции как прародины готов оспаривалась многими английскими историками в пользу ютов (через преобразование этнонима Jutae в Gutes-Getes-Gothes), которые рассматривались как естественные предки англосаксов, что лишней раз подтверждает слабость человеческой природы и власть над ней тщеславия. Но тем не менее шведский готицизм в глазах английских историков и литераторов принадлежал к уважаемой исторической традиции, что подтверждается публикацией таких работ, как «A Short Survey of the Kingdome of Sweden» (1639), «The Swedish Intelligencer» (1633) и др. Как было сказано выше, еще с XVI в. в Англии получил распространение труд Иоанна Магнуса, а в 1658 г. был переведен на английский язык труд его брата Олафа Магнуса под названием «A Compendious History of the Goths, Swedes, & Vandals»¹.

И как бы то ни было, основная идея готицизма о родстве всех германских народов укоренилась в Англии. Историк Джеймс Тюрелль так сформулировал ее в своем труде: «Все германцы имеют готское происхождение, а англосаксы относятся к древним германцам, описанным Тацитом...» («General History of England», 1698). Ему вторил государственный деятель и дипломат Уильям Темпл: «Саксы были ветвью готских народов, рои которых вылетели из северно-

---

¹ Haslag J. Op. cit. S. 10—22.

го улья и под руководством Одина еще в древние времена заняли все страны вокруг Балтийского моря» («Intdoudction to the History of England», 1695). На волне этого увлечения готицизмом «Атлантида» Рудбека была встречена в Англии самым позитивным образом, о чем свидетельствует отзыв Королевского общества от 10 января 1681 г., помещенный в «Collectiones philosophicae»: «Заслуженный и прославленный автор только что закончил великий труд, который служит к большой чести его страны и показывает, как росло и развивалось Шведское королевство... в подтверждение положений, которые он отстаивает, он собрал обширнейший материал из самых разных областей и связал все воедино... невозможно отдать предпочтение какой-то одной части его работы перед другими»¹. То, что образованные англичане — современники Рудбека — читали его «Атлантиду» и воспринимали его писания с доверием, свидетельствует небольшая работа английского дипломата в Стокгольме Джона Робинсона «An Account of Sueden. Together with an Extract of the History of that Kingdom» (Лондон, 1694), где он поведал любознательной публике, что начало готской истории относится к тому времени, когда Один (Othinus или Woden), изгнанный из Азии Помпеем, завоевал Москву, Саксонию, Швецию, Данию и Норвегию². Как видим, «вытяжка» из истории Шведского королевства явно позаимствована у Рудбека и его единомышленников.

Помимо английского готицизма рудбекианизм получил поддержку и от виднейших представителей французского Просвещения, отдавших обильную дань поклонения Рудбеку. Среди них следует назвать Монтескье, Вольтера, Руссо, Шатобриана.

В своей работе «О духе законов» (1748) Монтескье писал: «Я не знаю, был ли это знаменитый Рудбек, который в своей «Атлантиде» превознес Скандинавию и рассказал о великом превосходстве, долженствовавшем поставить скандинавов над всеми народами мира; и по причине этого они явились источником свободы для Европы, т.е. практически всей той

---

¹ *Svennung J.* Op. cit. S. 64—65.

² *Latvakangas A.* Op. cit. S. 170.

свободы, которая сейчас есть у людей. Гот Иорданес назвал северную Европу мастерской человеческого рода. Я скорее назвал бы ее мастерской, где производится оружие, разбивающее оковы, которые куют на юге. Именно на севере рождаются мужественные люди, которые оставляют свои страны для того, чтобы разбивать тиранов и рабов и учить людей, поскольку природа создала их равными...»¹. Норвежский историк Й.П. Нильсен обратил внимание на то, что именно у Монтескье мы находим идею о скандинавах как родоначальниках монархии. Согласно Монтескье, повсюду, куда бы скандинавы ни приходили, они устанавливали, посредством своего вторжения, «монархию и свободу» в Европе².

Аналогичные образы встречаем у Ф.М. Вольтера в его «Истории Карла XII» (1731): «Считается, что именно из Швеции, той ее части, которая по-прежнему зовется Геталандией, вышли полчища готов и заполонили Европу, отвоевав ее у Римской империи, в течение пятисот лет бывшей ее владыкой и тираном. В те времена скандинавские страны были более плотно населены...»³. Времен, когда бы скандинавские страны были плотно населены, в истории неизвестно, а из этой оговорки Вольтера видно, что реальных исторических сведений у него не было — был только Рудбек, но хотя бы умозрительно прославленный философ пытался соблюсти логику. Эту книгу Вольтер писал будучи в Англии, и, как говорит Свеннунг, находился под большим впечатлением от английского готицизма. Правда, через пару десятков лет Вольтер, ставший самым активным и влиятельным представителем французского Просвещения, меняет дирекцию и начинает выступать в своих исторических работах, в первую очередь в многотомном труде «Опыт о нравах и духе народов» (1756—1769), с резкой критикой официальной исторической науки и обоснованием так называемого метода исторической критики, опираясь на который, следовало в собранной массе фактов отделять более достоверное от вымысла и тем самым очищать историю от всего «чудесного и

---

¹ *Montesquieu Ch.L. Om lagarnas anda. Stockholm, 1990. S. 165.*

² *Нильсен Й.П. Рюрик и его дом. Архангельск, 1992. С. 17—18.*

³ *Voltaire. Karl XII. Stockholm, 1993. S. 12.*

фантастического». Однако «причуды фантазии» готицизма и рудбекианизма крепко запали в головы французских литераторов и историков. Еще у Шатобриана в его «Mémorial d'outre-tombe» находим высказывание о том, что «Теодорих остается великим, хотя он и погубил Боеция. Готы принадлежали к высшей расе»¹.

Познакомившись ближе с той мифотворческой традицией, которая формировала общественное сознание Западной Европы в течение почти трехсот лет и типичными образчиками которой являлись труды Магнуса, Буре, Рудбека, начинаешь лучше понимать, почему именно в западноевропейской мысли эпохи Просвещения появилась идея рационализма. После «Атлантиды» Рудбека идти дальше было просто некуда, это был глухой тупик.

Но, возвращаясь к вопросу о том, почему вымышленные идеи шведской мифотворческой историографии XVII в. оказались на вооружении немецкой исторической мысли XVIII в., следует признать, что этому способствовало увлечение готицизмом и рудбекианизмом представителей английской и французской общественной мысли XVII—XVIII вв., занявших лидирующее положение в западноевропейской общественной мысли данного периода. Вышеприведенное со всей очевидностью объясняет, откуда черпали смелость своих рассуждений Байер, Миллер и Шлецер, явившись в чужую страну, не зная толком ни языка, ни источников и литературы по ее истории, тем не менее со всей категоричностью бросившись «открывать» ее истинное историческое прошлое перед изумленным взором российского общества. Но кто такой был для Байера Татищев, если сам Рудбек, обласканный многими светилами западноевропейских просвещенных кругов, уже все поведал о древнерусских древностях, об Одине, завоевавшем вендов-русов от Балтики до Тобола, о шведских волках-разбойниках, короли которых еще с Геродотовых времен владели Вендо-Руссией?! Когда Байер в 1726 г. прибыл в Санкт-Петербург, то в своем научном багаже он привез в том числе и идеи Рудбека, которыми он горячо заинтересовался, еще будучи в Ке-

---

¹ Svennung J. Op.cit. S. 98.

нигсберге, как то явствовало из его переписки со шведскими коллегами. Именно эти идеи Байер и растиражировал в своей статье «О варягах», опубликованной в 1735 году. С рудбековской свободой откомментировал Байер и найденные им Бертинские анналы, составленные епископом Пруденцием, где в числе наиболее важных событий, происходивших во Франкском королевстве, были за 839 г. записаны сведения о прибытии в столицу франков Ингельгейм, к Людовику Благочестивому посольства византийского императора Феофила, вместе с которым были и послы другого народа, называвшего себя «Rhos», а своего правителя — хаканом (Chacanus); Людовик узнал, что послы принадлежали к свеонам (eos gentis esse Sueonum). Вышеупомянутых gentis Sueonum, с легкой руки Байера, до сих пор переводят как «от поколения шведы были», что является искажением исторического контекста. Ни шведов, ни шведского народа в IX в. еще не было, а на территории нынешней Швеции проживали свеи и геты.

Соответственно, единственно, с кем gentis Sueonum можно было бы связать на Скандинавском полуострове, это со свеями, но тогда на пути рассуждений вставала бы Повесть временных лет, где оговаривается, что свеи в регионе Балтийского моря являются другим народом относительно варягов — руси. Из этого следовал бы закономерный вывод: свеоны из Бертинских анналов, управляемые хаганом, и свеи из Свеярике — два разных народа с созвучным именем, возможно, генетически восходящим к имени одного народа — предка, и история англоv и англичан тому порукой. Феномен, в науке известный: этнонимы кочуют, как и люди, которые, переселяясь, берут с собой родные имена и называют ими новые земли и новые, по существу, народы (англы — англичане — жители Новой Англии в США). Этнонимы — подвижная категория, имена родовые и общенародные путешествуют во времени и пространстве. Особенно распространённым это явление было в раннее Средневековье. Не ходя далеко за примерами, вспомним, что и имя *готы* в разные периоды закреплялось за разными народами или группами народов. Х. Вольфрам напоминает также, что античная география к множеству германских племен применя-

ла название «свевы»-«suevi» — имя, с которым связывался и этноним *свеоны* как название отпочковавшейся от свевов этнической группы. Со свеонами, локализуемыми на Балтике, связывают шведские ученые имя свеев, написание которого осталось в источниках во множестве вариантов: Suehans и Suetidi у Иордана; Suevos, Sueones и др. у Адама Бременского и т.д. Поскольку письменное отражение этнонимов в античных и средневековых источниках сильно варьировалось, еще с древности сложилась традиция давать при написании имени народа какую-то дополнительную отличительную черту. O gentis Sueonum из Вертинских анналов, например, упоминается, что их правитель носит титул хагана, что сразу помещает их на юге Восточной Европы. У нас нет никаких оснований утверждать, что имя suevi не имело несколько отпочкований, в том числе и на юге Восточной Европы. Вспомним переселенческую легенду об Одине — выходеце из областей к востоку от Свартахав (Черное море) и Свитьод Великой. Может, устная традиция, отразившаяся в исландских сагах и выведившая предков свеев с юга Восточной Европы, содержит зерно истины? Мне кажется, не стоит с ходу отвергать подобное предположение и вместо этого сумбурно возводить в Восточной Европе какие-то «норманнские каганаты» (см., например, у Р.Г. Скрынникова), которых ни один источник не знает.

Однако Байер, не владея русским языком, был знаком только с немногими фрагментами русских летописей по переводам, поэтому оговорка летописца о том, что свеи были другим народом относительно варягов-руси, смутить его не могла, и «находка» в Вертинских анналах стала для него тем решающим аргументом, опираясь на который, он начал огульно отрицать все источники, противоречившие его концепции «народ Rhos — от поколения шведы были»: «...Ныне же из летописей французских бертинианских... особенно знатное место присовокуплю...»¹. «Знатное место» из Бертинских анналов было его открытием, его звездным часом, поэтому Байер объявил войну любому Рюрику, который не был «от поколения шведов». Байер тогда не знал, что за поч-

---

¹ Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. М., 2006. С. 346—347.

ти трехсотлетний период ни одного Рюрика «от поколения шведов» найти так и не удастся. Однако в угоду байеровскому «открытию» и были ошельмованы вышеупомянутые немецкие генеалогии, историческая ценность которых до наших дней продолжает отрицаться норманнистами.

Монтескье и Вольтер, отдавшие дань поклонения готицизму и «Атлантиде» Рудбека, были теми властителями дум среди просвещенных европейцев, влияние которые явно сказалось на идеях Миллера и Шлецера. Достаточно напомнить, что работа Монтескье «О духе законов» с позитивным упоминанием Рудбека как личность знаменитую, была опубликована в 1748 г., т.е. за год до известной диссертации Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», представленной в сентябре 1749 году. Кто смел сомневаться в почтенности идей, несколько лет тому назад высказанных Байером, если уж сам Вольтер писал «о полчищах из Скандинавии, заполонивших Европу»? Миллер, по крайней мере, в них не сомневался: «Чрез упоминаемых мною скандинавов, как вам известно, благосклонные слушатели! разумеется народ, который, производя начало свое от готфов, живших прежде сего около Черного моря... Сей народ в древния времена воинством славной, за бесчестие почитал, чтоб дома состареться, не оказав в чужих землях своей храбрости. Он не довольствуясь местами под его владением бывшими, но желая всегда распространяться нападал отсюду на соседей; доходя водою и сухим путем вооруженною рукою до самых отдаленных народов, сверх имеющагося во владении всего южного берега Балтийского моря... наконец победоносным оружием благополучно покорил себе Россию...»¹. Как видим, за словами Миллера — образы великих готов Иоанна Магнуса, владения которых Магнус распространял от южной Балтии до России, образы, триста лет тиражировавшиеся норманнизмом и, в конце концов, опровергнутые наукой (правда, в отечественной исторической науке позиции Миллера, тиражирующего И.Магнуса, по-прежнему признаются «серьезно обеспеченными» в источ-

---

¹ Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. М., 2006. С. 378.

никоведческом плане; обеспеченными чем — фантазиями И. Магнуса?). В 1750—1760-е гг. раздался призыв Вольтера очищать историю от всего «чудесного и фантастического», и вот, пожалуйста, в 60-е гг. и Шлецер приступает к «очищению» ПВА¹. Подобный подход Шлецера к работе с русскими летописями в отечественной науке объясняли тем, что Шлецер подошел к исследованию ПВА с навыками ученых, работавших над библейскими текстами². С таким взглядом можно отчасти согласиться, поскольку в Германии к XVIII в. действительно имела сложившаяся традиция работы с переводом и изданием библейских текстов, восходившая еще к лютеранскому переводу Библии с латыни на немецкий язык, когда издатели стремились определить список с «подлинным» текстом Священного Писания, который далее следовало использовать как эталонный образец. Поэтому влиянию теологической схоластики Шлецер был, безусловно, подвержен. Но его стремление «издать очищенного Нестора, а не сводного...», а также преподнести пример того, «каким образом можно и должно исправить самого Нестора с помощью прочих исторических знаний... Очистить еще мало обработанную историю от басней, ошибок и вздорных мнений»³ имеет слишком разительное сходство с идеями исторической критики Вольтера, которым Шлецер явно следует с энтузиазмом неопита.

Вот таким образом методика мифотворчества, сложившаяся в готицизме XVI в., получила буйное развитие в шведской историографии XVII в., породив течение рудбекианизма, которое вышло за пределы Швеции и сначала привольно растеклось гулливым потоком, поразив и западноевропейскую историческую мысль эпохи Просвещения. Со второй половины XVIII в. поклонение готицизму и рудбекианизму стало замирать и постепенно с тихим журчаньем ушло в песок забвения, получив вечную стоянку среди диковин и причуд фантазии, порожденных историческими утопиями. Однако ничто не исчезает бесследно, даже произведения духов-

---

¹ Шлецер А.Л. Нестор. С. 1—7.

² Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 13.

³ Шлецер А.Л. Указ. соч. С. XIX—XXVII.

ной жизни. Они так же, как и живые организмы, проявляют способность к мутации и приспособлению к изменившимся условиям окружающей среды. Так, часть «причуд фантазии» рудбекианизма оказывается узнаваемой во многих аргументах норманнистов. В этой связи изучение этого историографического феномена имеет сугубо актуальное значение. Но и готицизм не канул бесследно в Лету, растворившись в рудбекианизме. Фантазийные образы готицизма «перекочевывали» в работы Вольтера, откуда они, осененные авторитетом представителей французского Просвещения, получали свободное плавание по общеевропейской исторической мысли (как это видно из работ Миллера), не будучи научно выверенными концепциями. Но готицизм — не наука, и методика, разработанная его представителями, также не носит научного характера, и время тут бессильно что-либо изменить.

Однако не только поддержка готицизма и рудбекианизма английскими и французскими мыслителями XVII—XVIII вв. сказала на взглядах Байера, Миллера, Шлецера. Эпоха Просвещения породила и собственные утопии, вошедшие составной частью в идейный багаж норманнизма и негативно сказавшиеся, в частности, на исследовании такой темы, как генезис древнерусского института княжеской власти.

Здесь важно вспомнить, что эпоха Просвещения дала развитие историософии, согласно которой возникновение института наследственной власти — княжеской или королевской — связывалось с феодализацией общества и как следствием этого процесса — возникновением государства, объединенного под властью одного правителя, что и стало основой возникновения института наследственных правителей — монархов. Таким образом, вся история представлялась двумя, четко разграниченными периодами: первобытностью с выборной властью или народовластием и феодальной эпохой с монархией и наследственной властью. Все источники, в которых рассказывалось о наследственных правителях на ранних этапах человеческой истории, стали отрицаться как недостоверные. Перед историками ставилась задача: установить тот момент, когда одновременно из первобытного хаоса возникали государство, феодализм и королевская или

княжеская власть. Как все это возникало, было определено со всей категоричностью: в результате сознательно заключенного между людьми договора, чему предшествует стадия анархии и «войны всех против всех». В историю науки эти взгляды, как известно, вошли под именем *теории общественного договора*.

Эти новинки последней французской мысли также составляли часть того идейного багажа, который доставили в Петербург немецкие историки. Теория общественного договора стала частью их методологической базы в работе с русским летописанием. Как уже было сказано, на связь историософии эпохи Просвещения с историческим методом Байера, Миллера и Шлецера до сих пор особого внимания не обращалось. Но хочется еще раз подчеркнуть, что без уяснения такой связи в полной мере невозможно понять дерзость этих ученых, взявших на себя роль менторов и реформаторов русской исторической науки. Их позиция становится объяснимой, только если рассматривать ее в контексте культурно-исторической обстановки того времени и увидеть, что они ощущали себя носителями новой, просвещенной идеологии, которая открыла универсальные законы развития и дала в руки золотой ключ, открывавший двери в прошлое любой страны. Знание языка и прочей конкретики при таком подходе становились менее важными. С новым методологическим оружием в руках можно было легко входить в глубины чужой истории, сортировать источниковедческий материал, якобы «очищая» его от ошибок, а иначе говоря, подгоняя источники под теоретические новинки или огульно отрицая все, что стояло на пути усвоенного ими нового учения.

Вышеприведенные взгляды Миллера о «демократическом» правлении у новгородцев как раз соответствуют идеям, сформулированным в теории Общественного договора, именно их стремился педантично излагать Миллер в своих работах на русском языке. *Таким образом, в российскую науку был введен принцип первичности догмы над источниками*, благодаря которому летописи или фрагменты из них, не подходившие под догму, объявлялись недействительными, ошибочными, присочиненными. Наличие княжеского института власти до призвания варягов не подходило под дог-

му — оно стало отрицаться как малоумная фантазия. Но отрицаться не в результате тщательного изучения источниковедческого материала, скрупулезного сличения и анализа данных, а в силу априорного приговора: если за точку отсчета в возникновении русской государственности принять призвание варяжских братьев, то все, что было до них в русской истории, следует относить к догосударственному, а следовательно, к докняжескому периоду.

Неслучайность, методологичность идеи о «демократическом» правлении в Новгороде до призвания варягов в работах немецких историков подтверждается тем, что она красной нитью проходит и у Шлецера, что также видно из приведенных выше отрывков. Эти отрывки из шлецеровского «Нестора» очень представительны для иллюстрации той методологической базы, на которую Миллер и Шлецер опирались в работе с русским летописанием. Но основоположниками этой базы они не были — они были только эпигонами идейных течений, сложившихся в том числе и в рамках историософии эпохи Просвещения.

Здесь следует добавить еще один момент, важный для понимания ментального наследия немецких академиков и оказавший влияние на последующее формирование норманизма. В рамках упомянутого германо-славянского спора зародились, в частности, идеи о некоем имманентном славянам народоправстве. Так, современник Рудбека, прусский историк Христофор Харткнох (1644—1687), писал о том, что вендские народы (он конкретно имел в виду поляков) не имели изначально монархической власти. При этом Харткнох ссылался на Прокопия Кесарийского (VI в.), который, характеризуя современных ему славян, сообщал, что они не знали авторитарной монархической власти¹. Мысль эта закрепилась в западноевропейской исторической науке, и вот уже в русле просветительской мысли, в работах чешского просветителя Г.Добнера (1719—1790), она выступает как истина в последней инстанции: «...чехам и другим славянам в древности было присуще не монархическое, а демократическое об-

---

¹ Hartknoch Ch. Alt- und neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Frankfurt, Leipzig, 1684. S. 232—233.

шественное устройство»¹. Поскольку в эпоху Просвещения в общественной мысли стал доминировать взгляд, согласно которому народоправство связывалось с первобытным хаосом и дикостью, а монархия — с утверждением порядка и цивилизации, то германо-славянский спор в русле новых просвещенных взглядов автоматически разрешался следующим постулатом: истории всех народов, принадлежавших к славянской языковой семье (включая, естественно, и русскую историю), наделялись первородной народоправной дикостью, а носители германских языков становились монопольными обладателями монархического начала и порядка. Несложно понять, что в сознании немецких академиков теория Общественного договора гармонично накладывалась на традиции немецкоязычной историософии об исконном «народоправстве» у славян, что облегчало и манипулирование в этом русле содержания русских летописей. Но любопытно, что идеи о славянском «народоправстве» проявили удивительную живучесть и продолжают циркулировать в современной исторической науке и по сей день, хотя это не просто устаревший, но уже обветшалый подход — реликт утопий давно минувших времен.

Совокупность перечисленных факторов — постулат теории Общественного договора о возникновении монархии немедленно из первобытного хаоса «народоправства», идеи немецкоязычной историософии о прирожденном славянам «демократическом» начале и истинно германской «монархичности», традиции готицизма и рудбекианизма, наполнившие просвещенные умы Европы образами «германских» завоеваний, несущих другим народам порядок и государственность — привели к тому, что варяжский князь Рюрик и его братья были стараниями Байера, Миллера и Шлецера объявлены безродными бродягами-наемниками, неизвестно как ставшими князьями в Словенском княжестве. Полагаю, в этой связи интересно посмотреть, а как в истории других европейских народов становились правителями? Были ли там призвания «со стороны»? В следующих очерках постараюсь рассмотреть этот вопрос.

---

¹ Мыльников А.С. Указ. соч. С. 234.

ЧТО ПОЗВОЛЕНО ПЛАНТАГЕНЕТУ, ТО НЕ ПОЗВОЛЕНО РЮРИКУ

В истории Европы, как известно, сложилось два типа институтов власти, которые условно можно обозначить как «республиканский» и «монархический», т.е. основанный либо на выборности, либо на наследном праве. Эта разница между двумя моделями организации власти лучше всего была определена когда-то в одном школьном сочинении (журнал «Юность» публиковал наиболее выдающиеся перлы): «Король — сын своего отца, а президент — нет». Хотя сравнительный анализ обеих моделей был бы интересен, выборные институты я оставляю за скобками данного очерка и продолжу разговор о том институте, который я здесь условно назвала «монархическим», связав его, естественно, с призванием Рюрика и проблематикой древнерусского института княжеской власти.

В очерке «Рюрик и призвание правителя со стороны» я напомнила, что сохранилось достаточно много сведений в источниках, сводный анализ которых дает логичную картину, раскрывающую смысл призвания Рюрика в Словенское князьенъе. Из рассказов, сохранившихся в Лаврентьевской, Никоновской, Воскресенской, Иоакимовской летописях, мы видим, что Рюрик и его братья приглашались как князья в силу своих наследных прав. Аналогичное понимание событий сохранилось в так называемых политических сказаниях русской литературы XIV—XVII вв., а также в произведениях западных авторов XV—XVIII вв. (например, у С. Мюнстера, С. Герберштейна, М. Стрыйковского, К. Дюре, Б.А.Селлия и др.). Ценным западноевропейским источником для понимания смысла призвания Рюрика являются немецкие, прежде всего мекленбургские, генеалогии XVII—XVIII вв. (в числе составителей этих генеалогий можно назвать Б. Латома, Ф. Хемница, Ф. Томаса, Г. Клювера, М. фон Бэра, Д. Франка, С. Бухгольца, Г. Лейбница и др.). Но как было показано выше, с XVIII в. все эти источники стали отмечаться и подменяться рассуждением: ну что там летописцы. Либо врут, либо путают. А на самом деле было совсем другое. Видение этого дру-

гого с тех пор и до наших дней предстает в основном в двух вариантах. Первый — приглашение Рюрика с братьями было приглашением защитников на основе договора — ряда. Этот вариант наиболее подробно разрабатывается Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухиным, в последние годы активно развивается в работах Е. Пчелова. Я назвала эту концепцию концепцией «Князя по найму», за что с недавнего времени на меня стали обижаться и говорить, что по найму — это неправильное понимание. Почему же неправильное, если, например, Е.А. Мельникова буквально в одной из своих последних работ пишет: «... уставшие от усобиц словене и прочие решают «поискать себе князя». Заключение договора... между князем — «наемником» и новгородской знатью превращается со временем в норму...»¹. По-моему, не так уж неправильно отождествить выражение «князь — наемник» с концепцией «Князя по найму». По представлениям сторонников второго варианта, упомянутый летописный «ряд» на самом деле скрывал завоевание, завоевательную экспансию норманнов в Восточной Европе (из последних работ, развивающих эту версию, можно назвать работы Пузанова, Стефановича), т.е. сначала было завоевание, а потом — договор. Общий посыл для сторонников обоих вариантов таков: данные летописей — это конструктив / конструкт новгородских и киевских летописцев XI в., созданный под влиянием разных традиций и конъюнктурных соображений. Поиск источников, откуда русские летописцы могли позаимствовать вдохновение и материал для своих рассказов или конструктивов, ведется по всей вселенной, от ветхозаветной Книги царств² до западноевропейских источников.

Излюбленный пример из западноевропейских источников — рассказ из истории завоевания Британии англосаксами о полубогатых Вортигерне — верховном правителе бриттов — и германских (как их называют в литературе) наемниках Хенгисте и Хорсе, которых Вортигерн пригласил, чтобы те помогли остановить вторжения пиктов и скоттов

---

¹ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 65.

² Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия. М., 2000.

(период около 450 г.). На этот пример указал еще Шлецер, и с тех пор он с лихвой заменяет норманистам полное отсутствие данных о скандинавских завоеваниях в Восточной Европе — дескать, если завоевания были на Западе, почему бы им не быть и в Восточной Европе? Ниже я остановлюсь на этом примере подробнее, сейчас же напоминаю о нем только для того, чтобы показать: поиск ведется во всех мыслимых направлениях, кроме одного. Почему-то никто не ищет примеров именно призваний правителей и не задается вопросом: как обстояло дело с призваниями правителей в других европейских странах, был ли такой феномен, как призвание правителя «со стороны», и как оно в таком случае функционировало? Как я показывала во многих своих работах, в том числе и в работах, опубликованных на авторской колонке сайта Переформат.ru, призвание со стороны может быть зафиксировано в истории всех правящих домов Европы, и многие из них, особенно монархические институты в небольших странах, просто не пережили бы иначе всех кризисов власти.

Однако призвание «со стороны» было подчинено определенным правилам: в основе своей оно исходило из родовой принадлежности избираемого кандидата к правящему роду, чем определялась легитимность правителя. Данная традиция передачи власти в рамках одного рода, выделившегося из социума в качестве правящего, уходит в глубокую древность и связана со спецификой духовной жизни еще первобытного общества. Сакрализация природы породила обожествление духов предков — оберегов и гарантов благополучия социума. Выполнение ритуалов по общению с духами предков возлагалось на представителя рода, к которому принадлежали наиболее прославленные предки, поэтому родовая принадлежность и сделалась основой определения легитимности правителя. Но принадлежность к роду не определялась только кровным родством.

Во многих своих исследованиях я обращала внимание на то, что особенностью института наследной власти являлся учет двух линий — отцовской и материнской. Традиция матрилиатеральности (наследование со стороны матери) давала право на престол потомству княжен / принцесс, от-

данных замуж в другие страны, а также могло быть получено благодаря браку с правительницей / принцессой или акту усыновления. В рамках такой амбилинейности возможны были самые разные варианты решения кризисов власти, и все они широко использовались в династийной практике европейских стран и в древности, и в Средневековье. Поскольку призвание Рюрика с братьями, согласно летописям, осуществлялось согласно матрилатеральной традиции — внук своего деда по матери, то хочу напомнить несколько аналогичных примеров из западноевропейской истории.

Первый римский император Гай Юлий Цезарь Август (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.) стал членом рода Юлиев благодаря матрилатеральной традиции, будучи внучатым племянником Юлия Цезаря со стороны его сестры и сыном его племянницы. По завещанию, Гай Октавий был усыновлен Юлием Цезарем и принял родовое имя своей матери Юлий, а также имя приемного отца — Цезарь.

Выбирая из наиболее известных примеров средневековой истории, можно напомнить, как со смертью сына императора Арнульфа, Людовика, пресеклась Каролингская династия, и для поддержания преемственности власти обратились к потомству дочери Арнульфа и призвали внука Арнульфа — Конрада I (911—918 гг.), который стал новым германским королем как внук своего деда по матери.

К матрилатеральной традиции, как правило, обращались в кризисных ситуациях, когда не было прямых законных наследников мужского пола и для прекращения вспыхивавших в такой обстановке смут и беспорядков, переходящих часто в гражданские войны. Можно вспомнить примеры из истории герцогов Нормандских. Например, претензии герцога Нормандии Вильгельма на английский престол покоились на родовых связях, и именно матрилатеральных. Матерью скончавшегося без потомства представителя уэссекской династии короля Эдуарда Исповедника (1042—1066) была урожденная герцогиня нормандская Эмма, которой Вильгельм по отцовской линии доводился внучатым племянником. Бездетный Эдуард, в бытность свою в изгнании в Нормандии, по устному завещанию, назвал Вильгельма своим наследником. То, что Вильгельму пришлось добывать англий-

ский трон с мечом в руках, было делом нередким в те времена: традиция поручать свою судьбу благоволению высших сил, восходившая к древнейшим обычаям сакральных правителей, была тогда еще очень в ходу, хотя многие из европейских венценосцев считались уже добрыми христианами.

По сведениям источников, Вильгельм, высадившись в Англии, послал гонца к королю англосаксов Гаральду Гудвинссону и предложил в присутствии обеих армий решить дело поединком. Ведь и Гаральд Гудвинссон стал королем англосаксов не будучи прямым наследником уэссекской династии. Королем англосаксов Гаральд также был провозглашен по устному завещанию Эдуарда, по требованию англосаксонской знати, не желавшей видеть своим правителем нормандского герцога Вильгельма. Как видим, избрание короля могло происходить из числа разных кандидатов, но легитимация нового правителя должна была иметь место в любом случае, а легитимное право обосновывалось через связь с правящим родом. В этом смысле Гаральд и Вильгельм были равны в своих правах на английский престол — оба названные наследники бездетного Эдуарда Исповедника, т.е. оба пришедшие в генеалогическую систему «со стороны» и втянутые в борьбу за английский престол в условиях пресечения прямой мужской линии.

Победа, как известно, осталась за Вильгельмом, который стал родоначальником новой династии в Англии. Но довольно скоро пресеклась и она, а преемственность королевской власти в Англии была поддержана тоже благодаря традиции призвания правителя «со стороны», когда королевский трон Англии получил прибывший из Франции внук умершего без наследников Генриха I, сын его дочери Матильды по имени Генрих Плантагенет (1154—1189 гг.), и в Англии началось правление еще одной новой династии. Правда, этому предшествовала почти двадцатилетняя гражданская война, когда один род претендентов восстал на другой. И так же, как и в княженье Словен, английское общество оказалось во власти смут: «...бысть о сем молва велиа; овъм сего, овъм другаго хотящем». На время победили сторонники конкурента Матильды и Генриха, а именно сторонники Стефана Блуаского — также претендента, согласно матрилateralной тради-

ции: он был сыном сестры Генрика I и внуком Вильгельма от его дочери Аделы.

Явно с учетом матрилиатеральной традиции заключался брак Гиты, дочери погибшего короля англосаксов Гаральда Гудвинссона, и Владимира Мономаха, поскольку их старший сын был назван двойным именем Мстислава-Гаральда (1125—1132 гг.). С гибелью короля Гаральда пресекалась англосаксонская ветвь королевского рода в Англии, но потомство дочери короля Гиты могло бы возродить эту ветвь, будучи призванным «со стороны», если бы кризис власти в Англии предоставил такой шанс. Однако, как известно и как показано выше, королевская власть в Англии перешла к нормандской ветви в лице герцога Вильгельма Завоевателя, которая на какое-то время смогла закрепиться на троне.

Все приведенные примеры нацелены на один вопрос — вопрос легитимности правителя. Ни один завоеватель или узурпатор не мог обойти проблему легитимации власти на основе закона и традиции, существовавших в каждом обществе. Власть традиций простиралась над всеми, поскольку все всегда принадлежали своему времени. Собственно, то же самое можно сказать и о нашем времени. Власть можно получить с помощью силы или манипуляций, но для осуществления властных полномочий требуется их оформление на основе действующих в человеческом сообществе в данное время законов и положений. Непризнанная власть может покоиться только на насилии, однако дорого обойдется удержание такой власти, ограничен ее ресурс и недолог, как правило, век такой власти.

Традиции предгосударственных обществ покоились на дохристианских верованиях, связанных изначально с культурами предков своей земли, которых нельзя было подчинить завоеванием. Завоевать можно было живых, а с духами предков можно было только «договариваться» через общепринятые ритуалы. Поэтому даже в случае открытого военного завоевания одного народа другим предводитель народа-победителя становился легитимным правителем побежденного народа только тогда, когда закреплялась его связь с системой родства правящего рода. При этом очень часто использовалась традиция счета родства по женской линии.

Очень ярким примером в этой связи как раз и служит история завоевания Британии англосаксами и вышеупомянутый рассказ о полубогатых Вортигерне — верховном правителе бриттов — и его наемниках Хенгисте и Хорсе, которых Вортигерн пригласил для оказания военной помощи против вторжений пиктов и скоттов (период около 450 г.). В «Истории бриттов» Ненния приводится рассказ о переходе земли Кента под власть Хенгиста как свадебного дара Вортигерна после его женитьбы на дочери Хенгиста Ровене. При этом, в частности, сообщается, что после женитьбы Хенгист сказал Вортигерну: *«Я твой отец и советчик, ни в чем не отступай от моего совета, и ты более не будешь страшиться... Я призову, кроме того, моего сына и его двоюродного брата... а ты предоставь им области на севере»*¹.

Эта фраза — ценный образчик существовавших и в раннее Средневековье норм обычного права, к которым приходец «со стороны» мог воззвать для обеспечения легитимности своих претензий на власть. Мы видим, что новоиспеченный тесть воспользовался своим традиционным правом называться отцом верховного правителя в силу брака с дочерью, благодаря которому создавались отцовско-сыновние отношения. Хенгист как названный отец Вортигерна получал права старшего мужского представителя в правящей иерархии и возможность начинать новую линию наследования, включая в нее уже своих кровных мужских потомков — своего сына, сына своего брата и т.д. Этот фрагмент из источника давно стал хрестоматийным, но основное внимание в нем уделялось факту самого завоевания. Но завоевание завоеванием, а власть в человеческом обществе обязана узаконивать свое положение, для чего в разные времена использовались различные средства.

Конечно, по поводу обращения к такому источнику, как «История бриттов» Ненния, могут возразить, что это труд более позднего времени, труд компилятивный, при этом и авторство оспаривается. Однако, на мой взгляд, неважно, как правильно звали автора, который донес до нас приве-

---

¹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 68—69, 180—181.

денную историю с женитьбой Вортигерна на дочери Хенгиста, важно, что она соответствует духу времени и традиционному представлению об институте родства как основе для получения доступа к власти (или к имуществу: логика принципа наследования одна и та же). История эта представляется весьма правдоподобной еще и с чисто человеческой точки зрения: люди ведь всегда люди.

Из истории Англии мы знаем, что утверждение на Британских островах разноплеменных отрядов наемников с западного побережья Европы, известных в источниках под собирательным именем саксов, происходило на протяжении длительного периода и достигло наибольшего размаха в середине V века. Со временем пришельцы стали захватывать земли на значительной территории Англии. И вполне естественно, что многим из предводителей этих отрядов наверняка приходила соблазнительная мысль пробиться и к кормилу королевской власти. Однако тут и встает на пути вопрос о легитимации: какие основания привлечь для того, чтобы провозгласить себя королем перед будущим народом и страной? Хенгист увидел свой шанс, когда заметил, что король бриттов Вортигерн бросает сладкие взгляды на его дочь Ровену. Он явно рассчитал свой ход заранее и тем самым показал себя истинным политиком. Реальная власть, приобретенная силой оружия, была у него в руках, оставалось придать ей статус законной традиционной власти.

Вот еще один пример на эту же тему — из «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне», где рассказывается о завоевании Альдейгьюборга конунгом Эйстеном. Завоевав страну, Эйстен убил местного правителя и попытался обеспечить свою легитимность через соглашение с его вдовой. *«Есть два выхода, сказал конунг, либо я сделаю тебя своей наложницей и ты останешься ею так долго, сколько тебе это суждено, либо ты выйдешь за меня замуж и отдашь все государство в мою власть, а я окажу тебе большой почет... Тогда этот разговор закончился, и дело было улажено»*¹.

---

¹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Древней Руси. М., 1906. С. 51—53.

Традиция, согласно которой женские представительницы родовой организации наделялись особой связью с землей, благодаря чему они и могли, в частности, выступать посредницами в передаче властных полномочий разделившими с ними ложе пришельцами со «стороны», является очень древней и заслуживает, в силу этого, отдельного разговора, который будет предложен в другом очерке, а здесь продолжим рассмотрение взаимоотношения власти и завоевания.

Еще раз повторю, что власть можно было получить и в ходе завоевания, но утвердиться у власти, стать легитимным правителем было невозможно в обход существовавших в обществе традиций и норм. Об этом говорит другой (помимо Хенгиста) излюбленный пример норманнистов — пример из жизни знаменитого Роллона, основателя герцогства Нормандия во Франции. Роллон был изгнан, по сведениям одних источников, королем данов, по сведениям других источников, норвежским конунгом Харальдом Прекрасноволосым (860—940?), и начал пиратствовать во владениях Карла Простого (879—920). Относительно французских земель он был просто разбойником до тех пор, пока при взятии Руана и Байе он не убил местного графа и не женился на его дочери, после чего получил титул графа и сделался «законным» местным сеньором. Дальнейшее известно: как представителю французской знати ему было предложено принять христианство, вступить в брак с дочерью Карла Простого и получить удел, достойный герцогского титула. Это — пример из эпохи, максимально близкой времени Рюрика, можно сказать, что Роллон был младшим современником Рюрика. И, как видите, одни только успехи оружия не дали ему напрямую ни власти, ни титула: он получил их через брак с представительницами местной знати и королевского рода — графской дочерью и затем — принцессой. Это и были те «договоры», с помощью которых пришедший со стороны завоеватель Роллон стал герцогом Нормандии. Других «договоров», на основе которых можно было наняться в князья или в герцоги, в истории, как будто, неизвестно. Все известные примеры призвания правителей «со стороны» отражают достаточно устойчивый порядок поддержания преемственности власти в наследных институтах, когда каждый последующий кан-

дидат в качестве обоснования легитимности своих претензий должен был тем или иным образом объявить / доказать связь с существующим правящим родом. Вопрос о легитимации власти в архаичных обществах до сих пор обходился стороной историками-норманнистами, представляющими два названных подхода, и решался просто: «летописцы либо врут, либо путают, а данные летописей — это конструктив XI в.». Однако без рассмотрения этого вопроса заниматься проблематикой генезиса и развития древнерусского института княжеской власти просто невозможно.

В начале статьи я подчеркнула, что рассматриваю здесь традиции наследного института власти, где «король — сын своего отца», и напомнила, что традиция передачи власти в рамках определенного рода уходит своими истоками в глубокую древность. В данном очерке я приведу только один пример — из ранней истории Восточной Европы, т.е. из истории земли наших предков. Мой пример касается легенды о родоначальнике скифских царей, «первочеловеке» Таргитае, который, согласно скифскому сказанию, сообщенному Геродотом, считался сыном Зевса и дочери Борисфена — Днепра. За метафорами сказания видна хорошо узнаваемая ситуация: носитель сакральной власти «со стороны» в ипостаси эллинского божества Зевса вступает в союз с дочерью местного владыки, отождествляемого с обожествленным Борисфеном — Днепром и воплощавшего, таким образом, сакральную власть над людьми и природой. Плод этого союза Таргитай становится законным наследником своего деда по матери и правителем борисфенитов, наследуя власть со стороны матери. Кроме того, он, по всей видимости, являлся первым царем и родоначальником династии, связанной родством с державными линиями эллинов. Напрашивается сравнение с Рюриком, который именно в схожем контексте называется также первым князем, т.е. родоначальником династии, создавшей новую систему династийных связей. Но могут сказать, где скифская история, а где русская история! Ничего подобного! Мы, например, с легкостью обнаруживаем сохранение амбилинейной традиции наследования при последних Рюриковичах, включая и матрилатеральную традицию.

В русской истории династийная линия Ивана Калиты — последнее звено династии Рюриковичей, утвердившейся у власти благодаря матрилатеральной традиции передачи власти — не прерывалась в течение почти трехсот лет — факт сам по себе примечательный и заслуживающий изучения. Однако стоит обратить внимание на то, что такой важнейший акт в потестарно-политическом развитии Русского государства как утверждение Ивана IV в царском сане потребовал обращения и к матрилатеральной традиции. В соборной грамоте патриарха константинопольского Иоасафа, которой в 1561 году Иван IV утверждался в царском сане, законность данного акта, т.е. принятие Иваном IV царского титула, аргументировалась тем, «что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того собором духовенства и византийского, венчал российского князя Владимира на царство». Документ этот приведен в истории Н.М. Карамзина, и историк отмечает, что данная грамота подписана тридцатью шестью митрополитами и епископами греческими.

Есть и другие примеры глубокой укорененности традиции матрилатеральности в русской истории. Сын Ивана Грозного царь Федор скончался в 1598 г. без потомства, и создалась ситуация, которой страшались больше всего: престол остался без законного наследника. Но вначале преемственность власти была восстановлена быстро и потому без тяжелых последствий. По истечении сорока дней после смерти Федора царем был избран Борис Годунов. Но мало кто обращал внимание на то, как мотивировали принятие решения о его кандидатуре в правители, хотя понятно, что мотивировка должна была опираться на традицию и иметься «в запасе», поскольку кризисы власти государственной мыслью, естественно, предусматриваются. Возвращаясь на несколько десятков лет назад, напомним, что Иван Грозный венчался на царство до своей женитьбы (почти вплотную к ней, т.е. менее чем за месяц до свадьбы) — таково было его безусловное желание. Следовательно, его избранница Анастасия Романовна венчалась уже с царем и после обряда венчания, соответственно, получала титул царицы. Таким

образом, новый институт царской власти сразу получал возможность обеспечить свою преемственность и по женской линии, если мужская линия пресечется. И в нужный момент такая предусмотрительность оказалась спасительной. Вдова Федора Ирина носила также титул царицы. Ирине как носительнице царского титула присягнули сразу же после смерти Федора, чтобы избежать междуцарствия, в силу чего Ирина, по определению Н.М. Карамзина, является первой русской державной царицей.

Но Ирина отказалась от царства и удалилась в монастырь. Тогда обратились к ее брату Борису. И здесь хочется привлечь внимание к следующему моменту. При исчислении прав Бориса на соборе сообщили, что Иван Грозный еще при жизни величал Ирину как «Богом данную мне дочь царицу Ирину...», а также говорил о Борисе, что «какова мне дочь Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын...», т.е. Ирина и Борис Годуновы при жизни Ивана Грозного были провозглашены названными детьми царя Ивана (вспомним названных наследников Эдуарда Исповедника), или, говоря современным языком, являлись удочеренными / усыновленными особами законного правителя и, следовательно, имели бесспорное право первоочередности («по ряду», т.е. в череде претендентов) на престол перед другими кандидатами в довольно обширной генеалогической системе Рюриковичей. Однако интересно отметить, что даже в тексте присяги на имя Бориса имя Ирины остается и стоит первым в тексте, а имя Бориса — вторым. Так же был составлен текст присяги и на имя сына Бориса — Федора Годунова: имя вдовы царицы Марии Годуновой было поставлено первым, а имя Федора вторым. Напрашивается мысль о том, что в то время в русском традиционном сознании идея о первостепенном значении древней сакральности, передающейся по материнской / женской линии, была еще очень сильна.

Матрилатеральная традиция, по моим предположениям, сыграла свою роль и при утверждении новой династии Романовых, что положило конец Смуте. Внимание этому факту до сих пор не уделялось, но при обосновании прав Михаила Романова на царство указывалось на его родство с цари-

цей Анастасией, которой он доводился внучатым племянником по линии брата царицы — Никиты Романовича (царь Михаил Федорович был сыном Федора Никитича, сына Никиты Романовича), и таким образом, на его наследные права на царский титул по линии родства с первой русской царицей. Не настаиваем категорически, но исходя из имеющихся знаний о значении матрилинейной традиции полагаем, что она сыграла в выборе кандидата в цари важное значение. В современной исторической мысли смысл этих традиций утерян или почти утерян. Для наших же предков XV—XVI вв. они имели глубокий смысл. Не припоминается, например, чтобы кто-нибудь обращал особое внимание на то, что первая невеста основоположника династии Романовых, царя Михаила Федоровича, — дворянская дочь Мария Хлопова, став царской невестой, была наречена именем «Анастасии», т.е. именем, которое носила первая супруга Ивана IV и первая русская царица Анастасия Романовна. Зачем бы надо было проводить такую церемонию? А вот ведь провели — значит видели в этом глубокий смысл!

В завершение приведу еще один пример о применении матрилateralной традиции в российской истории, относящийся к правлению Елизаветы и показывающий живучесть традиции призвания правителя «со стороны» для каждого правящего дома. Незамужняя императрица при отсутствии собственных наследников призвала «из-за моря» племянника, сына старшей сестры Анны, который принял православие и стал наследным цесаревичем Петром Федоровичем. Кстати, в рамках матрилateralной традиции Петр обладал наследными правами не только на российский престол, но и на шведский. Его отец, герцог Карл-Фредрик Гольштейн-Готторпский, был сыном шведской принцессы Хедвиги-Софии, родной сестры Карла XII. По смерти его родной тетки по матери, другой сестры Карла XII, бездетной шведской королевы Ульрики-Элеоноры, а затем и ее супруга — шведского короля Фредрика Гессенского он был назначен в наследники шведского престола. Можно предположить, что «призвание» этого бездарного кандидата Елизаветой определялось в том числе и этим соображением, поскольку шведский король, обладающий законными, с точки зрения династийной тради-

ции, правами на российский престол, создавал бы ненужные осложнения в международной политике. Проблемы Смутного времени были тогда еще достаточно свежи в памяти!

Таким образом, традиция поддержания преемственности власти на основе, аналогичной той, сведения о которой сохранились у нас о Рюрике, или традиция матрилateralная, хорошо известна в истории европейских правящих домов, известна в истории античности и открывает историю Восточной Европы, хорошо прослеживается в последний период правления династии Рюриковичей и наследуется далее династией Романовых.

Невольно задаешься вопросом: почему Конрад I мог стать германским королем как внук своего деда по матери, а в случае с Рюриком это отрицается? Почему призвание Генриха Плантагенета на престол как внука своего деда по матери не подвергается сомнению, а Рюрику в этом отказано? Почему даже основоположнику скифской династии в Восточной Европе Таргитаю оставляют его деда по матери, а Рюрик входит в русскую историю без деда, без матери, без княжеского звания — не то безродным воякой, не то защитником — даже в этом за двести с лишним лет не могли определиться!

Мой ответ на поставленный вопрос:

1. Сторонники обоих вышеназванных концепций — концепции завоевания и концепции князя — наемника по договору — фактически подвергают сомнению наличие института княжеской власти в древнерусской истории до призвания Рюрика. Исследования последних 50 лет в рамках так называемой теории вождества, под которым понимается социополитическая организация, характеризовавшая поэтапную эволюцию позднепервобытного / предгосударственного общества и которая стала активно развиваться как в отечественной, так и в западной науке с 60—80-х годов прошлого века, показали, что наследный институт власти прослеживается в первобытных обществах, в догосударственную эпоху и нет никакой необходимости соотносить его с государственностью.

2. Наличие вождества в древнерусской истории дискутируется в работах современных российских историков

(А.Ю. Дворниченко, Е.А. Шинаков, Викт. Пузанов и др.), но эти дискуссии пока немного дали для создания современной концепции по генезису древнерусского института княжеской власти.

Вывод напрашивается сам собой: признай княжеское происхождение Рюрика, признай сведения русского летописания о призвании правителя на опустевший престол, и исчезает безродный Рюрик неустановленного происхождения откуда-то со Скандинавского полуострова, а вместе с ним исчезает возможность продолжать ставшие такими привычными рассуждения не то о защитниках по договору, не то о таинственных завоевателях, невесть откуда набравших сил для завоевания гигантских просторов от Ильмена до Днепра.

Но нас-то почему волновать эти заботы? Что нам все-таки важнее: судьбы родной истории или обжитые за долгое время догмы, которые за двести с лишним лет так и не раскрылись как живая история. И никогда не раскроются, поскольку и идея завоевателей, и идея защитников по договору выросла из шведской мифологизированной историографии XVII—XVIII вв. С распространением в XVIII в. в российском обществе идей западноевропейской историософии доверие к древнерусскому летописанию было, как известно, подорвано, а для толкования такого события, как призвание князя Рюрика, стали привлекаться истории завоевания Англии саксами, т.е. история Хенгиста, или история образования герцогства Нормандия, т.е. история Роллона, и возникли вышеназванные подходы: Рюрик как завоеватель и Рюрик как наемник по договору. Одновременно в некую туманность превратилась проблема обоснования легитимности правителя в древнерусской истории.

В последнее время усилилось размежевание между сторонниками названных подходов. Сторонники идеи завоевания выступают с критикой теории договора, указывая, что все приводимые, например, Е.А.Мельниковой примеры из западноевропейской истории для подкрепления своей теории Рюрика как наемника по договору, т.е. примеры договоров с Альфредом Великим, Карлом Простым и Роллоном,

совершенно необоснованны. Договор норманнов с Альфредом Великим — международный договор о разделе территории, а не приглашение князя, история с Роллоном также не соотносится с летописным Сказанием (Стефанович П.С. «Призвание варягов в Новгород: был ли договор князя и населения». «Новгородика-2010», 20—22 сентября 2010. Доклад прозвучал на Пленарном заседании 21 сентября, в Новгороде). Полностью согласна с приведенной точкой зрения: все попытки Е.А.Мельниковой с помощью параллелей из западноевропейской истории подтвердить свою концепцию Рюрика как наемника по договору неубедительны.

Одновременно сторонники концепции договора критикуют идею завоевания, скрытую за Сказанием о призвании Рюрика с братьями, которая подкрепляется ссылками на сюжет о Хенгисте. Так, у В.Я. Петрухина читаем: «Разные исследователи возводили легенду о призвании варягов к легенде о призвании саксов в Британию... Однако англосаксонская легенда не содержит мотива внутренних распрей: бриттам грозили «внешние» враги. Кроме того, призваны были два брата, носящие заведомо мифологические, а не реальные имена. Вместе с тем эпическая формула призвания в «великую и обильную землю» указывает... на общий мифологический источник»¹. Не могу не согласиться и с этим автором: сходство лексических оборотов не может служить убедительным аргументом для отождествления Сказания о призвании Рюрика с англосаксонской легендой о призвании саксов. Источники описывают совершенно различные ситуации в древнерусской истории и в истории Англии.

Ввиду того, что исторические параллели, используемые в российской историографии для толкования Сказания о призвании Рюрика еще с XVIII в., явно начинают давать сбой, предлагаю вводить свежие силы и для сравнительного анализа со Сказанием о призвании начать использовать историю призвания Генриха Плантагенета и историю призвания шлезвиг-гольштейнского Карла-Петера-Ульрика, или Петра Федоровича. В самом деле, чем Генрих Плантагенет хуже Роллона или Хенгиста?

---

¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 109.

Сторонники норманистских концепций так настоятельно убеждают нас в том, что древнерусский институт княжеской власти принесен скандинавами — не то по договору, не то по завоеванию, что вполне уместно посмотреть, а как обстояло дело с институтом королевской власти в скандинавских странах, например, в шведской истории, коль скоро нас уверяют, что именно Средней Швеции следует отдать первенствующую роль в деле установления княжеской власти на Руси? Две означенные норманистские концепции: «Рюрик — князь по договору» и «Рюрик — завоеватель» — позволяют предположить, что в историях скандинавских стран королями становились именно на основе этих двух моделей: либо по завоеванию, либо на основе договора по найму короля. Поэтому обратимся к ранней истории скандинавских стран на примере шведской истории. Но если кто-то думает, что жители тех стран, которых многие в наши дни представляют поголовно в виде сумбурных викингов, жили по принципу: кто палку взял, тот и капрал, то того ожидает разочарование. Исландские королевские саги — важнейший источник по истории Скандинавии — дают нам обильный материал, показывающий, что важным организующим принципом институтов власти в скандинавских странах, начиная с яиц Леды, был рассмотренный выше династийно-родовой принцип, где в том числе матрилатеральная традиция играла важную роль. Сага об Инглингах, открывающая свод Снорри Стурлусона «Круг земной», собственно, и посвящена описанию того, как утверждалась в Скандинавии власть. Легендарные основатели династий — боги Один, Ньерд, Фрейр — «пришлые» родоначальники, от которых вели свое происхождение последующие королевские роды Дании, Норвегии, Швеции.

Согласно легенде, божественный «праотец» Один, по своему «этническому» происхождению — выходец из Азии, из страны, которая находилась: «...недалеко от Тюркланда (Turklands). Там у Одина были большие владения. В те времена римские хевдинги ходили [походами] по всей земле и

подчиняли себе все народы, и многие хевдинги бежали из-за этих войн из своих владений. Но так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет жить в северной части земли. Тогда посадил он своих братьев Ве и Вили [правителями] над Асгардом, а сам пустился в путь, и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг в Саксланд. У него было много сыновей. Он завладел землями во многих местах в Саксаланде и поставил там правителями своих сыновей. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это место теперь называется Одинсей на Фьоне»¹.

Т.Н. Джаксон поясняет, что под топонимом «Тюркланд» следует понимать Малую Азию и близлежащие земли. Само название «Турция» было употреблено впервые автором одной хроники крестоносцев в 1190 г. в применении к землям, захваченным тюркскими племенами в Малой Азии, где ими был создан целый ряд княжеств — эмиратов. С конца XI в. и в течение всего следующего столетия Малая Азия была ареной борьбы за верховенство между тюркскими политическими образованиями, византийскими войсками, крестоносцами — ситуация, перекликающаяся с картинами, изображаемыми С. Стурлусоном, причем получается, что сам топоним был достаточно новым в его время.

Если абстрагироваться от мифопоэтической формы сказа, то в нем имеется немало материала, который иллюстрирует логику правового сознания того времени и традиции, с позиций которых регулировались отношения между прибывшими «со стороны» правителями и местными конунгами. Так, например, легитимность «пришлой» легендарной династии Скъелдунгов, от которой, согласно сказанию, произошли последующие династии датских королей, обосновывается мифом о женском божестве Гефьон (Gefjon) — посланнице Одина, который отправил ее на поиски новых земель. Согласно мифам, изложенным Снорри Стурлусоном, Гефь-

---

¹ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 52—53.

он отправилась на север и прибыла к конунгу Гюльфи (Gylfe), который правил в той стране, которая, как отметил Снорри, «сейчас» (т.е. в его время) называлась Свитьод (...i det landet, som nu heter Svitjud). Конунг пообещал Гефьон отдать столько земли, сколько она сможет опахать плугом. Гефьон вступила в связь с местным «великаном», родила от него четырех сыновей, превратила их в волов и, составив из них гигантскую упряжку, отрезала плугом часть земли от владений Гюльфи. «Отрезанное» владение превратилось в остров, известный сейчас как остров Зеландия. После этого она вступила в связь с сыном Одина Скъелдом, и их потомство положило начало легендарному роду Скъелдунгов.

Получается, что идея предельна ясна: пришельцы, от которых пошла новая династия, получают легитимность только через урегулирование отношений (здесь — через брак) с местными «хозяевами земли». Глубокой древностью отдает мысль о том, что ролью связующего звена наделяется обожествленная женская ипостась, потомство которой и становится законными правителями страны, хотя последующий счет родства и ведется по отцовской линии. Из этого примера видно, что для средневекового сознания родовая принадлежность являлась необходимым обоснованием легитимности правителя, что было особенно важно для «пришлой» династии.

Наиболее типично проявлялась традиция наследования власти по материнской линии в случаях не только прихода правителя «со стороны», но и призвания правителя «со стороны», что было очень распространенным явлением в истории всех европейских монархий. Поиски правителя за пределами страны, но, как правило, в системе генеалогических связей, предпринимались тогда, когда представители правящего рода находящейся у власти линии вымирали, преемственность власти пресекалась, наступал кризис власти, беспорядки и междоусобицы. Тогда в отсутствие прямых безусловных наследников по мужской линии в действие вступала матрилатеральная традиция: призывалось потомство от представительниц данного правящего рода, отданных замуж в другие правящие дома.

Вот несколько примеров из шведской истории. Первым шведским правителем, в исторической достоверности которого современные шведские историки не сомневаются, считается король Эрик Победоносный / Сэгерсель. Его род правил в течение более чем ста лет. Но к концу 60-х годов XI в. со смертью короля Эмунда Старого вымерли все его прямые наследники мужского пола, и возник острейший кризис власти.

Для преодоления возникшего кризиса власти влиятельные люди страны решили использовать традицию женской линии наследования и послали к соседям в Гетарике, где была замужем дочь скончавшегося конунга Эмунда Старого. Муж этой свейской принцессы по имени Стенкиль был избран королем в Свеярике¹. Стенкиль был знатного происхождения, но как будто не королевского рода. Однако как муж урожденной принцессы, согласно старинному обычному праву, мог занять конунгский престол. Несколькоими десятилетиями позднее точно таким же образом был провозглашен конунгом свеев зять Стенкиля по имени Блот — Свен, знатный человек, получивший право на конунгский титул благодаря браку с принцессой, одной из дочерей Стенкиля².

Конунг Стенкиль скончался в 1066 году, и вновь прежний порядок пришел в расстройство, согласие между различными группировками нарушилось, кандидаты в конунги сменяли один другого, но все попытки найти достойного престола из ближайшего родственного окружения потерпели неудачу. В эти смутные времена свеи призвали некоего Анунда из Гардарики. Анунд прибыл в Упсалу, где и был одобрен тингом свеев. Он находился в Упсале пять лет, после чего разразился конфликт. Анунд был христианином, а свеи желали иметь короля-язычника, который осуществлял бы сакральные функции, руководил ритуалами жертвоприношений в традициях культа предков, обеспечивая жизнедеятельность и благополучие социума, им возглавляемого. Анунд был изгнан, и дальнейшая его судьба неизвестна.

---

¹ Lagerquist L.O. Sveriges regenter. Från forntid till nutid. Stockholm, 1996; Lagerqvist L. O. Sveriges regenter. Från forntid till nutid. Stockholm, 1997.

² Ohlmarks Å. Alla Sveriges kungar. Malmö, 1972.

Для нас он интересен тем, что он был правителем, приглашенным «со стороны», и несмотря на скудость материалов о нем, мы можем на его примере выявить некоторые моменты функционирования данного феномена. Общий фон понятен — политический кризис, нестабильность, нарушение преемственности власти. А вот какими конкретными доводами руководствовались выборщики кандидата в конунги, ответить сложнее. Шведский литератор и историк Оке Ольмаркс, много работавший с переводами раннесредневековых скандинавских источников и составивший «Древнескандинавский лексикон», привел в одной из своих работ высказывание, приписываемое Анунду Гардарикскому. Вероятно, выступая перед тингом в Упсале, Анунд сказал: «Матушка моя — от плоти и крови Шетконунга и Сэгерсэлля», т.е. подчеркнул свое генеалогическое родство с угасающим королевским родом и свое место в нем через родство по женской линии¹.

Ссылка Анунда на свою принадлежность к конунгскому роду свеев по материнской линии позволяет предположить, что он был рожден одной из свейских принцесс, отданных замуж в Гардарике, и жил там как бы в династийном резерве до востребования его материнской родней в условиях кризиса власти.

Есть еще один момент, на котором хотелось бы заострить внимание — это природа конфликта между кандидатом на свейский престол Анундом и тингом — собранием свеев, которое потребовало от Анунда принятия их веры для того, чтобы выступать главой сакральных ритуалов. Подобное требование носило универсальный характер: во все известные времена и у всех известных народов правитель обязан был принадлежать к сакральной системе руководимого им общества. Атеизм эпохи Просвещения притупил у нас понимание данной проблемы и породил профанную простоту подхода при анализе механизмов преемственности власти во времена первобытности и раннего Средневековья.

---

¹ Там же. S. 25.

Традиция наследования по материнской линии содержала также возможности для лица некоролевской крови получить королевскую власть, например, править от лица потомства, рожденного в браке с урожденной принцессой. Так получил верховную власть известный шведский правитель Бирье-ярл (ум. 1266). В середине XIII в. выродилась и сошла на нет очередная королевская линия. В 1250 г. умер король Эрик Эрикссон (1216—1250), описываемый в хронике как скорбный умом, к тому же шепелявый и хромым. Он умер бездетным, и чтобы избежать беспорядков и претензий со стороны претендентов многочисленных боковых линий, влиятельные люди страны постановили и в этот раз использовать традицию наследования по женской линии. У покойного конунга Эрика была сестра — принцесса Ингеборг — замужем за вышеупомянутым Бирье-ярлом, лицом некоролевской крови, но влиятельным и знатным человеком («earl» в английской традиции, т.е. представитель родовой знати), с которым у нее было несколько детей. Один из них, малолетний Вальдемар и был провозглашен королем, будучи законным наследником престола по линии своей матери, принцессы Ингеборг. Бирье-ярл стал правителем при своем 12-летнем сыне Вальдемаре и правил благополучно 16 лет, не выпуская власть до самой своей смерти в 1266 г. Он был деятельным и способным правителем. И хоть Невская битва не относится к числу его удач, но в остальном Бирье-ярл оставил заметный след в шведской истории, при нем был проведен ряд серьезных реформ, создан знаменитый судебник с нормами об объектах неприкосновенности, т.е. неприкосновенности жилища, церкви, женского достоинства (наказание за изнасилование или похищение), тингов (здесь — судебных собраний). Он считается основателем Стокгольма. Но если бы так случилось, что во время его правления «убиен бысть» от кого-нибудь его сын Вальдемар, то любой отпрыск хоть с каплей королевской крови мог бы явиться к Бирье-ярлу, сказать: «Ты — не рода конунгского», — и изгнать Бирье или скорее всего лишить его жизни. Бирье-ярл все свое многолетнее правление был правителем без титула «конунга», поскольку он не являлся им по рож-

дению и не короновался конунгом в рамках определенных традиционных ритуалов. Тем самым мы хотим напомнить, что лицо некоролевской (некняжеской) крови могло получить королевские (княжеские) полномочия, но только при соблюдении определенных условий. Одно из таких условий мы продемонстрировали выше на примере Бирье-ярла: полномочия верховного правителя, приобретенные через отцовское опеку над сыном, рожденным от представительницы королевского / княжеского рода и являющимся, в силу этого, естественным наследником королевской власти. Титул короля такое лицо не получало, осуществляя верховную власть только с титулом правителя. Подобных правителей в истории, например, Швеции было несколько. Лицо некоролевской (некняжеской) крови могло также быть провозглашено королем (князем), также с помощью церемонии усыновления / удочерения данного лица представителем королевского рода. Примером может послужить правление последних представителей династийной линии, которая пошла от Бирье-ярла и принцессы Ингеборг. Эта линия продержалась на шведском троне более ста лет, но также сошла на нет и оборвалась. Последние десятилетия правления ее представителей в лице короля Магнуса Эриксона (1319—1364) и его сыновей — принцев Эрика Магнуссона (1356—1359) и Хокана Магнусона (1340—1364) прошли в жестокой борьбе между королем и его родными сыновьями, борьбой, перераставшей периодами в настоящую войну, осложнявшуюся нападениями войск датского короля и вмешательствами соседей из-за моря, из северонемецких городов. Это был период длительных кровавых междоусобиц, когда «род восставал на род», брат на брата, сын на отца, страна распадалась и дробилась на мелкие враждующие области, различные группировки знати перехватывали друг у друга власть, внутренние распри втягивали в борьбу соседних королей — датского и норвежского, в стране свирепствовала эпидемия чумы. В конце концов, оппозиция королю Магнусу внутри Швеции настолько усилилась, что и он, и его сын Хокан, который на короткое время провозглашался королем, были низложены, а влиятельные люди страны отправили за море, в Меклен-

бург, представительное посольство просить в шведские короли сына герцога Мекленбургского — Альбрехта. Какими основаниями руководствовались при этом? А той же традицией наследования по материнской линии.

Дело в том, что матерью молодого герцога Альбрехта Мекленбургского была шведская принцесса — сестра злополучного короля Магнуса — Эуфемия. Сын шведской принцессы был законным кандидатом на шведский престол. Но в данной конкретной ситуации начинают просматриваться и другие побудительные мотивы, которыми руководствовались, призывая правителя «со стороны», помимо чисто физического отсутствия наследника власти. Это непримиримые противоречия между различными группировками внутри страны, когда к кандидату «извне» прибегают как к нейтральному фактору, способному уравновесить противоборствующие интересы. Но основанием для приглашения такого кандидата все равно являлась его принадлежность к системе генеалогических связей, т.е. его родство с правящим домом по той или другой линии, а не просто приглашение «иноземца» к «туземцам».

Однако что касается Альбрехта Мекленбургского, то он не оправдал возлагаемых на него надежд. Годы его правления (1364—1389) — это годы нарастающей анархии и произвола в Швеции, годы дальнейшего разорения экономики страны. Найти выход из сложившейся ситуации было не так просто, если в стране отсутствовала стабильная династия с безусловными в рамках данной династии кандидатами на престол. Шведский король Хокан, свергнутый в пользу Альбрехта, скончался в 1380 г. Его сын Олав, рожденный от брака с датской принцессой Маргаретой, умер в 1387 г. Чтобы разрешить кризис, шведская знать в очередной раз обратилась к традиции наследования власти по материнской линии, которая за тысячелетия развития потестарной культуры аккумулировала в себе достаточно богатый опыт, позволявший восстанавливать обрушившиеся основы здания власти в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Посольство было направлено к королеве Маргарете — призвать ее на правление в Швецию как вдову шведского короля, хоть и свергнутого, но вступившего на престол соот-

ветственно законам наследования шведской короны. Здесь следует сказать, что в тот период кризис власти по причине отсутствия наследников поразил и два других скандинавских королевства — Данию и Норвегию. Упомянутый выше шведский король Магнус в бытность его шведским кронпринцем еще в детском возрасте был «призван» в короли Норвегии, поскольку был сыном норвежской принцессы и, в силу этого, законным наследником норвежского престола по линии своей матери. Соответственно, сын Магнуса — Хокан унаследовал как норвежский, так и шведский престол и был провозглашен королем Норвегии, а позднее — королем Швеции.

Ничего необычного в этом нет: одно физическое лицо может выступать в роли нескольких юридических лиц. Так, сын Хокана и датской принцессы Маргареты — Олав — был еще в детские годы провозглашен датским королем как сын урожденной датской королевны, а со смертью Хокана — норвежским королем, наследуя своему отцу. В 1387 г. внезапно умирает малолетний Олав — и власть над Норвегией и Данией просто сваливается на руки вдовой королевы Маргареты. А тут подспевают и послы из Швеции: «Принимай, матушка, и шведскую корону! Полной госпожой и хозяйкой у нас будешь!» («Sveriges fullmäktiga fru och rätta husbonde»). Маргарета соглашается. Так создается союз трех скандинавских королевств, оформившийся постепенно как Кальмарская уния и под этим названием вошедший в историю.

Период Кальмарской унии дает яркие примеры того, как матрилатеральная традиция наследования власти использовалась политическими кругами не только в качестве средства прекращения внутрдинастийных распрей, но и как гибкий механизм преемственности власти в межмонархических союзах.

Итак, цепь трагических событий привела к тому, что в руках одного лица оказалась власть над тремя скандинавскими королевствами. Маргарета и ее сторонники попытались утвердить унию на стабильных основах. К чему пришла политическая мысль трех королевств? Маргарета была вдова и бездетна. Матримониальных планов, по всей видимости, не имелось, поэтому для создания стабильной потестарной основы в союзе трех королевств предприняли следующее.

У Маргареты была племянница Мария, дочь ее старшей сестры Ингеборг и урожденная герцогиня Мекленбургская. Мария была замужем за герцогом Померанским — Вратиславом. От этого брака был сын Богуслав (в шведской транскрипции Бугислав). Данный внучатый племянник по женской линии был усыновлен своей двоюродной бабкой Маргаретой и провозглашен наследным принцем в трех королевствах под именем короля Эрика. Собственно, и с шведским, и с норвежским королевскими домами молодой герцог Богуслав был связан собственными близкими кровными узами. Его дед по матери, т.е. отец герцогини Марии, был младшим сыном уже упоминаемой нами в связи с Альбрехтом Мекленбургским шведской принцессы Эуфемии, родной сестры шведского (и норвежского!) короля Магнуса. Иначе говоря, по материнской линии герцог Богуслав был также и внучатым племянником шведского короля, что делало его законным наследником шведской и норвежской корон.

Традиция наследования по материнской линии использовалась создателями Кальмарской унии и в том случае, когда потребовалось заменить короля Эрика, налоговая политика которого вызывала недовольство, и найти ему преемника. Выбор пал на молодого герцога Кристоффера Баварского (1441—1448). Он имел бесспорные наследственные права на объединенный престол трех скандинавских королевств по линии своей матери — герцогини Катарины Померанской, родной сестры герцога Богуслава и, соответственно, тоже внучатой племянницы Маргареты и других скандинавских монархов, от которой ниточка матрилиateralного родства протянулась еще далее от скандинавских стран, в глубь европейского континента.

В этом выборе можно усмотреть определенный стереотип логики: для государственных союзов более широкого масштаба желательно было избирать монарха из более отдаленных уголков генеалогической системы родства (но именно в лоне системы родства, а не на «рынке по найму»), поскольку кандидат «со стороны» нейтрален относительно всех членов такого союза, в чем видится залог более стабильного правления. И возможно, что Кристоффер Бавар-

ский стал бы таким гарантом для Кальмарской унии, но снова вмешалась судьба: безвременная смерть оборвала жизнь молодого короля Кристоффера, и все опять «смешалось» в королевских домах Скандинавии.

Все эти генеалогические подробности важны для понимания механизма европейской (да и не только европейской!) потестарной наследной традиции, где правители-монархи были генетически связаны с обладателями власти предыдущих периодов и где генеалогическое родство, как реальное, так и формальное (например, через брак или усыновление) играло важную организующую роль, выступая юридически объективной основой организации института верховной светской власти и обоснованием права на власть. Поскольку этот механизм был некогда порожден идеей харизмы, или «священного мандата», которым архаичное сознание наделяло обладателей верховной власти, то вера в сакральность наследного правителя становилась всеобщим принципом соционормативной культуры в древности и Средневековье, что определяло и особое отношение ко всем атрибутам божественной власти, включая и титулатуру. Поэтому вполне естественной динамикой развития было то, что со времени утверждения церкви как института ей были приданы полномочия «венчать» на власть кандидата в верховные правители и наделять его сакральной легитимностью даже в тех случаях, когда его родовая связь с генеалогической системой терялась во мраке времен.

Но вернемся к рассмотрению хода династийной истории Швеции. Итак, в течение всего периода существования Кальмарской унии, образование которой было вызвано пресечением королевских родов Швеции и Норвегии, в Швеции предпринимались мучительные попытки возродить шведскую королевскую династию. Период Кальмарской унии шведские ученые представляют как мрачную главу в истории Швеции, полную кровавых междоусобиц, разорывших страну. Наконец в 20-х годах XVI в. из среды шведского служилого знатного сословия выдвинулся Густав Эрикссон Ваза, которому удалось основать династию, от которой опять появилась непрерывная династийная традиция в Швеции. Гус-

тав Ваза по праву считается одним из самых значительных шведских монархов. Он возродил шведский суверенитет, провел целый ряд важнейших реформ, сыгравших большую роль в жизни страны и не утративших своего значения до наших дней. В этой связи Густав Ваза называется в шведской исторической традиции основателем современного шведского государства.

По своему происхождению, по отцовской линии, Густав Ваза принадлежал к знатному аристократическому роду, но не королевской крови. Однако его мать, Сесилия Монсдоттер Эка, могла посчитаться родством с потомством, например, конунга Карла Кнутссона, и это уже в глазах современников могло дать Густаву основания выступать законным кандидатом на королевский венец. Кроме того, с утверждением монополии церкви на руководство сакральной сферой ей стало принадлежать право возлагать венец верховной власти на правителей, венчая их как представителей Бога на земле. Эта традиция отразилась и при утверждении династии Ваза, когда Густав был сначала провозглашен конунгом на риксдаге в Стрэнгнэсе 6 июня 1523 г., а затем коронован в Упсале 21 января 1528 г.¹

Как видно из приведенных примеров, в поддержании преемственности власти использовались различные традиции, и практика призвания правителя «со стороны» была одной из них, не раз выводя королевскую власть в Швеции из политического хаоса. Благодаря опыту этой практики была основана и ныне существующая шведская династия Бернадоттов.

В 1809 году, через полгода после коронации, тяжело заболел шведский король Карл XIII (правил 1809—1818). Его единственный сын умер в младенчестве, а слабое здоровье короля не оставляло надежды на другое потомство. Для решения проблемы наследования власти прибегли опять к практике отыскания кандидата «со стороны». В ходе многочисленных дебатов остановились на кандидатуре французского маршала Ж.-Б. Бернадотта. Была проведена церемония

---

¹ Lagerquist L.O. Sverige och dess regenter under 1000 år. Stockholm, 1976
Carlsson S., Rosen J. Svensk historia. Stockholm, 1969.

усыновления маршала Бернадотта шведским королем Карлом XIII (*кандидат должен быть членом правящего рода*) и принятия лютеранской веры (*наследник престола как будущий правитель должен быть той же сакральной системы, что и руководимый им социум*), после чего маршал Бернадотт, получив династийное имя «Карл Юхан XIV» (*имя правителя, как важный элемент сакральной традиции, должно соответствовать родовому именованию*), был провозглашен на заседании риксдага наследным принцем шведского престола. После смерти Карла XIII в 1818 году он вступил на престол как законный наследник шведского короля. Таким образом, нынешняя шведская королевская семья — это прямые потомки маршала Бернадотта, но также и наследники всех предыдущих шведских королевских династий.

Я привела в этом очерке достаточно примеров из истории Швеции, начиная с того периода, который считается исторически верифицируемым (Стенкиль, Анунд из Гардарики, Биргер-ярл, Альбрехт Мекленбургский, Кристоффер Баварский и др., включая и нынешнюю династию Бернадоттов), которые демонстрируют со всей очевидностью: а) необходимость призвания правителя «со стороны» в наследный институт власти возникала тогда, когда пустел существующий престол, вымирали или изгонялись представители правящей линии; б) поиски нового кандидата происходили в системе династийно-родовых связей или, если намеченный кандидат выходил за пределы системы родства, то подключались механизмы введения в систему родства: усыновление, брак. В более поздние времена, с утверждением института церкви, кандидата в наследные правители «со стороны» могли утвердить благословением церкви. Так было на Скандинавском полуострове в истории, зафиксированной источниками. Так было в истории других европейских стран. Теория общественного договора в течение определенного периода отрицала наличие института наследных правителей в догосударственную эпоху. Этот подход сейчас везде преодолен, но присутствует по-прежнему в русской истории, поскольку в ней он законсервирован норманнизмом в форме концепции «Князя по найму».

КАК НАСЛЕДОВАЛАСЬ ВЛАСТЬ И «ПРИЗЫВАЛИСЬ» ПРАВИТЕЛИ: МАТЕРИНСКАЯ ЛИНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ

Исследования традиций институтов власти показывают, что традиция передачи власти в рамках одного рода, выделившегося из общества в качестве правящего, уходит в глубокую древность и связана со спецификой духовной жизни первобытного общества, в лоне которой обожествлялась природа и духов предков, как ее часть. Выполнение ритуалов по общению с духами предков для обеспечения благополучия и сохранности общества возлагалось на представителя рода, к которому принадлежали наиболее прославленные предки. В силу этого принадлежность к данному роду — кровная или узаконенная на основе права и традиций — сделалась основой определения легитимности правителя. Так, легитимность правителя уже с глубокой древности обосновывалась принадлежностью к системе генеалогических связей, возникающей благодаря межродовым бракам. Как было показано выше, особенностью института наследной власти являлся учет двух линий — отцовской и материнской. Традиция матрилateralности, т.е. наследования со стороны матери, давала право на престол потомству княжен / принцесс, отданных замуж в другие страны, а также оно могло быть получено благодаря браку с правительницей / принцессой или акту усыновления ее. Традиция эта — древнейшая, и тема ее исследования представляется интересной и в общетеоретическом плане, и для изучения древнерусской истории, поскольку летописный Рюрик был призван на княженье благодаря наследованию со стороны матери.

Но исследование исторической глубины корней традиции, при помощи которой поддерживалась преемственность власти на основе материнского наследия, — тема непростая. Возможно, генезис ее восходит к традиции обожествления женского начала, прослеживаемой на европейских материалах уже в верхнем палеолите, в ходе эволюции которого он мог и начать формироваться. Вначале женская ипостась — родоначальница всего живого, затем — мать рода, обеспечи-

вающая взаимодействие между родом и природой, далее — прародительница тотемических коллективов в образе либо божества, либо — супруги тотемного предка. В последующие эпохи культ Матери — прародительницы трансформируется в Культ Великой Матери (дошел до античного времени в образе Кибелы) и порождает идею универсальности власти в образе повелительницы Вселенной (Геката, Мокошь); культуры европейского неолита создают культ Матери-Земли и понятия «своя земля» — «чужая земля».

Эней и бог Тиберин (Bartolomeo Pinelli)

История древнего мира сохранила память о тех незапамятных временах, когда рука правительницы давала право на престол, относительно чего имеется множество примеров. Царская власть на Крите в архаичную эпоху (примерно XX—XVI вв. до н.э.), как можно предположить, вела счет родства по отцовской линии, но матрилатеральная традиция присутствовала и явно выступала в роли посредника с миром божественных мужских предков. Согласно греческому мифу, критский царь Минос считался сыном бога Зевса и финикийской царевны Европы. Зевс явился Европе, игравшей с подругами на берегу моря, в образе прекрасного быка, похитил ее и доставил на Крит, где Европа родила Миноса.

Таким образом, Минос сделался царем на Крите благодаря своему божественному происхождению от Зевса, но обретенному при посредстве женского естества. Следовательно, вся история Европы открывается основанием новой династии, родоначальником которой является «пришлый со стороны» представитель заморского царского рода, признанный правителем на Крите благодаря мистическому союзу своей матери-иноземки с мужским божеством, почитавшимся на Крите. Но имя «матери» явно несло в себе большую сакральную охранительную силу, поэтому именно материнское имя Европы распространилось на все земли, разными нитями связанные с традициями критской культуры.

Ритуал мистического совокупления правительницы с божеством, принявшим облик тотемного животного, прослеживается на многих примерах из древней истории, в частности, на примерах из афинской истории. По преданию, Афины были когда-то в зависимости от Крита и критская культура оказала большое влияние на афинскую. В Афинах царская власть была практически отменена. Но должность царя (басилея) сохранилась, хотя он выбирался на год и выполнял лишь некоторые религиозные и незначительные административные обязанности. Однако жена этого царя — царица (басилинна) сохранила функции, уходящие в такую древность, что ее трудно выразить хронологически. Она должна была отправляться в особое здание, называемое «бычьим стойлом» (буколейон), и там вступала в мистическое брачное общение с богом Дионисом, очевидно, мыслившимся в виде быка. Церемония эта осуществлялась в период особых празднований в честь Диониса под названием «антистерии», которые проводились в Афинах и других ионийских городах в начале весны. В эти дни статую Диониса в лодке на колесах привозили в город, где и совершался мистический брак бога с женой архонта-царя. Из этого примера видно, что традиция древности наделяла, очевидно, различной функциональностью сакральность мужских и женских носителей власти, различая в ней два самостоятельных свойства, которые дополняли друг друга в социально-политической жизни. С ритуалами афинских антистерий перекликаются описания праздника коптосского бога производительных сил природы Мина в период правления Рамсеса III (середина XII в. до н.э.). Во время церемонии

выноса статуи Мина в процессии участвовали фараон, царица и белый бык — воплощение бога Мина, который носил название «телец своей матери». И в этом названии можно, как представляется, увидеть подчеркивание особого значения сакральности женского начала в процессе формирования представлений о власти, выражаемых в образах отношений между божествами: даже бог только сын своей матери.

Описанные ритуалы — отражение очень древних традиций, поскольку бык — один из наиболее почитавшихся культовых животных, символизировавших мифических предков-тотемов, которым в разных формах поклонялись как индоевропейские, так и другие народы. Только жизненной важностью традиции поддержания связи с мифическим предком можно объяснить сохранение этого культа в том или ином виде многими поколениями людей в разных странах в течение тысячелетий. И важно, что в дошедших до нас древних ритуалах сохранились свидетельства о том, что институт наследных правителей опирался на две основы: традиции почитания женского начала и мужского начала, что не достаточно принимается во внимание. Рассуждая, например, о традициях демократической власти в Афинах, научная мысль, как правило, упускает из виду, что все эти рассуждения строятся на наблюдениях за ролью мужских правителей, значение которых, действительно, сокращалось в иные периоды до минимума, поскольку одновременно увеличивалась роль женских правительниц: происходило как бы возрождение их роли сакральных цариц, поддерживавших связь с божественным предком и обеспечивавших, таким образом, благополучие всех жителей своего социума. Архаичность этой традиции может быть засвидетельствована также сведениями из более древнего греческого мифа о боге северного ветра Борее, который женился на похищенной им афинской царевне Орейтии и получил в силу этого как бы особый титул: он стал называться «зятем афинян». В силу своего брака с местной царевной «пришлый» Борей связывался с царями Аттики¹.

---

¹ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. Харьков, 2009.

Матрилатеральная традиция известна и в истории древнехеттского царства (около 1650—1500 гг. до н.э.). Сохранились сведения о том, что в круг кандидатов на царский престол входил царевич, в первую очередь, но при его отсутствии — сын или муж сестры царя¹.

Мифы о родоначальнике римлян Энее сохранили много интересных сведений о том, как расценивалась в древности матрилатеральная традиция относительно института власти. Эней был сыном земного царя Анхиса, правителя дарданов, и божественной матери Афродиты Энеады, именем которой он и был назван. Таким образом, божественное происхождение Энея, обеспечивавшее его особый статус, велось по материнской линии, в отличие, например, от критских царей, где божественным предком являлся мужской предок. Согласно мифам, созданным начиная с VI века до н.э., Эней с частью дардан переселился за море в Гесперию (Италию), в Лацию. В Лации он был с почетом принят местным царем Латинум, женился на его дочери Лавинии и основал город, названный ее именем.

В 1958—1959 гг. археологические раскопки вскрыли у устья Тибра руины древнего города в том месте, где по преданию находился Лавиний. Имя города было засвидетельствовано надписями. После гибели Латина Эней стал правителем объединенного народа аборигенов и троянцев-дарданов, получившего новое имя латинов в честь предыдущего правителя. В мифах об Энее отчетливо видна трактовка правовой мыслью древности тех юридических оснований, благодаря которым правитель, пришедший «со стороны», мог становиться легитимным правителем у другого народа, только став членом правящего рода. Подобную возможность ему предоставлял брак с местной правительницей (миф об Энее и карфагенской царице, основательнице Карфагена Дидоне) или брак с дочерью местного правителя (миф об Энее и Лавинии). Приведенные примеры наводят на мысль о том, что в начале римской эпохи в вопросах преемственности власти как мужская линия наследования, так и женская выполняли важную роль в деле поддержания преемственности власти.

---

¹ Гарни О.Р. Хетты. М., 2009.

Выше упоминался пример из истории Восточной Европы о родоначальнике династии скифских царей Таргитае. И там на очень ранней исторической стадии мы также находим традицию передавать власть в рамках правящего рода на основе амбилинейности, т.е. материнской и отцовской линий, поскольку Таргитай получил власть над боресфинитами как внук своего деда по матери. Для нас важно отметить, что и в данном примере из ранней истории Восточной Европы (согласно легенде, со времен первого царя Таргитая до вторжения в Скифию Дария — род. 558 до н.э. — прошло не больше 1000 лет, т.е. история первой скифской династии, получается, относится к XVI в. до н.э.) мы видим, что материнская и отцовская линии наследования и в династии скифских царей играют важную, но различную роль в организации верховной власти. Наследованием с материнской стороны освящается начало новой династии, обусловленной тем, что ее основатель и родоначальник приходит «со стороны», а последующий счет родства в его, так сказать, «рабочем» проявлении ведется по отцовской линии.

Традиция придавать особо высокий статус материнскому или женскому божеству запечатлелась в мифах и других памятниках фольклора многих народов нашей страны. Сохранились во множестве следы древнейших культов двух Небесных или Подземных Хозяек и Великой Матери Мира, которая в мифах народов Севера известна как Мать и Хозяйка Вселенной, а в русской традиции как Медной горы Хозяйка или просто Хозяйка. Эта традиция документируется также материалами изобразительного характера, сохранившимися в русской вышивке. Там ученые выделяют так называемые трехчленные композиции, включающие женскую фигуру в центре, часто несоразмерно крупную и декорированную ритуальной орнаментикой, и две мужские фигуры по бокам или у ног ее в роли «прибогов» — служителей богини. Эта сакральная «триада» русской вышивки имеет очень глубокие корни на территории Восточной Европы. Сходные изображения Великой Богини и предстоящих ей жрецов были известны еще в скифо-сарматском мире, что говорит о преемственности сакральных традиций у народов Восточной Европы и о том, что древнерусская традиция явилась на каком-то этапе их прямой восприемницей.

Названная композиция является постоянным сюжетом в русской северной вышивке ритуального характера, которую исследователи называют «полотняным фольклором». Б.А. Рыбаков отмечал, что весь Русский Север — от Пскова на западе до обширных архангельских краев на востоке — изобилует полотенцами с устойчивой ритуальной сценой: в центре — женская крупная фигура (часто с поднятыми к небу руками), а по сторонам ее — два всадника, тоже нередко с поднятыми к небу руками. У женской фигуры обычно в руках бывают птицы — символ неба. Нередко голова богини оформлялась как солнечный диск с короткими лучами, расходящимися во все стороны, иногда огромный солярный знак покрывал почти всю середину женской фигуры, что подчеркивало сакральную природу изображения. В русском средневековом поучении под названием «Слово святого Григория (Богословца) изобретено в толцях о том, како първое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят», предположительно датированном XII в., порицался обычай поклонения женским идолам: «кланяются написавше жену в человеческ образ», что убедительно разъяснялось Б.А. Рыбаковым как поклонение вышитым изображениям («писать шелком»)¹.

Интересны в этом контексте заключения крупнейшего российского лингвиста О.Н. Трубачева, сделанные им при исследовании индоарийского языкового субстрата северного Причерноморья. О.Н. Трубачев вычленяет в племенных названиях меотов, савроматов («женовладеемом племени») значение «материнский», или «женский, принадлежащий женщине», что он связывает с древним культом матерей в

---

¹ Срезневский И.И. Рожаницы у славян и других языческих народов СПб., 1955; Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1913; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916; Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды Государственного исторического музея. Т. I М., 1926; Бибииков С.Н. Культурные женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы // СА, 1951, XV; Бажов П.П. Собр. соч. В 3-х т. М., 1952; Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1997.

этом регионе¹. Исключительную роль женского божества в истории народов Восточной Европы еще в скифское и киммерийское время отмечал известный исследователь античности М.И. Ростовцев: «Предание об амазонках на берегах Азовского моря, об их связи с савроматами, несомненно, обусловлено тем, что ряд сидевших здесь в позднейшее время племен сохранил в своем строе исключительную роль женщин, выступающих не только как воительницы, но и как предводительницы и воинственные царицы целых племен... Культ великого женского божества столь же характерен для всего алародийского (хеттского. — Л.Г.) мира, сколь типичен он и для всего Приазовья и Тамани»². Здесь хочется отметить, что история этих древних воинственных цариц и богинь Приазовья и Тамани изучена весьма слабо, а уж женское божество северного «полотняного фольклора» не изучено даже и в малой степени.

Конунг Гюльфи приветствует Одина (by Hugo Hamilton)

¹ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // ВЯ 1981. № 2. С. 5—16.

² Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. М., 2003. С. 31—33.

На VII Конгрессе этнографов и антропологов России в Саранске (2007 г.), где я выступала с докладом на тему о термине «*мати*» для обозначения сакральности и старшинства в древнерусской традиции и, соответственно, о культе женского божества, отразившегося в этом термине, одна коллега из Архангельска спросила, есть ли у меня объяснение тому факту, что в древнерусской фольклорной традиции Севера «*езде женщина*», т.е. женский образ выступает как фигура сосредоточения всей системы мифо-поэтического мышления. Мне пришлось ответить, что догадки по этому поводу у меня есть, однако развернутого ответа нет ни у меня, ни у какого-либо другого исследователя.

Особенностью древнерусской мифо-поэтической традиции является то, что великие древнерусские богини древности в большинстве своем остались анонимны, величаемые как Хозяйка, Дева, Владычица, что имеет свое объяснение. С одной стороны, такие имена всегда табуировались, не произносились вслух и обозначались иносказательно. С другой стороны, тема древнерусских богинь в плане сакральной традиции древнерусской истории, как уже было сказано, мало привлекалась к исследованию, хотя и являет собой большую культурно-историческую проблему. Ее раскрытию следует посвятить отдельные труды, здесь же к ней пришлось обратиться для того, чтобы показать, что традиция наследования власти по материнской / женской линии имеет глубочайшие корни в Восточной Европе, а древнерусский этнографический материал обнаруживает прямую преемственность с культурами древнего великого женского божества Восточной Европы. Сохранность этой традиции в русской династийной практике, а следовательно — и в народной памяти XVI—XVII вв. подтверждает глубину ее корней в русской истории.

Традиция передачи власти по материнской линии, которой обычно освящалось начало новой династии, наследуется и династией Романовых. Почему же с таким ожесточением отрицаются норманнизмом источники, согласно которым летописный Рюрик стал основателем новой династии через свое родство по матери?

Дискуссии в связи со Сказанием о призвании Рюрика с братьями в работах норманнистов пытаются представить как спор об этнической принадлежности Рюрика. При этом заявляется, что для исследования древнерусского политогенеза вопрос об этнической принадлежности этого героя совершенно неважен. — Какое, дескать, имеет значение, кто был папа у Рюрика?! Справедливое заявление, если бы спор шел именно об этом. Однако спор-то идет совсем о другом: авторы, протестующие против «пережевывания этноопределяющей жвачки» (см., например: Мельникова Е.А. Ренессанс средневековья // Родина. 2009. № 5) в варяжском вопросе, передергивают карту, хотя, возможно, не всегда осознанно.

Для меня, уже много лет занимающейся исследованиями генезиса наследного института власти в первобытных обществах, без всяких уговоров ясно, что этническая принадлежность не являлась решающим фактором при передаче власти от одного правителя другому. Решающим фактором была родовая принадлежность. Как, впрочем, и в вопросе с любым наследованием: права собственности, других имущественных прав и обязанностей. Иногда в соответствии с наследственным правом наследников могут разыскивать в разных странах, но в кругу тех, кто по существующим законам имеет право претендовать на наследство.

Также и в вопросах о наследовании власти. Однако до сравнительно недавнего времени в представлениях на происхождение институтов власти над наукой тяготел подход эпохи Просвещения — теория общественного договора, согласно которой институт наследных правителей не существовал в первобытную эпоху, а наследные правители появились благодаря договору, чтобы прекратить первобытный беспорядок и войну всех против всех, что и знаменовало собой рождение государственности. Сейчас благодаря развитию теорий поэтапного развития позднепервобытного общества (теория вождества) стало известно, что верховная власть, носящая наследный и сакрализованный харак-

тер, появляется в самых недрах первобытного общества, т.е. задолго до появления государства и вообще выполняет самостоятельную функцию, ничего общего с зарождением государственности не имеющую. При этом легитимность правителя уже с глубокой древности обосновывалась принадлежностью к системе генеалогических связей, возникающей благодаря междинастийным бракам.

Княжение Рюрика с братьями
(миниатюра Радзивилловской летописи)

Однако власть традиции сильна, и часть ученых по-прежнему не может расстаться с XVIII веком по вопросу о появлении института наследных правителей. К этой части относятся и норманнисты. Но в случае с ними речь идет не просто о силе привычки. Дело в том, что «теория общественного договора», у истоков которой стояли влиятельные английские и французские мыслители, оказала мощную идейную поддержку пронизанной мифотворчеством шведской историографии XVII в. — предтече всего норманнизма.

Сложилось так, что чуть ли не в течение целого столетия до Байера шведские литераторы и историки (П. Петрей, И. Мессениус, О. Верелий, О. Рудбек, И. Перингшельд, А. Моллер, А. Скарин и др.) занимались отысканием «доказательств» того, что варяги из древнерусских летописей были шведского происхождения. Наряду с этим, представители шведской науки и культуры стремились привлечь к этой части своих иска-

ний и внимание западноевропейских ученых кругов, чтобы получить международное признание для «шведо-варягов», как ранее было получено признание для «шведо-готов» И. Магнуса и «шведо-гипербореев» О. Рудбека¹. Обычным способом распространить свои новые «открытия» в ученых кругах Европы в то время была, естественно, переписка. Случай привел к тому, что одним из адресатов шведских историков, увлеченных идеей великого «варяжского» прошлого предков шведов, сделался и Байер еще в бытность его в Кенигсберге.

О том, как повлияла эта переписка на Байера и какое значение она имела для появления его статьи «О варягах» (1735), более подробно рассказывается в статье данного сборника «Как востоковед Байер внедрял шведские инновации». А об интимной связи теории Общественного договора и норманизма мною уже опубликован целый ряд статей.

Определяя эту связь в двух словах, следует сказать, что отрицание данной теорией наследных правителей в догосударственных обществах позволило шведским историкам конца XVII—XVIII вв., а вслед за ними и Байеру начать огульно отрицать все источники и публикации (а это были Мюнстер, Стрыйковский, Селлий, исследователи мекленбургских генеалогий Маршалк, Латом и др.), в которых говорилось о Рюрике как наследном князе. Проще говоря, отрицать его происхождение из Вагрии, поскольку все источники вели именно туда.

И здесь мы сразу же можем определить первый пункт спора о призвании Рюрика, навязанный науке норманизмом: в этом споре норманисты отстаивают первичность догмы над источниками: источники — долой, и тогда любая фантазия может выдаваться за научную истину в последней инстанции.

Продолжим далее рассмотрение диспозиции названного спора. Сейчас современная наука знает, что институт наследных правителей не возникал из договора или, как пишет американский исследователь Р.-Л. Карнейро: «...Никакой подоб-

---

¹ Грот А.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 2. М., 2009.

ный договор никогда не подписывался человеческими группами, и теория Общественного договора сегодня не более, чем историческая диковина»¹.

Однако эта «диковина», исчезнувшая из исторических исследований в других странах, продолжает по-прежнему служить изложницей для штамповки идей о происхождении древнерусского института княжеской власти: племена славян и финнов вели междоусобные войны, замирились не могли, заключили договор с неким предводителем военных отрядов откуда-то со Скандинавского полуострова (у многих — из Средней Швеции, то бишь из несуществовавшего Рослагена), и как результат этого договора возник институт древнерусской княжеской власти (см. работы Кирпичникова, Мельниковой, Петрухина, Джаксон и др.).

Я в своих работах назвала эту концепцию концепцией «Князя по найму», что и подтверждается работами из числа упомянутых выше авторов, где можно прочесть буквально следующее: «уставшие от усобиц словене и прочие решают «поискать себе князя»... Заключение договора (докончания) между князем-«наемником» и новгородской знатью превращается со временем в норму»². Стыдливые кавычки, используемые Е.А. Мельниковой в данной статье, не помогают скрыть тот факт, что Рюрик для нее безо всяких кавычек именно безродный наемник, и это хорошо видно из других работ: *«Договор с Рюриком... заложил основы для возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти... (а Рюрик был. — Авт.) ...предводитель одного из многих военных отрядов скандинавов, ...который сумел силой, хитростью или дипломатическими талантами добиться власти»³.*

---

¹ Картнейро Р.-Л. Теория происхождения государства / Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

² Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. / ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008.

³ Там же. С. 60. Она же. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе / Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света / Труды Государственного Эрмитажа. XLIX. СПб., 2009. С. 96.

Как видим, основные элементы теории Общественного договора налицо: раннегосударственные структуры появляются вместе с институтом верховной власти, возникая из договора между воюющими сторонами. И вот мы подошли к формулировке следующего пункта инициированного норманнизмом спора о призвании Рюрика.

Спор с норманнистами о призвании Рюрика — это спор за право использовать достижения современной теоретической мысли при изучении всех аспектов древнерусской истории. Сейчас концепции поэтапного развития позднепервобытных обществ (в частности, концепция вожества) привлекаются в современных работах по древнерусскому политогенезу, но в урезанном виде, т.е. в обход таких вопросов, как вопрос о наследных правителях до Рюрика или проблем сакральности княжеской власти в древнерусской традиции, при этом, естественно, вопросы идеологии, веры правителей того периода остаются совершенно в стороне исследования.

Правда, вопрос о княжеском правлении до призвания Рюрика рассматривал, например, И.Я. Фроянов, а вопрос о сакральных функциях монарха ставил А.П. Толочко¹. Но как только оба автора доходили до Сказания о призвании Рюрика с братьями, то их рассуждения сразу же принимали привычный облик: приглашение скандинавского конунга с дружиной. Норманистская концепция о варягах как выходцах из Скандинавии, законсервировавшаяся в советской историографии под влиянием статьи Маркса, ложилась камнем преткновения на пути исследования института древнерусской княжеской власти до призвания Рюрика. А в настоящее время даже и от таких незавершенных попыток отказались, поскольку, похоже, вернулись к самой нелепой трактовке Сказания о призвании варягов — к трактовке сокрытия за рассказом о призвании Рюрика завоевательной экспансии норманнов — прежде всего, шведов.

Нелепой я эту трактовку называю потому, что она идет не только вразрез с древнерусскими и западноевропейски-

---

¹ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. СПб., 1992; Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

ми источниками, но еще и со всем тем, что сейчас известно об истории стран Скандинавского полуострова, в частности, об истории Швеции.

Два выявленных выше пункта можно свести к одному выводу: нынешний спор о призвании Рюрика означает, по сути, спор ненауки, изгнавшей источники в угоду косной догме и препятствующей полнокровному использованию в исторических исследованиях новых теоретических открытий, с наукой, отстаивающей свое право учитывать весь комплекс имеющихся источников и работать в русле всех новых направлений исторической мысли.

Исходя из высказанного вывода, полагаю важным начать разговор о современном подходе к проблеме генезиса института наследной власти и постепенно показать, что этническая принадлежность кандидата на престол, например того же Рюрика, не играет преимущественной роли, поскольку каждый такой кандидат имеет, как правило, родовые связи со многими престолами и, следовательно, «полиэтничен». Важнее всего в этом плане определение родословия избранного кандидата на престол и его места в этом родословии.

Выше было сказано, что институт верховных правителей существует в рамках наследственно-родовых традиций, уходящих своими корнями в глубокую древность. Он создается благодаря выделению в этнополитической организации одного правящего рода — предтечи династий — из множества других кровнородственных коллективов, и выступает организующим началом при создании более сложных этнических образований — сложных или суперсложных вождейств и т.д., объединяя людей и давая им возможность общения и взаимодействия на значительных территориальных пространствах. Вот несколько примеров из мировой истории.

Уже на заре индоевропейской истории, у ведийских ариев, находим мы, согласно «Ригведе», особые царские и жреческие роды, где властные и сакральные полномочия переходили от отца к сыну. После смерти души родоначальников царских и жреческих родов обожествлялись и становились особым объектом поклонения — «отцами», живущими на высоком небе и пирующими с царем мертвых Ямой. Эта традиция наследственной власти в рамках определенного

рода проявляет абсолютную устойчивость и прослеживается впоследствии в истории всех индоевропейских народов на протяжении последующих эпох.

«Илиада» и «Одиссея» оставили нам образы крито-микенских неограниченных наследственных правителей (XX—XII вв. до н.э.), сакральных царей, ведущих счет родства от божественного (или обоженственного) мужского первопредка Зевса. Здесь могут возразить, что в науке крито-микенская эпоха характеризуется наличием как государственности, так и раннеклассового общества (что сейчас подвергается сомнению, но это — другая тема). Однако последующая за ней гомеровская эпоха (XII—IX вв. до н.э.) известна значительным упадком хозяйственного развития, более примитивным социальным укладом и эгалитаризацией общества, но институт наследственного правителя в этот период также сохраняется. Другое дело, что наука его не замечает. Этот период фигурирует как классический пример бесклассовой военной демократии, где правители являются выборными. Получается железный порядок, унаследованный от схоластики XVIII века: в первобытном обществе все правители только выборные, а в классовом — все наследственные.

Напомню, что нам известно об институтах власти в гомеровскую эпоху. Во главе небольших поселений гомеровского общества, так же, как во главе крупных централизованных монархий крито-микенского периода, стояли цари — бацилеи, «рожденные Зевсом». Эти «самые царственные» — «*basileutatos*» — избирались советом бацилеев, состоявшим из глав родов, входивших в общину и составлявших ее аристократию. Со смертью бацилея, как родового так и верховного, власть передавалась сыну скончавшегося. Вот и получается, что выборность правителя в эгалитарном обществе не отменяла наследственного принципа, а шла с ним рука об руку, поскольку выборы осуществлялись в рамках одного определенного правящего рода. Причем обратим внимание, правители небольших греческих общин рассматривали себя также потомками великого Зевса, т.е. считали себя непосредственными потомками, наследниками крито-микенских царей.

Так функционировали архаичные общества: экономика и социальные структуры могли приходить в упадок, мельчать и понижаться, а сознание хранило память и не прерывало связи с традициями, восходившими к предыдущим эпохам. Однако бросим еще один взгляд на крито-микенскую эпоху: так ли уж гомогенна была там наследственная традиция в организации верховной власти? Историки до сих пор проходят мимо того факта, что властные полномочия крито-микенских правителей были ограничены определенными временными периодами. Источники сохранили сведения о том, что критский царь Минос в конце восьмилетнего периода слагал с себя царскую власть, удалялся в пещеру Зевса, чтобы дать ему отчет в том, как выполнялась его воля, и затем снова получал царские полномочия из рук божественного «отца».

За метафорами этой легенды нетрудно увидеть наличие принципа, сочетавшего в себе и наследственность, и выборность, когда легитимность правителя определялась, с одной стороны, его принадлежностью царственному роду Зевса, а с другой — ограничением его властных полномочий определенным временным периодом, что характерно для выборной власти. Не будет большой смелостью предположить, что в пещере Зевса такой правитель периодически получал властные полномочия из рук некоего представительского органа, состоящего, скорее всего, из представителей жреческих и кровнородственных коллективов.

Объяснение возникновению этого древнего наследственно-выборного принципа мы можем почерпнуть из материалов Дж. Фрэзера¹. По древнейшим представлениям, благополучие социума, плодородие земли, скота, детородность женщин имели прямую связь со здоровьем и силой сакрального царя. Поэтому состарившихся и ослабевших правителей сплошь и рядом убивали, а на их место ставили молодых и здоровых представителей правящего рода. Со временем в сознании общества родилась идея заменить этот жестокий обычай более гуманным: царь стал получать власть на определенный период, по истечении которого он отказывался от

---

¹ Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980.

власти, но если его правление было годами процветания и удач, то его пребывание у власти продлялось по «воле» божественных предков, проводниками которой выступали какие-либо представительные органы данного общества.

Эти материалы со всей очевидностью показывают, что в процессе развития наследственно-родовой принцип действует в диалектическом взаимодействии с выборным. Но мало этого, мы видим, что в действительности выборный принцип мог быть и более поздним феноменом по отношению к наследственно-родовому, а не наоборот, как учит нас утопическая историософия эпохи Просвещения. Кроме того, мы видим, что институты власти, потестарные традиции имеют свою собственную природу и сущность, а не светят отраженным светом социально-экономических процессов, и должны изучаться в рамках собственной эволюции.

Оставим на этом Древнюю Грецию и обратимся к более близкой нам Восточной Европе, являющейся лоном отечественной истории, и к известному примеру — Скифии. Геродот, описывая население Скифии, рассказывает о так называемых царских скифах, отмечая, что это «...самые лучшие и многочисленные Скифы, считающие прочих Скифов своими рабами»¹.

В этом описании нетрудно узнать тот же династийно-родовой принцип организации верховной власти, когда представители определенного рода выступают как верховная надсоциумная власть в разноплеменном, часто — полиэтническом социуме, объединяя его в единую систему на большой территории.

Эту же наследственно-родовую традицию организации верховной власти можем найти и у Страбона. Так, рассказывая о древней Иверии на юге Кавказа, он отмечал: «Жители страны делятся также на четыре класса: один из них, считающийся первым, — тот, из которого ставят царей, выбирая ближайшего по родству (с прежним царем) и старшего по летам»².

---

¹ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. С. 16—17.

² Там же. С. 140.

Итак, наследственно-родовая традиция прослеживается в Восточной Европе и в областях, непосредственно соседствующих с ней, начиная с самых древнейших времен и вплоть до первых веков нашей эры. Справедливо заключить, что ее наследие не могло миновать и истоки отечественной истории (подобные традиции проявляют устойчивость, обладают преемственностью на протяжении тысячелетий — феномен, заслуживающий серьезного изучения).

И действительно, русское летописание, рассказывая о периоде, предшествующем призванию Рюрика, сообщает о многих княжениях, о которых летопись по Лаврентьевскому списку говорит так: *«И по сихъ братьи (Кий, Шек и Хорив. — Л.Г.) держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ. (а) в Деревляхъ свое. А Дреговичи свое. А Словени свое в Новеграде а другое на Полоте иже Полочане в нихъ же...»*¹

Патриаршая летопись передает эти сведения примерно также: *«По сихъ же родъ ихъ нача владети въ Полянехъ княжениемъ; а въ Древленехъ свое княжение, а Дреговичи свое, а Словенъ въ Новеграде свое, а другое на Полоте, еже есть Полочане...»*²

Совершенно очевидно, что «род» здесь употребляется в смысле «правлящий род» или «княжеский род». Однако многие современные исследователи, мыслящие по шаблонам теории общественного договора, согласно которой в догосударственный период истории царил демократический способ правления (кстати, так и не получивший в науке конкретной разработки и представляемый достаточно аморфно, по крайней мере, для древнерусской истории), и эти свидетельства летописей пытаются подстроить под привычную догму. Например, Н.Ф. Котляр пишет: *«Поляне, древляне и другие общности Нестора представляли собой союзы восточнославянских племен... Можно думать, что на стадии существования союзов племен общественный строй восточных славян сохранял демократические черты... власть вождей на этом этапе еще не была индивидуально наследственной — ее унаследовали определенные роды. ...Источни-*

---

¹ ПСРА. Т. I. С. 10.

² ПСРА. Т. IX. С. 4.

ки, западные и древнерусские, постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означает, что они ими были. Князь в подлинном значении этого термина (выделено мной. — Л.Г.) появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность»¹. Ну XVIII в. — ни взять, ни отнять!

Вот и Г.Ф. Миллер точно также писал около 250 лет назад: «...тогдашний образ правления в Новгороде был общенародный, и что Гостомысла признать не можно владетельным государем». Но во время Г.Ф. Миллера теория Общественного договора была будоражащей умы новинкой, а в наше время, по меткому выражению Р.Л. Карнейро, она не более чем «историческая диковина». И именно влияние этой «диковины», как подчеркивалось выше, не позволяет современным исследователям увидеть наличие в летописных княжениях института наследственной власти, который был представлен выделившимся в социуме правящим родом и традицией передачи власти из поколения в поколение между «индивидами» — членами данного рода. Если верить господствующей ныне концепции «князя по найму», власть в летописных княжениях передавалась в рамках рода между неподлинными князьями, а потом появился безродный Рюрик, и его безродность придала подлинности княжеской власти. Одним словом — диковина!

Здесь же хотелось бы отметить, что пресечение правящей линии и отсутствие бесспорных кандидатов на место общесоциумного или верховного правителя могло приводить и к конфликтной ситуации, когда возникали притязания различных кандидатов и стоявших за ними группировок, внутренний баланс нарушался, противоречия между различными группами резко обострялись, «...и въста родъ на родъ (и) быша в ни усобиць и воевати почаша сами на ся...» Но через некоторое время конфликт, как правило, прекращался в силу общего осознания необходимости восстановления прежней системы управления: «и рѣша сами в себѣ поищемъ собѣ князя иже бы володелъ нами и судил по праву...»

---

¹ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 28—29, 35.

В Ипатьевской летописи говорится: «иже бы володел нами и рядил по ряду по праву», что дало основание некоторым исследователям толковать термин «ряд» как «договор», идя явно вразрез с контекстом летописи. Следует отметить, что само по себе слово «ряд» очень многозначно. Это слово/основа «ряд» в русском языке восходит к архаичному индоевропейскому корню «rt», образовавшему одно из ключевых понятий еще в ведийской модели мира rta/rita — основной закон мироздания. Этот изначальный термин, трансформируясь и переосмысливаясь в процессе разделения древней индоевропейской общности, стал лоном для целого ряда понятийных систем в различных индоевропейских языках и породил за тысячелетия целый спектр понятий, где просматриваются как скалярные значения (наряд, т.е. власть), так и векторные: очередность, череда, ряд чисел и т.д.

Контексту упомянутого летописного фрагмента принадлежат синонимы именно векторного значения «ряд», поскольку это делает контекст логичным и осмысленным. Облеченные полномочиями представители словенского княжения принимают решение подобрать кандидатуру правителя с титулом князя на основе легитимности и в порядке очередности в системе генеалогического родства («иже бы володел нами и рядил по ряду по праву»). Никоновская, или Патриаршая, летопись, как уже говорилось выше, очерчивает и круг тех генеалогических связей, которые были актуальны для разрешения кризиса власти: *«И по сем събравъшеся рѣша къ себѣ: «поищемъ межъ себе, да кто бы въ нас князь былъ и владѣл нами, поищемъ и устави́мъ такового или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ». И бысть о семъ молва велиа; овъемъ сего, овъмъ другаго хотящемъ, таже совѣщавшася послаша въ Варяги».*

Попытка же подставить в данный контекст летописи значение «ряда» как «договора» явно определяется влиянием теории общественного договора и стремлением «притянуть за уши» летописный источник к догмату этой теории.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали, — к вопросу о значении этнической принадлежности Рюрика, следует признать очевидное: отрицая княжескую власть в летописных княжениях, именно сторонники концепции «князя по найму»

ставят во главу угла этническую принадлежность Рюрика, рассуждая о том, что туземцы пригласили иноземцев «володеть и править», рассматривая события Сказания о призвании варягов через призму так называемых «туземных» и «иноземных» элементов. Насколько оправдан такой подход?

Здесь мне хотелось показать, что он не оправдан совершенно. Согласно общечеловеческой практике, некоторые примеры из которой здесь были приведены, ментальным традициям родовой организации были имманентны понятия «родовичи» и «неродовичи», а не «туземцы» и «иноземцы».

Двойной счет родства в родовых организациях — по материнской линии и по отцовской линии — воздвигал как бы несущие опоры этнополитической системы, охватывая ее кровнородственными связями как изнутри, так и вовне, образуя сложную систему межродовых связей. Каждый член в системе этих связей был фигурой «полиэтничной», т.е. обладал наследственными правами, как минимум, по линии рода своей матери и по отцовской линии.

В силу этого, например, названный в самом начале спор о какой-то единственной этнической принадлежности Рюрика лишен смысла с точки зрения генеалогической традиции. Потому-то он и не мог быть решен за более чем 250 лет. Стрелки спора надо переводить на новый путь и обосновывать ответ на вопрос, в силу каких прав в ряду родовых связей тот или иной кандидат, в нашем случае Рюрик, мог стать легитимным правителем там, куда его призвали.

И ответ на этот вопрос прекрасно обеспечен источниками, из которых следует, что Рюрик призывался в силу наследных прав по линии своей матери, словенской княжны, отданной замуж в Вагрию, входившую в княжество ободритов. Из тех же мест и многим позже призывались и другие кандидаты в российские правители, также имевшие наследные права по материнской линии: Иван Антонович, внучатый племянник Анны Иоанновны и внук ее старшей сестры герцогини мекленбургской Екатерины; герцог шлезвиг-гольштейнский Карл-Петер-Ульрих, или Петр III Федорович, внук Петра I от старшей дочери Анны, утвержденный наследником российского престола своей теткой по матери — императрицей Елизаветой. Овеянные глубокой стариной традиции взаимобрачующихся родов обнаруживают необычайную живучесть.

Глупость, как и все живое, может быть представлена большим разнообразием видов. Одной из ее разновидностей является прилипчивая идея о том, что имена братьев летописного князя Рюрика — Синеуса и Трувора — на самом деле скрывали слова *sine hus* и *thru varing* (они взяты непосредственно «из народа», поэтому за орфографию автор никакой ответственности не несет).

Ах, как приятно иным людям ласкать себя мыслью: дескать, меня не надуешь, я на три метра в землю вижу! Такие убеждены, что изучать летописи слева направо и сверху вниз, принимая на веру рассказы летописцев, — занятие для простаков. Читать летописи надо с подходцем и лучше всего — между строк! Именно между строк хранятся все тайны, скрытые от народа под видом... ну, там, под разными видами! Из таких думок родилось много исторических «находок».

Но конкретно для российской истории неисчерпаемым источником умопомрачительных «открытий» явились, конечно, упорные, почти трехсотлетние настояния норманистов о том, что ведущую роль в процессах образования Древнерусского государства, в создании древнерусского института верховной княжеской власти, в таинственной институционализации контроля над Балтийско-Волжским торговым путем, в возведении древнерусских городов в русле не то завоевательной экспансии, не то миграции колонистов сыграли выходцы из так называемой Средней Швеции. Однако на этом звездном пути старушка-история подставила ортодоксальным норманистам ножку самым ехидным образом, не предъявив в наличии ни одного подходящего шведского Рюрика.

Хочу напомнить, что творцы норманистского историоизма всегда и вплоть до сегодняшнего дня находились под сильным влиянием представлений, рожденных теорией линейной эволюции, согласно которой человечество вначале проживало небольшими родовыми коллективами, изолированными друг от друга, и по этой схеме каждый такой коллектив перемещался в межплеменном пространстве не толь-

ко со своими вещами, украшениями и пр., но и со своими именами. Соответственно, по именам легко определить, кто к какой этнической группе принадлежал. Поэтому все силы были брошены на поиски Рюрика из Средней Швеции. Однако когда никого не нашли, то взыскующий взор стал обшаривать и ближайшие окрестности, и тут-то на глаза попался Рерик из латиноязычных хроник, которого представители мира науки нарекли Рюриком Ютландским (к вопросу об искусственных именах, якобы массово производимых хитрыми летописцами). И, что называется, пошла писать губерния.

Вот какой портрет «конунга Рерика» можно найти, например, в работах М.Б. Свердлова: *«Этот мужественный правитель напал на Западнофранкское королевство из Фрисландии (на территории современной Голландии и северо-западной части Германии), за что франки вынудили его оттуда переселиться. С дружиной и близким окружением («домом») он был вынужден отправиться в Ютландию (современную Данию). Изгнанный франками и оттуда, он был вынужден переселиться, вероятно, в Среднюю Швецию. Избрание князем именно Рерика являлось мудрым политическим решением, поскольку он не был шведом и должен был решать те задачи, которые стояли перед славяно-мерянским объединением...»¹*

Почему избрание князем именно этого неудачника, не сумевшего защитить и сохранить даже собственное достоинство и отеческие гробы, являлось мудрым решением, лично мне представляется какой-то утонченной загадкой. Хотелось бы получить разъяснение. Не знаю, правда, к кому обращаться.

Однако, пока суть да дело, надо рассказать, что на пути переселения в древнерусскую историю персонажа из датской истории как раз и оказались братья летописного Рюрика — Синеус и Трувор, которых нет в биографии так называемого Рюрика Ютландского. К тому же у них, к огорчению пестунов этого сумбурного героя, оказались «необычные для скан-

---

¹ Свердлов М.Б. Образование русского государства (VIII — конец IX в.) / Историография, теория и практика изучения истории Руси VI—XIII вв. Саратов, 2002; Он же. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси V—XIII вв.

динавской ономастики имена», поэтому летописных братьев Рюрика следовало изгнать из истории, иначе все концепционные корабли тонули. Для их ликвидации и применили метод лингвистического «расчленения» с пояснением, что эти горемыки, на самом деле, являлись переосмысленными скандинавскими выражениями: *sinn hus* — «свой дом» и *tru var* — «вера» и «договор» в значении «верная дружина».

«Отсюда следовало, что, согласно преданию, отразившемуся в именах легендарных братьев Рюрика, он прибыл на Русь «со своим домом» (близким окружением и слугами) и «верной дружиной» (служилыми людьми)»¹.

Примечательно в этой истории с так называемым Рюриком Ютландским то, что все ее сторонники не владеют ни одним из скандинавских языков. По этой причине они с легкостью могут коверкать якобы «скандинавские» фразы и не испытывать от этого неудобства. Но тем, кто хоть немного знаком со скандинавскими языками, читать вышеприведенные экзерсисы тяжело.

«*Sinn hus*» — это не «скандинавское» выражение, поскольку скандинавское было бы «*sitt hus*» (дат., норв., шв.). «*Tru*» — это слово неизвестного происхождения, поскольку «вера» будет «*tro*» (дат., норв., шв.). Как можно писать вышеприведенные лингвистические выдумки, даже не потрудившись элементарно свериться со словарем, объяснять не берусь. Но возможно, такова цена длительного обитания в утопической среде: если можно было создать исторические события, никогда не происходившие на «скандинавской» почве, то почему бы не начать придумывать никогда не существовавший «скандинавский» язык? Особо интересно то, что в среде приверженцев «скандинавского» Рюрика немало скандинавистов, но даже с мнением этих коллег сторонники «*sine hus*» и «*thru varing*» не считают нужным сверяться.

Известно, что с критикой нелепой версии имен Синеуса и Трувора как переосмысленных фраз некоего «скандинавского» языка выступала такая известная скандинавистка, как

---

¹ Свердлов М.Б. Образование русского государства (VIII — конец IX в.) / Историография, теория и практика изучения истории Руси VI—XIII вв. Саратов, 2002. С. 48.

Е.А. Мельникова. Так, Мельникова совершенно однозначно разъясняла, что среди историков, которые не знакомы с древнескандинавскими языками, распространена версия этимологии имен *Синеусь* и *Труворь* как переосмысленных эпитетов или фраз, и приводила, в качестве примера, Б.А. Рыбакова: «Б.А. Рыбаков полагает, что «в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский язык, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев».

Он приводит два возможных, по его мнению, варианта «шведского оригинала»: *sine use* или *sine hus*, означающий якобы «со своими родичами» или «свой род», для *Синеус*, и *tri war* или *þrǫgi varǫng* со значением «верная дружина» для *Трувор*. Не говоря уже о полном несоответствии этих «исконных» фраз элементарным нормам морфологии и синтаксиса древнескандинавских языков, а также семантике слов *hus* и *vǫringi*, которые никогда не имели значения «род, родичи» и «дружина», предположение исходит из того, что летописец-переписчик дважды перевел эту фразу: один раз в соответствии с ее истинным смыслом — *Рюрик приходит, по Новгородской первой летописи, с «роды своими... пояша со собою дружину многу и предивну», а затем вторично — приняв ее за личные имена»¹.*

Казалось бы, яснее не скажешь. Лингвистические конструкции, с помощью которых некоторые российские историки пытаются ликвидировать летописных братьев Рюрика, не соответствуют элементарным нормам древнескандинавских языков (!!!). Получается фраза вроде «мандрапа пупа мандрапа па» из одной старой кинокомедии. Иначе говоря, это — несуществующий язык, или же, согласно интернетской лексике, — «албанский».

Как же подобная абракадабра могла получить распространение среди ученых и закрепиться в российской науке? Именно в российской, поскольку в западную она как будто не перешла, по крайней мере, среди скандинавских ученых она точно не привилась — как угодно, но свои-то языки они

---

¹ Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской исторической традиции / ДГВЕ. 1998. М., 2000. С. 157.

знают. Приведу пример из монографии норвежского исследователя Х. Станга.

Расчленение имени летописного Синеуса на «sine hus» Х. Станг решительно отвергает, как грамматически, так и в смысловом отношении. Он напоминает о том, что возвратно-притяжательное местоимение sin/sitt перед существительным — это современный язык. Грамматически мн.ч. от «дом» с этим местоимением в др.-сканд. должно было быть *með husum sinum*. По смыслу слово «дома» — hus или husen — означает только постройки, строения¹. Там же в примечании Станг дополнительно указывает еще и на нелогичность с точки зрения оформления всей фразы: почему первое выражение «со своими домами» оформлено местоимением «свой», а второе выражение «с верной дружиной» не оформлено: «*Why «his houses» in the one instanse, and not «his tru guard» in the other, is anybody's guess*». Да и к самому отождествлению Рерика, «действовавшего во Фризии», с летописным Рюриком скандинавские медиевисты относятся критически. На невозможность такой идентификации указывает, например, известная датская медиевистка, специализирующаяся на викингской тематике Эльсе Роэсдаль². Датская медиевистика с удовольствием бы приписала летописного Рюрика к заслугам датской истории, но Э. Реэсдаль — прекрасный знаток источников и вообще датской истории, поэтому она не может брать буквально из воздуха любую привлекательную чепуху и строить из нее «исторические» концепции.

Однако лингвистика лингвистикой, но ведь есть еще и просто здравый смысл. На то, что идея об именах Синеуса и Трувора как переосмысленных выражениях «верная дружина» и «с роды своими» — полнейший абсурд с точки зрения контекста всего летописного повествования, обращал внимание историк Ю.Д. Акашев. Если согласиться с этой идеей, писал он, то получается, что Рюрик обосновался в Нов-

---

¹ Stang Håkan. The Naming of Russia. Oslo, 1996. S. 284.

² Roesdahl Else. Vikingernes verden. Vikingerne hjemme og ude. København, 2001. S. 294.

городе, «его род» — в Белоозере, а его «верная дружина» — в Изборске¹.

В.В. Фомин развил эту мысль и показал, что если принять данную концепцию норманнистов, то еще более нелепым выглядит известие Сказания о призвании варягов: «По двою же лету Синеус умре и братъ его Трувор; и прия власть Рюрик», которое должно было бы означать: «Два года спустя умерли «его род» и брат его «верная дружина». Рюрик, таким образом, остался как перст один, буквально разом потеряв всех, с кем он пришел на Русь, — и «свой род», и свою «верную дружину», и непонятно, каким «мужем своим» он начал затем раздавать «грады»».

Фомин обращает внимание также на то, что если «sine hus», превратившееся в Синеус, в некоем исходном «древнешведском» тексте означало «со своими родичами» или «с роды своими», то почему же во многих других местах летописи мы так и читаем: «с роды свои», а не с покойным Синеусом? Получается, что в процессе передачи текста Сказания летописец то не понимал шведское «sine hus» и писал Синеус, то вдруг начинал понимать и писал тогда «с роды своими»².

Известный специалист в области русского фольклора С.Н. Азбелев неоднократно отмечал в своих работах, что толкованию имен братьев Рюрика противостоит русский фольклор о князьях Синеусе и Труворе³.

Когда российская историческая наука избавится от груза утопий, около трехсот лет довлеющих над ней как кошмар, то надо всей этой историей с «Рюриком Ютландским» будут наверняка смеяться больше всего. Однако пока нелепые «Синехюсы» по-прежнему бродят по российской исторической науке, сходя в нее со страниц вполне уважаемых исторических трудов. Пишу об этом с горечью, зная, имена каких крупных ученых связаны в истории науки с этой версией.

---

¹ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000. С. 200—201.

² Фомин В.В. Кривые зеркала норманнизма / Сборник РИО. Т. 8 (156). М., 2003. С. 96—97.

³ Азбелев С.Н. К вопросу о происхождении Рюрика / Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. II. М., 1994. С. 363.

В XVIII веке представители западноевропейской мысли в размышлениях о путях возникновения государства и института наследных правителей пришли к идее о том, что государственности предшествовал период народоправства и что монархическая власть, которая и отождествлялась с государственной, возникла по договору для обеспечения безопасности социума. Эта идея, как известно, вошла в историю под названием теории Общественного договора, никогда не существовавшего в действительности.

В России догматы данной теории сначала постулировал Г. Ф. Миллер, разделив древнерусскую историю, соответственно, на два периода: до призвания Рюрика с братьями и после призвания: *«Тогдашний образ правления в Новгороде был общенародный, и... Гостомысла никак признать не можно владельтельным государем, и который будто искал себе преемника или наследника, как то другие об нем вымыслили»*¹.

Этот постулат продолжил развивать А.А. Шлецер: *«Какая была цель призывающих? — Они не искали государя, самодержца в настоящем смысле. Люди, возвращенные в дикой свободе и может... столь же мало знавшие, что такое значит Король, не могли вдруг и добровольно переменить гражданское свое право на монархическое. Они искали только защитников, предводителей, оберегателей границ (...) Князья Новгородские и государи Киевские до Рюрика принадлежат к бредням Исландских старух, а не к настоящей истории России»*².

Схоластические представления о догосударственном народоправстве и монархической государственности, начи-

---

¹ Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших / с немецкого на русский язык переведено Иваном Долинским. СПб., 1773 г. С. 91—92.

² Шлецер А. А. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сходные, переведенные и объясненные Августом Аудовигом Шлецером. СПб., 1809. С. 304—306.

ная с работ Н.М. Карамзина¹, стали, в том или ином виде, определяющими в работах по древнерусскому политогенезу, что наложило свою негативную печать и на исследование проблемы древнерусского института княжеской власти, затрудняя анализ его происхождения и характера в русской истории.

Непримиримый критик Карамзина Н.А. Полевой руководствовался, в сущности, этой же идеей. Он отрицал «единовластие» в момент призвания варягов и считал, что оно существовало тогда в зародыше и развивалось в течение столетий. А раз не было единовластия, по его убеждению, то не было и русского государства: *«Государство Русское начало существовать только со времени ига монгольского»*².

Представители государственной школы (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев), так и не сумев определить, как в древнерусской политической системе взаимодействовали два ее фактора — древнерусские города с их вечевыми народными собраниями и княжеская власть, писали о наличии длительного безгосударственного периода в русской истории, об аморфном народе (этнографической протоплазме) и о государстве сверху как деле рук князей, с одной стороны, но с другой — признавали некую систему двоевластия, где вечевые собрания и сильный княжеский род составляли систему, не поддающуюся точному юридическому определению. У Соловьева при «обозрении первого периода нашей истории» слово «неопределенность» трижды повторяется на трех страницах подряд, посвященных отношениям князей и городов: «неопределенность отношений городского народонаселения к князьям», «вече является с неопределенным характером, неопределенными формами» и т.д.³

Славянофилы делали упор на земские, т.е. общинные традиции, где верховная власть принадлежала народному собранию, что в рамках вышеозначенных представлений

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга первая. Т. I. М., 1988. С. 67—74.

² Полевой Н.А. История русского народа. Т. I. М., 1997. С. 33.

³ Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Книга II. С. 26—28; книга VII. Т. 43. С. 24.

должно было означать отсутствие государственности. Соответственно, древнерусский волостной быт, вечевое устройство определялись ими зародышами государства, а не государством¹.

Государственно-юридическая школа (В.И. Сергеевич) также рассматривала древнерусский волостной быт, вечевое устройство как зародыш государства, а не как государство. Возникновение Древнерусского государства, по мнению Сергеевича, явилось результатом договора, заключенного между князем и вече², что было классическим отражением теории общественного договора.

Под влиянием этого же схематизма строил свои концепции древнерусского политогенеза, включая и рассмотрение княжеской власти в его системе, В.О. Ключевский:

Вече северных союзных племен, как-то собравшееся среди родовой усобицы и постановившее искать князя... — что это такое, как не стереотипная формула идеи правомерной власти, возникающей из договора?

Однако далее он столкнулся с тем, что «стереотипная формула» так и не помогла ему завершить свою концепцию убедительным выводом: *«Довольно трудно сказать, какой порядок княжеского владения существовал на Руси при предшественниках Ярослава и даже существовал ли какой-либо определенный порядок (...) Единовластие до половины XI в. было политической случайностью, а не политическим порядком»*³.

С помощью приведенных примеров мне хотелось показать, что российская историография, начиная с XVIII века, оказалась под гнетом схемы, в которую явно не укладывались ни традиции древнерусского вечевого строя, ни традиции древнерусского института княжеской власти, что не позволило даже крупнейшим российским историкам практически всех школ и направлений создать четкую концеп-

---

¹ См., например: Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905.

² Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период). М., 1998. С. 147.

³ Ключевской В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М., 1993. С. 119—122, 146.

цию древнерусского политогенеза, включая и тесно связанную с ней концепцию древнерусского института княжеской власти. И, на мой взгляд, совершенно очевидно, почему. Согласно заветам эпохи Просвещения, государственность начинается с преодоления народоправства и одновременного возникновения монархии и феодализма. Если в русской истории вечевой, земско-волостной, т.е. народоправный, период играл громадную роль в политической жизни на протяжении длительных периодов, то историки, впитавшие в себя западноевропейскую историософию XVII—XVIII вв., так и не могли определиться с анализом древнерусского политогенеза. Когда возникло древнерусское государство? При Рюрике или только ко времени правления Ярослава Мудрого и при его преемниках? А может, вообще только к XVI веку?¹

Здесь любопытно отметить, что деструктивное влияние схемы «государственность начинается с монархии, а до этого — народоправный хаос» сказывается не только на исследовании древнерусского политогенеза. У одного из российских теоретиков концепции раннего государства Л.Е. Гринина в статье «Раннее государство и демократия» я отметила следующее интересное рассуждение.

Так, он пишет, что у некоторых антропологов возникает подозрение относительно «греческого случая», связанного с тем, что, по их мнению, *«Общества, называемые городами-государствами, часто не являются государствами... Есть также и специалисты-античники, которые считают, будто полис не был государством... Но значимость этой проблемы еще более возрастает оттого, что попытки решить вопрос о природе античных политий неизбежно приводят к рассмотрению более широкой и теоретически очень важной для антропологии проблемы: какие политии вообще можно считать ранним государством? И можно ли, в частности, относить к ним общества с демократическим устройством? Дело в том, что хотя прямо на негосударственном характере демократических политий, в частности Афин и Рима, все-таки настаивает не так уж много ученых, но*

---

¹ Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 87.

фактически едва ли не любой анализ типичных признаков ранних государств прямо... или имплицитно исходит из того, что раннее государство — это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное»¹.

Таков результат действия надуманных схем: живое историческое полотно под их влиянием начинает разрушаться и представлять грудой разрозненных элементов. Однако за историю Афин и Римской республики можно не беспокоиться: их истории в течение нескольких столетий служили образцами государства в представлении политиков и ученых. А вот по древнерусской истории обветшалая схоластика бьет сильно. И это касается как политогенеза в целом, так и такой сопричастной ему тематики древнерусского института княжеской власти.

В ряде работ я рассматривала вопрос о том, как негативно сказалась традиция теории общественного договора на исследовании проблематики генезиса древнерусского института княжеской власти и на оценке такого важного источника, как Сказание о призвании варяжских братьев. Под влиянием этой традиции, а также ряда других западноевропейских утопий стали отрицать княжеское происхождение Рюрика и его братьев, получивших статус безродных наемников, непонятно как сделавшихся наследными правителями². Не менее «драматическая судьба» постигла и тех летописных князей, которые относились летописями к периоду до призвания Рюрика, — их роль и место в древнерусской истории с трудом поддавались анализу с позиции утвердившейся схемы «народоправство предшествует монархическому периоду». Попробую начать рассмотрение этой темы, поставив вопрос о титулатуре летописных князей.

Выше бегло были отмечены те трудности, которые испытывали российские историки при определении характера и места древнерусских князей в политической системе Руси,

---

¹ Гринин А.Е. Раннее государство и демократия // Бондаренко Д.М., Гринин А.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 337—338.

² Грот А.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 2. М., 2009. С. 168—176.

в том числе и князей доваряжского периода. В советской историографии, создавшей концепцию единого древнерусского централизованного государства с классовым, феодальным обществом, проблема была поставлена в зависимость от данной концепции.

Вопрос о князьях до призвания Рюрика рассматривался, в частности, в работах В.Т. Пашуто в русле обсуждения вопроса о характере общественно-политической структуры восточных славян до прихода варяжских братьев и развития концепции о племенных княжениях или «землях-княжениях»¹.

На базе этих дискуссий в 70—80-е годы прошлого века наметился интересный подход в изучении происхождения древнерусского княжеского института, когда часть исследователей (В.В. Мавродин, В.Д. Королюк, Б.А. Рыбаков, И.Я. Фроянов и др.) стали развивать концепции зарождения княжеской власти у восточнославянских племен из собственной власти племенных вождей, т.е. до прихода варягов². Но на дальнейшее развитие этих концепций повлияло два фактора.

Во-первых, убеждение в том, что период доваряжских князей и период, начинающийся призванием Рюрика с братьями, не связаны между собой никакой традицией преемственности, поскольку большинство авторов исследований о древнерусских князьях продолжают видеть в Рюрике либо военного наемника откуда-то из Скандинавии (как правило, из Средней Швеции), либо завоевателя. И.Я. Фроянов пишет даже о том, что решение отправиться «к варягам, к руси» открыло «путь политическому перевороту, захвату власти со стороны приглашенных»³.

Во-вторых, сыграли роль неизжитые по-прежнему взгляды, которые в соответствии с теорией общественно-

---

¹ Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос / Пашуто В.Т. Русь, Прибалтика, папство. М., 2011. С. 167—176. См. литературу по теме в кн.: Петров А.В. Княжеская власть на Руси X—XII вв. в новейшей отечественной историографии / Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии / Отв. ред. В.Я. Ежов, И.Я. Фроянов. Л., 1983.

² Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. СПб., 1992. С. 59—74.

³ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. СПб., 1992. С. 74.

го договора, связывают княжескую власть с государственностью, как это можно увидеть в монографии Н.Ф. Котляра: *«Источники, западные и древнерусские, постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означает, что они ими были. Князь в подлинном (отмечено мною. — Л.Г.) значении этого термина появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность»*¹.

Аналогичную мысль находим и у Е.А. Мельниковой: *«Договор с Рюриком... заложил основы для возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы»*².

Несмотря на то, что в последнее время появилось немало работ, специально или вкупе с другими проблемами посвященных князьям и княжеской власти в древнерусской истории³, многие важные вопросы, связанные с пониманием сведений источников о летописных князьях, вызывают явные затруднения исследователей.

В их числе интересным представляется вопрос о том, что понимает летопись под словами «русские князья», например, в таких фразах, как: «Иногда приидоша изъ Киева Русские князи Оскольдъ и Диръ на Царьград, в царство Михаила царя и матери его Феодоры» или «О князи Рустем Осколдъ», а также, когда речь идет о Рюрике с братья-

---

¹ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 35.

² Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) / Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 94.

³ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992; Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия / Из истории русской культуры. Т. I. М., 2000; Янин В.А. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. Янин В.А. Очерки истории средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2008; Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин В.П., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007; Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей X—XII вв. в сравнительно-историческом освещении / Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.

ми: «О князѣхъ Русскихъ: о Рюрикѣ, и Синеусѣ и Тривори» (Патриаршая, или Никоновская летопись).

Посмотрим, какой ответ на этот вопрос можно найти в специальном выпуске ДГВЕ под названием «Рюриковичи и Российская государственность», поскольку его авторы как раз и ставили перед собой задачу представить «первое в отечественной и международной историографии систематическое исследование происхождения и исторических судеб династии Рюриковичей»¹. Однако уже вводное слово «От редколлегии» вместо прояснения ставит читателя в тупик: «Для древнерусских летописцев — создателей первой истории восточного славянства и Древнерусского государства — Рюрик был первым легитимным князем Руси и основателем династии русских правителей».

Следовательно, если верить составителям сборника, то до Рюрика все древнерусские князья в летописных княжениях, о статусе и природе которых размышляли многие отечественные историки, автоматически становятся нелегитимными, т.е., надо понимать, незаконными. Если вспомнить при этом приведенное высказывание Котляра о том, что подлинными летописные князья становятся только с развитием государственности, то получается, что институт древнерусских князей, согласно названным авторам, истоки свои вел от князей неподлинных и нелегитимных.

Интересующей нас теме в этом томе специально посвящена статья Е.А. Мельниковой «Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в»², в которой она продолжает развивать мысль о легитимности, приписывая ее уже летописцу: «В его представлении Древнерусское государство (Русь, Русская земля) возникает тогда, когда в Киеве утверждается легитимная княжеская династия».

---

¹ Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2005; Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008.

² Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. / ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 47—102.

Но в Повести временных лет говорится, что в Киеве «нача первее княжити» Кий и его род. Мельникова комментирует содержание ПВЛ таким образом: *«Летописная реконструкция предыстории Руси прародителем княжеского рода и основателем династии русских князей изображает Рюрика. Это построение было усвоено и получило дальнейшее развитие в летописании и исторической литературе XV—XVI вв. и стало одним из краеугольных камней ранней истории Руси. Между тем, выбор этого предания среди прочих, как представляется, требует специального объяснения — ведь Рюрик, согласно «Сказанию о призвании варягов», правит в Новгороде (Ладоге), а не в Киеве (как Кий, Олег или Игорь), владеет лишь частью будущего государства... Что же и когда заставило летописцев увидеть основателя династии русских князей именно в Рюрике и предпочесть сказание о нем другим возможным альтернативам?»*

Из этого отрывка видно, что Мельникова представляет весь рассказ о начальном периоде Руси как сугубо искусственно созданную реконструкцию, или, как сейчас принято говорить, «конструктив». Против такого подхода может быть много возражений, начиная с того, что доказать правомерность его невозможно, поэтому он так и останется субъективной версией самой Мельниковой.

О каких «возможных альтернативах» в основатели династии русских князей говорит Мельникова? Она полагает, что Кий мог бы быть такой «альтернативой», но летописцы намеренно его этим «чином» обошли. По ее мнению, княжеское достоинство Кия в ПВЛ — «конструктив» летописца, поскольку в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов Кий представлен основателем одноименного города, но ни в коей мере не князем: «В ПВЛ Кий изображен в качестве основателя Киева... Как основатель столицы Древнерусского государства и предок его жителей, Кий не мыслим для составителя ПВЛ человеком низкого социального статуса, и он прилагает немало усилий, чтобы представить Кия князем — в противоположность устной традиции и Начальному своду — русским князем (выделе-

но мной. — А.Г.). Главным доказательством его «княжеского статуса» служит рассказ о походе в Царьград...»¹

Приведенные примеры показывают, что княжеские звания и княжеские традиции анализируются в этой статье в отрыве от традиций династийных, уходящих корнями в первобытность, в недрах которой задолго до образования государства, и тем более — формирования феодальных отношений, появляется верховная власть, носящая сакрализованый и наследный характер. Отсюда и специфическое, явно модернизированное понимание автором статьи рассказа летописи.

Кий в летописи называется князем в роде своем, но не русским князем, ибо, на мой взгляд, совершенно очевидно, что «русский князь» — это титул, за которым, как и за всяким титулом имеется конкретное содержание.

В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку о Кие говорится: «се Кии кнѣжаше в родѣ своем». И далее: «И по сихѣ братьи держати почаша родѣ ихѣ кнѣженъ в Полѣхѣ»². В Новгородской Первой летописи говорится о том, что «сѣдѣше Кьи на горѣ, ...и бѣ с родомъ своим... И сотвориша градокъ, во имя брата своего старѣишаго и наркоша имя Кыевъ... Поляне и до сего дне от них же суть кыянѣ»³. Таким образом, Новгородская Первая летопись совершенно определенно представляет Кия как правителя полян: поляне называют центр своей этно-политической организации его именем, вся общность получает название по его имени — кыяне. Ну а летописные правители такого высокого статуса, по имени которых нарицалась вся общность, в древнерусской традиции назывались князьями!

Совершенно неправомерно со стороны Мельниковой приписывать летописцу тот факт, что он называет Кия основателем столицы Древнерусского государства. Летописец называет Кия основателем Киева — главного города или центра полян. Только по прошествии немалого времени, уже князем Олегом (по летописи, также русским князем) Киев

¹ Там же. С. 47—49.

² Лаврентьевская летопись / ПСРА. Т. I. А., 1926. С. 10.

³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 105.

был провозглашен «се буди мати градомъ рускими». Это выражение заслуживает того, чтобы о нем написать отдельную работу, здесь же хочу только попутно отметить, что отжествлять понятие «мати» с современным словом «столица» также является ненужной модернизацией.

Летописи дают нам возможность заглянуть в прошлое княжеского рода в княженье полян. То, что Кий и его братья были основателями новой династии, объединившей несколько отдельных княжений, видно из данного отрывка летописи: «Подем же жившемъ собѣ и володѣющемъ и роды своим иже и до сее братѣвъ бѣху Полѣи живѣху кождо сѣ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣх владѣюще кождо родомъ своим на своихъ мѣстѣх... быша... братье единому имя Кии а другому Щекѣ а третьему Хори... сестра ихъ Лыбедь... и створиша градъ во имѣ брата своего старѣишаго и нарекоша имѣ ему Киев... есть Полѣне в Киевѣ и до сего дне... И по сихъ братѣи держати почаша родѣ ихъ кнѣзенье в Полѣ...»¹

Здесь мы видим, что общность по имени поляне в начале описываемого времени сохраняла единое имя, но жила раздробленно, в виде многих отдельных владений, каждое со своим князем во главе. Один из таких князей — Кий — сумел объединить их и встал во главе нового объединения: княженье всех полян, в силу чего поляне стали также называться кияне. Традиция — старинная, известная: название общности по имени правителя, ее создавшего. Династия Киевичей правила какое-то время, но не все ее представители были так же сильны, как Кий: *«По сихъ же лѣтѣх по смрти братѣ сея быша бидимы Древлѣми [и] инѣми колними и наидоца... Козарѣ стѣдѣщая на горах сихъ в лѣстѣх и рѣша Козари платите намѣ дань стѣдумавше... Полѣне и вдаша [от] от дыма мечъ и несоша Козари ко кнѣзю своему... володѣють [бо] Козари Русьскии [князи и] до дншнго дне»*².

Из этого отрывка видно, что киевичам было трудно противостоять нападкам соседей — «древлянам и иным окрестным», и когда усилившиеся хазары подошли к их владениям или нашли их по-прежнему укрывающимися на своих горах

¹ ПСРА. Т. I. А., 1926. С. 9—10.

² Там же. С. 16—17.

и в лесах, то предложили им прийти «под их руку» — платить дань и получать защиту, и поляне согласились, но не безропотно: прислали в виде дани меч. Можно предположить, что символизм присланной дани сыграл свою роль, и какую-то самостоятельность поляне сохранили: об этом говорит выражение: «платѣче дань родомѣ их Козаромѣ», т.е., видимо, произошло урегулирование отношений между княжеским родом полян и хазарскими князьями обычным образом: на основе традиций породнения через установление брачных отношений. Прямо как в поэме Пушкина «Руслан и Людмила», в которой молодой хазарский хан Ратмир прибыл в Киев свататься к киевской княжне Людмиле.

С приходом Аскольда и Диры ситуация изменилась. Так, из рассказа жителей Киева Аскольду и Диру мы узнаем, что «братья Кии, Щекѣ, Хоривѣ иже сѣдѣлаша градоко — сѣ и изгибоша и мы сѣдим платѣче дань родомѣ их Козаромѣ»¹. Братья были, очевидно, признаны более сильными кандидатами, и Аскольд стал князем в Киеве. Упоминание смерти (убийства болгарами) его сына в Никоновской летописи (864 г.) говорит о том, что вокняжение Аскольда было, скорее всего, результатом брака с местной княжной и рождения у них сына.

Данные летописного рассказа об Аскольде и Дире дополняются сведениями польского хрониста XV века Яна Длугоша, который имел в своем распоряжении русские летописные своды, утерянные впоследствии, и сообщал следующее: «После смерти Кия, Щека и Корева, их сыновья и потомки, наследуя по прямой линии, княжили у русских много лет, пока такого рода наследование не привело к двум родным братьям — Оскальду и Диру»².

В этом известии многие ученые видели утверждение того, что Аскольд и Дир принадлежали к роду Кия, хотя в летописи об этом не говорится. Так полагает и Мельникова, которая пишет, что летописец XII века представляет Кия «в своей реконструкции предыстории Руси не только

---

¹ Там же. С. 22.

² Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша / Текст, перевод, коммент. М., 2004. С. 226.

основателем Киева и первым киевским князем, но и предком рода киевских князей... к которому позднейшие летописцы безосновательно причисляли Аскольда и Дира»¹. Но в летописи говорится только о том, что «наследование» в княженье полян привело к ним. Однако, наследование может осуществляться не только благодаря кровному родству, но и через брак с представительницей правящего рода, когда супруг данной представительницы и последующее мужское потомство становятся законными членами правящего рода.

Теперь к именованию Аскольда и Дира в летописи русскими князьями. На мой взгляд, это — княжеский титул, который появился с образованием Русской земли. Как говорит летопись, Аскольд и Дир прибыли в Киев в течение 862 года. Об образовании Русской земли у полян, которая сохраняла и прежнее название «Польской земли», т.е. Полянской, говорится под 852 годом. Соответственно, тогда в Киеве и должен был появиться титул русского князя, соответствующий образовавшейся политике — Русская земля. Вокняжившись в Киеве, оба брата — Аскольд и Дир — получили там этот титул, поскольку в Никоновской летописи говорится: «придоша из Киева Русские князи Осколдѣ и Дирѣ», но там же и «О князи Рустем Осколдѣ». Правление двух братьев, возможно, отражало архаичнейшую традицию правления сиблингов: двух братьев или брата и сестры. Итак, Полянская земля или Кияне стали с 852 года (в лето 6360) называться Русская земля. Я абстрагируюсь здесь от рассуждений о том, что означало это имя, я просто иду вслед за летописью, полагая, что летописец излагал события в их очередности, а не создавал «конструктив».

Другая Русская земля образовалась в княженье словен в 862 году (в лето 6370), и ее образование совершенно определено связывается с прибытием Рюрика и его братьев, с их именем: *«И от тѣх варягъ прозвася Руская земля, но-*

---

¹ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. / ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 50—51.

вугордъци, ти суть людье ноугордъци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни»¹.

В этой фразе явно видно, что Русская земля в княжение словен образовалась независимо от Русской земли в княжение полян, что особо и подчеркивается летописцем. Соответственно, по этому имени князя Рюрик, Синеус и Трувор стали также называться русскими князьями, сменив титул прежних правителей — князей словенских. И со временем именно титул этих князей стал титулом Древнерусской Великокняжеской династии.

Вся династийно-родовая традиция, о которой повествуют летописи, требует более тщательного исследования. В этом смысле я согласна с А.Ю. Дворниченко, который подчеркнул, что «князья восточных славян — это уже следующая стадия политического развития по сравнению с предшествующим периодом (он имел в виду антский период — Л.Г.). На смену выборной княжеской должности приходит власть княжеского рода», но потом он заметил, что, «к сожалению, мы крайне мало знаем об этих древних княжеских родах»². Однако если мы не будем изучать эту проблематику, то наши знания пополняться не будут.

КАКИМИ БЫЛИ ИМЕНА РУССКИХ КНЯЗЕЙ

Одной из важных особенностей наследных институтов власти является значение имени правителя.

Как известно, неотъемлемой частью «норманнской теории» является полемика об именах древнерусских князей, начатая Готлибом Зигфридом Байером, который заявил, что не только древнерусские князья, но и их имена имеют одну единственную этническую принадлежность: «Потому ж еше от Рюрика все имяна варягов, в руских летописях оставшиися, никакого иного языка, как шведского, норвежского и датского суть». По мнению Байера, даже если «имя точ-

---

¹ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под. ред. В.П. Адриановой-Перец. СПб., 2007. С. 13.

² Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе // *Rossica Antiqua*. СПб., 2006. С. 191.

но славенское есть, ежели так выговорить, как в русских книгах написано... уповательно, что от нормандского языка испорчено».

Полагаю, что пора подвергнуть сомнению оправданность подхода к проблеме княжеских имен (и вообще имен) как категорий этнических. На мой взгляд, имена выступают, в первую очередь, принадлежностью родовых (для правителей — династийно-родовых) и сакрально-конфессиональных систем.

Монумент королеве Маргарете и юному Эрику Померанскому в датском Виборге. Фото: Sondergaard

Имена наиболее прославленных предков еще издревле обожествлялись и начинали передаваться из поколения в поколение, создавая золотой фонд родового именователя. Особой значимостью для традиционного общества обладало имя правителя, обязанностью которого было обеспечивать благополучие и стабильность социума. С момента интронизации правитель рассматривался как медиатор между социумом и космосом, и его имя являлось важным атрибутом как в инициационных обрядах, так и в последующих

важных общественных обрядах. Произнесению имени придавалось значение воссоздания заключенной в нем сущности и благодаря этому — усиления сакральной способности правителя осуществлять как защитную, так и медиативную функции между коллективом людей и сверхъестественными силами — природой, духами усопших предков и т.д.

Поэтому имя лица, утверждаемого правителем, должно было принадлежать родовому именованному руководимого им социума и заключать в себе позитивную энергетику сильного и знаменитого предка. Если имя кандидата в правители не отвечало одному из этих требований, не соответствовало родовой традиции, оно менялось при восшествии на престол на более подходящее, о чем свидетельствует пример с Богуславом-Эриком из очерка «Наследование власти в Скандинавии». Но таких примеров можно привести множество.

Связь имени правителя с родовой сакральной системой хорошо иллюстрирует пример из шведской истории — эпизод из жизни конунга свеев и гетов Анунда-Якоба (правил в 1022—1050 гг.), сына Олофа Шетконунга и ободритской княжны Эстриды. Анунд-Якоб был крещен своими родителями еще в бытность его наследником престола и получил христианское имя в честь Святого Якова. Хотя большинство свеев и гетов в XI веке продолжало оставаться язычниками, это ни у кого не вызвало протеста, но только до тех пор, пока принцу не пришло время принимать королевские полномочия. И тогда, как об этом сообщается у Андерса Фрюксселя, шведского историка XIX века, от наследника престола потребовали сменить имя, «поскольку им (свеям. — Л.Г.) не нравилось его христианское имя «Якоб», и был он назван «Анундом», каковое имя он в дальнейшем и сохранил»¹.

Как видно из этого эпизода, имя правителя должно было соответствовать той сакральной традиции, которая занимала главенствующее положение в обществе. Шведское общество продолжало оставаться языческим и требовало от лица, провозглашаемого конунгом, полной идентичности с сакральной жизнью социума, включая и имя. Поэтому имя «Якоб» было совершенно неприемлемо в глазах

---

¹ Frixell A. Bårettelser ur svenska historien. Stockholm, 1909. S. 126.

свеев и гетов для их короля как чужеродное и, следовательно, враждебное, нелегитимное. А имя «Анунд» (иногда пишется — Энунд) восходило к легендарному конунгу свеев Брет-Анунду, о котором рассказывалось, что во время его правления царило благополучие и процветание, земля плодородила, осваивались пустоши, население прибывало¹.

Сестра Анунда-Якоба принцесса Ингигерда, выходя замуж за великого князя Ярослава, напротив, должна была расстаться со своим природным именем, сменив его на христианское. Приняв православие, Ингигерда была наречена Ириной. Княжна Евпраксия Всеволодовна (1070—1109), сестра Владимира Мономаха, став невестой маркграфа Нормарки Германской империи Генриха, была наречена именем Адельгейды, которое после императрицы Адельгейды (ум. в 999 г.) сделалось родовым именем многих правящих домов в пределах Германской империи. Вспомним здесь же и российскую императрицу Екатерину II. Ее имя, полученное при рождении, было, как известно, София Августа Фредерика.

София — имя, пришедшее из греческой традиции, Августа — латиноязычное имя, образованное из титула древнеримских императоров, а Фредерика восходит, вероятно, к традиции франков (вспомним королеву Фредегонду) или англосаксов. Но никому, находящемуся в здравом уме, не приходит в голову видеть в Екатерине лицо греко-латино-франкского этнического состава. Имя будущей российской императрицы отражало сакральную историю края, где она родилась, — Штеттина (нынешнего польского Щецина) в Балтийском Поморье/Померании и последовательно сменявшихся там прусско-вендских традиций. Став невестой наследника российского престола, София Августа Фредерика приняла, согласно существующим для правящих родов нормам, православную веру и была наречена именем Екатерина, принадлежащим российскому царскому именованию. И в этом случае также никто не принимает во внимание, что имя *Екатерина* пришло в российский именованье через православие из греческой традиции, как и ее первое имя *София*. Очевидно, что наречение каждого нового правителя именем

---

¹ Там же. S. 59.

из родового именованья осуществлялось на основе принципов, смысл которых нами во многом утерян.

Совершенно очевидно, что в династийно-родовые именованья стремились включить имена прославленных предков различных родовых линий — этничность была здесь ни при чем. Так, из истории Кальмарской унии мы видим, что имя *Богуслава* было заменено на имя *Эрик*, в честь одного из предков королевы Маргареты. И дело здесь было не в «славянстве» этого имени. Например, в шведской истории XII века в именованье шведских королев встречается имя *Болеслав* (или *Бурислев*). Оно было принесено в Швецию польской принцессой *Рикиссой*, дочерью польского короля *Болеслава III*, в одном из своих браков ставшей супругой шведского короля *Сверкера Старшего*, погибшего в 1156 году. Их сын и получил имя своего деда по матери, войдя в шведскую историю под именем *Болеслава/Бурислева Старшего*. Тем же именем был наречен еще один шведский конунг — *Болеслав Младший*, бывший сводным племянником *Болеслава Старшего*, хотя не имел даже кровного родства с польским королем *Болеславом*, поскольку происходил от линии первой жены конунга *Сверкера* — королевы *Ульвхильды*. Однако имя *Болеслава* вошло в именованье шведских королев и могло даваться другим правителям.

Как видим, этничность правителя и «этничность» имени не совпадали друг с другом, поскольку имена правителей отражали историю династийно-родовых отношений. Соответственно, бесплодным умствованием отдают попытки целой плеяды историков, вслед за *Байером*, доказать, что по именам древнерусских князей, якобы имеющих скандинавское происхождение, можно точно установить их «скандинавскую» этничность. Данные попытки суть плод сугубой умозрительности и не отражают историческую реальность. К какой «этничности» отнесем мы вышеупомянутого *Эрика Померанского* исходя из его имен? Он был урожденным герцогом поморским *Богуславом* и, соответственно, нес в себе всю родовую вертикаль вендо-поморских славянских династий, но поскольку жил на рубеже XIV—XV вв., то по вере был «немцем», а взойдя на королевский престол в Кальмарской унии, стал «скандинавом».

В связи с традициями династийных именовсловов можно продолжить рассмотрение брачных связей польских и шведских правящих династий, которые продолжались и в более поздние времена, а в лоне этих традиций происходил и обмен именами. В 1592 году на шведский престол взошел король Сигизмунд, сын Юхана (Иоанна) III Васы и польской принцессы Катарины Ягеллонки. Свое имя он получил в честь деда по матери, польского короля Сигизмунда I. Ни Сигизмунд, ни его сын Владислав, провозглашенный на риксдаге шведским королем после смерти Сигизмунда, занимая шведский трон, имен не меняли. Как уже было сказано, при выборе имени правителя учитывалось не этническое значение имени, а его генеалогическая значимость.

Многие правители носили по несколько имен, в которых отражалась как сакральная традиция общества, так и династийные связи по отцовской и материнской линиям. Например, князь Мстислав Владимирович Великий, нареченный именем из русского княжеского именовслова, носил и второе имя — Гаральд, в честь деда с материнской стороны. Сам Владимир Мономах перечислял в своей духовной все свои имена и писал, что в крещении он получил имя Василий, в честь предков по отцовской линии был назван Владимиром, а в честь материнских предков — Мономахом.

Список этот можно было бы продолжать бесконечно, но мысль и так ясна: попытки доказать этническую принадлежность правителей через привязку их имен к какой-то определенной языковой среде оторваны от исторических традиций и лишены научного содержания. Антропонимические исследования в данном контексте должны, прежде всего, сосредоточиваться на династийно-родовых традициях, поскольку неродовое имя заменялось на родовое, если на престол приглашался кандидат, не принадлежащий системе генеалогических связей, а родовое имя могло передаваться по наследству, распространяясь не в русле культурно-языковых процессов, а в рамках династийно-генеалогических связей.

Так, собственно, имя Владимира Мономаха и было унаследовано датским королевским родом, принесенное туда дочерью Мстислава Владимировича княжной Ингеборг. Буду-

чи выданной замуж за датского герцога и короля ободритов Кнута Лаварда, княжна Ингеборг обогатила датский династийный именовослов именем Владимир, назвав в честь деда по отцовской линии Владимира Мономаха своего первенца от брака с Кнутом. Принц Владимир вошел в историю скандинавских стран как датский король Вальдемар I Великий. Его дочь Рикисса стала супругой шведского короля Эрика Кнютссона и назвала дочь именем Ингеборг в честь матери своего отца. А эта принцесса Ингеборг, ставшая женой известного шведского политического деятеля Бирье-ярла, ввела имя Вальдемар в шведский именовослов, назвав так своего сына в честь деда по материнской линии. Так в шведском именовослове появилось имя Вальдемар. Впрочем, у саксов, то есть в германской культурно-языковой среде, имя Вальдемар было отмечено еще в IX—X вв., но в датский и шведский именовословы оно вошло лишь в XII—XIII вв. как наследие русского великокняжеского именовослова. Это уточнение для тех, кто живет убеждением, будто германские имена циркулируют только в германской среде, а славянские — в славянской.

«Лингвистические» упражнения с историческими именами бесперспективны еще и потому, что в этих попытках не учитывается важный фактор. Любая этническая целостность (этнотопосы, суперэтнотопосы и т.д.) является сложносоставной системой, возникшей в свое время в связи с ломкой старых систем или выделившейся из них, унаследовав, естественно, определенную часть традиционных ценностей, включая и именовословы. Поэтому имена, которые фиксируются источниками, например, в германской традиции или в славянской традиции, могут быть намного древнее этих суперэтнических систем, родившись либо в более архаичной индоевропейской языковой среде, либо являясь «переводами» древних имен на язык новой формирующейся этнической системы.

Упомянувшееся имя Эрик традиционно считается древнескандинавским: зафиксирована старинная форма его написания как *Ainarikiar/Aiwarikiar* и даже найдена какая-то подходящая семантика (не помню точно, какая). Однако

если заглянуть в древнегреческую мифологию, то мы находим имя Эрик уже там. Эрик был сыном Бута-аргонавта и Афродиты. Согласно мифу, Бут, привлеченный пением сирен, бросился с корабля «Арго» в море, но был спасен Афродитой и перенесен на Сицилию. Позднее он погиб от руки Геракла. Какими-то своими путями имя этого героя проникло в Скандинавию, вошло в королевские именованные, стало почитаться как имя святого заступника Швеции. Но по своему происхождению оно является более древним, доскандинавским именем.

Примером того, как с верой в постулат Байера о княжеских именах, от «нормандского языка испорченных», по-прежнему пытаются анализировать имена первых князей Рюриковичей, является монография А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского «Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.» (М., 2006). Любопытно, что ее авторы стоят на высоте современных теоретических знаний по вопросам антропонимики, в рамках которых и понимают значение имени для правящего рода: *«Выбор имени... был важной частью династической стратегии, он подчинялся целой системе правил (...) Наречение именем было одной из важнейших составляющих культа рода... Чтобы стать полноправным членом рода... княжич должен был получить родовое, династическое имя... Воспроизведение имени предка исходно было связано с верой в «реинкарнацию»»¹.*

Но все эти принципы именованных традиций у древнерусских князей обнаруживаются авторами монографии только... с XI века. На каких же принципах функционировал и развивался антропонимикон Рюриковичей до этого периода? Ведь это почти 200 лет! Вразумительного ответа на этот вопрос мы в монографии не найдем, поскольку авторы пытаются на него ответить с позиций привычной схоластики: во главу угла ставится этническое происхождение княжеских имен. Они, разумеется, «были изначально германскими (скандинавскими)», а анализ перемещается в абстрактный мир грам-

---

¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 7—33.

матических компонентов, где оперировать спокойнее, учитывая, что Рюрик у этих авторов традиционно «безроден».

Однако сами же авторы признают, что таким образом сложно объяснить, как в гомогенно «германский» именослов Рюриковичей попали несколько позднее славянские имена Святослав, Ярослав и другие: *«Мы не можем сказать ничего определенного о том, каким образом эти имена впервые попадали в княжеский обиход»*¹.

Но одно им понятно, что для «скандинавского рода, каким были первые поколения Рюриковичей, адаптация славянских имен не могла не представлять немалых сложностей. Эти имена не были для них родовыми, и только насущная необходимость жить и править в новых условиях, сопровождающаяся неизбежной «славянизацией» рода, могла привести к столь кардинальной смене типа родовых имен». Полагаю, что у Рюриковичей, как и у всякой правящей династии, было действительно немало трудностей, но наименьшей из них была проблема с родовыми именами, поскольку механизмы регулировки родовых именословов были отработаны с древности. И совершенно очевидно, что эти механизмы невозможно анализировать через призму этнического догмата, поскольку он является чужеродным для понимания функционирования системы междинастийных связей.

Я не рассматриваю здесь имена Рюрика, Синеуса и Трувора, а также имена Олега, Игоря и Ольги, поскольку вопрос об этих именах требует отдельной статьи. Однако вышеприведенные примеры поручкой в том, что введение этих имен в древнерусский княжеский именослов осуществлялось на основе традиций, общепринятых при интронизации правителей. Так, интересно обратить внимание на то, что имя Рюрика и Трувора пишутся одинаково как в летописях, так и в западных источниках. А имя Синеус известно только в летописях; в западных же источниках имя третьего брата, на что указывает историк Всеволод Меркулов, пишется как Сивар (Sievert, Sywardt).

---

¹ Там же. С. 43.

О чем это говорит? О том, что имена Рюрик и Трувор явно не противоречили именованной традиции ильменских словен и других участников «призвания», а имя Сивар (так же, как в случае с Яковом-Анундом или с Богуславом-Эриком) потребовалось изменить — третий брат получил имя Синеус. Интересно было бы провести анализ этого имени исходя из восточноевропейских сакральных традиций и в ряду с такими именами, как Черноус, Белоус. Сделать это необходимо, чтобы избавить историческую науку от нелепостей вроде «синехюсов» и примеров лингвистической умозрительности, с помощью которой Синеус без труда превращается в Signjótr (Куник, а в наше время — Мельникова, Пчелов и др.).

Как было показано выше, лингвистические «доказательства» в данном случае недействительны. То же касается и имени Трувора, силою лингвистического препарирования превращаемого в Þórvar[ð]r, что по имеющимся толкованиям означает «страж Тора» (Мельникова, Пчелов).

Однако никакой «страж Тора» не смог бы утвердиться на престоле правителя в союзе ильменских словен, кривичей, чуди и др. — его ожидала бы та же самая судьба, что и конунга Якова у свеев, которые заявили ему, что в личной жизни он может называть себя как ему вздумается, а в роли правителя должен носить имя, соответствующее традиционному именованному. Так что имя Трувора никакого отношения к Тору не имеет и несет в себе какую-то иную именованную традицию.

Часть 3

О ВИКИНГАХ, С РОГАМИ И БЕЗ РОГОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЬВА ИЗ ПИРЕЯ, или ФАНТАЗИЯ НА КАМНЕ

Факт довольно позднего образования (не ранее XI—XII вв.) прибрежной полосы Руден — Рослаген как физико-географического объекта делает бессмысленными лингвистические усилия норманнистов использовать эти топонимы для производства некоего «походного названия» выходцев из этой местности, которое уже якобы в IX в. могло превратиться в имя Руси. Однако представляется интересным подвергнуть рассмотрению тот «филологический» метод, которым норманнисты пользуются в обоснование своей концепции происхождения имени Руси. Вот один из примеров.

Он касается толкования рунических надписей, обнаруженных на мраморной скульптуре льва, установленной когда-то в порту Пирей в Афинах. В 1687 году венецианцы одержали победу над турками, под властью которых в то время находилась Греция, и скульптура льва среди других военных трофеев перекочевала в Венецию. В конце XVIII века шведский дипломат Окерبلاد обнаружил на скульптуре рунические надписи, правда, не очень четкие и поврежденные. В 1890 г. была заказана гипсовая копия льва, которая была доставлена в Стокгольм и до сих пор находится в Историческом музее столицы Швеции.

В 1913 году эти надписи были исследованы шведским филологом Эриком Брате. По его мнению, надпись содержала в том числе и следующее: «...Эскиль [*a также др. и То*] рлев — жители Рудрсланда, дали их выбить. NN. сын NN. их выбил» (...*De Åskil [m. fl. Och To] rlev läto hugga väl, som i Rodrsland bodde. NN. son till NN. högg dessa runor*)».

Fig. 100. Lion sculpture, detail.

Но в 70—80-е годы, когда в шведской историографии возобладали тенденции к демифологизации своей истории, другой крупный знаток рунного наследия, профессор uppsальского университета Свен Б.Ф. Янссон, раскритиковал как толкование Брате, так и все толкования его предшественников, признав их фантазиями.

Статья Янссона «Руны Пирейского льва» очень интересна, поэтому считаю нужным привести здесь несколько фрагментов из нее: *«В Венеции, перед входом в Арсенал заняли свои места четыре мраморных льва. Самый роскошный из них — лев из Пирея. Его поместили слева от великолепного входа. Он сидит там, как почтенный заслуженный страж, если, разумеется, можно представить себе сидящего стража. По другую сторону от входа возлежит другой лев, большой, настороженный. Ничего удивительного в том, что эти мраморные львы произвели сильное впечатление на Гете, который после поездки в Венецию в 1790 г. прославил их в своей «Venezianische Epigramme».*

...Гете написал свою эпиграмму, однако не поведал о том, что на сидящем и самом большом льве имелись руны. Никто другой также не заметил их. Откроют рунные надписи только лет через десять после того, как Гете побывал у Арсенала. Но прежде чем обратиться собственно к вопросу о том, как были обнаружены руны, хочу сказать несколько слов о том, как этот нынче столь прославленный лев из Пирея оказался на почетном месте перед венецианским Арсеналом.

Пирейский лев несет свой почетный караул как победный трофей. Вместе с двумя другими мраморными львами он был перевезен сюда в качестве военного трофея в 1688 г. после того, как Венецианская республика одержала победу над турками, во власти которых в течение длительного периода находилась Греция. Главнокомандующим венецианским флотом был знаменитый генерал Франческо Моросини, а главнокомандующим венецианской армией был не менее знаменитый Отто Вильгельм Кенигсмарк. Этот шведский фельдмаршал прибыл в Венецию весной 1686 г. и принял командование над войсками. В сентябре 1687 г. Кенигсмарк занял Афины, и на следующий год Пирейский лев

вместе с другими мраморными львами был морем переправлен в Венецию...

Полагаю, стоит сообщить несколько интересных фактов относительно нашего роскошного мраморного льва, касающихся того времени, когда он еще находился в Афинах, т.е. до увоза его венецианцами в качестве военного трофея (выделено мной. — А.Г.).

Изображение Пирейского льва присутствует на карте афинского порта от 1665 г. Карта была сделана по приказу французского правительства, которое в военных целях занималось обследованием средиземноморских портов, находившихся в руках турок. На карте порта... можно видеть этого льва, сидящего у портовой пристани...

Другой источник, причем источник литературного характера, рассказывает нам следующее. Фельдмаршал Кенигсмарк, как я говорил выше, был командующим венецианской армией. Его супруга, на наше счастье, могу я добавить, сопровождала его в походе против турок. У графини Кенигсмарк была компаньонка, образованная, всячески одаренная и, главное, очень общительная особа по имени Анна Океръельм, и собственно в ней и заключается все счастье, поскольку она вела в поездке дневник, а кроме того она писала письма.

В своем дневнике от 6 сентября 1687 г., т.е. за пару недель до того, как венецианский флот под командованием Моросини атаковал Пирей, Анна Океръельм записала, что их корабль по случаю сильного шторма вынужден был «в 2 часа пополудни бросить якорь у порта Порто-Лионе (так называли порт Пирей французы. — А.Г.). Немного погодя шторм утих, и Ее Милость Графиня приказали спустить лодку и отвести ее в гавань для того, чтобы осмотреть гигантского льва... Мы вышли на берег и стали осматривать льва, который был сделан из мрамора и имел в высоту 4½ локтя; передняя лапа была толщиной в 7 кварт... После осмотра мы вернулись на корабль».

Есть еще одно описание порта Пирей до увоза оттуда льва (выделено мной. — А.Г.), которое я хотел бы привести. Оно принадлежит врачу и исследователю древней истории Якопу Спону, который еще в 1676 г. посетил Афины. Он

также записал, что греки называют Пирей «Порто — Драко», а французы — «Порто Лионе» из-за прекрасной мраморной скульптуры льва, высотой 10 футов и в три раза превосходившей размерами живого льва. Этот лев сидит у портовой пристани; к его туловищу подведен водный желоб, который идет до головной части и выходит изо рта, из чего можно заключить, что скульптура льва являлась фонтаном.

Обращает на себя внимание тот факт, что никто из названных путешественников не заметили на его теле каких-либо рун, включая и наблюдательную Анну Океръельм, которая даже измеряла и самого льва, и его переднюю лапу. Даже после того, как лев из Пирея был перевезен в Венецию (1688 г.), прошло много времени, конкретно, сто десять лет, пока обнаружилось, что на льве были начертаны руны.

Это удивительное открытие было сделано блестящим востоковедом и дипломатом Юханом Д. Окербладом. В 1800 году он отправил небольшую заметку в датский журнал «Скандинавский музей», в которой рассказывает о своем открытии. Заметка называется «О скульптуре сидящего льва в Венеции».

В начале заметки Окерблад пишет: «Если представить, что эта мраморная скульптура уже в течение более ста лет осматривалась, исследовалась, описывалась самыми замечательными путешественниками и, соответственно, в течение более ста лет была доступна для всеобщего обозрения в одном из самых блистательных городов Европы, который ежедневно посещался массами приезжих из разных стран, то следует думать, что эта скульптура была изучена самым основательным образом. Поэтому диву даешься, что на одном из этих львов, сидящем справа от входа в Арсенал, только сейчас обнаруживаются два ряда рунных надписей. Очень странно, что эти рунные надписи оказались незамеченными даже нашими скандинавскими путешественниками. Конечно, руны частично попорчены, но внешний ряд, окружающий их, особенно его правая часть, проступает отчетливо, витой орнамент хорошо виден даже на расстоянии, и те, кто хоть раз видел руны, не могут их не заметить или принять за что-либо дру-

гое...». Окерبلاد опубликовал свою заметку во французском «Magasin encyclopedique» (1804) под названием «Sur deux Inscriptions en caracteres runiques trouvees a Venise» ...и немедленно началось обсуждение этих надписей.

Исследователь древней истории М.Ф. Арендт... отправился в Венецию. Через несколько недель он вернулся в Париж... «Да, — сказал он, — это, безусловно, скандинавские руны, но они настолько стерты, что вряд ли кто-либо будет в состоянии их прочесть».

Первым, кто попытался расшифровать надписи на Пирейском льве, был прилежный датский рунолог С.С. Равн. В своем объемном труде «Antiquites de l'Orient» (1856) он предложил примерно следующий перевод: «Хакон взял этот порт вместе с Ульвом и Асмундом и Эрном. Эти мужи и Харальд Высокий наложили на жителей страны значительный денежный штраф из-за того, что греки подняли мятеж. Дальк был вынужден оставаться в дальней стороне. Эгиль вместе с Рагнаром был в походах в Румынии и в Армении. Асмунд вырезал эти руны вместе с Асгейром и Торлейфом, с Тордом и Иваром по требованию Харальда Высокого, несмотря на то, что греки раскрыли (смысл и запретили это)».

...Толкование Равна просуществовало в науке пару десятилетий, затем было признано, что оно «явилось плодом воображения, а не отражением действительности». Этот приговор был произнесен знаменитым норвежским руноведом Софусом Бюгге... «Судя по виду надписей, они без всякого сомнения, выполнены скандинавскими рунами, но сами надписи до того стерты, что их невозможно прочесть целиком. Кажется, одно (возможно, два) слова читабельны... Совершенное подобие того змеиного витка, который мы видим на правом боку льва, было найдено только в Свеяланд, точнее, в регионе озера Мэларен, в Упланд... На основе этого я могу высказать то мнение, что тело змея, а вместе с ним и сами руны были вырезаны выходцем из Свеяланд, скорее всего, из Упланд...».

Бюгге датировал надписи «около середины XII в. или несколько позднее» и предположил, что создатель рун «был из среды вэрингов».

...Еще одним исследователем, вступившем в борьбу с этим львом, был Эрик Брате, преподаватель Седермальмского высшего училища в Стокгольме. Он завоевал известность как исследователь рун и работал по изданию монументального труда «Рунные надписи Швеции», созданного под эгидой Академии литературы, истории, языка (Vitterhetsakademien. — Л.Г.). В журнале «Antikvarisk Tidskrift för Sverige» (1914), издаваемом этой академией, Брате опубликовал подробный рассказ о том, как он в течение трех дней в июле 1913 г. исследовал надписи. Рассказ получил название «Рунная надпись на Пирейском льве». Брате истолковал рунные надписи следующим образом:

*Höggo de honom
i härskarans mitt,
men i denna hamn höggo männen runor efter Horse, en bonde
god, vid viken. Anbragde svear detta på lejonet. Han förfor
med klokhet, guld vann han på sin färd.*

*Kämpar ristade runor
(på rikt sirad slinga) höggo.
De Åskil ... läto hugga väl, som i Rodrsland bodde ... son
till ... högg dessa runor. Ulv och ... målade ... [Guld]
vann han på sin färd.*

*Нанесли ему удар
Посреди его войска,
и выбили его люди руны в этой гавани
в память Хорсе, доброго
мужа, на берегу залива. Нанесли их свеи на льве.
Он отличался умом, золото снискал он
в своем путешествии.*

*Воины высекали руны
[на изукрашенном змеином теле] высекали.
Эскиль... велели высечь хорошо, они жили в Родрсланд...
сын... высек эти руны. Ульв и... нарисовали... [Золото]
снискал он в своем путешествии (перевод мой. — Л.Г.)*

Согласно мнению Брате, длинная надпись на Пирейском льве была сделана в память предводителя «Horse»... Брате считал, что этого «Horse» можно было идентифицировать

с одним человеком, который упоминался на рунном камне, установленном неподалеку от Улюнды в приходе Тиллинге в Упланд. Вообще говоря, на этом рунном камне было высечено не *Horse*, а *muṛsa*... но Брате считал, что, возможно, надпись на этом упландском камне была сделана Балле, который, вероятно, жил и работал в 70-е годы XI в., поэтому, по мнению Брате, и надпись на Пирейском льве могла относиться к этому же времени.

Эту очень захватывающую идентификацию и датировку можно с чистой совестью отвергнуть... Я остановился так подробно на описании фантастического толкования Брате только потому, что оно получило в свое время оценку как «окончательное» и как «завершающее», и сыграло определенную роль в развитии исторических исследований. Вот что, например, писал Свен Тунберг (ведущий шведский историк довоенного периода. — Л.Г.) в статье «К вопросу о древнейшем периоде истории Свеярике» (Förfvännep, 1920): «После недавно проведенного Брате тонкого исследования мы можем, в общем и целом, оставить все сомнения относительно характера надписей. Это были свеи, которые высекли слова в память своего погибшего товарища, и они сами называли имя своего дома: *Roprslantī*. Мы видим здесь это имя, которое ранний период было подлинным именем Родена и которое более четко, чем сокращенная форма Роден, говорит об истинном значении этой шведской береговой полосы». Аналогичное высказывание есть и в его труде «История Швеции вплоть до наших дней» II, 1926, s.21. Хочу сразу же отметить, что едва различимые рунные знаки не дают никакой возможности реконструировать топоним *Roprslantī* / *Roslagen* (выделено мной. — Л.Г.).

Поэтический «перевод» рунных надписей Брате получил большое распространение, в частности, благодаря тому, что он был опубликован в энциклопедии «*Nordisk familjebok*» (1915), без какой-либо критической проверки. Произошло это потому, что данную статью сам Брате и написал...

Пирейский лев оставил свой след даже в нашей литературе. Хейденстам в рассказе «Гвардия греческих конунгов» ярко живописует, как эти рунные надписи появились. Его рассказ вошел в сборник «Шведы и их правители». А в кни-

ге Франса Г. Бенгтссона «Жребий брошен» был даже опубликован сонет «Рунный лев в Венеции»...

Что до меня самого, то мои исследования этих надписей дали очень скудный результат. Без особых трудностей я мог отметить типично извивавшегося дракона с характерной вытянутой головой. В самой рунной надписи достаточно четко было видно личное местоимение *fair*, т.е. «они». Кроме этого, можно выделить слово *trikir, drængiar*, которое означает «молодые люди» или «борцы». Далее следуют менее поврежденные руны... *fi þisi*, которые, кажется, могут быть восстановлены как «этот порт». За ними следуют несколько рун, из которых невозможно составить целые слова, по крайней мере, простым смертным вроде меня, не обладающим фантазией...

Очень жаль, что лев с рунами попал в руки исследователей, наделенных пылким воображением, но лишенных критического подхода, таких как С.С. Равн... и в последнем примере даже Э. Брате»¹.

Пирейский лев, как видно из приведенной статьи, на протяжении более сотни лет играл роль важного исторического источника, с помощью которого пытались подкрепить идею об особой роли Рослагена в шведской истории. В этой роли он, естественно, не был обойден вниманием и российской скандинавистикой.

В настоящее время рунные надписи на пирейском льве рассматривались подробно в монографии Е.А. Мельниковой «Скандинавские рунические надписи»². Эта монография — новое издание ее более ранней работы. Мотивировка нового издания была определена автором следующим образом: «За прошедшие двадцать лет после издания в своде Древнейшие источники по истории народов СССР скандинавских рунических надписей, содержащих сведения о Восточной Европе, а также найденных к тому времени на территории Древней Руси (СРН), произошли кардинальные изменения (выделено мной. — А.Г.), вызвавшие необходимость в новой публикации.

---

¹ Jansson Sven B.F. Pireuslejonets runor // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industry. 1984. S. 21—32.

² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарии. М., 2001.

Здесь же во «Введении» Мельникова кратко характеризует представленные в ее работе рунические источники, в том числе и рунические надписи на пирейском льве: *«В Приложении к главе III помещены три известные на настоящее время надписи, найденные на территории Византии: два граффити из собора св. Софии в Стамбуле (Константинополе) и три пространные надписи, выполненные на мраморной скульптуре сидящего льва, вывезенной из Пирейской гавани в Венецию. Поскольку путь в Византию лежал в XI в. почти исключительно через Восточную Европу и византийские варанги, проходя через Русь, нередко задерживались на службе русских князей (как, например, Харальд Сигурдарсон), представляется, что эти надписи существенно дополняют картину»¹.*

Как явствует из этой цитаты, вернее, из сравнения ее с вышеприведенной статьей С. Янссона, интерпретация надписей на пирейском льве в работе Мельниковой застыла на хронологической отметке XIX — начала XX вв., и никакие кардинальные изменения ее не коснулись. Вопрос о

---

¹ Там же. С. 5.

пути «варангов» через Русь, разрабатываемый норманнистами, в частности, в статьях Мельниковой и Петрухина, был рассмотрен, в частности, в моей статье «Варяги в истории и историографии». Здесь же считаю необходимым привести те отрывки из названной монографии Мельниковой, которые касаются непосредственно Рослагена и попыток, невзирая ни на что, укреплять в отечественной науке идею о «великом» прошлом этой, в административном отношении сложившейся только к концу XIII в., береговой полосы.

Вот что в этой связи и в связи с рунными надписями на пирейском льве можно прочесть в монографии Мельниковой: *«Находки младшерунических надписей в тех регионах Европы, куда скандинавы попадали более или менее регулярно, отмечались уже с середины XIX в... Еще в конце XVIII в. была обнаружена и первая надпись, сделанная скандинавами в Византии: на мраморном льве, вывезенном венецианцами из Пирея, было выявлено несколько рунических надписей, которые уже в то время были сильно повреждены и местами не читались... Надписи на пирейском льве... представляют собой уникальное явление (крайне необычен предмет, на котором они были сделаны, изысканна орнаментика: сложное переплетение змея, образующее несколько петель... Происхождение византийских надписей легко объяснимо: с конца X в. в Константинополе формируется корпус «варангов» (др.-русск. варягъ: Мельникова, Петрухин 1994...), часть которого составляет императорскую гвардию («дворцовые варанги»), часть же — наибольшая — входит отдельными отрядами в полевую армию («полевые варанги»)...* Надписи в Византии, особенно, на пирейском льве, дают важные свидетельства участия шведов в отрядах «варангов». В многочисленных упоминаниях о службе скандинавов в Византии в сагах речь идет исключительно об исландцах и норвежцах...

В 1687 г. во время войны с турками венецианский главнокомандующий Франческо Моросини вывез из Греции две скульптуры львов из белого мрамора, которые украшали ворота (Porto Leone) в Пирее, гавани Афин. Аьвы были помещены в Арсенале в Венеции и ныне находятся по обе стороны входа в здание Морского музея. Впервые наличие рунических надписей на туловище одного из львов было отмечено

шведским дипломатом Й.Д. Окербладом, находившимся в Венеции в 1797—1799 гг. и опубликовавшим сообщение о своей находке в 1800, снабдив его зарисовками, и — для зарубежного читателя — в 1804 г... позднее публикация Й.Д. Окерבלада была повторена датским антикваром К. Равном... специально занимавшимся связями Восточной Европы со Скандинавией и ранее опубликовавшим свод фрагментов скандинавских источников по истории Руси... Одновременно на основе рисунков Й.О. Окерבלада, а также гипсовых отливок, сделанных в 1843 г., и собственных наблюдений во время поездки в Венецию в 1854 г., он предпринял первую попытку чтения и интерпретации надписи...

Следующий этап в изучении надписей на пирейском льве начался после того, как в 1885—1886 годах по поручению Kgl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien в Стокгольме датский чертежник — архитектор Й.Ф. Хансен (J.F. Hansen) выполнил их прориси и сделал фотографии, которые дали возможность скандинавским рунологам обстоятельно исследовать памятник и предположить несколько возможных чтений... В июле 1913 г. выдающийся шведский рунолог Э. Брате, находясь в Венеции, исследовал памятник и сделал подробное описание рун, на основании которого предложил свое прочтение текстов. Его работа является и поныне основным и наиболее надежным источником сведений о памятнике (выделено мной. — Л.Г.).

Уже Й.Д. Окерблад отмечал плохую сохранность надписей. При подготовке прорисей Й.Ф. Хансен указал на то, что многие части надписей, зарисованные Й.Д. Окербладом, не читаются. Дальнейшее ухудшение состояния памятника отметил и Э. Брате. Он полностью согласился с И. Ундсетом, что полноценное чтение текста невозможно. Сохранились отдельные группы рун, которые образуют слова или несколько слов подряд, иногда же просматриваются лишь отдельные руны. Поэтому чтение надписей в значительной степени является реконструкцией.

В 1994 г. я имела возможность обстоятельно познакомиться с памятником и предполагала сделать новые прориси и фотографии. Однако состояние надписей сильно ухудшилось за прошедшие 70 лет, и качественные эстам-

нажи или фотографии сделать не удалось... Единственно возможным оказалось сделать лишь пометки к прорисям, опубликованным Э. Брате...

Надпись I-A выполнена на спускающемся на левую ногу льва и поднимающемся снова вверх туловище рунического змея. Голова змея с заостренным носом и круглыми глазами по бокам... завершала левую часть полосы и была изображена сверху...

Надпись I — A выполнена сочетанием полно- и коротковетвистых рун...

Перевод Э. Брате: «Höggo de honom i härskarans mitt, men i denna hamn höggo männen ginor efter Horse, en bonde god, vid viken».

Перевод на русский язык: «Сразили [ударом] его среди войска, а в этой гавани люди/мужи высекли руны по Хорси, доброму мужу, в заливе».

Надпись I-B ...начинается примерно в 10 см выше хвоста змея и спускается по туловищу льва... Руны 4-7... образуют слово *sviag* «свеи». *Pita* (руны 8—11) может быть прочитано как указательное местоимение среднего рода *þetta* «это». Руны 12—15 *lini* интерпретированы Э. Брате как др.-исл. *leop, leion* «лев», в данном случае в форме дат. п. ед. ч. женск. р... Вероятно, руна *a* (11) одновременно является и окончанием местоимения *þetta*, и предлогом *á*, вводящим обстоятельство места в дат. п., т.е. слово *lini*.

...текст B может быть прочитан: *Réði sviar þetta á leóni [...]* *Fór ráðim, gull vann farinn*.

Перевод Э. Брате: «Anbragte svear detta på lejonet... Han förfor med klokhet, guld vann han på sin färd».

Перевод на русский язык: «Поместили свеи это (надпись. — Е.М.) на льве... [Он] действовал с умом, золото завоевал, поехав (т.е. в своей поездке. — Е.М.)».

Надпись II (A и B, по обозначению Э. Брате) находится на правой стороне скульптуры, на плече и частично груди льва. Она выполнена на туловище рунического змея, образывающей фигуру в форме S, положенной набок и пересекаемой в середине продолжением полосы. Туловище змея в нескольких местах оплетено дополнительными узкими лентами. Композиция рисунка характерна для среднешведско-

го рунического стиля, но несколько отличается от обычных решений свеяландских мастеров...

Надпись выполнена сочетанием коротко- и полновестивых рун... Последний из читаемых знаков — 32 — сильно поврежден и имеет один карман в нижней части ствола, что позволило Э. Брате прочитать его как *b*. Таким образом, эта группа знаков прочитывается как *roþrs x lanti x b*.

В этой фразе наиболее выделяется слово *landi*, дат. п. ед. ч. от *land* «земля, страна», которое широкоупотребительно в качестве географического термина в хоронимах — названиях стран и земель — *Grikkland, England*... Поэтому представляется справедливым мнение Э. Брате, что группу [?] *roþrs x lanti* следует интерпретировать как хороним *Roprsland с предлогом *á* или *i*... учитывая шведское, а точнее, среднешведское происхождение надписи (о чем с непреклонностью свидетельствует орнаментика), ближайшей аналогией хоронима является название прибрежной области Упланда, которая в современном языке носит наименование *Roslagen*. Этот топоним многократно встречается в шведских источниках XIV в., в судебныхниках и грамотах...

Топоним восходит к др.-исл. *ródr* (**roþra-*), др.-шв. *roþer* «гребля» (ср. др.-исл. *goa* «грести, плыть на гребном судне»), откуда «поход на гребных судах», а также, видимо, «отряд, участвующий в походе на гребных судах» (именно это слово считается большинством исследователей исходным для зап.-финск. *ruotsi* > русь: Константин. С. 296 — 300). В этом последнем значении слово засвидетельствовано в рунической надписи первой половины XI в. из *Nibble*, Упланд (Ур. 16): *han. uas. buta. bastr. i ruþi. hakunar* «Он был лучшим из бондов / мужей в походе / отряде Хакона». В другой упландской надписи, из *Adelsö* (Ур. 11) назван некто *tolir. bryti. i roþ* «Толир, брюти (должностное лицо конунга. — Е.М.) в походе / в войске», в обязанность которого, как считает О.Ф. Фрисен, входил сбор команды и оснащение корабля (*Friesen* 1913. S. 58). Использование слова *ródr* в качестве топоосновы связано с административным делением Средней Швеции, и в первую очередь, прибрежных областей на «корабельные округа» (*skepslag*), каждый из которых должен был поставлять снаряженный корабль с командой в войско, собираемое по приказу конунга (ледунг)...

Следующее за топонимом *Róðrsland слово начинается, согласно чтению Э. Брате, руной *b*, которая, по его мнению, может открывать глагол *búa* «жить, обитать» в форме претерита 3 л. мн. ч. *bjoggi*... Фраза тогда определяет заказчика надписи (и погибшего?) как жителей области *Róðrsland.

... Часть надписи на отдельных фрагментах полос — II-B — читается Э. Брате как единая надпись...

Таким образом, надпись II читается: *þeir Isk- [...] -rleifr letu hoggva vel [...] Róþrs landi b- [...] -a sonr k- (-a suirk-) ru- [...] -ar þessar // ufisuk- ... s?sa? ... // vann farinn.*

Перевод Э. Брате: «De Äskil (m.fl. och [To])rlev läto hugga väl, som i Rodrsland (Roslagen, sjökusten) bodde. N.N., son till N.N., högg dessa runor. Ulv och N.N. målade [efter Horse (?). Guld] vann han på sin färd».

Перевод на русский язык: «Они, *isk-* [ряд личных имен и] *-rleifr* велели высечь хорошо [... в] Родрсланде [...] сын (?) [...] эти руны (?) // *ufisuk-* [...] *s?sa?* [...] завоевал, поехав (в поездке)».

Все четыре надписи, нанесенные на скульптуру льва, бесспорно, принадлежат шведской рунографической традиции XI в.: об этом свидетельствует характерная орнамента надписей I-A и II, упоминание свеев (*sviár*) в надписи I-B, специфически шведские грамматические формы в надписи I-C, вводные формулы и определения во всех надписях.

Вместе с тем нет оснований полагать, как это делал Э. Брате и его предшественники, что все надписи образуют единый текст и посвящены одному и тому же человеку... Единственно действительно общей для всех надписей особенностью является замена руны *R* руной *r* во всех случаях, что необычно не только для шведских, но и норвежских и датских памятников XI в., поскольку руна *R* регулярно употреблялась в окончаниях различных грамматических форм на протяжении всего XI в. Эта специфика надписей требует своего объяснения, которое пока отсутствует...

Представляется, что на льве было сделано три разных надписи в разное время и разными людьми. Первое граффито составляют надписи I-A и I-B, выполненные в первой половине XI в., второе — надпись I-C, время написания кото-

рой не установимо, кроме самой широкой датировки XI в., третья — надпись II, которая была сделана в последней четверти XI — начале XII в. Видимо, какая-то группа варангов, вернувшись в Пирей из морского похода, сделала мемориальную надпись по своему погибшему, вероятнее всего, во время этого похода сотоварищу (или предводителю).

Не случайно в надписи упоминается гавань (*i hafn*) и залив (*á vá[gl]*), в которой она находится. Необычный выбор предмета, на котором была нанесена мемориальная надпись, мог диктоваться как отсутствием подходящего материала для стелы и времени для ее обработки, так и выгодным расположением скульптуры — на воротах Пирейской гавани, где надпись могла быть увидена и прочитана многими приезжающими сюда скандинавами — главное условие при выборе места для памятника. Удачное расположение надписи, видимо, побудило и других «варангов» оставить свои мемориальные надписи на льве... Возможно, дальнейшее изучение и сопоставление этой надписи с восточноуэландскими позволит хотя бы предположительно установить резчика надписи II. При этом он должен был находиться в Пирее достаточно долго, чтобы иметь возможность выполнить крайне сложный по композиции рисунок и нанести просторную надпись...

Установление разновременности надписей кардинально меняет представления и об атрибуции мемориальных текстов. Э. Брате полагал, что все они выполнены в память о погибшем в бою... некоем Хорси... В издании надписи Söd. 792 Э. Вессен и С.Б.Ф. Янссон подробно остановились на предположении Э. Брате и полностью отвергли его, указывая на крайне плохую сохранность рун 53—58 (по наблюдениям С.Б.Ф. Янссона в 1948 г.) и невозможность поэтому определения имени человека, в память которого сделана надпись»¹.

Мне представилось, что подробные цитаты из раздела монографии Мельниковой, посвященного рунным надписям на пирейском льве, были здесь необходимы, поскольку и рассмотрение материала в ее разделе, и выводы, которые Мельникова делает на его основе, вызывают много недоуменных вопросов.

¹ Там же. С. 257—272.

Первое, на что я обратила внимание, это то, что статья С.Б.Ф. Янссона «Pireuslejonets runor», специально посвященная рунным надписям на пирейском льве, отрывки из которой я привела выше, в монографии Мельниковой отсутствует: статья не упоминается ни в приложении, ни в библиографии. При этом любопытно, что другие работы проф. Янссона в монографии, разумеется, названы, что естественно, поскольку он был крупнейшим специалистом в области рунологии. Последней в перечне его публикаций Мельникова называет работу за 1987 г. («Runes in Sweden»), а перед ней стоит работа «The Runes of Sweden» от 1962 г. Со ссылкой на названные работы Янссона приводятся его возражения против попытки Брате полагать, что все надписи образуют один текст и посвящены одному человеку, что является, безусловно, важной частью аргументации Янссона против «захватской» реконструкции Брате, но не отражает ее полностью. Статья «Pireuslejonets runor» достаточно хорошо известна среди специалистов, чтобы пропуск ее в новом издании монографии Мельниковой о скандинавских рунических надписях в главе, посвященной надписям на пирейском льве, мог не вызвать недоумения.

Правда, если статью Янссона о пирейском льве изъять из научного оборота, то фантазийную «реконструкцию» Эрика Брате от 1914 г. с общим посылом «мы из Рослагена», давно сданную шведскими учеными в архив, свободно можно выдавать за последнее слово шведской рунологии, что Мельникова и делает. Но в таком случае, подобное «селектирование» явно выходит за рамки объективного научного анализа. Причем прибегают к нему явно во спасение норманистской концепции о пресловутой особой роли прибрежной области Упланда и для того, чтобы очень поздно возникшему названию Roslagen придать вид «под старину» и изобразить его как Rofslagen, откуда можно уже свободно выводить «участников похода на гребных судах», выдавать их за исходный материал для зап.-финск. guotsi и соответственно, за тех, кто путешествовал через Восточную Европу прямо до Византии и т.д.

Спасти эту концепцию невозможно, поскольку как было показано выше, прибрежная полоса Средней Шве-

ции, первичное название которой было Roden, а Roslagen — вторичное, в XI веке находилась в процессе образования, и это — геофизика, которую филологическим методом не проймешь. Только к концу XIII в., как показывает королевский указ 1296 г., ее природные условия стали пригодны для проживания населения, количество которого стало интересно для включения Северного Рудена в систему административного деления Упланд, поэтому думать, что какие-то «жители области *Roprsland» могли уже с конца X в. составлять как отряды императорской гвардии, так и отряды полевой армии в Византии, значит буквально отрываться от земли.

Основное население Упланд в этот период было сосредоточено в ее внутренних районах, как явствует из работ современных шведских исследователей (возможно, я смогу их представить в других моих постингах), а прибрежная зона была практически безлюдна. Да и само название *Roprsland было неизвестно: наименование побережья Упланд не оформлялось словом land, как это было с названиями более старинных внутренних областей, что лишний раз подтверждает, что побережье Roden / Roslagen не выступало изначально самостоятельной областью, а прирастало постепенно как часть внутренних регионов Упланд.

Но оставим на время лингвистические хлопоты вокруг названия упландского побережья и демонстрацию бесплодных попыток выжать из него то, что оно никогда не содержало. Обратим вместо этого внимание на сугубо историческую часть статьи Янссона и на описанную в ней предысторию злополучного пирейского льва, вернее, предысторию обнаружения на нем рунных надписей. Предыстория эта рассказывает о том, что в бытность этого мраморного красавца-льва в Афинах никаких рунных надписей на нем никто не замечал, хотя среди обозревавших его в Пирейской гавани были как представители западноевропейского ученого мира (эллинист Якоб Спон в 1676 г.), так и представители образованных кругов шведского общества (графиня Кенигсмарк и ее компаньонка Анна Океръельм в 1687 г.). Далее переехав из Пирея в Венецию лев и там просидел более ста лет, привлекая восхищенные взгляды многих путешест-

венников, включая и наблюдательного Гете, но никто из них не заметил высеченных надписей на скульптуре.

«Просто диву даешься», — заметил обнаруживший эти надписи шведский дипломат Окерблад. И нельзя с ним в этом не согласиться. Ведь интерес к рунным надписям в XVII—XVIII вв. был очень высок как в Западной Европе вообще, так и в странах Скандинавского полуострова в особенности. Внимание к рунным надписям в этих странах пробудилось еще в XVI в., в произведениях первых представителей готицизма. Много сделал для развития исследований шведских рун неоднократно упоминаемый мною шведский языковед Юхан Буре. В 1599 г. он получил официальное задание отыскивать и срисовывать рунные надписи. Интерес к рунам в Швеции подогревался соперничеством с Данией. Известны споры Юхана Буре и датского ученого Уле Ворма о датском или шведском происхождении рун.

На протяжении всего XVII века, на фоне завоевательных войн Швеции, изучение шведских древностей, в том числе и рунных надписей, активно поддерживалось государством и переживало небывалый подъем. В 1685 г. Юхан Перингшельд был отправлен в поездку за рубеж с целью отыскания в разных странах так называемых «готических памятников» («götiska monument»), т.е. памятников материальной культуры, которые подтверждали бы великое прошлое готшведских предков. В 1699 г. он опубликовал тексты, скопированные с 50 рунных камней. Среди них были и такие, в которых упоминались и поездки на Русь (Humlagardi), а также в Грецию и в Святую Землю. Перингшельд был одним из первых, кто стал использовать эти упоминания для утверждения шведского происхождения византийских варангов. Толкования Перингшельдом рунных надписей характеризуются сейчас как «смелые», т.е. проще говоря, — вымышленные, но они показывают, что фантазийные толкования рунных надписей еще с конца XVII в. привлекались в том числе и «как важные свидетельства участия шведов в отрядах «варангов»», поэтому Эрик Брате шел уже хорошо протоптанной тропой.

Интерес к рунным камням охватил в XVII в. и другие западноевропейские страны. В 1687 г. шведский король Карл

XI отправил два рунных камня в Англию, по просьбе короля Англии. Изучение рунных надписей стимулировалось и продолжающейся публикацией исландских саг с увлекательными рассказами о путешествиях выходцев из скандинавских стран и их поездках в том числе и в Грецию. Во второй половине XVIII в. шведский филолог Юхан Ире опубликовал два труда, посвященных изучению рунных надписей: «*De runarum in Suecia antiquitate*» (1769) и «*De runarum patria et origine*» (1770). В это же время он публиковал работы и по этимологии, в том числе прославивший его шведский этимологический словарь «*Glossarium Suiogothicum*» (1769), в котором дал толкование слову «wäring» как готскому переводу греческого слова «foederati», т.е. «союзники», восходившему, по его подсчетам, еще ко временам императора Константина. Это имя, по утверждению Ире, и приняли выходцы из скандинавских стран, прежде всего шведы, в память о древней «готской» гвардии в Византии¹.

Работы Ю. Ире получили широкое хождение в европейских научных кругах, в частности, они произвели большое впечатление и на Г.Ф. Миллера, выписавшего их в Петербург, и на А.Л. Шлецера, ссылавшегося на Ире в своих работах. Этот небольшой историографический экскурс хорошо показывает, как в шведском обществе постепенно росло убеждение в том, что в великом шведском прошлом была и страница, которую вписали «византийские варанги шведского корня», и что рунные камни должны были хранить об этом неопровержимые свидетельства, — убеждение, которое к концу XVIII в. стало расходиться кругами и в европейских образованных кругах.

На этом фоне вполне естественно предположить, что именно в конце XVIII в. какому-нибудь ревностному приверженцу идеи великого прошлого свеев могла во время визита в Венецию прийти в голову мысль «украсить» рунами венецианскую достопримечательность — мраморного льва у входа в Арсенал: при некоторой сноровке было не так сложно придать орнаментике нужный «среднешведский» вид (копии рисунков с рунных камней публиковались) и «состарить» рунные знаки до нечитабельности — все это вполне

---

¹ Latvakangas A. Riksgrundarna. Turke, 1995. S. 175—178, 311—314.

могло расцениваться как невинное злодейство с благой целью — укрепить в умах просвещенных европейцев то, во что многие и так свято верили. Отсюда и те несообразности, о которых говорит Е.А. Мельникова, в частности, «необычный выбор предмета». Действительно, грубые «варанги» вроде бы не царапали свои имена на произведениях искусства — такое больше соответствует временам просвещенным.

Завершая полную приключений историю пирейского льва, следует сказать, что С.В.Ф. Янссон не высказывал собственных сомнений в том, не являются ли рунные надписи на пирейском льве позднейшим фальсификатом. Однако он с добросовестностью, делающей ему честь как ученому, представил все, бывшие в его распоряжении, сведения об этом источнике. С мечтой же о том, что руны были выбиты рукой «шведских» варангов, ему все-таки не захотелось расставаться, поэтому свою статью он закончил следующими словами: *«Совершенно головокружительна мысль о том, что эти рунные надписи определенно констатируются на греческом мраморном льве, созданном где-то в IV в. до Р.Х., рунные надписи, высеченные шведским вэрингом около 900 лет тому назад. Это продолжает оставаться действительной сенсацией, монументальным чудом. И оно не должно затмеваться тем, что некоторые скандинавские исследователи потеряли головы при виде льва из Пирея»*¹.

Отношение шведского исследователя к представленным сюжетам было окрашено яркой эмоциональностью, что, повторяю, не помешало ему дать полную источниковедческую картину относительно ситуации с рунными надписями на пирейском льве и подчеркнуть, в частности, что «рунные знаки не дают никакой возможности реконструировать топоним Roprslantí/Roslagen». Непонятно, что помешало Е.А. Мельниковой сделать то же самое во втором издании своей монографии. Вместо этого она закрепила в российской науке фантазии начала XX в., связанные с образом топонима Roprslantí, якобы начертанного на пирейском льве. Свидетельством того, какое влияние это оказывает, может служить, например, высказывание Д.А. Мачинского, прозвучавшее на конференции «Сложение русской государст-

---

¹ Jansson Sven B.F. Opt. cit. S. 32.

венности в контексте раннесредневековой истории Старого Света», состоявшейся в Эрмитаже в мае 2007 г. (сделанное в рамках обсуждения выступления В.С. Кулешова «К оценке достоверности этимологии слова *русь*»): «*Рослаген зафиксирован в первой половине XI в. на Пирейском льве — это принятое наукой (? — Л.Г.) чтение... Этот этноним (? — Л.Г.) и топоним имел давнюю традицию: люди писали, что «они приехали из Росланда (? — Л.Г.)...»*¹

Точка зрения Янссона относительно невозможности прочтения рунных надписей на пирейском льве принято сейчас современными шведскими учеными. Вот отрывок из статьи сотрудницы Исторического музея в Стокгольме Инги Уллен от 2009 года: «*Мы не знаем содержания этих рунических надписей. В течение 200 лет, т.е. с тех пор, как данные надписи стали известны, разными учеными предлагались более или менее фантастические толкования. В 1913 г. преподаватель шведского языка Эрик Брате расшифровал как будто мужские имена Эскиля, Хорса и Ульва... Но сегодня и его поэтические толкования отвергнуты, в частности, исследователем рун Свенном Б.Ф. Янссоном, или «Рунным Янне» (такое прозвище получил проф. Янссон от своих коллег за необыкновенный энтузиазм в изучении рун и преданность делу рунологии. — Л.Г.)... Есть основания полагать, что руны были нанесены в разные периоды, поскольку они выполнены разными стилями*².

Совершенную невозможность прочтения рун на пирейском льве подтверждает и современный шведский историк Д. Харрисон³.

Вот такая история с географией и с отчаянными попытками доказать присутствие названия *Рослаген* хотя бы в конце так называемой викингской эпохи. Но это имя образовалось тогда, когда там образовалась суша, т.е. уже за пределами «эпохи викингов».

---

¹ Вопросы к докладчикам / Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 613.

² *Ullen I. Runlejonet från Pireus* // <http://www.historiska.se/historia/manadensforemal/2009/Runlejonet-fran-Pireus/>

³ Harrison D. *Vikingatiden / Sveriges historia*. Stockholm, 2009. S. 106.

Для понимания того, как сложился исторический миф, или, как сейчас говорят, «конструктив», о викингах, приходится обращаться к истории западноевропейской мысли аж XVI века, в частности, к такому ее феномену, как готицизм. Представители этого течения стремились реконструировать историю готов, прямыми потомками которых ощущали себя североевропейские народы. Особо авторитетная роль в этом деле выпала представителям шведского готицизма, поскольку юг Швеции — Геталандия стал с XVI века рассматриваться как прародина готов.

В рамках готицизма конца XV—XVI вв. имя германцев (которое у Тацита было общим названием группы народов, а не именем носителей отдельной семьи языков), с одной стороны, закрепилось за немецкоязычным населением Священной Римской империи и понятие «Germanus» было приравнено к понятию «deutsch», а с другой, — было отождествлено с древним готским именем и, соответственно, распространено на народы скандинавских стран, претендовавших на прародину готов. Со временем к германо-готскому «симбиозу» было добавлено и название «норманнский», а роль пускового механизма в этом процессе сыграл труд шведского историка и религиозного деятеля Олафа Петри и его слова в «Шведской хронике» о том, что нордмен из средневековых источников — скорее всего, выходцы из Швеции, Дании или Норвегии.

Это трансформированное в духе учености XVI в. понятие «готско-германско-норманнского начала», олицетворявшего идею никогда не существовавшего общегерманского «племени», стало использоваться представителями готицизма для реконструкции древнейших периодов европейской истории, в том числе — для воссоздания древнерусской истории. В какой-то момент к норманнам из «общегерманского» племени было присоединено еще одно имя — *викинги*, обнаруженное в некоторых исландских сагах, а также упомянутое единожды хронистом Адамом Бременским. Так постепенно, из разных кусочков лепилась изложница, которая

послужила и для формовки норманнистской концепции о «скандинавстве» летописных варягов.

Чтобы разобраться, что в этой концепции есть наука, а что — наследие исторических утопий и идейно-политической умозрительности западноевропейской мысли XVI—XVIII вв., я подумала, что следует «разобрать» вышеозначенный симбиоз на исходные части и рассмотреть каждую из его составляющих в отдельности.

Это тем более продуктивно, что авторитет готицизма давно померк, в том числе и в самой Швеции. Многие из его постулатов давно сдано в архив. Современная западноевропейская медиевистика, в том числе и шведская, не рассматривает более юг Швеции как прародину древних готов, откуда они якобы переселились на Европейский континент. Пересмотр готицистских концепций начался, собственно, давно. Итог первого этапа был подведен в конце 1980-х годов известным шведским историком Ларсом Гарном: *«Поскольку у нас нет четких данных о существовании готского королевства (götarike), то приходилось обращаться к географическим наименованиям и строить выводы на их основе... Поскольку источников мало и они скудны, то и исследовательские работы были невелики числом и скромны по результатам... Общепринятым и распространенным было только предположение о том, что Вэстергетланд была древней областью поселения гетов и что геты издревле проживали и в Вэстрегетланд, и в Эстергетланд. Однако никакого подтверждения в источниках этому не находилось»*¹.

Прошу обратить внимание: здесь речь идет лишь о картине расселения гетов на юге Скандинавии в первом тысячелетии н.э., то есть в исторически обозримое время. И то не удастся определить более или менее четко основные характеристики по этой проблеме. Что касается древних времен, то современные шведские и другие западноевропейские ученые пришли постепенно к мысли о том, что не юг Скандинавии являлся той прародиной готов, откуда они расселялись по свету. Шведские историки Томас Линдквист и Мария Шеберг пишут о том, что даже имя шведских гетов сложно ана-

---

¹ Gahrn N. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988. S. 79.

лизировать: «Схожесть его с именем готов породила в XV в. убеждение в том, что готы были выходцами из Геталандии. Это представление сыграло важную роль в становлении национального самосознания. Однако сам вопрос о происхождении готов из Скандинавии всегда оставался дискуссионным и вызывал сильные сомнения у ученых»¹.

Еще более определенно высказывается по этому вопросу шведский медиевист Дик Харрисон: «Как письменные источники, так и археологический материал дают основание полагать, что древние предки готов — или вернее говоря, те, кто ранее других стал именовать себя готами, — в период до Рождества Христова проживали на территории современной Польши. Разумеется, у них были контакты с другими народами в районе Балтийского моря, но определить, какие этнические группы населяли в это время Скандинавию, решительно невозможно»².

Ведущий австрийский медиевист Х. Вольфрам считает, что можно насчитать несколько праГотий: «...Первая Gutthia-Готѿа античной этнографии, в любом случае, находится на Черном море, будь то в Крыму, на Керченском полуострове или, что наиболее вероятно, в сегодняшней Румынии... и Австрия, как считали в позднем Средневековье, называлась когда-то Готией (Gothia)»³.

Как видим, и 500 лет не прошло, а науке уже удалось освободиться от одного из основных заблуждений готицизма. Чтобы несколько ускорить ход развития, я решила, что отказ от первой догмы готицизма дает моральное право проверить на прочность сразу две другие догмы, унаследованные наукой от готицизма и пока не покинувшие мир науки. Это, в частности, привычная нам пара «скандинавы—викинги». Результаты подобной проверки пополнят материал, необходимый для критического рассмотрения современной норманистской концепции.

Согласно ирландскому историку Фрэнсису Бирну, слово «viking» было известно только в Западной Европе и в

---

¹ Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800—1720. Klerkernas och adelna tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. S. 35.

² Harrison D. Sveriges historia. 600-1350. Stockholm, 2009.

³ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 39, 41.

средневековых хрониках упоминается в связи с описаниями походов northmen или gentiles (т.е. «северян» или «язычников» — определения, над которыми ученым пора начать размышлять заново. — Л.Г.), но само слово старше, чем «эпоха викингов» (начало традиционно считают с 794 г.), поскольку оно встречается уже в староанглийском языке в VIII в., где *uicingsceade* было обнаружено в значении пират (*uitsing* в старофризском), а в староверхненемецком того же периода слово *Wiching* было найдено как имя личное. И явно от этого личного, а не от нарицательного имени, убежден Бирн, произошло название *Wicklow* (*Vikingal'o*, или викингская луговина), так же как и ирландское имя *Uiginn*.

Бирн напоминает, что все попытки произвести слово *викинг* из старонорвежского оказались лингвистически невозможными. Толкование *vik-king*, или король фьорда, по мнению Бирна (как и по мнению многих других ученых), невозможно чисто лингвистически, поскольку в старонорвежском слово «king» существовало в форме *konungr*, более того, не все викинги были «seakings». Давно отвергнута, напоминает Бирн, как лингвистически невозможная мысль о том, что слово произошло от гидронима *Вик* (название фьорда Осло на юге Норвегии) как название местных жителей, которые известны в источниках как *vikverjar*¹.

Аналогичное мнение высказывает и Т.Н. Джаксон. Она, кроме того, напоминает, что была попытка производить термин *vikigr* от дат. *wic*, восходящего к лат. *vicus* и обозначающего укрепленный лагерь. Но эта попытка, поясняет Т. Джаксон, была отвергнута, поскольку маловероятно, чтобы воинственные скандинавы получили имя от обозначения своих или чьих бы то ни было лагерей в Англии².

Судя по всему, слово *викинг* является заимствованным в скандинавских языках, т.е. оно пришло в эти языки с континента, где уже в раннее Средневековье было известно как обозначение пирата и имело достаточно прозрачную связь и

---

¹ Byrne F.J. *The Viking age // A New History of Ireland. I Prehistoric and early Ireland.* Oxford, 2005. P. 609—634.

² Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 83.

с кельтской лексической традицией, и с фризской, и с верхненемецкой, что естественно повлияло и на образование прагерм. *wig — «битва, убийство».

Далее очень логично предположить, что это слово было перенесено носителями упомянутых языков на Британские острова, откуда оно уже было заимствовано данами, которые как бы завершили историю пиратских набегов на Британские острова, начавшихся еще в рамках так называемой эпохи Великого переселения народов с нападений саксов, фризов, англов, ютов и др. И явно много позднее слово *викинг* должно было получить статус «общескандинавского» силой чисто книжной умозрительности. Потому-то, вероятно, и отвергается очень убедительная, на мой взгляд, этимология *викинг*, восходящая к лат. *vicus* — «укрепленный лагерь», поскольку она подкладывает динамит под всю привычную конструкцию «викинги-скандинавы».

Эти предварительные выводы относительно слова *викинг* как заимствованного в скандинавских языках из старофризского и староанглийского, к которым я пришла пару лет тому назад, подтверждаются дальнейшими исследованиями. Так, другое, более раннее, нежели в Скандинавии, использование слова *викинг* отыскивается также в англосаксонской языковой традиции — в английском героическом эпосе Видсид (*Widsith*), сохранившемся в Эксетерской книге — самом большом сборнике англосаксонской поэзии X века. В этом произведении скальд по имени Видсид описывает прославленных правителей, а также страны и народы, которые он будто бы посетил. Слово *викинг* упоминается дважды: в рассказе о том, как конунги Хродвульф и Хродгар из Лейре на острове Зеландия прогнали викингов (*wicinga sunn*), а также в перечне тех народов, в чьих землях герой «Видсида» посетил, упоминая при этом свеев, гетов, вендов, вэрингов, викингов и др. В его рассказе отчетливо видно, что викинги и вэринги были известны создателям «Видсида» как различные субъекты.

Ic wæs mid Hunum
Ond mid Hreðgotum
Mid Sweom ond mid Geatum

Ond mid Supdenum
Med Wenlum ic wæs
ond mid Wærnum
ond mid wicingum

Я был с гуннами
и с ридготами
со свеями и с гетами
и с южными данами
и с вендами я был
и с вэрингами
и с викингами

Заимствованный характер слова *викинг* в жизни обществ скандинавских стран отразился, на мой взгляд, и в записях на рунных камнях Швеции, что видно из различия в контексте его использования. Рунные камни, которые содержат упоминания о людях, отправлявшихся в викингский поход, находятся на юге современной Швеции, которая в средневековый период подчинялась королям данов. Таковы, в частности, рунные камни *Västra Strömmonumentet* в Сконе (конец X в.) и «*Gårdstångastenen*» в районе Лунда. Но есть и рунный камень из Упланд (*Brostenen U 617*) — сердца будущих шведских земель, где упоминается Ассур, сын ярла Хокана, который был участником обороны против викингов (*vikinga vörðr*)¹. Чтобы пояснить, что может скрываться за данными на рунных камнях, проиллюстрирую ее дополнительно выдержками из труда Адама Бременского.

Адам Бременский упоминает слово *викинги* (*Wichhingos*) только один раз и совершенно определенно говорит о них как о некоторой части пиратов, основным театром действия которых в его время были острова в западной части Балтийского моря: «*От пиратских грабежей там (на островах Зеландия, Фюн и др. — Л.Г.) собралось много золота. Морские разбойники, которых здешние жители называют викингами, а мои соотечественники — аскоманнами, платят дань*

---

¹ Larsson Mats G. Svitjod. Resor till Sveriges ursprung. Atlantis, 1999. S. 192.

королю данов взамен позволения делать своей добычей диких жителей, населяющих берега этого моря».

Слово *аскоманны* Адам Бременский употребляет и в другом месте, но уже не соединяя со словом викинги: «В это время (конец X в. — Л.Г.) морские разбойники, которых мои соотечественники называют *аскоманны*, прибыли со своим флотом в Саксонию, и разграбили все побережье Фризии и Хадельн».

В немецком издании к этой фразе есть пояснение: *Asch gleich Schiff* (корабль, судно), т.е. *аскоманны* — это буквально «корабельщики» или пираты.

Что можно увидеть из всех приведенных примеров? Слово *викинг* выступает в них одним из обозначений пирата. Его наиболее раннее употребление, начиная с VIII в., обнаруживается в старофризском или в староанглийском, явно в связи с пиратством в водах Атлантики, охватившим Британские острова еще с середины первого тысячелетия н.э. Поэтому оно и прослеживается ранее всего в произведениях англосаксонского эпоса или в топонимике на Британских островах, а также в ирландском именовании.

Двести лет спустя это слово начинает обнаруживаться в лексике жителей островного архипелага в западной части Балтийского моря в связи с тем, что там к этому времени сложился свой пиратский угол — как бы местная «Карибия», т.е. некая часть западноевропейского пиратства, известного на Атлантике чуть ли не с эпохи Великого переселения народов, сделала часть островов на западе Балтики своей постоянной базой. Пираты — сообщество международное без конкретной родины, хотя в истории пиратства в отдельные периоды выделялись английские пираты или итальянские и французские, породившие даже соответствующие наименования на своих языках — корсары, флибустьеры, а сегодня, например, говорят о сомалийских пиратах.

Тот факт, что старофризское (и староанглийское) слово *викинг* получило с конца X в. распространение в западной части Балтийского моря, показывает, что исконные носители этого имени пришли туда с Атлантики, с побережья Северного моря, имея за плечами вековые пиратские традиции. Сообщения о том, что они делились добычей с местны-

ми королями данов, не может вызывать удивления и знакомо из истории пиратства более поздних времен. И английская, и французская короны были связаны с пиратством, обосновавшимся на какое-то время в водах Атлантики, и использовали его в своих интересах. Но корона всегда оставалась короной, а пиратство — пиратством. Понятно также, что жители Скандинавского полуострова и южнобалтийского побережья при возможности уходили к пиратам, присоединялись к их разношерстному братству.

Но также понятно даже из приведенного здесь краткого обзора, что пираты-викинги не состояли исключительно из скандинавов и вообще не выступали как общескандинавский феномен. Поэтому и рунные камни, и исландские саги — другой источник, где имеются рассказы с упоминанием слова *викинг*, которые я здесь не привожу, чтобы не перегружать текст, говорили о викингах применительно к истории данов или к истории исландцев. То есть применительно к тем обществам, которые были ближе связаны с атлантическим пиратством благодаря своему географическому положению. Но для средневековой истории Швеции, например, понятие *викинг* было чужеродно.

Это хорошо видно из труда Олафа Магнуса — слово *викинг* он не использует, довольствуясь латинским словом *пират*. Но вот в переводах его труда на современный шведский язык слово *викинг* подставляется совершенно свободно вместо слова *пират*, написанного в оригинале. Например, в главах 18—27 О. Магнус рассказывает о дочери одного из королей гетов Альвиле, которая, чтобы избежать навязываемого ей брака с сыном короля данов, сбежала из дома и начала пиратствовать. Рассказ озаглавлен «*De piratica illustrium virginium*» (О пиратских походах высокородной девы), а в переводе на современный шведский язык глава называется «*Om högättade ungmörs vikingatåg*» (О викингских походах высокородной девы). Аналогично переводится, например, фраза «*piraticæ princeps creata*» (выбрали предводительницей пиратов), которая в современном шведском варианте выглядит как «*valde henne till ledare af vikingafärden*» (выбрали ее предводительницей в викингском походе), или фраза «*cum fratre de regno Noruegie piratica contendente*» (с помо-

щью пиратской флотилии сражался со своим братом за норвежский престол), которая в переводе на шведский читается как «med en vikingaflootta stred med sin broder om Norges rike» (с помощью флотилий викингов сражался со своим братом за норвежский престол)¹.

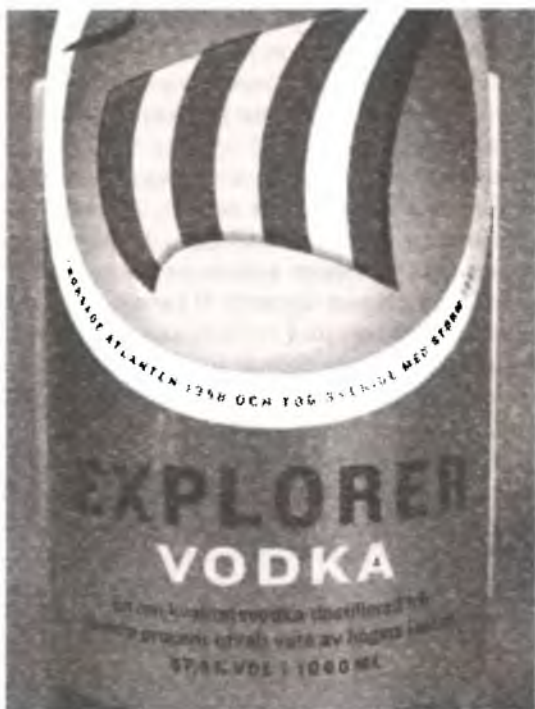
Отождествление викингов с обычными пиратами господствовало в ученых кругах не только Швеции, но и Дании и Норвегии вплоть до начала XIX века. Романтический патриотизм вдохновлял таких деятелей шведской культуры, как Эрик Гейер и Эсайя Тегнер. В своей поэзии они стали формировать тот образ «общескандинавских» викингов, который знаком нам сейчас и который из поэзии проник в исторические произведения, являясь феноменом художественным, а не историческим. То же самое произошло в Дании, а чуть позднее — и в Норвегии.

Помимо поэзии распространению и укоренению «оперного» образа викинга-скандинава в шлеме с рогами и под полосатым парусом способствовали представители романтизма в живописи. Датский историк Томас Олдруп и шведский историк Оке Перссон напоминают о том, что те немногие шлемы, которые были обнаружены археологами на территории в Скандинавии, рогов не имеют. Они полагают, что миф о скандинавских викингах компоновался скандинавскими романтиками, с привлечением данных континентальной материальной культуры. Например, рога на шлемах были известны из галльской культуры за несколько столетий до викингского периода в Скандинавии. Причем использовались такие шлемы явно в ритуальных церемониях, а не в походах (неудобно с рогами-то в походах!).

Напомнили они также, что древнегреческий историк Плутарх писал о том, что кимры украшали свои шлемы рогами животных. Эти сведения со всем тщанием любителей древности были наверняка собраны представителями романтической художественной школы и стали использоваться в произведениях живописи при изображении исполинов — викингов в шлемах с рогами, что сделалось постепенно общим символом для шведов, датчан и норвежцев.

---

¹ Magnus Olaus. Historia om de nordiska folken. Femte boken. Uppsala & Stockholm, 1908—1909. S 241—255.

Такой же художественной находкой, напоминают эти историки, является якобы викингский парус в красную полоску, который, например, украшает этикетку шведской водки «Exploger». Нет сведений — ни археологических, ни из письменных источников — о том, какой окраски или орнаментации были паруса скандинавов в викингский период. Все это продукт чистой фантазии¹. Однако именно рогатые шлемы, полосатые паруса и другая развесистая клюква заполняют сегодня страницы не только бульварных изданий, но и работы профессиональных ученых. Вот пример из книги специалиста по Рюриковичам Е.В. Пчелова: *«Под полосатыми парусами на кораблях, носы которых украшали страшные звериные головы, плавали по европейским морям от-*

---

¹ Oldrup Th., Persson Å. 101 historiska myter. Lund, Historiska Media, 2010. S. 12—13.

*важные мореходы и бесстрашные воины — жители Древней Скандинавии»*¹. Пчелов — профессиональный ученый. И далеко не единственный поклонник полосатых парусов. Проверьте сами, уважаемые читатели, в работах каких почтенных сотрудников из солидных научных учреждений плавают опереточные викинги под вымышленными полосатыми парусами.

Так же обстоит дело и с рогами на шлемах. Сравнительно недавно вышла книга А.С. Щавелева и А.А. Фетисова «Викинги между Скандинавией и Русью». Ее авторы — тоже представители науки. Но и они не отказались украсить обложку своей книги персонажами в рогатых шлемах — так, по их мнению, выглядели викинги из Скандинавии.

И куда в этой ситуации обычному читателю податься? Как быть с изучением древнерусской истории, если даже ученые перестали видеть разницу между надежным источником и этикеткой с водочной бутылки, между рыночными куклами с рогами и историческими реалиями, подтвержденными комплексными сведениями из свода различных источников? Или когда пытаются навязывать в виде прародины Руси шведскую область Рослаген, извлекая ее чуть ли не со дна морского?

Это означает, что добросовестная проверка фактов по источникам не проводится, поскольку нельзя же считать источником этикетку с водочной бутылки. А тщательная перепроверка всех фактов, связанных с викингской тематикой, необходима, поскольку длительная традиция готицизма осваивать в свою пользу историческое достояние других народов сыграла большую роль в создании фиктивного образа викинга-скандинава. Как само слово *викинг*, так и вся привычная «викингская» атрибутика типа шлемов с рогами оказываются пришлыми на Скандинавском полуострове, заимствованными с европейского континента. И теперь перед наукой стоит насущная задача освободить историческую науку от декораций театрализованных представлений, которые заменили реальную историю, и заново пересмотреть, на-

---

¹ Пчелов Е.В. Рюриковичи. Тысяча лет одного рода. М., 2001. С. 6.

сколько научно обоснованы узы, которыми связали со Скандинавией такие понятия, как норманны или как викинги.

Однако процесс этот не будет простым. Подтверждение этому находим в статье датского исследователя Дж. Линда ««Vikings» and the Viking Age», опубликованной в юбилейном сборнике статей в честь Т.Н. Джаксон. В этой статье автор справедливо указывает, что слово *викинг* зафиксировано в источниках лет за 100 до принятого в науке викингского периода, причем в источниках за пределами Скандинавии, и совершенно очевидно использовалось для обозначения пиратов. И только с XIX века понятие *викинг* под пером скандинавских писателей-романтиков обретает тот величественный облик, который нам знаком, и получает отождествление с выходцами со Скандинавского полуострова.

Как явствует из вышеизложенного, мое понимание проблемы полностью совпадает с данными датского ученого. Но выводы наши диаметрально противоположны. Какое значение имеет — с рогами или без рогов были шлемы у викингов? — этим вопросом озаглавлен последний параграф статьи (Conclusion — horned helmets and Vikings: does it really matter?). На мой взгляд, большое, если говорить о научном исследовании, которое строится на точном использовании источников. А иначе это «тяп-ляп» и никакая ни наука. Однако в наши дни коммерческий подход ко всему, в том числе и к истории, начинает играть самодовлеющую роль. В завершении статьи читаем: *«Перед лицом гигантских сил рынка, наводнивших мир своим образом викинга, историки, даже если они попытаются это сделать, не смогут повернуть время вспять, на те исходные позиции, когда викинги еще не получили свой нынешний образ. Поэтому нам, вероятно, следует принять викинга во всем его нынешнем скандинавском облачении, вместе с рогами на шлемах и бородами лопатой. Мы даже можем порадоваться тому, что индустрия туризма, используя брэнд «Викинг», гарантирует и нам лучшую продажу наших работ»¹.*

---

¹ Lind J. «Vikings» and the Vikings Age // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 201—222.

Закончить это поучительное отступление мне хочется словами из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» И с этим все-таки вернуться в мир науки.

Следует напомнить, что в скандинавской традиции, между прочим, прослеживается и безусловно свой термин для обозначений грабительских, т.е. пиратских, походов. Г.В. Глазырина приводит слово *hegpaðr* — «грабительский поход» (обычно в выражениях *faða i hegpaðr*) и поясняет, что этим словом в исландских сагах обычно обозначается кратковременный военный поход, предпринятый с целью быстрой и легкой наживы, сопровождавшийся разбойным грабежом и опустошением территории, на которой происходит данная акция. В древнеисландском судебнике *Grágás*, продолжает Глазырина, слово *hegpaðr* использовано как юридический термин¹. Сравнительный анализ употребления слов *викинг* и *hegpaðr* в скандинавских источниках мог бы дать интересный материал для переосмысления ныне существующих концепций о викинггах-скандинавах.

Но, как было только что отмечено, сделать это будет не просто, поскольку как раз театрализованный образ викингов захватил в последнее время российские и украинские научные круги. Дж. Линд один из параграфов своей статьи с определенной долей иронии озаглавил «Завоевание России «викингом»» (*The «Viking» conquest of Russia*), имея в виду как раз завоевание викингской тематикой ученых мозгов. Отметив, что если до 80-х годов прошлого века слово *викинг* практически не встречалось в работах советских авторов, то с начала XXI века в России стали выходить работа за работой со словом *викинг* в названии. Небольшие примеры: Моця О.П. Викинги на юге Руси // Древний мир. 2001. № 1; Коваленко В.П., Моця А.П. Викинг из Шестовицы // Родина. 2006. № 10; Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги между Скандинавией и Русью. М., 2009.

«Красиво жить не запретишь», — говорилось во времена не столь старобитные. Но те, кто любит будоражить

---

¹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 95.

свое воображение картинами викингских завоеваний Руси, начиная с севера и до самых южных пределов, обязаны начать посвящать читателя, из каких неведомых стран эти викинги приходили на Русь. Неизвестных, ибо природная геофизическая молодость прибрежной полосы Руден/Рослаген не оставляет никаких надежд отыскать хоть какую-то связь этой области Швеции с именем Руси. Комична логика, рассуждающая так: даны действовали на западе Европы, а свеев с ними не было, значит, свеи... шли на восток Европы! Но свеи никуда не «шли» по той простой причине, что человеческие ресурсы их общества были заняты освоением новых земель, дарованных им природой за счет поднятия дна Балтийского моря.

На данов тут тоже грешить не приходится, поскольку сведения о походах данов достаточно подробно сообщаются многими источниками, как латиноязычными хрониками, так и Саксоном Грамматиком, но никаких грандиозных походов данов на восток эти источники не упоминают. Как явствует из источников (из хроники Адама Бременского или из «Деяний данов» Саксона Грамматика), балтийские пираты, которых иногда упоминали и под названием викингов, оперировали в Балтийском море, начиная от западного его конца, где было множество островов и где удобно было прятаться, и вдоль южнобалтийского побережья или вендского берега, где было много богатых портов и, соответственно, было что пограбить.

Поднимались пираты-викинги и к северным берегам Балтийского моря, нападая, в частности, на земли свеев. Самой восточной границей действия балтийских пиратов было, естественно, восточное побережье Балтийского моря. Уж Саксону ли Грамматику было об этом не знать! Тем более что его хроника, по характеристике специалистов, проливал дух рыцарского романа, где первейшую роль играли, естественно, даны, но среди его героев были и венды, и курши, и земгалы, и эстии, упоминавшиеся и в качестве участников пиратских команд, и как жертвы пиратов. Но никаких «рейдов банд-дружин безликих викингов на территории Восточной Европы» ни Саксон Грамматик, ни другие осведомленные хронисты (например, одним из информаторов

Адама Бременского был король данов Свен Эстридссон) не знали. И причина здесь очевидна: викингов в Восточной Европе просто не было!

Карта из труда «История Швеции», где ответственным редактором и автором абсолютного большинства статей является известный шведский медиевист Дик Харрисон (Лундский университет). Под картой подпись: Sverige i slutet av 1200 — talet. Выходные данные: Sveriges historia. 600—1350. Stockholm — Nordstedts. 2009. S. 433

Полное отсутствие упоминаний присутствия викингов в Восточной Европе часто пытаются подменить археологическим материалом (один из примеров — названная выше книга «Викинги между Скандинавией и Русью», но пример, к сожалению, не единственный). Однако для исторического анализа одних только археологических данных недоста-

точно, поскольку вещи и производство вещей имеют свою собственную историю, часто далеко отстоящую от истории их создателей. Иначе говоря, только по археологическим находкам нельзя определить, носителями какого языка они были доставлены в ту или иную страну.

Карта Швеции конца XIII века показывает, что для присоединения к шведской короне юго-западной части Финляндии складывающемуся королевству свеев и гетов потребовалась пара столетий. Утверждать, что из этих же земель, бывших в IX в. еще разрозненными небольшими вожествами, вышли какие-то потоки, рои или полчища, в несколько десятилетий подчинившие себе восточнославянские княжества на гигантских просторах Восточной Европы, — значит сказать разуму «Прости!».

НОРМАННЫ — НЕ ТОЛЬКО СКАНДИНАВЫ

В истории норманнов так, как она представлена в современной литературе различной тематики, на мой взгляд, много непонятного и темного. Поделюсь только некоторыми из моих наблюдений по этой теме. Общая постановка проблемы была дана здесь, и она вызвала широкий отклик среди читателей.

Наиболее ранним источником, откуда могли быть почерпнуты сведения о связи имени норманнов со Скандинавским полуостровом, был, скорее всего, труд хрониста Эйнгарда (ок. 770—840) «Жизнеописание Карла Великого», где он упоминал о норманнах в контексте вооруженных столкновений, которые имели с ними франки: «От западного океана к востоку протянулся некий залив, длина которого неизвестна, ширина же нигде не превышает ста тысяч шагов, хотя во многих местах является меньшей. По берегам его живет множество народов; даны и свеоны, которых мы называем нордманнами (Nordmannos), заселяют северное побережье и все близлежащие острова...

Последняя из войн была предпринята против нордманнов, которых называют данами, сначала занимавшихся пиратством, а потом заведших большой флот и приступивших к опустошению берегов Галлии и Германии. Король их Год-

фрид до того был раздут пустой спесью, что подумывал о подчинении себе всей Германии, и Фризию и Саксонию называл не иначе, как своими провинциями. Уже покорил он и сделал своими данниками соседних абодритов. Уже похвалялся, что вскоре придет с большими силами в столицу франкского государства Ахен.

И словам Годфрида, хотя и пустейшим, почти уже верили и даже думали, что он может предпринять что-либо в этом роде, когда вдруг намерения его предупредила внезапная смерть... В период норманнской войны он (Карл Великий. — Л.Г.) занялся строительством флота, сооружая для этого корабли на реках, которые, протекая по Галлии и Северной Германии, впадают в океан. А так как норманны постоянно опустошали берега Галлии и Германии, то во всех портах и в устьях судоходных рек были по его приказу устроены стоянки для судов и выставлены сторожевые корабли, дабы предупредить вторжения неприятеля...»¹

Труд Эйнгарда активно использовал Адам Бременский², благодаря чему он получил широкое распространение в северонемецкой и скандинавской ученой среде в последующие периоды. Этот труд тем более ценен, что четко определяет нижнюю временную границу для норманнских походов на западноевропейском континенте.

Помимо прославленного Эйнгарда другим известным франкским хронистом IX в., упоминавшим норманнов, был аббат Прюмского монастыря Регино (840—899), в числе прочих произведений создавший «Всемирную хронику». Прюмское аббатство, где Регино находился в период 892—899 гг., было расположено в Лотарингии, неподалеку от Трира, неоднократно подвергавшегося нападениям норманнов. Само Прюмское аббатство дважды захватывалось и разорялось норманнами — в 882 г. и в 892 г. Рассказывая о нападении норманнов на монастырь, Регино запечатлел драматические картины: норманны опустошили все вокруг, многие монахи были убиты, остальных увели в рабство; норманны унесли к

---

¹ Левандовский А.П. Карл Великий. М., 1999. С. 188—189.

² Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 17—18, 21—22, 41, 63, 76, 211—213, 218, 257—258, 261, 265, 284, 301, 309.

своим кораблям непомерно большую добычу и, погрузив ее на борт, отплыли в открытое море¹.

Хроника Регино использовалась многими поколениями западноевропейских историков, и подтверждением тому служит, например, ссыла на Регино у шведского писателя Олауса Магнуса в его знаменитом труде «История северных народов» (*Historia om de nordiska folken*), опубликованном в 1555 г. В главе, где рассказывается о пиратстве новгородцев, которых автор называет рутенами или московитами, в Белом море или Финском заливе (*Vendiska viken / Livländska hafvet*), он описывает способ, использовавшийся «москови́тами» для транспортировки судов по суше: «Когда они увидят, что не могут продолжать безнаказанно свои пиратские набеги, то взваливают суда на плечи и так переправляют их по суше, уходя в глубь лесов и укрываясь в известных им потаенных местах».

Описание новгородского пиратства рождает у писателя стремление привести сходные параллели из мировой истории, и при этом он обращается к хронике Регино: «*Другой поразительный способ в аналогичных (с «москови́тами»). — Л.Г.) случаях перетаскивать суда описан в хронике Регино. В ней рассказывается о норманнах и о том, как они во время грабительского похода на Бургундию и Париж перетаскивали свои суда по суше на расстоянии двух миль и спустили их на воду, когда вышли на берег Сены.*

Ett annat egendomligt sätt att i liknande fall fortskaffa fartyg omtalas i Reginos krönika. Där berättas nämligen om normannerna, att de vid ett plundringståg mot Burgund och Paris släpat sina skepp öfver land en sträcka af två mil och satt dem i vattnet först när de hunnit fram till floden Seine.

I terem exurgit mirabile facinus in fimili casu nauium trahendum, prout in Reginonis historia resertur, videlicet Nortmannos duorum millium passibus naues per terram traxisse ut Burgundiam froliarent, (ac?) Parisios demum in Sequanani immersisse»².

¹ Roesdahl Else. Vikingernes verden. København, 2001. S. 23—24.

² Magnus Olaus. Historia om de nordiska folken. Andra delen. Uppsala-Stockholm, 1912. S. 232—233; Magnus Olaus. Historia de gentibus septentrionalibus. Copenhagen, 1972. S. 366.

Примечательно в этом отрывке то, что О. Магнус, говоря о Nortmannos, считает их иностранцами. Глава, где он приводит данное описание (девятая глава в 11-й книге), так и называется «О подобном у иностранцев» («Om utländska motsvarigheter»/«De externis exemplis»). Причем Магнус пишет о норманнах-иностранцах со ссылкой на хронику Регино как о чем-то общеизвестном. Более того. Как известно, название *норманны*, согласно пояснению Лиутпранда (см. далее), в переводе с «тевтонского», дословно означает *северные люди*, или *жители севера*. Когда Магнус пишет о грабительском походе норманнов в Бургундии, он употребляет для их названия именно «тевтонское» слово *Nortmannos*. Когда же он описывает североевропейские народы, в том числе и свои родные места, то он использует латинские термины, такие, например, как *Septentrionalis Populi*, *Gentibus Septentrionalibus*, что тоже означает *жители севера*, *северяне*. Почему это так, стоило бы задуматься.

И задуматься необходимо еще и потому, что с того времени, как норманнов стали связывать исключительно с жителями Скандинавского полуострова, вошло в обиходное слово *Norden* переводить как «скандинавские страны», а прилагательное *nordisk* стало практически синонимом слова *скандинавский*. Поэтому перевод латинского оригинала О. Магнуса «*Historia de gentibus septentrionalibus*» на современный шведский «*Historia om de nordiska folken*» как бы невзначай стало восприниматься как история скандинавских народов, хотя к северным народам О. Магнус, кроме жителей Скандинавского полуострова, относил также русских и литовцев, т.е. объединял под этим понятием юг и север Балтики.

Вот небольшой отрывок из его главы о языках под названием «О пяти языках, на которых говорят в северных странах» («Om de fem olika språk i de nordiska länderna»):

«Там говорят на пяти языках — северо-лапландском или на языке жителей Ботнии, на московитском (русском), финском, шведском и гетском, а также — немецком (!).

Man här finner fem olika språk i bruk, nämligen de nordliga lapparnas eller bottningarnas, moskoviternas (ryssarnas), finnarnas; svearnas och götarnas samt tyskarnas (!).

Quintuplicis linguæ ufus reperiatur, Septentrionalium feilicet Laponum, feu Bothniensium, Moscouitarum, Ruthenorum, Finningorum, Sueonum, ac Gothorum & Germanorum)»¹.

Из этого отрывка также отчетливо видно, что в понятие «северные народы» Магнус включал всю ойкумену Балтийского моря. А вот о прямом тождестве между историческими норманнами и предками шведов (свеонами) О.Магнусу не известно.

Отсутствие полного тождества между Nortmannos и данами и свеонами дополняется и другими источниками, в частности, целым рядом других франкских хроник. Любопытные упоминания о норманнах содержатся в «Annales regni Francorum» — погодных монастырских записях, охватывавших период 741—829 гг. В записях за 798 и 799 гг. норманнами названо население, проживавшие за Эльбой, т.е. фактически саксы-трансальбинги:

«Sed in ipso paschae tempore Nordliudi trans Albim sedentes seditone commota legatos regios... Nordliudi contra Thrasuconem ducem Abodritorum et Eburisum legatum nostrum conmisso proelio acie victi sunt... Dominus rex... Carlum filium suum cum medietate ad conloquium Sclavorum et ad recipiendos, qui de Nordliudis venerunt, Aaxones in Bardengauwi direxit».

Через несколько лет, в погодных записях за 804 г., можно отметить, что весьма любопытное название Nordliudi заменяется на более привычное Transalbianos:

«Aestate autem in Saxoniam ducto exercitu omnes, qui trans Albiam et in Wihmuodi habitabant, Saxones mulieribus et infantibus transtulit in Franciam et pagos Transalbinos Abodritis dedit».

Еще через несколько лет, в 812 г., погодная запись, говоря о заэльбской области, использует уже привычное нам название Nordmannorum, рассматривая Эльбу как норманнскую границу и соединяя с именем Normannorum имя Danorum:

«Missi sunt de hoc conventu quidam Francorum et Saxorum primores trans Albim fluvium ad confinia Nordmannorum...»

---

¹ Magnus Olaus. Historia om de nordiska folken. Andra delen. Uppsala-Stockholm, 1912. S. 178; Magnus Olaus. Historia de gentibus septentrionalibus. Copenhagen, 1972. S.135.

Quibus cum pari numero — nam XVI erant — de primatibus Danorum in loco deputato occurrissent...»¹

Из приведенных записей видно, что содержание, вкладываемое в имя норманнов хронистами, не было однозначным и претерпевало с течением времени перемены, но какие именно и когда конкретно, уловить трудно. Ту же неоднозначность относительно имени норманнов мы наблюдаем и в других франкских хрониках. Многие из них были привлечены немецко-французским историком Г.-Б. Деппингом (1784—1853) в его труде, посвященном истории морских походов норманнов.

Деппинг также обращал внимание на то, что хронисты франков по-разному определяли, кто такие норманны. Некоторые из них писали о норманнах как маркоманнах, т.е. как о смешанном населении приграничных к Франкскому королевству земель — марок. Среди таких авторов можно назвать, например, архиепископа в Майнце Рабануса Маурса (780—856): «*a quibus Marcomanis vel Nordmannis nempe, originem qui theotiscam loquuntur linguam, trahunt*». Аббат Лоббского аббатства Фолькуин (965—990) писал о норманнах как о нордальбингах: «*gens quaedam aquilonaris, de qua forte dictum est, ab aquibone pandetur omne malum; quam plerique Nortalbincos, alii usitatus Nortmannos vocant, piraticam agens*». Хронист Адемар Шаванский (989—1034) называл их трансальбингами: «*Transalbium autem qui Nortmanni vocantur*»².

Франкскими хрониками пользовались, без преувеличения, все последующие поколения историков, занимавшиеся западноевропейской историей. Непосредственными преемниками их традиции стали немецкие хронисты. Франкские хроники явились важным источником для написания известного труда Адама Бременского под названием «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», созданного во второй половине XI века. Нет нужды давать характеристику этому прославленному труду: ее автор признан выдаю-

---

¹ Kurze Fridrich(ed). *Annales regni Francorum (741—829) qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi*. Hannover, 1895.

² Depping D.-B. *Histori des Expeditions martimes des normands*. Paris, 1844. P. 259—260.

щимся средневековым писателем, его произведение переведено почти на все европейские языки, он — один из тех писателей, кто открывает северогерманскую историографическую традицию и выступает блестящим преемником более ранней западноевропейской традиции, в частности, упомянутых франкских хронистов, которых он прекрасно знает и во множестве использует. В произведении Адама имеется немало рассказов о нападениях норманнов на западноевропейские города и монастыри, к приведению которых я и перехожу. Цитаты даны по шведскому изданию, уже упомянутому в сноске, и сверены с латинским текстом по немецкому изданию Б. Шмейдлера.¹

О норманнах и их набегах Адам Бременский писал следующее.

Гл. 5: «Народ саксов... с юга граничил с франками и тюрингами, ...с севера граничил с дикими племенами нордманнов (Nordmannos в нем. издании), с востока — с ободритами, с запада — с фризами».

Гл. 14: «...Говорят, что Карл передал Гамбург, где проживали нордальбинги и где также строилась церковь, под власть Херидага, благочестивого человека, которому он пожаловал сан епископа... согласно его замыслу, церковь в Гамбурге должна была стать главным храмом для всех племен данов и славян... И поскольку мы уже упоминали данов, то стоит сказать о том, что победоносный император Карл, покоривший все государства Европы, в конце концов, как говорили, начал войну и с данами. Этот народ, а также другие народы, которые живут за ним, историописателями франков называются нордманны (Nordmanni)».

Гл. 21: «Тогда же (имеется в виду период после смерти императора Людовика в 837 г. — Л.Г.) нордманны (в нем. изд. Nortmanni piraticis. — Л.Г.) бесчинствовали повсюду и совершали пиратские набеги, они обложили данью фризов. В это же время они поднялись вверх по Рейну и осадили Кельн, а также поднялись вверх по Эльбе и подожгли Гам-

---

¹ Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917.

бург. Его прославленная община погибла либо в грабежах, либо в пожаре. Все было уничтожено: церковь, монастырь, бережно собранная библиотека. Мы читали о том, что Святой Ансар, будучи на волосок от гибели, сумел спастись, благодаря заступничеству мощей святых мучеников».

Гл. 28: «Далее Житие святого архиепископа (Ансара. — Л.Г.) рассказывает, как он прибыл в Данию и увидел, что на троне там был Хориг Младший. К этому же времени относится одно известие из Истории франков, которое сообщает о данах следующее: норманны (Nortmannos) поднялись вверх по Луаре и сожгли Тур, далее они поднялись вверх по Сене и осадили Париж. После чего Карл испугался и дал им на жительство отдельную область. Затем упоминается, что они опустошили Лотарингию и завоевали Фризию и что они обратили свою победоносную длань даже против собственной плоти и крови. Ибо тогда Гутторм, предводитель норманнов (Gudurm principe Nortmannorum), вступил в борьбу со своим дядей по отцу, а именно, с королем данов Хориком, и схватка была настолько беспощадной с обеих сторон, что все сражающиеся погибли, и вымер весь королевский род, за исключением одного мальчика по имени Хорик. Когда он позднее вступил на престол данов, то с яростью, унаследованной с детства, стал преследовать христиан, изгнал их священников и закрыл церкви».

Гл. 38: «На двенадцатый год службы господина Римберта скончался благочестивый Людвиг, великий император. Он подчинил себе бегемцев, сорбов, сюзов и другие славянские народы настолько полно, что они платили ему дань. Что же касается норманнов (Nortmannos), то он держал их под контролем договорами и войнами так, что они не причиняли ущерба его стране, хотя они сумели дотла разорить всю Францию. Но после смерти императора необузданные бесчинства варварского террора вновь возобновились. Поскольку даны и норманны (Dani cum Nortmannis) занимали территории, входившие в сферу деятельности церкви в Гамбурге, то я не могу обойти молчанием те великие беды, которые в это время совершились с соизволения Господа и насколько велика была власть язычников над христианами. Обо всем этом со скорбью повествуется в Истории франков

и в других сочинениях. В это же время данами и нордманнами (Nortmannis) была опустошена Саксония, погиб герцог Брун и двенадцать графов, а епископы Дитрих и Марквард были убиты. Была разграблена Фризия и разрушен Утрехт.

...Пираты (piratae) сожгли Кельн и Трир. Дворец в Ахене они превратили в конюшню для своих лошадей. Майнц в страхе перед этими дикими народами стал срочно возводить укрепления. Короче говоря, множество городов вместе с жителями, епископами и их паствой были уничтожены. Верующие сжигались в знаменитых церквях. Наш Людвиг боролся с язычниками и сумел победить их, но вскоре умер. Людвиг Французский скончался, пережив и победы, и поражения. Все эти события в самых горестных тонах описаны в императорских анналах, и я их упомянул, поскольку заговорил о данах».

Гл. 42: «Поскольку бесчинства данов и *нордманнов* (Nortmannorum vel Danorum) не имели предела, представляется необыкновенным бесстрашие наших святых исповедников Ансгара и Римберта, ездившим к ним, невзирая на опасности поездок как по морю, так и по суше, и проповедовавшим для этих народов, против нападений которых не могли устоять ни короли со своими войсками, ни могучий народ франков».

Гл. 47: «...Что касается истории данов, то каких-то новых позднейших сведений о ней я не нашел, ни письменных, ни устных. Причиной тому, вероятно, явилось то обстоятельство, что нордманны или даны (Nortmanni vel Dani) к этому времени были почти полностью истреблены королем Арнульфом (850—899 гг.), по воле небес. Ибо в то время, как сто тысяч язычников полегли на поле боя, ни один христианин не был убит. Таким образом, возвращение *нордманнов* (Nortmannorum) домой не состоялось, в чем проявилось отмщение Господа за кровь своих служителей, которая лилась уже семьдесят лет...»¹

---

¹ Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 19, 28, 33, 38, 45—46, 48, 52; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917. S. 7, 18—19, 27, 34, 40—41, 44—45, 47.

Столетием позднее о нападениях норманнов на Гамбург и другие города сообщал немецкий хронист Гельмольд в своей «Славянской хронике» (*Cronica Slavorum*), составленной в 1170-х годах. В труде, посвященном истории христианизации балтийских славян, Гельмольд пишет о том, что процессу обращения в христианство славян и других языческих народов южнобалтийского побережья помещал военный фактор в виде набегов норманнов, принесших страшные повсеместные разрушения. В войсках норманнов (*porro Northmannorum / das Normannenheer*) были собраны храбрейшие выходцы из Дании, Швеции и Норвегии (*de fortissimis Danorum, Sueonum, Norveorum / aus den Tapfersten der Dänen, Schweden und Norweger*), подчинявшиеся в то время одной власти.

Первыми жертвами норманнов стали их ближайшие соседи — славяне, которых они принудили к уплате дани. Затем такая же судьба ждала и другие соседние королевства, на которые нападали и с суши, и с моря. Усиление норманнов, по убеждению Гельмольда, было обусловлено падением Римской империи и разделением ее на несколько частей. Поэтому норманны могли беспрепятственно грабить такие города, как Тур, осаждают Париж. От французского короля они получили область, которая стала называться по их имени — Нормандия. После чего они ограбили Лотарингию и Фризию. В описаниях походов норманнов Гельмольд следует хронике Адама Бременского.¹

Как видим, имя *Nortmanni / Nortmannorum* у франкских и немецких хронистов распространяется на разные народы: у Эйнгарда — это имя связано с северным побережьем Балтики, со свеями и данами, у Р. Мауруса — с маркоманами, т.е. с несколькими народами сразу, у Фолькуина — с нордальбингами, т.е. с окраинной частью саксов, проживавших за Эльбой (например, согласно Гельмольду), у Адемара — с трансальбингами, т.е. тоже с частью заэльбских саксов. У немецких хронистов, в частности у Адама Бременского, *Nortmanni* определяются по месту их жительства,

---

¹ Helmold von Bosau. *Slawenchronik. Neu übertragen und erläutert von Heinz Stoob. Darmstadt, 1963. S. 56—57.*

где точкой отсчета является Саксония, и это разные народы, к северу от саксов, начиная с данов. Гельмольд определяет *Nortmanni* как войско (*Nordmannenheer*), куда входили храбрейшие от *Danorum*, *Sueonum*, *Norveorum*, при этом говорит, что они подчинялись одной власти. Возникает вопрос, какой? Все, что мы знаем об истории Дании, Швеции и Норвегии, не дает ответа на этот вопрос. Следовательно, чего-то в наших знаниях явно не хватает.

Обращает на себя внимание разное написание *Nortmanni* как устойчивого собирательного обозначения для разноэтничных групп и как название *Norveorum*, где оно — явный этноним, который без особой сложности можно связать с будущими норвежцами. В современной литературе эти два названия смешиваются довольно свободно.

Другой особенностью, связанной с рассказами о *Nortmanni*, является явное подчеркивание их язычества. Иногда возникает впечатление, что нападения норманнов на монастыри и города Западной Европы имели не только грабительские цели, но идеологическую антихристианскую окраску — этакие своеобразные языческие предтечи будущих крестовых походов, сменивших столетие спустя норманнские походы. Ассоциации норманнских походов с крестовыми походами способствует и полиэтничный состав их участников.

Стоит вспомнить, что в каждом отдельном из крестовых походов мог доминировать какой-нибудь этнический элемент (например, в первом крестовом походе приняло участие много владетельных феодалов Франции, но были и феодалы из других стран — из Лотарингии, Италии и т.д.; во втором — наряду с французскими феодалами преобладали и немецкие, а в третьем — большинство составляли французы и англичане), но ни один из крестовых походов не носил определенного национального характера. Во главе крестовых походов стояли часто известные западноевропейские короли или германские императоры, такие, например, как французские короли Людовик VII и Филипп I, германские императоры Конрад III и Фридрих I Барбаросса, английский король Ричард Львиное Сердце, король Венгрии Андрей II, норвежский король Сигурт I и др., но это не оз-

начало, что крестоносцы являлись непосредственными подданными этих королей.

Исходя из этого исторического опыта вряд ли стоит воспринимать титулы правителей, упоминаемые в связи с норманнскими походами, как подтверждение того, что за этими правителями стояли ведомые ими народы или, более того, — государства. В сущности, мы толком и не знаем, что содержат в себе такие титулы, как *Rex Danorum* или *principe Nortmannorum*, когда речь идет о правителях, связываемых с историей Дании или с историей Норвегии, но относящихся к ранним периодам, например в первой половине IX в., поскольку счет признанных родоначальников династий датских и норвежских королевских домов начинается с конца IX—X вв. (Горм Старый: конец IX — перв. пол. X вв., Гаральд Прекрасноволосый: 860—930 гг.).

Однако как раз именами этих «полулегендарных», как их называют в литературе, правителей пестрят франкские источники в связи с грандиозными военными акциями норманнов. Адам Бременский, ссылаясь на «Житие Святого Ансгара» называет правителя норманнов Готторма (*Gudurm principe Nortmannorum*), боровшегося против своего дяди по отцу Хориха, который носил титул короля данов (*rege Danorum Horico*). Этого же Хориха (а возможно, и другого) в ряду целого ряда правителей с титулами королей данов и норманнов (*reges Danorum vel Nortmannorum*) упоминает Адам Бременский в числе занимавшихся пиратством у побережья Галлии, называя их по именам: Хорих, Ордвиг, Готфрид, Рудольф и Ингвар, сын Рагнара Лодброка¹. Следовательно, основной размах норманнских походов приходился на догосударственный период в истории Дании, Швеции, Норвегии, когда эти страны состояли из множества разрозненных владений. Краткий очерк истории политогенеза в Швеции показывает, насколько сложной задачей для отдельных правителей скандинавских вожеств было наладить координацию между различными регионами

---

¹ Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 38, 45; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917. S. 34, 39.

и подчинить их одной власти. Кому же было по силам выступить координатором на огромном театре военных действий в Западной Европе и Британских островах? Пока этот вопрос никуда не ведет, поэтому продолжу рассмотрение «титularной» конкретики.

Сложностей с идентификацией приведенных титулов норманнских правителей множество. Например, Адам Бременский, говоря о Хардекнute из страны норманнов, предположительно, отце того Горма Старого, имя которого открывает список датских королей, сообщает, что он прибыл из страны норманнов (в шведском переводе: *Hardeknut från nordmännens land*, что соответствует латинскому тексту: *Hardegon... veniens a Nortmannia*)¹. Многие ученые совершенно справедливо задаются вопросом: откуда прибыл Хардекнут — из нынешней Норвегии или из герцогства Нормандия, поскольку для Норвегии, как было отмечено выше, использовались такие названия, как *Norvegia*, *Norveia*, *Norvegia regio*, а жителей, соответственно, называли *Norveogum*. И что тогда означает титул *principe Nortmannogum*?

Картина еще более усложняется, если мы вспомним о походах норманнов на Британские острова. В связи с этим у Адама Бременского есть несколько фраз, интересных в данном контексте. Хронист сообщает, что Харальд, король данов (*Haroldus rex Danorum*), распространил свою власть на норманнов и англов (*ultra mare in Nortmannos et Anglos*), одновременно упомянув, что в это время в Норвегии правил Хокан (*In Norveia Haccan princeps erat*)². Если в этом отрывке идет речь о том, что правитель с титулом *Rex Danorum* в период, когда происходили означенные события, обладал властью на севере Англии, в Нортумбрии и Месии, то кто в этом случае скрывается за именем *Nortmannos*?

Я не ставлю здесь перед собой задачу просматривать весь тот обширный материал, который связан с норманнски-

---

¹ Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 55; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917. S. 53.

² Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 81; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917. S. 83.

ми походами, на предмет уточнения статуса правителей, упоминаемых в рассказах об этих походах. Но мне хотелось обратить внимание на тот факт, что если в истории упомянутых крестовых походов, например, мы имеем достаточно четкие представления о том, какая территория могла соединяться с титулом французского короля Людовика VII или английского короля Ричарда Львиное Сердце, то в случае с норманнскими походами мы не знаем и этого. Область *Dania*, называемая в латиноязычных источниках как область, подлежащая власти *Rex Danorum*, никак не может отождествляться с Данией наших дней, соответственно, король данов — это далеко не то же самое, что датский король. Еще сложнее обстоит дело с областью *Nortmanniam*, которая, как показывают вышеприведенные примеры, может находиться в трех разных частях света (современная Норвегия, герцогство Нормандия во Франции и север Британских островов), а значит, титулатура, связанная с этим именем, вырисовывается как некое туманное пятно.

На эту сложность неоднократно обращалось внимание¹. Но в попытках объяснить явные несостыковки отсылали, как правило, к словам Адама Бременского в его четвертой книге, которые касались описания современной ему Норвегии. Там хронист сообщает, что *Nortmannia* — наиболее удаленная часть света (*sicut ultima orbis provintia est*) и сейчас она называется Норвегия (*Norguegia*). Данную главу обычно соединяют со схолией 143 к этой книге, где говорится, что от тех нордманнов, которые проживают за Данией, произошли нордманны во Франции, а от этих последних произошла часть нордмен, которая совсем недавно прибыла в Апулию².

На мой взгляд, информация, которая содержится в этих словах, никак не дает ответа на вопрос, что за власть содержалась в титулах правителей, связанных с именем

---

¹ См., например: Nyberg T. *Stad, skrift och stift. Några historiska inledningsfågor / Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 323—324.*

² *Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 229—253; Adam av Bremen. Hamburgische kirchengeschichte. Hannover und Leipzig, 1917. S. 263—264.*

Nortmanni в VIII—IX вв., и откуда вообще произошло само имя *Nortmanni*? Но эта информация интересна тем, что показывает, как родовое имя, рожденное одним этносом, коучет по эпохам, закрепляясь то за одним, то за другим народом. Если бы удалось проследить все путешествие имени *Nortmanni* во времени, то мы могли бы ответить на вопрос, какие силы объединялись под этим именем для осуществления тех масштабных военных действий, которые сохранились во франкских хрониках. Продолжая параллели с крестовыми походами, напомним, что поход норвежского короля Сигурда I, совершенный им в рамках первого крестового похода, был частью крупного общеевропейского мероприятия, где объединяющим центром был Ватикан и инициатива римских пап. Какой центр координировал походы норманнов, о которых говорят франкские хроники, кто выполнял роль языческого «Ватикана» норманнов?

Ответ на вопрос, откуда произошло имя *Nortmanni*, оказывается, можно найти в некоторых средневековых источниках. О прародине *Nortmanni* сохранились сведения в анонимной средневековой хронике, описывающей историю Франкского государства с 741 г. по 1139 г. и созданной приблизительно в середине XII вв. (1148—1152). В науке этот источник известен под названием «Саксонский анналист» (*Annalisto Saxo*). В данной хронике под 853 г. сообщается, что тех людей, которые вышли из нижней Скифии, зовут на варварском языке норманнами, т.е. людьми с севера, ибо вначале они пришли из этой части света. Сообщение это повторяется в несколько расширенном виде под 1053 г.:

«Норманны зовутся на варварском языке «северными людьми» потому, что пришли поначалу из этой части света. Отправившись почти 166 лет [назад] во главе с неким герцогом Ролло из нижней Скифии, что лежит в Азии, от реки Дунай на север и плывя по Океану, они часто по пиратскому обыкновению тревожили набегами и германские, и галльские берега этого Океана, пока, наконец, не пришли в ту Галлию, что обращена в сторону Британии, — Францией тогда правил Карл, по прозвищу «Простоватый», и не овладела в ней городом Руаном, вплоть до сего дня [эта терри-

тория] зовется по их имени Нордмандией. Позднее, укрепившись там, они пытались протянуть свои руки и далее»¹.

Источник этот хорошо известен. Его анализировали, в частности, А.Г. Кузьмин и Е.С. Галкина. По их мнению, в данном предании об исходе норманнов во II в. с Дона под предводительством самого Роллона воплотилась одна из генеалогических легенд о происхождении скандинавских народов, которая, однако, связана с реальными событиями, а именно — с миграцией алан и роксолан с юга Восточной Европы, начиная с первых веков н.э. на запад и северо-запад Европы. Пребывание аланов в Западной Европе оставило заметные следы. Известны аланские могильники в Северной Франции, Бельгии, а имена Алан (Ален) и Алдан (кельтский вариант этого имени) распространены по всему северу Европы.

Связь аланов со Скандинавией, по мнению А.Г. Кузьмина, отразилась и в Саге об Инглингах, поскольку асы Одина легко ассоциируются с самоназванием алан Подонья, которых русские летописи и венгерские источники именовали ясами, а грузинские источники — «осами» (нынешние аланы — осетины). В числе других источников, подтверждающих гипотезу об участии аланов в формировании того феномена, как *Nortmanni* в западноевропейской истории, авторами называется «Хроника герцогов нормандских», составленная в XII в. по заказу потомка герцогов нормандских Генриха II поэтом Бенуа де Сент-Мором. В ней сообщается, что предводитель норманнов Роллон, захвативший в начале X в. эту часть северной Франции, завоевал ее как некую прародину. В этой хронике, написанной в основном по каким-то преданиям, упоминается и некий остров «Роси»².

Отрывок из этой хроники с переводом на русский язык был опубликован в свое время В.И. Матузовой. Характеризуя данный источник, исследовательница писала, что пред-

---

¹ Der sächsische Annalist. Leipzig, 1878. S. 10, 61—62; Саксонский анналист / Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники. М., 2010. С. 225.

² Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов / Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1999. С. 471; Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 106—107.

полагаемое время работы над произведением — около 1175 г. В задачу автора входило описать историю герцогов Нормандских до правления Генриха II включительно. Однако поэма осталась незавершенной. Она начинается с кратко наброска космографических учений того времени, повествует о происхождении норманнов, их морских походах, а завершается правлением Генриха I.

Созданный в хронике поэтизированный портрет предков герцогов нормандских как непокорных племен, живших когда-то между Истром и Океаном, воинственных и достаточно многочисленных, чтобы нападать на большие королевства, совпадает и со сведениями «Саксонского анналиста», и с тем образом норманнов, который сохранился во франкских и других хрониках. Высказанное А.Г. Кузьминым и Е.С. Галкиной предположение о том, что одним из источников для данной «Хроники» послужили родовые предания герцогов нормандских, вполне основательно. Правда, Матузова в комментариях к своей публикации отмечала, что пока недостаточно полно исследованы источники космографии Бенуа и неизвестными остаются пути проникновения в «Хронику» сведений о Руси¹.

Полагаю нелишним привести небольшой отрывок из перевода «Хроники герцогов нормандских»:

.....
.....первая область,
Упоминание о которой и чье название я нашел,
Это Сис (Скифия. — А.Г.), называемая нижнею,
И она начинается и сосредоточена
У Меотийских озер,
Которые полны великих чудес.
Между Дунаем и Океаном (Danube e l'Ocean),
Текущим к северу,
Простирается эта область;
.....

---

¹ Матузова В.И. Бенуа де Сент-Мор. «Роман о Трое», «Хроника герцогов нормандских» (XII в.) / Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX—XIII вв. М., 1979. С. 235—236.

Живут там ситы (скифы. — Л.Г.), вольный народ,
Близ болот и озер,
Где много страшных чудес,
Готы, очень выносливое племя,
Следуют затем и алэны,
Не знающие ни вина, ни хлеба.
Молоком, маслом и рыбой
Питаются они и дичью,
Которой они добывают много и без особого труда,

.....
..... река,
Текущая прямо на восток,

.....
Называется она Истером или Дунаем.
Между этой рекой и Океаном
И землей, где живут аланы,
Обитают многие непокорные племена;
Они — дикари и язычники;
Там есть остров, называемый Канси,
И я полагаю, что это Роси.
Огромным соленым морем
Окруженная со всех сторон.
И вот так же, как пчелы
Из разных их ульев,
Вылетают они огромными могучими роями,
Где они исчисляются тысячами,
Или словно пришедшие в ярость,
Бросаются они в бой, выхватив мечи,
Мгновенно воспламененные гневом,
И так все вместе, и более того —
Этот народ может выходить,
Чтобы нападать на большие королевства
И совершать великие побоища,
[Захватывать] великую добычу и [одерживать] победы¹.

В ответ на замечание В.И. Матузовой о неизвестности путей проникновения в это произведение сведений о Руси

---

¹ Там же. С. 241—242.

уместно заметить, что эти пути пребудут оставаться неизвестными до тех пор, пока в науке сохранится образ Руси, «пришлой» в Восточную Европу откуда-то со стороны. То есть образ, затмевающий понимание того, что Русь ниоткуда в Восточную Европу не приходила, а родилась там во глубине времен и прожила на ее земле всю свою историческую жизнь. И осознание этого факта тесно связано с осознанием связи норманнов с Восточной Европой, к показу чего я и возвращаюсь.

Говоря о норманнах и истории их происхождения, нельзя не назвать и имя епископа Лиутпранда Кремонского (ок. 920—971/2), который за столетие до Адама Бременского в своем труде «Антаподосис» (949 г.) дважды упомянул норманнов, написав сначала:

«Город Константинополь (Constantinopolitana urbs)... расположен посреди свирепейших народов. Ведь с севера его ближайшими соседями являются венгры (Hungarii), печенеги (Pizenaci), хазары (Chazari), русь (Rusii), которую иначе мы называем норманнами (Nordmanni), а также болгары (Bulgarii).

Habet quippe (Cplis) ab Aquilone Hungaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos alio nomine nos Nortmannos appellamus, atque Bulgares nimium sibi vicinos».

И далее продолжил:

«Ближе к северу обитает некий народ, который греки (Greci) по внешнему виду называют русью, ρουσιος, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком (Teutonum) языке nord означает север, а man — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами.

Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant Russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos. Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man autem mas, seu vir dicitur, unde et Nordmannos, Aquilonares homines dicere possumus»¹.

---

¹ Лиутпранд Кремонский. «Книга возмездия» («Антаподосис») / Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. М., 2010. С. 36—38; Гедеонов С.А. Лиутпранд / Варяги и русь. М., 2005. С. 358—364.

А за столетие до Лиутпранда, в письме Людовика II Вассилию Македонянину (871 г.), в котором отразилась часть дискуссии о праве на ношение титула хагана, норманны (Nortmannorum) также упоминались в одном контексте с хазарами, а кроме них, также — с аvaraми и болгарaми:

«Хаганом же, ...звался предводитель авар, а не хазар или норманнов.

Chaganum vero non praelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncuparireperimus, neque principem vulgarem, set regem vel dominum Vulgarum»¹.

Норманны перечисляются в ряду народов Восточной Европы. Таким образом, сохранился целый ряд западно-европейских источников, в которых последовательно, на протяжении трех столетий, начиная с конца IX в. и до конца XII в., т.е. в течение времени наибольшей активности норманнов в Западной Европе, высказывались знания о норманнах как о выходцах из Восточной Европы и как о народе, часть которого по-прежнему проживала там и локализовалась севернее хазар. Следовательно, вкaпе эти источники выступают как опровержение симбиоза норманны — урожденные скaндинавы.

С их учетом мы можем высказать предположение о том, что Скaндинавский полуостров (или часть его), безусловно, являлся территорией, имевшей отношение к норманнам, но роль его вполне могла быть такой же, как Нормандия в Северной Франции, т.е. как территория, завоеванная и освоенная на путях миграций из Восточной Европы на ее запад и северо-запад частью народа — носителя родового имени норманнов: из «нижней Скифии» на север до «Океана», которым вполне могло быть не только Балтийское море, но и побережье Ледовитого океана; с севера Скaндинавского полуострова — на север Франции; а с севера Франции — в Апулию.

Но сведения приведенных источников о том, что Восточная Европа — место исхода норманнов и их прародина, большого энтузиазма у российских медиевистов не вызывают. Не издана на русском, насколько мне известно, и «Хро-

---

¹ Гедеонов С.А. Лиутпранд / Варяги и русь. М., 2005. С. 339.

ника герцогов нормандских», за исключением приведенного отрывка в переводе В.И. Матузовой. Почему, лично мне непонятно. Столько рассуждать о великой роли норманнов в создании древнерусского государства, в создании древнерусского института княжеской власти, в открытии Волжско-Балтийского пути, в строительстве массы городов и пр. Так, казалось бы, надо просто наброситься на эту хронику, перевести ее и утвердить на скрижалях для всеобщего умиления: вот, основоположники сами рассказывают! А этого почему-то не делается. Поэтому заканчиваю тем, с чего начала: много неясного на сегодняшний день в истории норманнов, «темна вода в облацех».

НОРМАННЫ, КОТОРЫЕ СТРОИЛИ ГОРОДА

Данные, приведенные в предыдущей главе про норманнов, показывают одну важную вещь. Итак, достоверность полного тождества норманнов и скандинавов не выдерживает испытания историческими источниками. Продолжу дальнейшее развитие этой мысли, подкрепив ее примерами из исследований по ирландской истории.

Ирландская медиевистика унаследовала традиции готицизма-рудбекианизма с отождествлением норманнов и скандинавов (плюс викингов), развиваясь долгое время в лоне английской историографии. С провозглашением республики Ирландия после Второй мировой войны начался новый период в развитии этой области науки. Активное исследование периода ирландской истории под общепринятым сейчас названием эпоха викингов, включая и его археологию, получило развитие, согласно ирландскому археологу П. Уоллесу, с 1960 года. В ходе этого процесса ирландские ученые столкнулись с вопросами, традиционные ответы на которые более не удовлетворяли, а поиски новых ответов рождали острые дискуссии, которые так или иначе заставляли заново задаться вопросом: кто же в действительности были те *gentiles-porthmen*, или язычники-северяне?

В нападениях язычников-северян на Ирландию выделяют два этапа. Первый этап: 794—836 гг. — отдельные рейды на периферии Ирландии, второй — 837—873 гг. — крупные вторжения:

«В 794 г. язычники (gentiles) бурей налетели из-за горизонта с той же разрушительной силой, как и везде на Британских островах. Они сожгли поселения на о. Рехру (Ратлин или Ламбэй), на следующий год опустошили о. Скай, после чего попали в поле зрения анналистов. Первое появление нордманнов собственно в Ирландии приходится на 798 г., когда они сожгли Inis Patraic на побережье в Бреге... и разграбили усыпальницу Св. Дохонны (St. Do-Чоппа)... Появление нордманнов в 807 г. на побережье Коннахта (Connacht), их бесчинства в областях Слайго (Sligo) и Роском (Roscam) — проявления их беспримерного буйства... В 824 г. они напали на Бангор (Bangor) и Антрим (Antrim) в Северной Ирландии...»

Вторая фаза их активности приходится на 837 г., когда две флотилии нордманнов (Nordmanni) по 60 судов в каждой появились в дельтах р. Бойн (Boyne) на северо-восточном побережье Ирландии и р. Лиффи (Liffi) на восточном побережье (ныне протекает через центр Дублина). Операция была задумана крупномасштабно, сопровождалась большими разрушениями и людскими жертвами.

Параллельно событиям в Ирландии происходили схожие события в Британии и на европейском континенте... Значительные атаки на побережье Франции начались в 834 г. ...нападение на Лондон... разграбление Нанта... завоевание Нортумбрии в 867 г.»¹

Итак, параллельно событиям в Ирландии происходило разворачивание масштабных военных действий на Атлантике с юга: нападения на Францию и на Англию. Откуда пришла силушка немереная? Даже тем, кто не обладает никакими познаниями военного дела, должно быть ясно, что силы, необходимые для таких операций, не могли быть обеспечены только выходцами со Скандинавского полуострова. Что-то здесь не так, что-то не вяжется со знакомой нам картиной о норманнах как скандинавах.

Правомерность сомнений усиливается и другим обстоятельством. Дело в том, что с набегамы язычников-норманнов связывается появление в Ирландии традиций городской цивилизации и основание первых ирландских городов. Мысль о том, что первые города Ирландии были основаны норманнами (они же — викинги?!) — выходцами из скандинавских стран, сформулирована, например, ирландским археологом и историком П. Уоллесом².

Причем интересно, что основание и развитие этих первых городов Ирландии шло в рекордно короткие сроки: Лимерик, Дублин, Вексфорд, Ватерфорд, Корк превращаются в города менее чем за столетие, буквально в считанные десятилетия. Причем возведение их происходит в экстремальных условиях: основание Лимерика в 812 г. приходится на период, который ирландские ученые характеризуют как период спорадических набегов норманнов, а основание Дублина (841 г.) приходится на начало «второй фазы активности», когда норманны явились в Ирландию в 837 г. с большой флотилией к реке Лиффи и буквально заявили: «Здесь будет город заложен!»

---

¹ Byrne F.J. The Viking age // A New History of Ireland. I Prehistoric and early Ireland. Oxford, 2005. P. 609—613.

² Wallace P.F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin / Evaluating Multiple Narratives. New York, 2008. P. 166—183.

Ирландский историк Ф. Бирн как раз и отмечал, что уже вслед за первыми нападениями норманнов на отдельные монастыри в Ирландии ими стали организовываться собственные поселения — лагеря, которые постепенно приобретали характер городов, вскоре ставших важными коммерческими центрами, оцененными по достоинству местными жителями. Позднее короли Уа Бриайн даже сделали Лимерик своей резиденцией. До норманнских набегов, по мнению Бирна, большие города или торговые центры отсутствовали как в Ирландии, так и в Британии. Единственным подобием городов были монастыри, которые фактически назывались *civitas* на ирландской латыни. Они были монументальными зданиями, полными сокровищ, и не были ничем защищены¹, т.е. не были обнесены оборонительными стенами.

Сказочно стремительное развитие городов Ирландии, с одной стороны, не согласуется с результатами современного изучения истории города в скандинавских странах, а с другой стороны — с историей поселений выходцев из скандинавских стран на остальных Британских островах. Обратимся снова к работе ирландского историка Ф. Бирна: *«Часто вызывает удивление, что «варвары» — викинги смогли принести «городскую цивилизацию» в Ирландию... Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона — два главных города в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англосаксонский период. На Фарерских островах, Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные местности или захватили заселенные местным населением территории, города не появились»*².

Дополню наблюдение ирландского историка о том, что даны городов не строили, напоминанием о действиях короля данов Годфреда, который в IX веке переселил часть ремесленников и торговцев из южнославянских земель в Хе-

---

¹ Byrne F.J. The Viking age // A New History of Ireland. I Prehistoric and early Ireland. Oxford, 2005. P. 618—619.

² Там же. P. 620—621.

дебю, и с тех пор Хедебю стал развиваться как город. С этим перейду к рассмотрению данных из истории города в Швеции. Хелен Кларк и Бьерн Амбросиани пишут:

«Физико-географические факторы Южной Скандинавии (т.е. на территории, принадлежавшей в Средние века Дании. — Л.Г.) были благоприятны для развития земледелия, а топография не ограничивала строительство поселений. В гористых же местностях к северу (регионы современной Швеции. — Л.Г.) ситуация была несколько иной. Там поселения вплоть до XI в. носили характер разрозненных, далеко отстоящих друг от друга отдельных дворов. Наиболее ранние из них относились к началу бронзового века и строились вокруг водоемов или заливов в прибрежной части. Такие поселения постепенно расстраивались по мере роста населения. Но только к началу средневековья в XI в. начали появляться небольшие поселения сельского типа, да и то лишь в земледельческих центрах. Одновременно с этим стали осваиваться небольшие земельные участки в лесных районах вне пределов старых поселений.

В этот период в земледельческих обществах по всей Скандинавии можно отметить появление простых форм социальной стратификации. В них увеличивалась потребность в продуктах торговли и ремесла, в то же время на европейском континенте увеличился спрос на продукты местного земледелия, железодельного производства и на меха. Можно предположить, что эти факторы — местные потребности и иностранный спрос — определили рост поселений того особого типа, ставших впоследствии городами»¹.

Отметим опять, что природные условия на территориях, находившихся под властью королей данов, были благоприятны для городского строительства, но требовался еще и человеческий ресурс, обладавший нужным опытом, что и определило действия короля Годфреда, переселившего людей в Хедебю.

Ведущие шведские медиевисты Т. Линдквист и М. Шенберг отмечали, что появление более монументальных камен-

---

¹ Clarke Helen, Ambrosiani Björn. Vikingästeder. Höganäs, 1993. S. 48—50.

ных построек в Швеции обнаруживается в середине XII в., а строительство городов — в конце XIII в.:

«В средневековый период появились такие новые типы укрепленных пунктов оборонного характера, как крепости... Самой старинной королевской крепостью была уже упомянутая нами крепость на острове Визингэ (Visingsö) в озере Вэттерн (крепость короля Карла Сверкерссона расположена на широте Гетеборга, в центральной части страны. — Л.Г.). Визингэ была королевской резиденцией как для представителей сверкерского, так и эрикского рода, т.е. она переходила в руки правящего короля.

Но по-настоящему строительство городов в Швеции началось только с конца XIII в. Именно тогда появилось несколько крупных городов, ставших значительными центрами Средневековья: Ледосе и Аксваль в Вэстергетланде (Lödöse, Axvall — Västergötland), Кальмар в Смоланд (Kalmar — Småland) и Боргхольм на Эланде (Borgholm — Öland), Стегеборг в Эстергетланд (Stegaborg — Östergötland), а также в районе озера Мэларен Нючепинг и Стокгольм (Nyköping, Stockholm — Mälaren)... Еще позднее, приблизительно в XIV в., началось строительство таких крупных городов-крепостей, как Эребру (Örebro)»¹.

Аналогичного взгляда на время появления городов в Швеции придерживается и шведский археолог и историк Х. Андерссон: *«В Восточной Швеции, прежде всего в области озера Меларен, городская жизнь (город), в основном, сложилась к началу XIV в., чему предшествовало ее интенсивное развитие в течение XIII в. Иначе шло развитие города в нынешней Западной Швеции, которая в Средневековье была поделена между тремя странами (Данией, Норвегией и Швецией). Города в этой области стали развиваться позднее, хотя и там было несколько городов, появившихся довольно рано. В некоторых регионах Западной Швеции развитие городской жизни носило нестабильный характер»².*

---

¹ Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svänska samhället 800—1720. Klerkernas och adelna tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. S. 43, 62—63.

² Andersson H. Sjuttiosex medeltidsstäder — aspekter på stadsarkeologi och medeltida urbaniseringsprocess i Sverige och Finland. Stockholm, 1990. S. 25.

Интересны его исследования по истории развития градостроительства на Готланде, в частности, по истории г. Висби (Visby) — единственного города на Готланде, где Андерссон выделял два периода: один — связанный с местным населением, а второй — с «немецкими» переселенцами. Археологические исследования показали, что в прибрежной части Готланда было поселение, относящееся к викингскому периоду, причем данное поселение носило постоянный характер.

Были обнаружены следы ремесленных занятий. К югу от поселения были возведены первые церкви — одна из них относится к концу XI в. В течение XII в. поселение стало быстро расти, особенно в восточном и северо-восточном направлениях. В первой четверти XIII в. наблюдается особый подъем: деревянные постройки в центральной части заменяются каменными, строятся новые церкви, реставрируются старые. Отмечая эти изменения, Андерссон сообщает, что с конца XII в. наблюдаются массовые переселения на Готланд «немецкого населения».

Это не совсем корректная формулировка, поскольку «немецким» древнее южнобалтийское население славянских княжеств становилось именно в течение второй половины XII в., в результате наступления рыцарей-крестоносцев под предводительством саксонских герцогов и других правителей германских земель. Его переселение или, проще говоря, бегство на север было естественным следствием данных событий. Количество переселенцев с южнобалтийского берега на Готланде постоянно прибывало и к XIII в. возросло настолько, что в 1225 г. епископ в Линчепинге выдал немецким горожанам (*burgenses*) в Висби грамоту с привилегиями. Переломным моментом в развитии Висби становится начало XIII в., когда воздвигаются каменные постройки¹. Начало каменного строительства в городе говорит о том, что в городе появились дополнительные средства, поскольку каменное строительство — капиталоемкий проект.

Таким образом, выходцы из нынешней Швеции (как и из Норвегии) также не годятся в основоположники городов в Ирландии, поскольку овладели опытом строительства го-

---

¹ Там же. S. 51.

родов не ранее XIII в. Правда, Е.А. Мельникова хронологической отметкой появления городов в Скандинавии определяет XI в. («в Скандинавии до XI в. города отсутствовали»)¹. Но Мельникова же считает исследования рунических надписей на пирейском льве, предпринятые в 1913 году Э. Брате, «наиболее надежным источником сведений о памятнике».

Чтобы предварить в данном контексте вопросы относительно шведской Бирки, приведу по этому поводу оценку шведского историка Д. Хариссона: *«В шведской истории старейшим городом, по мнению исследователей, была Бирка, куда из нынешней Германии приезжал миссионер Ансгар и пытался распространять христианство в Средней Швеции... археологические находки помогли идентифицировать Бирку с городским поселением на острове Бьерке в Мэларен... Задним числом можно сказать, что Бирка была маленьким городком с незадачливой судьбой — эксперимент, которому не суждена была долгая жизнь. Город возник где-то в конце VIII в. и просуществовал около 200 лет. Число жителей колебалось от 500 до 1000 чел. Пока не удалось выяснить, почему город стал стагнировать и постепенно исчез. Предполагается, что торговые пути пошли другим маршрутом, и число торговых гостей в Бирке стало падать... Принудительное переселение жителей было известным явлением в странах Северной Европы. Так, датский король Годфред в принудительном порядке переселил в начале IX в. ремесленников и торговцев из западнославянского города Рерика в свой город Хедебю, что стало очень удачной акцией, поскольку через несколько десятилетий этот город стал процветающим королевским торговым городом»².*

Параллель с Хедебю наводит на мысль о том, что и Бирка была, возможно, как сейчас бы сказали, «международным проектом», который отвечал нуждам в течение определен-

---

¹ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. / ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 65.

² Harrison D. Birka och Uppåkra / Sveriges historia. 600—1350. Stockholm, 2009. S. 61.

ного периода, а потом был «закрыт». Поэтому Бирка и стоит особняком в истории шведского города.

Таким образом, если согласиться с существующей ныне точкой зрения о том, что норманны — это только скандинавы, то до основоположников ирландских городов они явно не дотягивают; хотя бы с хронологической точки зрения. Из чего следует, что норманны должны были быть выходцами из более широких этнических кругов, и что эти круги надо заново устанавливать. Здесь еще раз хочется напомнить, что всякие видимые несоответствия в историческом исследовании возникают тогда, когда из него выпадает часть материала. Так получилось, в частности, с историей южнобалтийских варингов: с одной стороны, они известны, а с другой стороны, их как бы и нет.

С констатацией этого факта и в поисках ответа на вопрос, кем были таинственные язычники, основавшие в Ирландии города, стоит обратиться к работе П. Уоллеса, где он рассматривает слово *garrda* для обозначения городских поселений с ограждениями — слово, которое было принесено в ирландский язык норманнами-язычниками. Уоллес пишет, что это слово происходит от др.-сканд. *garðr*¹. Но, по моему убеждению, это слово (в современных датском, норвежском и шведском *gård* — *двор, усадьба*) является в скандинавских языках очевидным заимствованием. Известны рассуждения о том, что в скандинавском слове «gård» — корень скандинавский, а в славянском слове «город/град» — славянский. Но эти рассуждения — от очень ученой умозрительности. Совершенно очевидно, что все слово, включая корень, пришло в скандинавскую языковую среду с того же южнобалтийского побережья, из языковой традиции, где грады возводились на огороженном пространстве, за оградой. Слово «град-гарт» заимствовалось в Скандинавии в то далекое время, когда своих городов у предков датчан, норвежцев, шведов еще не было, поэтому в скандинавских язы-

---

¹ Wallace P.F. Garda and airbeada: the plot thickens in Viking Dublin / In A.P. Smith (ed.) Seanchas: Essays in Early and Medieval Irish Archaeology, History and Litterature in Honour of F.J. Byrne. Dublin, 2000. P. 261—274; Wallace P.F. Irish Arhaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin / Evaluating Multiple Narratives. New York, 2008. P. 181—182.

как оно закрепилось за населенным пунктом сельского типа, подворьем. Отсюда — *gårddejer* в датском языке как крестьянин, фермер, но никогда — горожанин.

Кроме того, скандинавские *gårdar* — крестьянские подворья — оград, как правило, не имели: малолюдые делало ненужными возведение оград: все ведь денег стоит, что лишний раз подчеркивает заимствованный характер слова *gård*. Поэтому, как ни крепка власть догматизирующей традиции над нашим сознанием, простая логика требует признать, что норманны — основатели ирландских городов, обнесенных ограждениями, — не могли быть скандинавами.

В связи с вопросом о том, откуда и куда шли импульсы культурного влияния и городской культуры на Балтии, небезынтересно рассказать о находке шведских археологов, открывших некоторое время тому назад остатки неизвестного города в Сконе на юге современной Швеции. Наиболее ранний археологический материал датируется периодом железного века. Найденный город характеризуется как самый крупный из известных на сегодня населенных пунктов на Скандинавском полуострове данного периода. Сейчас на его месте расположен маленький населенный пункт под названием Уппокра (*Uppåkra*), который находится чуть к юго-западу от Лунда¹. Можно предположить, что Лунд «сменил» своего более древнего предшественника, не дожившего до времени Адама Бременского. Как говорят шведские ученые, обнаруженный город не упоминается в известных письменных источниках, поэтому они даже не знают, как он назывался, хотя археологические находки очень интересны и значительны.

Область Сконе стала частью Швеции довольно поздно, поэтому история городов Сконе, строго говоря, — часть датской истории. Однако об этом городе, насколько известно, молчат и датские источники. Систематическое исследование здесь стало проводиться только в 90-х годах прошлого века. Территория города составляла площадь 40—50 га, что намного превышает площадь Бирки (7 га) и Хедебю (24

---

¹ Harrison D. *Bygemark / Sveriges historia. 600—1350*. Stockholm, 2009. S. 61—68, 71—73.

га). Город существовал приблизительно одно тысячелетие, считая со времени несколько ранее 100 лет до н.э. и до начала XI в. н.э. Археологические находки отражают торговый обмен впечатляющего масштаба, включая древнеримские изделия и пр., что особенно смущает шведских археологов¹.

Но если допустить, что распространение городских традиций на Скандинавский полуостров шло с юга на север (пример Висби на Готланде), поскольку городская жизнь раньше сложилась на южнобалтийском побережье, то логично взглянуть на данный вопрос более широко и спросить: кем могли быть те мореплаватели и торговцы, которые уже во времена Тацита вели торговлю между Балтикой и Средиземноморьем? Согласно английскому историку Т. Шору, таким народом были варины. Если это так, то совершенно естественно, что обнаруженный город не известен в скандинавских источниках. Искать надо в других источниках.

Непроходимых границ (в политическом смысле) между Южной Балтией и Скандинавским полуостровом никогда не существовало, поэтому ничто не мешает предположить, что часть народа варинов — народа мореходов и торговцев, имевшего давние связи с другими этнополитическими образованиями в юго-западном пределе Балтии: и с англами, и с королями данов, — стала в поисках новых торговых путей осваивать еще до Великого переселения народов и маршрут на север. Заложив на этом пути крупную торговую факторию в юго-западной части Скандинавского полуострова, эта часть варинов потом продолжила двигаться на север, вдоль западного побережья современной Норвегии и далее — на запад, к Британским островам. Возможно, именно варины позднее и вовлекли в этот процесс переселенцев с норвежского побережья, двинувшихся на освоение Исландии и других островов.

В исландских сагах встречается топоним *Нордрлэнд* (*Nordrland*), или *Северные страны*, который без большого риска можно связать с *Nordmannos*. В вышеупомянутой монографии Г. В. Глазыриной находим разъяснение: данный топоним имеет собирательное значение и обознача-

---

¹ Там же. С. 65—67.

ет, по преимуществу, Скандинавские страны (согласно заявлениям норманнистов, которые пора начинать обосновывать. — Л.Г.), но может также относиться и к северной части Германии. При этом дается ссылка на работу E. Metzenthin «Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schriftum» (Pennsylvania, 1941). Убежденность Г.В. Глазыриной в том, что топоним *Нордрленд* преимущественно относится к скандинавским странам, понятна, поскольку данная мысль, как было сказано выше, начала декларироваться в Швеции еще с XVI в., откуда и была унаследована норманнизмом как прописная истина. Но как серьезный ученый, Г.В. Глазырина не может замолчать и тот факт, что территория, отмеченная данным топонимом, была, согласно традиции, намного шире и включала также северную часть европейского континента или южнобалтийское побережье.

По крайней мере, история движения европейцев на запад, начиная с переселения на Британские острова и оканчивая колонизацией Америки, показывает, что сравнительно малочисленные народы из стран Скандинавского полуострова шли в арьергарде этого процесса и никогда — в авангарде. Варини могли входить в ядро тех загадочных *gentiles*-язычников, которые принесли городскую культуру в Ирландию и как ее маркер — слово «*garrda*».

Хотя здесь нельзя исключить и другие варианты. Следует вспомнить, что если ирландские «анналисты, говоря о норманнах — первых поселенцах Дублина, называли их *Genti* или *Gentiles* (т.е. нехристианами) или *Lochlannai*», то «Англо-норманы называли их *Ostmanni* или *Ostmen*»¹. Уместно вспомнить *Austrvegr* — Восточный путь из исландских саг, по определению Т.Н. Джаксон, «стал обозначать земли за Балтийским морем, что и позволило ему встать в один топонимический ряд с композитами *Austrlond* и *Austrriki*». К первому из них Джаксон считает возможным отнести «области севера Восточной Европы», а второй, по ее мнению, включает «в себя самые разнообразные земли к востоку от Балтий-

---

¹ Wallace P.F. *Irish Arhaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin / Evaluating Multiple Narratives*. New York, 2008. P. 172.

ского моря: прибалтийские земли и Русь»¹. Иными словами, упомянутые *Ostmanni* логично ассоциируются с выходцами из *Austrvegr* или *Austrlond*, т.е. из земель к востоку от Балтийского моря, а конкретно — из Руси. По крайней мере, название *Гардарике / Градоцарствие* из скандинавских источников прослеживается как на южнобалтийском побережье, так и на Руси, в Восточной Европе.

Я полагаю, что в исследовании вопроса о том, насколько правомерно тождество «норманны = скандинавы», можно пока поставить предварительную точку. Сличение постулатов норманнизма с источниками сразу же обнаруживает всю умозрительность концепций, связывающих норманнов только с тремя конунгствами Скандинавского полуострова.

Поэтому общепринятое отождествление норманнов из западноевропейских хроник исключительно с выходцами из скандинавских стран должно быть пересмотрено. Реальная картина раннесредневековой истории, в которой они действовали, была явно сложнее. В ней играли значительную роль выходцы из Восточной Европы и южнобалтийского побережья, обладавшие развитыми традициями градостроительства, мореходства и торговли, участвовавшие в миграциях эпохи Великого переселения народов и в русле этих процессов прокладывавшие новые пути на север Западной Европы. Восстановление реальной исторической картины во всей ее полноте — вопрос очень насущный для историй многих стран, и в первую очередь для истории России.

КАК ВОСТОКОВЕД БАЙЕР ВНЕДРЯЛ ШВЕДСКИЕ ИННОВАЦИИ

В науке и в околонучном сообществе распространено мнение о том, что немецкий востоковед Готлиб Зигфрид Байер после публикации статьи «О варягах» (*De Varagis*) сделался основоположником норманнизма — течения в исторической науке, сторонники которого убеждены в сканди-

---

¹ Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 246—247.

навском происхождении варягов (в которых любят видеть выходцев из Средней Швеции). Они считают летописного Рюрика безродным воякой — не то наемником по договору, не то завоевателем. Они же проповедуют идею о шведской этимологии имени *Русь*, из чего пытаются вытянуть всю историю русского народа. Причем как норманнисты, так и их оппоненты единодушны в признании Байера «отцом-основателем» норманнизма.

Однако современный историк Вячеслав Васильевич Фомин подметил, что первое заявление о «варягах из Швеции» вышло из-под борзого пера ловкого шведского дипломата Петра Петрея, которого Фомин совершенно справедливо назвал родоначальником норманнской теории. Идеи Петрея, открывшего новую главу в историческом фантазерстве шведских литераторов, ранее уже приписавших к истории Швеции и деяния готов, и деяния гипербореев, получили не менее резвое продолжение у целого ряда шведских писателей на протяжении всего XVII века. Об этом в свое время писал А.А. Куник, о том же напомнил и В.В. Фомин, приведя слова Куника о том, что «шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX в. основой учения о норманнском происхождении варягов-руси».

О шведских «открытиях» главных основ норманнизма и пойдет речь в данной статье. Из трех вышеназванных опор норманнистской теории останавливаю свое внимание на идее о шведской этимологии имени *Русь*.

В XVII веке шведские литераторы и историографы (Ю. Буре, Г. Штэрнфельм, Ю. Мессениус, О. Рудбек и др.) создали фантастическую «концепцию» о том, что имя легендарной Гиперборей из трудов античных авторов имело скандинавское происхождение. Следовательно, по их рассуждениям, и сама Гиперборея была создана трудами скандинавов, конкретно — предками шведов. Эта фантазия, благодаря «Атлантиде» Рудбека, вплоть до второй половины XVIII в. занимала воображение многих известных западноевропейских мыслителей, чтобы затем с миром отойти в область исторических курьезов.

Однако сама традиция пристраивать к истории Швеции историческое достояние других народов закрепилась в швед-

ской общественной мысли, тем более что освоение «гипербореады» открывало безбрежный простор для любых фантазий на исторические темы. Постепенно в поле зрения шведских литераторов и историографов попала древнерусская история, в результате чего стала рождаться мысль о том, что имя русского государства — Руси — также происходит из Швеции. Логика этих рассуждений расцвела на почве, удобренной предшествующими историческими утопиями. Готицизм XVI—XVII вв. провозглашал Швецию прародиной готам, в качестве доказательств используя топонимику: юг Швеции носил имя *Геталанд*. Утопия шведской «гипербореады» XVII в. объявила Швецию прародиной легендарных гипербореев, для обоснования чего также привлекалась «топонимическая» герменевтика. Например, Олаф Рудбек уверял, что в древности Швеция носила имя *Heligs Öja* или *Helixoia/Heligsö*, которое древние греки, по незнанию шведского языка, записали как Эликсия — Остров блаженных, и через греков это шведское наименование стало известно другим народам¹.

Помимо традиции фантазировать на темы древнешведской истории, стремление провозгласить предков шведов основоположниками древнерусской истории было порождено и особенностями исторического периода, начальной отметкой которого был Столбовский мир (1617 год), а расцветом — Великая Северная война (1700—1721), в результате которой Россия вернула себе как отторгнутые Швецией по Столбовскому миру земли, так и выход к Балтийскому морю. Такой ход событий подстегивал шведскую историческую мысль продолжать поиск «побед» хотя бы в историческом прошлом.

Преамбулой к шведской «филологической герменевтике», поставившей целью доказать шведское происхождение имени *Русь*, можно, скорее всего, считать диссертацию Эрика Рунштеена «О происхождении свео-готских народов», защищенную в 1675 году в Лунде, в которой он, развивая фантазию о переселении свея-готского народа из Швеции в Скифию, стал доказывать, что этнонимы Восточной Европы — сканди-

---

¹ Rudbeck O. *Atland eller Manheim*. Uppsala och Stockholm, 1937. S. 191, 228, 265.

навского происхождения. Будто бы аланы получили свое имя от провинции Олодингер (Ålándingar et Olándingar), а роксоланы — имя выходцев из Росландии (Roslandia) или Рослагена (Roslagia)¹. Попытка Руништеена соединить древний восточно-европейский народ роксоланов, связываемых античной и ренессансной традицией с предками русских, и название шведской области Рослагена наверняка была навеяна творчеством вдохновителя шведской гипербореады Ю. Буре и его любовью к «этимологизированию» по созвучию слов. Так он решил, что финское название шведов *rodzelainen* произошло от шведского названия прибрежной полосы в Упландии *Roslagen* (Roslagen), а топоним *Roslagen* возник как результат сложных трансформаций целого комплекса понятий, восходящих к шведскому глаголу *go* — грести².

Свой вклад в историю «господства» предков шведов в Восточной Европе внесли шведы, оказавшиеся в плену в России в связи с начавшейся Северной войной, такие, например, как Х. Бреннер, Ф.Ю. Страленберг, П. Шенстрем. Любопытно, что многие из шведов, попавших в русский плен или оказавшихся в России в силу других обстоятельств и не имевших возможности вернуться на родину, обнаружили на редкость пристальное внимание к древнерусской истории, стремление к приобретению древнерусских летописей и других исторических сочинений. Объяснение этому вряд ли стоит искать в том, что все они вдруг просто горячо заинтересовались древнерусской историей.

Здесь еще раз уместно вспомнить, что шведское общество, начиная со времени правления короля Густава Вазы, воспитывалось на идее великого прошлого, благодаря чему, по вышеприведенным словам Нордстрема, шведы чувствовали себя «аристократией Европы, которой было предопределено властвовать над миром». Творцы миражной истории Швеции Иоани Магнус и Олаф Рудбек сделались непревзойденными авторитетами для образованных шведов. Извест-

---

¹ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 1996. С. 269.

² Latvakangas A. Riksgrundarna Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 147.

ный шведский историк и литературовед Хенрик Шюк отмечал, что рудбековская «Атлантида» в Швеции конца XVII—XVIII вв. воспринимались как святыня, сравнивая только с Аугсбургским Символом веры¹.

Вера в то, что предки шведов в древности имели великую историю, полную «дивных испытаний», была так велика, что в 1688 году филолог Габриель Спарвенфельд получил задание от шведского правительства совершить поездку по Европе и постараться отыскать документы, которые подтверждали бы «Атлантиду» Рудбека. Все были уверены, что рассказы Рудбека покоятся на достоверном материале, который по разным обстоятельствам был вывезен из страны и рассеялся по разным старинным архивам и книгохранилищам. Несмотря на то, что Спарвенфельд путешествовал более пяти лет и посетил Испанию, Италию, Швейцарию, Северную Африку, он, естественно, ничего не нашел².

Однако мысль о том, что письменные источники, писанные рунами и подтверждавшие шведские древности, о которых повествовал Рудбек, когда-то существовали, но постепенно были утеряны или уничтожены, долго жила в шведском обществе³. Поэтому ничего удивительного, что шведы, оказавшись в России, выказали горячий интерес к материалам по древнерусской истории: ведь и в труде Магнуса «История всех готских и шведских королей», и в «Атлантиде» Рудбека много места было уделено героическим деяниям предков шведов в Восточной Европе. А вдруг здесь удастся отыскать то, что не удалось Спарвенфельду в Западной Европе и Северной Африке, — источники, в которых имелись бы доказательства верности сочинений Магнуса и Рудбека!

---

¹ Schück H. Den äldre Peringskiölds tid / KGL. Vitterhets historie och Anticitets akademien. Dess forhistoria och historia. I—VIII. Stockholm, 1932—1944. B. IV. S. 138.

² Jacobovsky C.V. Sparvenfeld. Bidrag till en biografi. Akad.avh. Stockholm, 1932. S. 73, 79, 84; Latvakangas A. Riksgrundarna Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 172—173; Åberg A. När svenskarne upptäckte världen. Från vikingar till gustavianer. Lund, 1981. S. 109—110.

³ Latvakangas A. Riksgrundarna Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 172; Lindroth S. Svensk lärdomshistoria 4. Gustavianska tiden. Stockholm, 1978. S. 620—621.

Рудбек на «вершине мира» под путеводным светом северных созвездий, в окружении античных богов и ученых (гравюра 1679 года)

Особый оттенок приобрели историографические изыскания шведских писателей по древнерусской истории после поражения Швеции в Северной войне. Ущемленная национальная гордость возвращавшихся из плена шведских военных явно искала утешения в исторических экзерсисах.

В такой обстановке и родилась идея о связи имени *Русь* с финским наименованием шведов «rotzalainen». Подобной мыслью мы обязаны Хенрику Бреннеру, шведскому востоковеду, выпускнику университета в Уппсале. В 1697 году он отправился в составе шведской торговой делегации через Россию в Персию. Путешествие прервалось с началом Северной войны, в силу чего Бреннер до 1722 г. находился в России. Он занялся изучением древнерусской истории, где основное внимание уделялось, естественно, этимологии (у меня нет сведений, знал ли Бреннер русский язык в достаточной степени, но для многих «этимологов» знание русского языка не обязательно).

Бреннер был рожден в Финляндии, знал финский язык, и это явно сказалось на его «этимологических» исследованиях по древнерусской истории. В 1723 году, сразу после возвращения в Швецию, он опубликовал труд по истории и филологии Армении, к которому приложил «этимологические» толкования о началах древнерусской истории. Так, он нашел, например, что название *Русь* следует связывать с рекой Русой, а так как он верил в распространившуюся благодаря Рудбеку мысль о том, что предки финнов заселяли Восточную Европу вплоть до Дона задолго до других народов, а предки шведов их покорили и собирали с них дань, то и стал утверждать, что это название реки Руса могло быть дано финнами. Соответственно, имя *Русь* произошло от названия финнами шведов — «rotzalainen» или «rossalainen», а последнее, в свою очередь, произошло от Рослагена. Мнение такого образованного человека, как Бреннер, было подхвачено его соотечественниками, а также вызвало интерес и в зарубежных ученых кругах.

Из шведов на рассуждения Бреннера о связи Рослагена с финским названием Швеции сразу же стал ссылаться Страленберг. Немецкий теолог и историк И.К. Шеттген использовал работу Бреннера в своей состоящей из пяти частей серии лекций «Originum Russicarum», опубликованной в 1729—1731 гг. в Дрездене.

Современный финский историк Латвакангас отметил, что Шеттген был первым иностранным ученым, использовавшим работу Бреннера. Шеттген использовал достаточно

хорошо известные в Германии материалы по древнерусской истории. Он сообщал в своих лекциях о том, что Рюрик происходил от северных русов-варягов из региона Балтийского моря. И далее, со ссылкой на Бреннера, он пояснял, что славяне в VII веке переселились на север и подчинили местных жителей — финнов. Поскольку, согласно Бреннеру, финны называли шведов «Ruozī», то Шеттген пришел к выводу о том, Северорусское государство (*Russorum septentrionalium imperium*) имело отношение к шведам и занимало в то время более обширные территории к западу, что соответствовало, по его мнению, и данным шведской письменной традиции (иначе говоря, Магнусу и Рудбеку).

Работу Шеттгена можно считать водоразделом между исходной немецкой традицией, знавшей о связи древнерусской истории с южнобалтийским побережьем, и той новой западноевропейской традицией, которая сложилась под влиянием «Атлантиды» Рудбека. Эта новая традиция с конца XVII — первой половины XVIII вв. обрела общеевропейскую популярность. Поскольку созданный шведскими и немецкими писателями образ великого прошлого готов, как завоевателей мира и героических предков всех германских народов, с XVII века стал привлекать все большее внимание английских историков, а несколько позднее — и французских мыслителей. В Англии и Франции распространилось увлечение скандинавским литературным наследием, которое отождествлялось с готическим — «gothic», утверждались идеи родства всех германских народов.

Шеттген явился первым немецким историком, подпавшим под влияние «находок» Бреннера, но, к сожалению, не последним. В свой черед на его «этимологические» реконструкции стали ссылаться и Байер, и Шлецер.

Но Бреннер был, разумеется, не единственным шведским филологом, потрудившимся на ниве исторических фантазий, в частности — фантазии о происхождении имени *Русь* из Швеции. Следующее звено цепочки, умозрительно связывавшей Рослаген с Руотси и русами, было создано Арвидом Моллером, профессором в области права и этики в университете Лунда. В 1731 году он защитил диссертацию «*Dissertatio de Waregia (Wargön)*», в задачу которой входило

ло опровергнуть аргументацию, доказывавшую происхождение варягов из южнобалтийской Вагрии (Мюнстер, Герберштейн, Стрыйковский, Дюре, Селлий, Латом, Хемниц, Лейбниц и др.).

Готлиб Зигфрид Байер

Моллер возвел свою историческую конструкцию, подтянув к ней историю норманнских походов из западноевропейской средневековой истории. В его диссертации мы впервые встречаем развитие умозаключения о том, что норманнские походы, о которых сообщали латиноязычные хроники, могли совершаться только выходцами из Скандинавских стран. Это умозаключение было в сугубо декларативной форме обронено реформатором шведской церкви Олафом Петри в его «Шведской хронике». Для Моллера и его современников подобные утверждения никаких доказательств не требо-

вали, поскольку в течение почти двухсот лет они выступали в обрамлении готицистских и рудбекианистских мифов, озяввших величавым сиянием прошлое предков шведов и приписывавших им всевозможные завоевательные эпопеи древности и Средневековья.

В диссертации Моллера впервые появилось соображение о том, что раз выходцы со Скандинавского полуострова под именем норманнов совершали грабительские походы на Западе, то они должны были их совершать и на Востоке Европы — соображение, так хорошо знакомое по работам современных норманистов. При этом Моллер тут же начинал сочинять «историю» этих нападений: на восточноевропейское побережье Балтийского моря нападали, конечно, шведы, которые, как доблестные воины и разбойники, быстро установили власть над местным населением прибрежной части Гардарики. Далее Моллер собрал воедино и соображения Рунштеена о роксоланах из Рослагена, и рассуждения Буре о финском *rodzelainen*, происшедшем от Рослаген, в свою очередь образованном от шведского глагола *go*, и выстроил их в уже привычном нам порядке: *Roxolani* или *Russi* произошли от *Ruotsi* — финского названия Швеции.

Привлечение финского *Руотси* Моллером объясняется тем, что он, вслед за Бреннером, верил словам Рудбека о том, что славяне позднее шведов добрались до «*Holmgard*» или «*Gardarrike*». Поэтому, по его убеждению, «варварское» население в Холмогардии, над которым господствовали шведские наместники, составляли только финны, говорившие, соответственно, по-фински¹.

Сложнее оказалось последователям Моллера, которым все-таки пришлось признать наличие славянского языка в Приильменье, и в период, предшествовавший призыванию варягов. Отсюда и родился общеизвестный историографический уродец о происхождении имени *Русь* от шведского Рослаген посредством финского *Руотси* — имени, доложенного финнами славянам. Тот историографический уродец, который ва-

---

¹ Scholz Birgit. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Der Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographi. Wiesbaden, 2000. S. 259—263.

ялся из умозрительного хлама в течение почти полутора столетий. Мною уже было показано, что все эти «этимологические» ухищрения оказываются бессмысленными, поскольку земли Рослаген физически не существовало в IX веке.

«Изыскания» Бреннера и Моллера вплотную подводят нас к Г.З. Байеру и его статье «О варягах». Дело в том, что, как выясняется, интерес востоковеда Байера к древнерусской истории пробудился через его знакомство с сюжетами из шведской истории, причем в самом что ни на есть рудбекианском варианте. Еще в его бытность в Кенигсбергском университете с Байером установили знакомство и начали переписку некоторые шведские историки и литераторы. Среди них в том числе был и Х. Бреннер, который по возвращении в Швецию получил место библиотекаря Королевской библиотеки в Стокгольме. В переписке Байера с Бреннером, продолжавшейся вплоть до 1732 года, уже во время работы Байера в Петербурге, обсуждались и вопросы «этимологии» русских и славянских названий в трактовке Бреннера. Эти «этимологии» переехали в статью Байера «О варягах», где в качестве аргументации говорится о том, что «учиним сим же нашим финляндцам и эстляндцам, которые не инако шведов называют, как розалайн, или рос народ»¹. Правда, финский историк Латвакангас обращает внимание на то, что Байер не дает отсылку к работе Бреннера, однако, по его же мнению, источник совершенно очевиден. Тем более, напоминает Латвакангас, отсылка к Бреннеру имеется в следующей статье Байера «Origines Russicae» от 1736 года, опубликованной пятью годами позже в «Комментариях Петербургской Академии наук»².

Переписывался Байер и со Страленбергом, который вслед за Бреннером повторял, что финское название Швеции связано с Рослагеном, по которому финны называли шведов «Raudsalain», а некоторые варяги называли себя русами, что является одним и тем же словом. Ссылаясь на Константина Багрянородного, Сталенберг рассуждал, что раз русы и

---

¹ Байер Г.З. О варягах / Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 353.

² Latvakangas A. Riksgrundarna Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 200, 298.

славяне были разными народами, следовательно, русы могли быть шведами.

Сохранилась переписка Байера и с профессором Упсальского университета Юханом Упмарком Росенадлером, в письме к которому в 1721 году, еще будучи в Кенигсберге, Байер отмечал, что он очень увлечен этимологиями Рудбека. Из переписки Байера с его шведскими корреспондентами видно, что те снабжали его и сочинениями шведских историков, и новейшими диссертациями о древностях шведской истории, написанными в соответствии с господствовавшими в то время традициями шведской историографии. Так, в письме Байера к шведскому чиновнику, секретарю Архива древностей Юхану Хелину, от 17 августа 1732 года, сообщается, в частности, что он прочитал диссертацию Моллера, которая вызвала у него большой интерес. Следовательно, диссертацию Моллера Байеру своевременно прислали.

Таким образом, многолетняя переписка Байера с представителями шведской науки и культуры показывает, что интерес к шведской истории в древности у востоковеда Байера был явно пробужден его шведскими знакомыми в эпистолярном общении. В этой же переписке циркулируют почти все те конкретные доводы и аргументы, которые потом найдут место в статье Байера «О варягах», т.е. создается впечатление, что Байер прошел курс шведской истории по Магнусу и Рудбеку благодаря переписке со своими шведскими коллегами. Вначале обмен сведениями наверняка объяснялся обычной увлеченностью его шведских корреспондентов: и Бреннер, и Страленберг, и другие были одержимы образами великих свершений шведских предков. Но с переездом Байера в Петербург переписка с ним по вопросам шведской истории, вернее по вопросам великой миссии шведских предков в древнерусской истории, приобрела более целенаправленный характер. В чем тут дело?

Полагаю, объяснение лежит на поверхности. Полутора столетняя привычка шведских образованных кругов, начиная с конца XVI века, чувствовать себя «аристократией Европы» благодаря великолепию выдуманной истории требовала продолжения праздника. Однако если великое «готское» прошлое шведской истории было давно и весь-

ма благосклонно усвоено в западноевропейских литературных салонах и университетах, то на идею великого «варяжского» прошлого шведов, возвращением которой шведские историки и литераторы занялись вскоре после «открытия» гипербореады Буре, никто в Европе не обращал внимания. С подобными причудами в Европе еще были незнакомы. Зато знали довольно определенно, что Рюрик был призван из Вагрии (Мюнстер, Стрыйковский, Селлий) или происходил из венево-вандальских народов (Дюре), но никак не из Средней Швеции.

Примерами невнимания к идее о варягах из Швеции может служить, в частности, научная деятельность Иоанна Локценция (1598—1677) и Самюэля Пуфендорфа (1632—1694). Оба историка были приглашенными специалистами в Швеции: Локцений в 1625 году был приглашен из Гольштейна на должность профессора истории в Уппсале, а Пуфендорф — в 1677 году из Гейдельберга на должность профессора права в Лунде. Оба выступили создателями исторических произведений по истории Швеции, но ни один из них не затронул древнерусскую историю в одном контексте со шведской историей, т.е. тематику, которая все активнее обсуждалась в шведских образованных кругах благодаря работам Верелия, Рудбека и др. как раз в период пребывания этих историков в Швеции. Их работы, особенно история Локценция, написаны в традициях классического готицизма, где все великое в древней истории Швеции связывалось с эпизодами древних готв.

Переписка Байера со шведскими коллегами показывает, что шведские историки стремились распространять сведения о своих «варяжских» находках среди иностранных ученых, пытались сделать свои идеи достоянием общеевропейской исторической мысли, чтобы получить для них такое же международное признание, какое выпало на долю «шведов-готов» и «шведов-гипербореев». Особенно важным должно было казаться признание идеи о «роزالейне» из Рослагена в немецкоязычной ученой среде, ведь с ее представителями бок о бок, рука об руку воссоздавались величественные картины шведо-готского прошлого в течение более трехсот лет.

Но именно в немецких землях идеи о «варягах из Швеции» наталкивались на неприятную помеху в виде работ Мюнстера и Герберштейна о Рюрике и варягах из Вагрии и

Любека. А также на препятствие в виде мекленбургских генеалогий, которые начали широко появляться в работах немецких авторов в XVII веке (Латом, Хемниц) и из которых очевидно следовало, что Рюрик и его братья происходили из ободритского княжеского рода. В конце XVII века вопросом о корнях русского царского рода заинтересовался видный немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц. Историк Всеволод Меркулов приводит данные о том, что Лейбниц собрал множество материалов по древнерусской истории, на основе которых он пришел к выводу о том, что область варягов — это область Вагрия в окрестностях Любека¹.

Немецкоязычная традиция, основанная и на родовых преданиях, и на фамильных документах герцогских и княжеских родов Германии, твердою стопою встала на пути к международному признанию новой исторической феерии о великой миссии предков шведов по созданию древнерусской государственности. А противопоставить этим добротным сведениям можно было только филологическую казуистику и отсылку к еще не сданным в архив увражам Магнуса и Рудбека. Не радовала и перспектива иметь оппонентом такого немецкого историка, как Мюнстер, ибо за ним грозной тучей нависала тень короля Густава Вазы, которому Мюнстер посвятил свою «Космографию». Поэтому основным объектом критики Моллер и его единомышленники избрали Герберштейна — дипломат, откуда-то из Вены, никаких пересечений со шведской короной — значит можно «разоблачать» сколько угодно. А Мюнстера «замолчали», пройдя мимо его личности с потупленными взорами. Ту же тактику можно наблюдать и у современных норманнистов: огонь критики направляется против Герберштейна, а Мюнстер в поле зрения отсутствует. Впрочем, не знаю, тактика ли это. Возможно, просто идет копирование того наследия, которое российская наука получила из Швеции через Байера.

Итак, продвижение на европейскую арену новых «открытий» шведской исторической мысли в течение какого-то времени шло очень туго. Но за несколько лет до «варяжского» дебюта Байера «лед тронулся», когда на шведские «эти-

---

¹ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005. С. 48—49.

мологии» Бреннера обратил внимание дрезденский историк Шеттген. В случае же с Байером усилия шведских филологов увенчались просто блистательным успехом. Молодой немецкий востоковед всерьез увлекся рассказами своих шведских корреспондентов о шведских «розалайнен», основавших древнерусскую династию, и о прочих новинках шведской исторической мысли, что, в принципе, объяснимо. С одной стороны, фантазии Рудбека были признанными respectable теориями своего времени и, соответственно, вполне приличным фоном для «концепций» шведских коллег, а с другой стороны, Байер был, возможно, личностью, особо наделенной жаждой к открытиям, своего рода кладоискатель в науке. И особую актуальность это совпадение обстоятельств получило с приглашением Байера в Петербургскую Академию наук, т.е., как часто бывает, вмешался еще и случай.

Собственно, согласно его должности на кафедре древностей и восточных языков ему вроде бы и не обязательно было заниматься древнерусской историей. Но Байер, прибыв в Санкт-Петербург в начале 1726 года, привез с собой и усвоенные им идеи о шведском происхождении русов — «розалайнен», обсуждавшиеся им в течение нескольких лет со шведскими коллегами в период работы в Кенигсберге. С переездом в Петербург Байера эта переписка явно интенсифицировалась, и вполне можно предположить, что не без влияния своих шведских коллег Байер приступил к работе над статьей «О варягах», выходящей за пределы его научной компетенции и обязанностей. По крайней мере, в Швеции были в курсе того, что Байер начал работать над статьей «О варягах», и знали, что в ней отразятся все шведские новинки о финских и шведских этимологиях имени русов.

Известно, что выхода статьи Байера ждали в Швеции с нетерпением. Моллер поторопился прислать ему текст диссертации, которую он прочитал уже в 1732 году и успел включить ее в свою статью с похвалами в адрес моллеровой учености. Один из шведских корреспондентов Байера, крупный деятель шведской культуры Эрик Бенцелиус, в письме к своему брату писал, что у него заранее слюнки текут от предвкушения прочтения статьи Байера («kommer mig att hvaslas i munnen»).

AVCTORIS 2941

THEOPHILI SIGEFRI BEERI,

olim Professoris orientalis historiae et linguarum orientalium, in Academia Petropolitana.

DISSERTATIO

DE

V A R A G I S

m. c.

СОЧИНЕНИЕ О ВАРЯГАХЪ

АВТОРА ФЕОФИЛА СИГЕФРА БЕЕРА

былаго Профессора Восточной исторіи, и Восточныхъ языковъ, при Императорской Академіи наукъ.

Переводилъ съ Латинскаго языка

Керякъ Кондратовичъ.

1747 года, въ Январѣ.

Этот ажиотаж легко понять, поскольку в небольшой по объему статье Байер использовал около десятка шведских авторов, а именно, П. Петрея, Л. Буре, И. Перингшельда, Х. Бреннера, А. Моллера во главе с тремя ведущими мифотворцами шведской истории — И. Магнусом, О. Верелием и О. Рудбеком — как методологической опорой для своей аргументации. И статья Байера стала первым проводником идей шведской историографии о «русах-шведах» в международных научных кругах. Например, в прославленной французской эн-

циклопедии была помещена статья о варягах, в которой, со ссылкой на Байера, сообщалось, что варяги были скандинавского происхождения¹. Правда, подобные «новости» о древнерусской истории только начинали распространяться во французских салонах. В то же время выходили и книги других французских писателей по истории России, где происхождение русских связывалось и с древностями Восточной Европы (гуннское происхождение у Левека), и с южнобалтийским побережьем (прусское происхождение у аббата Перина)². Оба названных автора провели несколько лет в России в качестве преподавателей, вращались в образованных кругах российского общества и могли получать информацию по интересующим их вопросам древнерусской истории из первых рук. Заботы же шведской историографии доказать шведское происхождение русов явно прошли мимо них.

Однако кто из современных читателей помнит Левека или аббата Перина и знает их работы? А вот упомянутая французская «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» — по-прежнему, издание известное. Еще в большей степени это относится к труду английского историка Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», где он также затрагивает вопрос об имени русского народа и ссылается в своих разъяснениях на статью Байера. Так что победное шествие мифа о «шведах-русах» по западноевропейским университетам и салонам было открыто статьей Байера.

Впрочем, последний гвоздь в «реконструирование» происхождения имени *Русь* из *Ruotsi* — финского названия Швеции забил современник Шлецера, уппсальский профессор Ю. Тунманн, провозгласив, что его реконструкция является неопровержимым доказательством того, что русы были шведами, основавшими Древнерусское государство³. Ловкость Тунманна заключалась в том, что он, как разъяснял В.А. Мошин, нашел подтверждение «...летописной легенды

---

¹ Warages, les, hist. de Russie / Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1756. XVII. S. 589.

² Lévesque P.-Ch. Histoire de la Russie. Paris, 1782—1783; Périn (abbé). Abrégé de l'histoire Russie. Paris, 1804.

³ Thunman J. Untersuchungen über die älteste Geschichte der östlichen Völker. Leipzig, 1774.

о призвании славянскими и финскими племенами руси из Швеции в том лингвистическом факте, что финны до сих пор называют шведов именем *Ruotsi*, из которого вполне правильно выводится славянская форма «русь». Не устранив затруднений, которые представляло для норманнской теории отсутствие указаний на существование в Швеции племени «русь», якобы давшего династию восточным славянам, указанный факт дал норманнской теории твердую научную опору, так что и до настоящего времени он остается важнейшим аргументом для доказательства скандинавского происхождения руси»¹.

Факт этот, как следует из результатов геофизических исследований восточного побережья Швеции, никакой твердой опоры под собой не имеет, поскольку в буквальном смысле написан вилами по воде.

Эти «доказательства» Тунманна, как самые верные и неопровержимые, воспринял Шлецер: «Первое доказательство, что Руссы могут означать Шведов. — Еще и по сию пору Финские народы называют на своем языке Шведов сим только именем. ...*Ruotzi*, Швеция; *Ruotzalainen*, Швед... В древнейшие времена Есты и Финны разбойничали по Балтийскому морю, а чаще всего в Швеции. Упландский берег был ближайший противу их: еще и теперь, как и древле, называется он *РОСлаген*. Очень часто целые народы и земли получают названия от соседей по местам, ближе всех к ним прилежащим»².

От Шлецера эстафету принял Карамзин: «Мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя... Напрасно в древних летописях скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его... однакож историки находят основательные причины думать, что Несторовы варяги-русь обитали в королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть

---

¹ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 2. М., 2010. С. 24.

² Шлецер А.А. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сходные, переведенные и объясненные Августом Лудовигом Шлецером. СПб., 1809. С. 317.

известны, в землях соседственных, под особенным названием... Финны, имея некогда с Рос-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют всех ее жителей вообще россами, ротсами, руотсами».¹

Николай Михайлович Карамзин под влиянием «новинок» западноевропейской историографии так уверовал в то, что варяги-русь были выходцами из Швеции, что даже совершил подлог в историческом источнике. А именно — подмену в тексте письма Ивана Грозного шведскому королю Юхану III, когда в фразе оригинала «в старых летописях упоминается о варягах, которые находились в войске самодержца Ярослава-Георгия: а варяги были немцы», Карамзин вместо слова немцы подставил *шведы* и написал в своем труде «а варяги были шведы»², дав тем самым ход в науке самой настоящей фальшивке. Можно только дивиться власти мифов сознания.

Так двухсотлетние умозрительные блуждания представителей шведского готицизма и рудбекианизма дорогами вымышленной исторической славы принесли им еще один трофей: если ранее были выявлены «гипербореи-шведы», заложившие основы древнегреческой цивилизации, и «готы-шведы», покорившие Рим, то теперь обнаружилось «русы-шведы», создавшие величайшее государство Восточной Европы. Шлецер подхватил рассуждения Тунманна и ввел их в своего «Нестора», придав облик академического наукообразия странной, в сущности, мысли о том, что лингвистическое препарирование какого-либо имени может раскрыть историю носителя этого имени. Историческая ценность и научная достоверность «русов-шведов» совершенно равнозначна научной достоверности «гипербореев-шведов» и «готов-шведов», поскольку все эти образы рождены в одной купели — утопической.

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга первая. Т. I. М., 1988. С. 29—30, 67—68.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга третья. Т. IX. М., 1989. С. 129. О подмене см.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 128. Первая публикация оригинала письма со словами «варяги-немцы» см.: Новиков Н.И. Древняя Российская Вифлиофика. М., 1773. Август. С. 29—30, 110—141.

«ШВЕДСКИЕ ВИКИНГИ» НЕ МОГЛИ СОЗДАТЬ ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Одна из экспозиций в Teknikens hus в Норрботтене наглядно демонстрирует изменения ландшафта на севере Швеции вдоль побережья Ботнического залива. Когда-то она заставила меня задуматься о том, как отразился данный природный феномен — постепенный подъем морского дна — на геофизических процессах в районе современной Уппсалы и Стокгольма или в той исторической области, которая известна под названием *Рослаген*. Оказалось, что этот феномен существовал и там, то есть суша постепенно вырастала из воды. Земля, вырастающая из моря, — это, кстати, перевод шведского выражения *Landet stiger ur havet*, которым шведские ученые-естественники пользуются в работах по истории природной среды Швеции.

Мне с самого начала было понятно, что подъем дна Ботнического залива — важный аргумент, идущий вразрез с «норманнской» концепцией происхождения Руси от шведского Рослагена. Согласно упорным заверениям норманистов в течение почти трех столетий, именно выходцы из так

называемой Средней Швеции (Рослагена) будто бы сыграли ведущую роль в процессах образования Древнерусского государства. Они же якобы преуспели в создании древнерусского института верховной княжеской власти, контролировали Волго-Балтийский торговый путь и развивали торговлю впечатляющего трансевропейского масштаба. Затем будто бы отметились в возведении древнерусских городов в рамках не то завоевательной экспансии, не то миграции колонистов.

Уместно вспомнить здесь слова российского норманиста начала XIX века И. Кайданова о том, что именно здесь, в Рослагене, «начало нынешнего государства Российского», поскольку из Рослагена, мыслилось ему, прибыли варяги-русь, «кои отечество наше одолжено и именем своим и главным своим счастьем — *монархическою властью*»¹.

Мысль о том, что «отечество наше одолжено» буквально всем пришельцам со Скандинавского полуострова, крепко сидит и в современной науке. Так, мы можем найти в качестве внешнего фактора, благоустроившего русскую историю, «военные отряды скандинавов» или «дружинную среду», «викингские отряды» или даже просто «фон скандинавского присутствия» у Е.А. Мельниковой; «дружины скандинавов» у В.Я. Петрухина; «норманнских дружинников» или «движение викингов» на север Восточно-Европейской равнины у А.А. Горского; «экспансию викингов» и «норманнские каганаты-княжества», усеявшие всю Восточную Европу, у Р.Г. Скрынникова². У Л.С. Клейна имеются и «воинские и торговые путешествия викингов в Киевскую Русь», и «экспансия на восток», и «миграция норманнов в Восточ-

---

¹ Кайданов И. Начертание истории государства Российского. СПб., 1830. С. VI.

² Горский А.А. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 37—53; Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. №2. С. 24; Она же. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. / ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 60—61; Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст / ДГВЕ. 2005 г. М., 2008; Скрынников Р.Г. IX—XVIII века. СПб., 1999. С. 20—23.

ную Европу», а также — «популяция норманнов, распространившаяся по восточнославянским землям»¹. Картина хорошо известная в отечественной истории, поскольку она переходит из работы в работу у многих поколений историков, филологов, археологов на протяжении более двух столетий. Только относительно нашего времени могут отослать к работам А.А. Горского, Л.С. Клейна, Т.Н. Джаксон, Н.Ф. Котляра, М.Б. Свердлова, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина, В.В. Пузанова, Р.Г. Скрынникова и др.

Точный адрес скандинавов — участников образования Древнерусского государства, — находим у М.Б. Свердлова. Начало этого процесса у него связано как с переселением скандинавов в Восточную Европу, так и с общеевропейской эпохой викингов: *«Вероятно, в середине VIII в. начались их мирные переселения в Восточную Европу... С началом Эпохи викингов в конце VIII—IX в. на Восточную Европу, как и на другие регионы Европейского континента, распространяется завоевательная экспансия норманнов (в Восточной Европе — прежде всего шведов, тогда как датчане и норвежцы отправлялись в походы преимущественно на Запад). Они*

---

¹ Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009. С. 223—224.

наложили дань на северо-западное межплеменное объединение словен, кривичей и мери. Те восстали против варягов ок. 860 г., но затем между ними начались междоусобные распри, что привело к избранию ими князем конунга Рерика»¹.

Эти несколько фраз изобилуют вымыслом и исторической небрежностью. Нет никаких известий об экспансии «викингов» — у Свердлова даже конкретно обозначена их этническая принадлежность как шведов — в Восточную Европу. Единственная аргументация, которую норманнисты приводят в этом случае, — это вопрос, задаваемый на протяжении более 200 лет: «Раз викинги нападали на Западе, то неужели вы такие наивные и думаете, что они не нападали на Восточную Европу?!» Аргумент, как говорят юристы, недействительный, поскольку если какое-то событие происходило в одном месте, то совсем необязательно, чтобы аналогичное событие происходило в другом. Однако простая логика в данном случае не работает.

Поэтому я решила, что для более основательной аргументации необходимо выяснить, как происходило создание государственности и института верховной власти в шведской истории, как развивалась там городская жизнь, каковой была демографическая ситуация и пр. Иными словами, мне показалось нужным определить, обладала ли Средняя Швеция необходимым потенциалом собственного политического опыта или опыта градостроительства для свершения той великой миссии в древнерусской истории, которая ей приписывается норманнизмом. Имелись ли там достаточные ресурсы — человеческие и материальные — для осуществления гигантской работы на великих просторах Восточной Европы? Для ответа на этот вопрос я привлекала результаты исследований шведских ученых, посвященных проблематике политогенеза в Швеции и кругу вопросов, связанных с ней. Под термином *политогенез* я, в соответствии с предложением Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, по-

---

¹ Свердлов М.Б. Образование русского государства (VIII — конец IX в.) / Историография, теория и практика изучения истории Руси VI—XIII вв. Саратов, 2002. С. 42—52; Он же. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси V—XIII вв.; Он же. Дополнения / Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 595—596.

нимаю «процесс формирования сложной политической организации любого типа, что выглядит более обоснованным также и с точки зрения этимологии: слово *politeia* в античной Греции обозначало политический порядок любого типа, а не только государство»¹.

1. Создание шведской государственности, согласно шведским медиэвистам, носило затяжной, длительный характер, признаки раннего государства можно выявить не ранее второй половины XIII — начала XIV вв. Приведу несколько выдержек из работ ведущих шведских историков.

Современный исследователь проблем шведского социо- и политогенеза Т. Линдквист уверен, что только со второй половины XIII в. королевская власть в Швеции стала выступать «как форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть. Именно в этот период выросли привилегированные благородные сословия с точно определенными правами и обязанностями нести службу в пользу короля и общества. Кодификация и запись законов, а также оформление политических институтов — вот что характерно для данного периода. На рубеже XIII—XIV вв. государственная власть была представлена королевской властью и молодыми сословиями духовной и светской знати. Конец XIII в. был завершением того специфического и длительного исторического процесса социальных преобразований, характерных для Швеции в период, который, в соответствии с традиционной терминологией, может быть назван как переходный от викингского периода к раннесредневековому»². То есть в так называемый викингский период (в шведской историографии: конец VIII—XI вв.) признаков государства не отмечено, социально-политическая организация шведского общества не выходила за пределы догосударственных форм.

Т. Линдквист пользуется принятым в современной науке понятием раннее государство и, оговаривая, что оформ-

---

¹ Бондаренко Д.М., Гринин А.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной революции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 27.

² Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995. S. 4—5.

ление государственности включает такой критерий, как создание «территории под властью единого политического руководства», отмечает, что те признаки, которыми характеризуется раннее государство, складывались в Швеции в период XI—XIV вв., т.е. в период, следующий за викингским периодом¹.

Эти же взгляды он развивает и в одной из последних работ, написанной совместно с Марией Шеберг. Опираясь на «Житие Святого Ансгара», епископа Гамбурга и распространителя христианства в Северной Германии, Дании и Швеции, побывавшего в 830 г. со своей миссией в Бирке и запечатлевшего социальные и политические отношения у свеев, Т. Линдквист пишет, что территория свеев в этот период состояла из целого ряда мелких владений, не имевших определенной структуры или иерархии, властные полномочия короля были ограничены народным собранием. Какой-либо централизованной или верховной королевской власти не существовало, в силу чего невозможно определить степень ее влияния на жизнь общества. Примерно такую же картину, подчеркивает Т. Линдквист, рисует нам и хронист Адам Бременский в 1070 г. по прошествии более чем 200 лет².

Итог в поисках начал шведского политогенеза подвел историк Дик Харрисон:

«У Иордана, Кассиодора и Прокопия... создан образ Скандинавии, для которого характерно наличие множества мелких политических единиц... совершенно невозможно реконструировать политические границы областей в вендельский или викингский периоды исходя из названий, встречающихся в источниках XIII—XIV веков...»

Область, которая в шведской историографии обычно оказывается в центре рассуждений о власти и королевстве в дохристианскую эпоху, — это Упланд (т.е. район Упсалы и Стокгольма, включая Рослаген. — Л.Г.). Кроме того, область

¹ Там же. S. 4, 10—11.

² Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995. S. 4—12; Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800—1720. Klerkernas och adelna tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. S. 23—33.

Упланд всегда была фавориткой археологов. В сравнении с Эстергетланд (Östergötland) и с Вэстергетланд (Västergötland) археологическая изученность Упланд неизмеримо выше, поскольку там проводилось намного больше раскопок. Исследование Упланд проводилось в течение нескольких столетий, воспринимаясь чуть ли не как дело государственной важности. В период великодержавности в XVII в. или в период развития националистических тенденций в XIX в. Упланд рассматривалась как колыбель шведской государственности, а короли из Саги об Инглингах величались как общешведские древние монархи... Сегодня наука отбросила эти заблуждения как анахронизм и отправила их на свалку истории, хотя время от времени они появляются в туристических брошюрах или в устаревших исторических обзорах. На самом деле мы не можем с достаточной уверенностью использовать даже известные сегодня названия областей применительно к рассуждениям о вендельском или викингском периодах. Название Упланд мы впервые встречаем только в 1296 г., в связи с принятием свода Упландских законов. До этого внутриконтинентальная часть будущей области распадалась на три небольших земли или на три так называемых фолькланда (folkland от folk — народ и land — земля. — А.Г.): Ат-тундаланд, Фьедрундаланд и Тиундаланд...

Конкретные структуры власти — вождества, мелкие конунгства и группировки военных предводителей — запечатлелись не только в европейских хрониках, но и благодаря средневековым наименованиям этнических групп, а также благодаря архаичным названиям в сельской местности... Когда-то история о свях и гетах не вызывала проблем...

Обычным для историков и археологов было представление о том, что геты и свеи создали свои политические и военные организации, конфликтовавшие друг с другом. Свеи, согласно этой гипотезе, подчинили себе гетов и дали имя объединенному королевству Свеярике — Швеция. Сейчас мы в это не верим, поскольку это ничем не подтверждается... ни один источник не упоминает это завоевание... Только в течение XII—XIII вв. термин свеи стал означать членов той политической системы, которая располагалась к северу от Кольморден и Тиведен, а термин геты закрепился за остальным населением королевства, прежде всего за теми

крупными владельцами, которые входили в сферу архиепископств в Скаре и в Линчепинге...»¹.

Следует также добавить, что только в середине XIV в. в Швеции появилось первое общегосударственное уложение законов, которое заменило множество провинциальных законов. Свод законов был разработан по распоряжению короля Магнуса Эрикссона (правил в 1319—1364 гг.). До этого каждая область Швеции управлялась своими провинциальными законами: Вэстгеталаген (Västgötalagen) — законы Западной Геталанд (старшая редакция около 1220 г.), Эстгеталаген (Östgötalagen) — законы для Восточной Геталанд и острова Эланд/Öland (зафиксированы предположительно в 1290 г.), Гуталаген — законы для Готланда (возможно, 1220 г.), Упландслаген (Upplandslagen) — законы для восточной части Свеяланд (Средней Швеции) Упланд и входившей в нее Гэстрикланд, зафиксированы в 1296 г., а также другими законами². Подобное развитие законодательной деятельности — явное свидетельство того, что институт верховной власти в Швеции не завершил своего оформления еще и к XIV веку.

Что же касается викингского периода, то шведские ученые сейчас сходятся во мнении о том, что на раздробленной территории тогдашней Швеции имелось множество мелких правителей — конунгов и хевдингов/вождей, причем в рамках каждого из исторических регионов. К такому выводу приходит, в частности, Л. Гарн³. Объединение этих исторических регионов или объединение севера Швеции (свеи) с югом Швеции (геты) заняло несколько столетий.

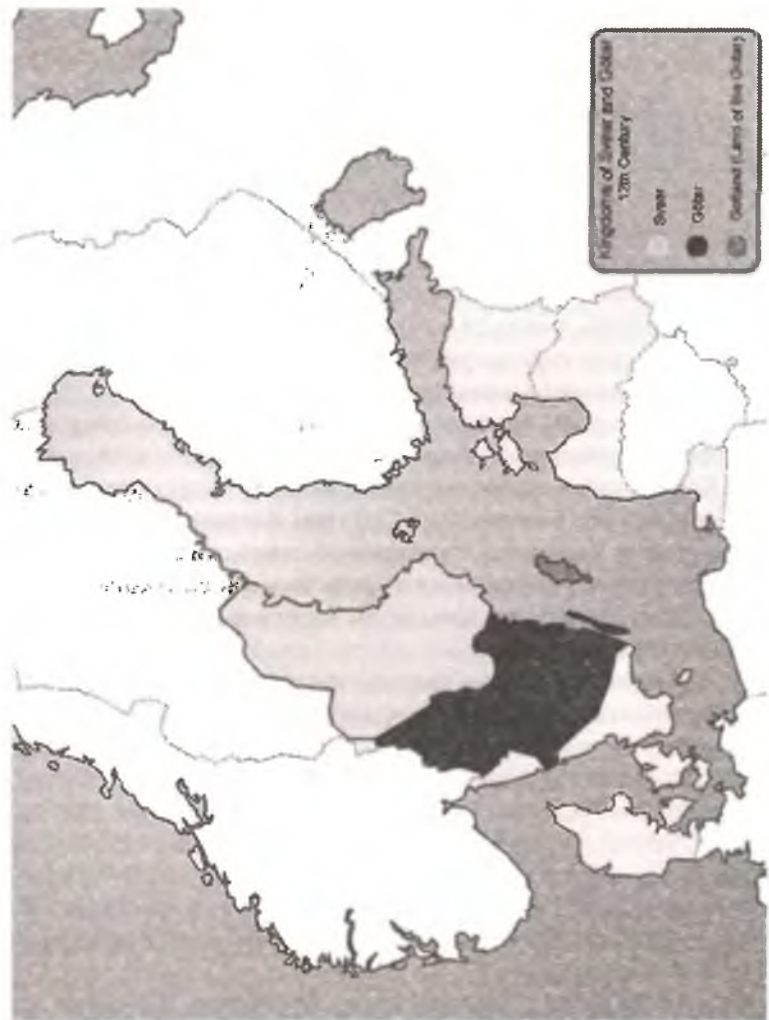
Напомню, что объединение Новгорода и Киева представителями династии Рюриковичей произошло за несколько десятилетий: В лѣто 6370 произошло призвание Рюрика с братьями, а в лѣто 6390 «сѣде Олег княжа въ Киевѣ». Не только большими ресурсами, но и большим организаторским опытом надо было обладать для того, чтобы за два десятилетия осуществить объединение гигантской территории под властью одной династии. Из Средней Швеции такой опыт принести было некому.

---

¹ Harrison D. Sveriges historia. 600—1350. Stockholm, 2009. S. 26—36.

² Там же. S. 25.

³ Gahrn N. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988. S. 36.

Дополню еще, что Т. Линдквист подчеркивает не только позднее образование шведского государства, но и его во многом вторичный характер: *«Вторичные государства возникли под влиянием или под воздействием более древних государственных образований... Шведское государство, возникшее в позднем средневековье, было, конечно, вторичным. Оно возникло позднее многих государств в Европе и даже в Скандинавии. Целый ряд явлений и представлений носили экзогенный характер: они «вводились» со стороны. Представления о значении и функциях королевской власти, установления и ритуалы для носителей новой государственной власти были привнесены со стороны»*¹.

Эта цитата — ясный ответ тем, кто со времен упомянутого Кайданова убежден в том, что Русское государство обязано «главным своим счастьем — монархической властью» неким безродным выходцам из Средней Швеции.

Для тех, кому приведенные отрывки из работ шведских историков покажутся многословными, сформулирую коротко. Каким-либо существенным опытом в создании государственности выходцы из Средней Швеции в IX веке не обладали и близко. Объединение шведских земель под властью одной королевской династии растянулось на века, следовательно, не имелось и опыта в создании института верховной власти.

То же самое можно сказать и о развитии городов. Согласно данным шведских историков, строительство городов в Швеции по-настоящему началось только с конца XIII в. Для раскрытия этой мысли следует написать отдельную заметку, здесь же завершу ее словами шведского археолога Амбросиани, который, рассуждая о Гнездове, заметил: *«Достоинно удивления, что викинги, которые в это время (VIII—IX вв.) практически не имели собственной городской культуры, совершенно очевидно, играли значительную роль в развитии городов на востоке»*².

---

¹ Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995. S. 8—10.

² Clarke Helen, Ambrosiani Björn. Vikingäster. Höganäs, 1993. S. 104.

Вот таким образом: у себя ничего не имели, а пришли в Восточную Европу, и откуда что взялось.

2. Демографический фактор стал следующим вопросом, который я поставила перед собой. Чем была обусловлена такая специфика социополитической эволюции в Швеции, как длительно сохранявшая раздробленность территории, автономность отдельных регионов и общин?

Многие шведские ученые называют влияние природной среды: сильно пересеченный рельеф местности, горные и лесные массивы, множество водоемов, создававшие естественные преграды для развития коммуникаций. Причем отмеченное влияние природной среды проявлялось неравномерно: некоторые области Швеции были более изолированы, чем остальные, что влияло на их развитие.

Однако если повернуть это суждение другой стороной, то можно сказать, что на обозримых исторических отрезках времени количество населения в Швеции бывало недостаточно, чтобы преодолевать сложности географического характера. В развитие этого предположения я решила посмотреть на то, какими данными в исследовании демографической проблематики располагает наука.

При этом среди механизмов, движущих социальную эволюцию, численность населения и его рост являются одними из важнейших. Рост населения как фактор, влияющий на изменения в социополитических структурах, рассматривал Э. Сервис¹. Р. Карнейро считал важнейшими механизмами политической эволюции рост численности населения и демографическое давление в условиях ограниченности среды². Х. Классен отмечал, что для формирования сложного стратифицированного общества нужна достаточная численность населения: *«Необходимое количество управленцев, слуг, придворных, священников, солдат, земледельцев, торговцев и т.д. можно обеспечить, если население исчисляется тысячами... Такая большая численность людей — чле-*

---

¹ Servise E. *Origins of the State and Civilization*. New York, 1975. Idem. *Classic and Modern Theories of the Origins of Government / Origins of State*. Philadelphia, 1978.

² Карнейро Р.-А. Теория происхождения государства / Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 59—67.

нов одного общества — имеет некоторые следствия, самым важным из которых является потребность в более развитых формах управления...»¹

А.Е. Гринин характеризует вопрос о размерах политий как имеющий очень важное значение в социальной эволюции, поскольку «чем больше населения в политии, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления»².

Применительно к шведской истории исследованиями динамики демографического развития в Швеции в первом тысячелетии занимались такие ученые, как О. Хиенстранд, Б. Амбросиани, К.-Х. Сивен, С. Велиндер и др.

Археолог Хиенстранд для определения количества населения использовал археологический материал эпохи позднего железа в Швеции (550—1050), в частности, обширный материал из захоронений. Он подчеркивал, что такая характеристика, как определение количества населения, является фундаментальной при анализе социальных отношений в архаичных обществах. Основное внимание он уделил области Мэларен — историческому ядру шведского государства, куда входит Уппсала и современный Стокгольм и которая выступает часто синонимом для исторического политонима Свеярике. Данная область была хорошо обеспечена археологическим материалом и другими источниками для реконструкции заселения этого ландшафта в вендельский и викингский периоды.

В своих исследованиях Хиенстранд исходил из сравнительного анализа количества погребений, количества населенных пунктов и из исторических аналогий. Количество известных и зарегистрированных захоронений в области Мэларен доходило до 240 000. Хиенстранд предположил, что, с учетом предложенного Амбросиани числа 2,2 как средней величины прироста, можно было посчитать, что к концу

---

¹ Классен Х. Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 71—84.

² Гринин А.Е. Раннее государство и демократия / Бондаренко Д.М., Гринин А.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 107

XI — началу XII вв. на данной территории находилось, в общем и целом, порядка 500 000 захоронений. Если распределить это число во времени на протяжении исследуемого археологического возраста в 25 столетий, т.е. с 1400 до нашей эры и по 1100 нашей эры, то получался результат в 20 000 захоронений в столетие.

Чисто гипотетически, по его мнению, можно было, благодаря сопоставлению числа захоронений и числа поселений, выявленных археологами, а также используя исторические аналогии, реконструировать количество населения в каждой конкретной области в интересующий исторический период. Хиенстранд использовал данные археологических исследований Амбросиани, согласно которым количество поселений в районе Мэларен к концу викингского периода, т.е. к середине XI в., достигало 4000. Структура поселений к концу викингского периода была представлена отдельными дворами, т.е. мелкими производительными единицами с одной семьей, иногда с двумя.

Приняв число членов семьи за 10, Хиенстранд получил 40 000 человек населения, предположительно проживавшего на основных территориях области Мэларен к концу викингского периода¹. Предпринимались и другие методы реконструкции, некоторые из которых Хиенстранд приводит в своей работе. Например, делались допущения, что захоронения отражали только часть количества населения. Могло иметься значительное число производителей, которые не захоранивались в соответствии с обычными нормами, отдельные детские захоронения были ограничены, области могли иметь отток населения, которое захоранивалось в других местностях и т.д. Но Хиенстранд находил подобную аргументацию неубедительной.

При использовании исторических аналогий Хиенстранд продемонстрировал следующий ход рассуждений. По документам XIV века, общее число населения во всей Швеции до эпидемии чумы, которая разразилась к середине этого столетия (1350 г.), было 650 000 человек. Со ссылкой на подсче-

---

¹ Hienstrand Å. Forntida samhällsformer och arkeologiska forskningsprogram. Stockholm, 1982. S. 163—170.

ты С. Сундквиста, который сообщал, что население области Мэларен к XVII в. насчитывало 205 000 человек, Хиенстранд высказал логичное предположение, что в XIV в. население области Мэларен могло быть меньше 205 000 и что вполне реалистичным представляется количество в 150 000 чел. Если это количество принять за исходное, то, с учетом принятых коэффициентов расчета, на начало XI в. получается около 45 000, что примерно соответствовало расчетам Хиенстранда, основанным на археологических данных. Более точных расчетов, считает Хиенстранд, сделать не удастся¹.

Подобная реконструкция количества населения, с учетом коэффициентов прироста и смертности, проводилась и относительно других регионов. На начало XI в. для Восточной Геталанд (Östergötland) предполагают 6500 человек, Западной Геталанд (Västergötland) — 5700, Смоланд (Småland) — 7800, Халланд (Halland, юго-западное побережье) — 1200, Бохуслен (Bohuslän, севернее Халланда в районе современного Гетеборга) — 3000, Блекинге (Blekinge, небольшая часть южного побережья, к востоку от Сконе) — 600, Эланд (Öland, остров, вытянувшийся вдоль юго-восточного побережья Швеции) — 1700, Дальсланд-Вэрmland (Dalsland-Värmland, самый запад Средней Швеции, на границе с Норвегией) — 1300, Нэрке (Närke, в центре Средней Швеции, известна как часть Свеяланда, с юго-востока граничила с Восточной Геталанд) — 890, Хэльсингланд (Hälsingland, к северу от Упланд, упоминается Адамом Бременским как область, расположенная к северу от свеонов и населенная скридфиннами, т.е. саамами²) — 690.³

В работе Хиенстранда «Forntida samhällsformer och arkeologiska forskningsprogram» (Stockholm, 1982) дается более обширная демографическая статистика области Мэла-

---

¹ Hienstrand Å. Forntida samhällsformer och arkeologiska forskningsprogram. Stockholm, 1982. S. 170—171; Idem. Lejonet, draken och korset. Sverige 500-1000. Studentlitteratur, 2001. S. 137—140.

² Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svemberg. Stockholm, 1984. S. 221.

³ Hienstrand Å. Forntida samhällsformer och arkeologiska forskningsprogram. Stockholm, 1982. S.174.

рен, в рамках которой, для показа динамики демографического развития, приводятся данные начиная с первых веков н.э.: 100 г., 500 г. и 1050 г., т.е. конец эпохи железа в Швеции и конец эпохи викингов. В области Мэларен на начало нашей эпохи (100 г.) предположительно было 3000 человек, к началу VI в. (500 г.) — 9500 человек и, соответственно, к концу викингской эпохи, как было приведено в тексте статьи, 40 000 — 43 000 человек. Но тогда, в IX веке, в самой населенной части территории свеев могло быть, при равных благоприятных условиях, не более 30 000 человек. Мы не располагаем сведениями о том, какие земли еще находились под рукой короля свеев. Известно только, что процесс объединения вокруг уппсальской династии проходил медленно и был растянут на столетия. Вероятнее всего, ядро свейских земель не выходило за пределы области Мэларен. Но страна, общее население которой, включая стариков, больных, женщин и детей, составляло не более 30 000 человек, явно не обладала достаточными возможностями для того, чтобы обеспечить как материальными, так и человеческими ресурсами те грандиозные походы в Восточную Европу, которые грезятся современным норманнистам.

Если проанализировать данные по численности населения, то можно сказать, что данная численность, скажем, в области Мэларен не только к концу, но и в начале викингского периода (приводится, например, численность в 30 000 человек) уже сама по себе могла бы быть достаточной для того, чтобы обеспечить разные уровни политической интеграции вплоть до оформления административного аппарата, выделившегося из общества, иначе говоря, такая численность могла быть достаточной для образования даже раннего государства. Это подтверждается известными фактами. Так, Классен приводит примеры самых маленьких ранних государств Таити, население в которых имело порядка 5000 человек¹. Гринин отмечает, что 5000 человек — это «самый-самый нижний предел для раннего

---

¹ Классен Х. Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 76.

государства. Это пограничная зона, поскольку и стадильно догосударственные политии могут иметь такое и даже большее население. Особенно если речь идет о переходном периоде, когда догосударственное общество уже почти созрело к тому, чтобы перейти этот рубеж. С таким населением раннее государство появиться может, но для этого нужны особо благоприятные условия, чаще всего наличие рядом других государств»¹.

Далее Гринин приводит сведения других авторов о численности населения малых ранних государств, часть из которых интересно привести здесь, поскольку численность населения в них дополняется данными о площади проживания данного населения: *«Дьяконов приводит интересные данные о предполагаемом населении городов-государств Двуречья («номовых» государств, как он их называет) в III тыс. до н.э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км) в XXVIII—XXVII вв. до н.э. составляло предположительно 6 тыс. чел... Размер типичного города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15—30 тыс. чел... А население одного из крупных государств майя 1 тыс. н.э. — города Тикаля с округой составляло 45 тыс. человек (в том числе 12 тыс. чел. в самом городе), а площадь его равнялась 160 кв. км»*².

Из этих данных видно, что все малые государства образовывались в условиях «скученности» проживания его населения: либо это были островные территории, либо — городские (города-государства), т.е. территории, занимающие небольшие, ограниченные площади.

Население шведских исторических регионов в вендельский и викингский периоды было рассеяно на гораздо больших пространствах и, надлежит подчеркнуть, при отсутствии городской среды. Высчитанное Хиенстрандом количество населения в 40 000 — 45 000 человек, имевшееся в области Мэларен (куда обычно включают регионы Упланд,

---

¹ Гринин Л.Е. Раннее государство и демократия / Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 109.

² Там же. С. 109—110.

Седерманланд и Вэстманланд, т.е. всю центральную часть Швеции) к началу XI в., проживало на площади примерно в 29 987 кв. км. Данные взяты из современных справочников, где также сообщается, что площадь исторической области Уппланд составляла 12 676 кв. км, Седерманланд — 8388, Вэстманланд — 8923.

Даже если учесть, что площадь Упланд в XI в. была меньше в силу того, что часть прибрежной полосы в этом регионе «прирастала» с течением времени за счет поднятия дна Балтийского моря, все равно площадь области Мэларен состояла из тысяч, а не сотен квадратных километров, как это было в малых государствах из приведенных примеров. Исторические области Швеции в вендельско-викингский периоды не были гомогенны по своей внутренней структуре. Хиенстранд выделял в области Мэларен 12 подрегионов, на каждый из которых приходилось чуть более 3000 человек населения. Если многие из этих подрегионов, как указывают шведские исследователи, были отделены от соседей труднопроходимыми пустошами, то мы получаем естественное объяснение замедленного характера социополитической эволюции в Швеции.

Карнейро назвал подобный фактор влияния теорией природных ограничений и подчеркивал, что «мы спокойно можем включить концентрацию ресурсов и средовую ограниченность как факторы, ведущие к войнам за землю и, значит, к политической интеграции над уровнем общины»¹. Соответственно, если средовая ограниченность отсутствует, то отсутствуют или являются ослабленными и стимулы к политической интеграции над уровнем общины. Иначе говоря, населения Швеции вплоть до XIII в. не хватало для объединения его в раннее государство, поскольку «просторы» Швеции были для него великоваты. Как же его могло хватить для завершения политогенеза на необъятных в сравнении со Швецией того времени просторах Восточной Европы?

3. Влияние специфики геофизического развития восточного побережья Швеции на социополитическую эво-

---

¹ Карнейро Р.-Л. Теория происхождения государства / Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 65.

люцию является еще одним вопросом. Итак, результаты демографических исследований показали, что Швеция складывалась как малонаселенная страна: ее населения было недостаточно для освоения имеющейся территории. Немаловажную роль здесь играл как раз такой природный фактор, как прирастание суши за счет подъема дна Ботнического залива. Шведские ученые давно обратили внимание на роль этого фактора.

Например, один из ведущих шведских историков 40—50-х гг. С. Тунберг писал, что невозможно понять начальный период шведской истории (в его определении — *äldsta Svetjuds historia*, с использованием названия из исландских саг), не приняв во внимание специфику географического развития области Упланд. Центр, откуда, на его взгляд, расходились лучи колонизации в южном, юго-восточном, восточном и северо-восточном направлениях, находился на границе между Упланд и Вэстманланд (современное западное побережье озера Мэларен), т.е. в глубине континентальной части, а не на побережье.

С течением столетий географическая основа Свеяланд изменялась. Прибрежная часть все больше поднималась из моря и становилась достаточной для заселения ее людьми и возделывания. Внутренние области (*folkland*) Тиундаланд и Аттуналанд получали новообретенные прибрежные области, и это благоприятно сказывалось на их развитии. Поначалу данная прибрежная полоса, отмечал Тунберг, наверняка рассматривалась как земля общего пользования и управлялась в соответствии с этим на общинных принципах¹.

Изучение взаимодействия природных условий и исторического развития области Упланд продолжалось и велось интенсивно с 60-х годов прошлого века. Однако этот процесс обнаружил определенные особенности, отмеченные шведским историком-медиевистом Йораном Дальбеком, который занимался изучением области Руден.

---

¹ Tunberg S. Rod och Roslag i det gamla Sveariket / Des levande förflutna. Svenska historiska förenings Folkskrifter 11. Stockholm, 1947. S. 10—12.

Виды Рослагена из книги: Nordström A. Roslag. Stockholm, 1990. S. 9, 15. На фото хорошо видно, как образовывалась эта область: уже не море, но еще и не земля — архипелаг, состоящий из островов и островков, выступающих над водной поверхностью. Суша в процессе образования, и этот процесс продолжается по сей день.

В статье «Подъем суши и освоение самых северных областей Упланд» он отмечал, что проблематикой подъема суши в прибрежной части Упланд занималось много шведских исследователей, но все они были либо представителями естественных наук, либо археологами, а «историки же не придавали большого значения данному феномену». Дальбек писал: *«При изучении Северного Рудена мне стало очевидно, что изменения в соотношениях между водой и сушей должны были сыграть очень большую роль в истории освоения прибрежной полосы Упланд... основная часть той географической области, которую мы исследовали, довольно поздно поднялась со дна моря, таким образом, возраст ее поселений намного моложе внутриконтинентальных поселений Упланд»¹.*

Мысль Дальбека хорошо подкрепляется интереснейшими исследованиями Амбросиани о типах поселений, как важных данных по викингской истории Средней Швеции. На основе археологического материала Амбросиани пришел к выводу, что на социально-политическое развитие этой области очень большое влияние оказал такой геофизический

---

¹ Dälbeck G. Landhöjning och bebyggelse i nordligaste Uppland // Förnvännen. 1972. S. 69.

феномен, как поднятие дна Балтийского моря в течение всего послеледникового периода, ведущее к постоянному приросту береговой полосы Упланд. Возможность заселять новые участки побережья вызывала появление новых крестьянских дворов за счет отселения части семей на новые участки. Этот процесс распределялся на протяжении многих столетий. Амбросиани подсчитал количество захоронений и сравнил эти данные со средними данными смертности для раннесредневековых обществ.

На основе полученных результатов он заключил, что основным типом поселения в викингский период в Упланд были одиночные обособленные дворы, а не деревни. Только после викингского периода, т.е. самое раннее в конце XI в., стала появляться более плотная застройка и поселения типа малых деревень. До тех пор пока подъем грунта при упландском побережье давал новые участки земли, могло идти образование новых дворов, не требующее дробления старых дворов. Когда процесс образования новых земель замедлился, старые подворья стали разделяться на части и постепенно превращаться в деревни¹.

Амбросиани также показал, что большее количество крупных дворов и так называемых королевских усадеб (*husbyar*) хуторского типа, принадлежавших королю для содержания или размещения его самого и королевской свиты, было сосредоточено именно в областях, образованных за счет подъема грунта в более ранний период. Вместе с тем он отметил, что короли с большей легкостью могли заявлять свои права на эти участки общинной собственности и присваивать себе часть участков, подаренных природой².

Выводы Амбросиани о типах поселений подкрепили исследования другого шведского археолога У. Спорронга. Он, изучая историю развития поселений в Швеции, также пришел к выводу о том, что почти весь викингский период, а именно до начала XI в., основным типом застройки в области Мэларен были точечные крестьянские дворы, и только с начала XI в. начинают появляться коллективные поселения типа деревень.

---

¹ Ambrosiani B. *Fornlämningar och bebyggelse. Studier i Attundalands och Södertörns förhistoria*. Uppsala, 1964. S. 209—210, 214, 223, 229—231.

² Там же. S. 215—218, 231.

Направление развития организационных тенденций в упорядочивании застройки поселений, распределении пахотных земель шло из внутриконтинентальных территорий к побережью. Центрами данных процессов в восточной Швеции были Эстергетланд и Нärke, а в Упланд таким центром развития была земля Фьэдрундаланд. В других частях Упланд, таких как Аттундаланд, организационные тенденции проявляются только ближе к концу викингского периода, а прибрежная полоса Роден начала вовлекаться в этот процесс еще позднее, не ранее конца XI в., поскольку, как подчеркивает Спорронг, Роден был почти незаселен в викингский период, население этой области стало прибывать только в последующие периоды¹.

Итак, прибрежная полоса Роден/Рослаген слишком молода в геофизическом плане, что не оставляет никаких надежд отыскать хоть какую-то связь с именем *Руси*. Продолжающаяся псевдолингвистическая суета вокруг поисков неких праформ из якобы древнешведского на основе *gorfs* является пережитком «гиперборейского» фантома, рожденного воображением шведского литератора и сановника Ю. Буре, в традициях западноевропейских исторических утопий готицизма и рудбекианизма.

Объединение земель свеев и гетов («севера» и «юга» нынешней Швеции) и создание единой политики под властью Упсальской династии свеев заняло несколько столетий в шведской истории. Утверждать, что те же «викинги» за несколько десятилетий объединили Новгород и Киев, — это полнейший абсурд, который разлагает российскую историю уже около 300 лет.

Пока же современные шведские школьники с удовольствием разглядывают экспозицию в музее и уже точно знают, когда «из моря» появился Рослаген. И филологический метод тут ничего не может изменить — так говорит геофизика. Мы же знаем о том, что Древняя Русь возникла раньше.

---

¹ Sporrang U. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Studier i agrar kulturlandskapsutveckling under vikingatid och tidig medeltid med exempel från Upland och Närke. Lund, 1971. S. 100, 102, 104, 195—196.

КУДА И ОТКУДА ШЛИ ТОРГОВЫЕ ПУТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

При обсуждении вопросов о роли скандинавов в создании Древнерусского государства им обычно приписывают создание грандиозных торговых путей в Восточной Европе, по которым будто бы шла их экспансия.

Но прежде чем приступить к разговору на эту тему, необходимо договориться о терминах. В работах по раннесредневековой истории Руси, как в научных, так и в популярных, довольно бездумно используются такие термины как *шведы*, *датчане*, *норвежцы*. По этому поводу могут выразить недоумение: «А почему нельзя? Ведь понятно, что имеются в виду предки этих народов!» Поэтому начать, наверное, следует со «шведов», «датчан» и «норвежцев», которых не было в раннем Средневековье.

При анализе исторического источника должны использоваться адекватные термины, иначе можно на пустом месте создать путаницу. Этнонимы с течением времени переходили с одного народа на другой, поэтому каждый источник должен рассматриваться исходя как из контекста источника, так и из контекста времени.

Приведу небольшой пример о том, как «путешествовало» во времени имя данов. Имя *даны* прослеживается по всей Европе, начиная с Восточной Европы, где оно связано с гидронимикой (входит как основа в названия крупнейших рек — Дон, Днепр, Днестр, Дунай), и до Британских островов, до р. Дон в южном Йоркшире. В ведийские времена Дану/Дана — прародительница демонов-данавов. Но демонизация представителей более древних культовых традиций — феномен в истории религии известный, т.е. за именем демонических данавов могут скрываться древнейшие носители имени данов в Восточной Европе. Теоним Дану дожил до формирования кельтской общности, вместе с ее представителями дошел до Британских островов и породил там множество «детей»-этносов. Дон/Дану считается божественной прародительницей валлийцев или уэлсцев, а также — ирландцев, которые в мифах назывались народом бо-

гини Дану или данами. Позднее наименование вновь создающихся общностей пошло по другим линиям, как я уже писала: у каждого народа два «родителя».

Закрепление имени *данов* за нынешним Датским королевством произошло довольно поздно и, как я могу догадываться, связано было не столько с миграцией народа, сколько с распространением власти конунга, носившего титул «конунг данов». Конунг данов, например, владел сначала территорией, занимавшей юг современной Швеции. Это относится к тому времени, когда Один «поселился» на одном из островов современной Дании.

Именно туда, к конунгу данов Гильфе (Gylfe), прибыла посланница Одина валькирия Гефьен, обманом отобрала у него кусок земли и утащила его в море, что потом и стало островом Зеландия. Возможно, за образами этой легенды можно увидеть процесс постепенного распространения власти носителя титула конунгов данов на острова и на полуостров Ютландию.

В современной литературе эту сагу часто передают, называя конунга Гильфе шведским королем (сейчас эта территория принадлежит Швеции). Современные датчане иногда говорят: «Шведы — хорошие люди. Они ведь на самом деле бывшие датчане!» Но все это хорошо в обиходе, а в науке надо стараться педантично следовать источнику: не тянуть каждого дана в предки датчан — он может оказаться предком совсем другого народа. А у современных датчан в предках были не только даны, но и другие этнические образования, например, юты. Из-за неряшливого обращения со сведениями источников создается путаница, мешающая развитию исторической науки.

Так, собственно, и получилось со свеями и с Бертинскими анналами. Но прежде чем перейти к последним, хочу вкратце ознакомить с проблемой этнонимов в шведской истории.

Дело в том, что это совсем непростое дело: определить, какой народ в раннем Средневековье скрывался за каким именем, поскольку многие народы носили сходные имена. Этнонимы переносились с одного носителя на другой по аналогии с родовыми именами людей, и так происходило вплоть до времени образования национальных государств.

Напомню, что у современных шведов тоже было два предка: свеи и геты. Поэтому современные шведы и ранне-средневековые свеи не идентичны! С какого исходного хронологического рубежа начинают рассматривать появление имен свеев и гетов в шведской истории?

Относительно свеев обычно начинают с Тацита, который упомянул *Suionum civitates*, живущих в самом Океане (*ipso in Oceano*), что признано как первое упоминание свеев¹. Правда, шведские исследователи оговариваются, что фрагмент Тацита о *Suionum* очень краток и неясен: непонятно, что скрывается за *civitates* Тацита, сложно географически идентифицировать такое место проживания, как *ipso in Oceano*: то ли это множество островов, то ли это морское побережье². Российский скандинавист В.В. Рыбаков более безапелляционен в оценке фрагмента о *Suionum*: «Первым упоминанием о народах, населявших территорию нынешней Швеции, мы обязаны римскому историку Корнелию Тациту (ок. 55 — ок. 120 гг.), который в 44-й главе своего знаменитого произведения «Германия»... сообщает о племенном союзе свионов — жителей Свеяланда»³.

Согласно толкованию В.В. Рыбакова, который переводит *civitates* как общины, тип социально-политической организации свионов — это союз племен. Такое толкование вызывает сомнения: представляется, что общество свионов у Тацита отличалось более высоким уровнем социополитической сложности. Различные *civitates* свионов не только объединены общим надлокальным именем и общей деятельностью по обороне своей территории или по совместному ведению военных действий, морских или сухопутных: «...среди самого Океана, обитают общины свионов, помимо воинов и оружия, они сильны также флотом»⁴, но и имеют неограниченного правителя, титул которого Рыбаков переводит как

---

¹ Tacitus C. *Germania*. Stockholm, 1969. 44.

² Gahrn L. *Sveariket i källor och historieskrivning*. Göteborg, 1988. S. 3, 40—41.

³ Рыбаков В.В. Древнейшие сведения о племенах, населявших территорию современной Швеции / Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

«царь» (в шведских переводах — конунг), а в обществе свионов выделяются благородные люди и рабы.

Поэтому перебросить мостик между свеонами Тацита и свеями из шведской истории очень сложно. И больше всего смущает следующий момент. Свеоны, согласно описанию Тацита, производят впечатление мощной социально-политической организации: сильны на суше и на море, организованы под властью неограниченного правителя. Однако после упоминания их Тацитом о них не было никаких известий в течение... 500 лет! Ибо следующие упоминания о свеях (или тех, в ком наука видит свеев) появляются только в середине VI века.

Готский историк Иордан, описывая легендарный остров Скандза, сообщал, что на нем проживало 28 народов. Среди них Иордан упомянул два народа: *Suehans* и *Suetidi*, в которых принято видеть свеев¹. *Suetidi* / *Светиды* отождествляются со словом *Svitjod* (*Svetjud*) / *sveafolket*, или свеи / народ свеев, которое было обнаружено на ряде рунических камней Швеции (*suiþiufu*, *suiþiufu*, *suarþiufu*)² или упоминалось в «Саге об Инглингах» как название страны/местности (*Svíþóð*) — родины Одина, название которой он перенес на свою новую страну на севере Европы³. Прошу обратить на это внимание — ниже я поясню, почему.

Принятое в науке тождество светидов Иордана с *Svetjod* из исландских саг и, соответственно, со свеями, выглядит весьма убедительным, тогда как *Suehans* вполне могут быть каким-то другим народом относительно светидов и, соответственно, — свеев.

И вот перед нами три варианта сходного этнонима: свеоны Тацита, *Suehans* и *Suetidi* Иордана, причем первых отде-

---

¹ Gahrn L. *Sveariket i källor och historieskrivning*. Göteborg, 1988. S. 42; Рыбаков В.В. Древнейшие сведения о племенах, населявших территорию современной Швеции / Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 18—19.

² Gahrn L. *Sveariket i källor och historieskrivning*. Göteborg, 1988. S. 42, 45—47, 52—53; Svennung J. *Zur Geschichte des goticismus*. Stockholm, 1967. С. 44-45.

³ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 65.

ляет разрыв почти в 500 лет, а последние упоминаются одновременно, но представляют явно две разные этнические общности. На мой взгляд, свеоны, упомянутые Тацитом и потом исчезнувшие с исторической арены на 500 лет, могли в течение этого периода просто выступать под другим именем — в раннем Средневековье народы часто выступали как под локальными, так и под надлокальными именами.

Так же полагает и шведский историк Д. Харрисон, который в одной из своих последних работ написал следующее: *«Нет никакой возможности сказать, каким образом *Swiones* Тацита связаны с *Suehans* Иордана и со свеями викингского периода»*¹.

Собственно, связаны они сходным именем, которое «путешествовало» во времени, переходило с народа на народ, исчезало на какое-то время, а потом появлялось опять. Так что носителей имени свеонов было немало, и непросто определить, кто из них был кто. И подобных примеров в раннем Средневековье имеется множество. Вот пример о германцах у византийского историка Прокопия Кесарийского: *«Вандалы прежде жили у Меотиды. Страдая от голода, они направились к германцам, называемым теперь франками, и к реке Рейну, присоединив к себе готское племя аланов»*².

Или другой пример из Прокопия об имени аланов: *«Вандалов и аланов Гизерих (король вандалов, правил 428—477 гг. — Л.Г.) разделил на отряды... Говорят, однако, что число вандалов и аланов в прежние времена не превышало пятидесяти тысяч... Затем лишь благодаря рождению у них детей и присоединению к ним других варваров они дошли до такого многолюдия... Но имена аланов и других варваров, кроме маврусиев, были поглощены именем вандалов»*³.

Итак, мы видим, что в V—VI вв. многие народы могли выступать под общим именем, время от времени меняя имя, растворяя старое название в имени новой этнополитической общности.

---

¹ Harrison D. *Sveriges historia. 600-1350.* Stockholm, 2009. S. 35.

² Прокопий Кесарийский. *Война с вандалами.* М., 1993. С. 182.

³ Там же. С. 190—191.

Возвращаясь к этнонимам из шведской истории, приведу слова австрийского медиевиста Х. Вольфрама, который отмечал, что множество европейских народов в древности и в Средневековье носило имена готов и «свевов»¹. О связи свевов и свеев со Скандинавского полуострова находим сведения у нидерландского ученого Горопиуса.

Поскольку споры о предках народов были очень популярны в ученых кругах XVI в., то Горопиус был осведомлен о труде шведского хрониста Иоанна Магнуса, создавшего «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*» (1554), где утверждалась идея прародины готов из южной Швеции. Горопиус очень скептически отозвался о поисках прародины готов в Швеции. В соответствии с его мнением, готы не вышли с юга Швеции, а переселились туда с европейского континента в ходе одной из последних волн колонизации, что тоже было вполне почетно для шведских предков. Другой предок шведов — свеи — пришли из нынешней Германии и являются переселившимися в Скандинавию свевами². Шведский историк Нордстрем, изучавший творчество Магнуса, отметил, что такого мнения придерживаются и другие шведские ученые. Ту же точку зрения высказывал и А.Г. Кузьмин³.

Как видим, имя, схожее со свеями, отмечалось в разные времена у разных народов, и не каждое из этих имен можно «подтянуть» к предкам современных шведов. То же самое можно сказать и о другом предке — гетах. Еще раз: у современных шведов было двое предков, а не один.

Первые упоминания о втором предке современных шведов — гетах — принято связывать с уже упомянутым Иорданом. Кроме свеев Иордан называет и многие другие народы, среди них те, которые воспринимаются современными исследователями как искаженные названия нынешних гетов:

---

¹ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 35.

² Nordström J. De jverbornas ö. Sextonhundredtalsstudier. Stockholm, 1934. S. 112—114.

³ Nordström J. De jverbornas ö. Sextonhundredtalsstudier. Stockholm, 1934. S. 112; Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике / РИО. Т. 8. С. 195—196.

Vagoth, Gautigoth и Ostrogothae¹. Однако никаких связей между ними и светидами / свеями не обнаруживается, т.е. можно предположить, что каждая из названных Иорданом этнических групп существовала в виде отдельных общин, не объединенных в более сложные по структуре союзы.

Помимо Иордана к авторам, донесшим до нас сведения о гетах, относят и Прокопия Кесарийского. В труде «Война с готами» Прокопий рассказывает о большом острове Туле (Thule), на котором проживало 13 народов, и каждый из них имел своего короля (басилевса). Упоминаются гауты, герулы и скридсфинны (Gautoi, Erouloi, Skritiphinoi). Свеев среди перечисленных народов нет, но гауты общепринято отождествляются с гетами. В шведской историографии остров Туле традиционно отождествляется со Скандинавским полуостровом².

Я уже писала в разных работах о том, что в современной шведской медиэвистике Швеция более не рассматривается как прародина готов (так что Горопиус выиграл этот матч у Иоанна Магнуса). И если связь светидов Иордана со свеями викингского периода была вполне убедительно обоснована в науке, то сам «остров Скандза» больше не связывается со Скандинавским полуостровом. Читаем у Д. Харрисона: *«Как письменные источники, так и археологические материалы показывают, что самые древние предки готов или, вернее говоря, те, кто ранее всего стал называть себя готами, в период около Рождества Христова, проживали в нынешней северной Польше. Они, разумеется, имели контакты с другими народами в регионе Балтийского моря, но мы никак не можем утверждать, что по своему происхождению они были выходцами со Скандинавского полуострова»*³.

Шведские историки Т. Линдквист и М. Шеберг высказывают аналогичные взгляды: *«Определить, кто такие геты, очень сложно. Именно сходство с готами привело к тому,*

---

¹ Gahrn L. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988. S.25, 61, 167.

² Gahrn L. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988. S. 26, 61, 155; Procopius with an English Translation by H.B. Dewing III. History of the War. Book V and VI. London, 1953. 6:15:3. S. 415; 6:15:26. S. 421.

³ Harrison D. Sveriges historia. 600—1350. Stockholm, 2009. S. 25.

что в XV в. стали полагать, что готы происходили из Гетланд. Это представление сыграло важную роль для национального самосознания в период его становления. Но в наше время мысль о том, что готы были выходцами из Скандинавии, очень дискуссионна. В науке были высказаны серьезные сомнения по этому поводу»¹.

Австрийский медиовист и исследователь истории варваров Х. Вольфрам отмечал, что с первого упоминания имени «готы» античными источниками между 16 и 18 гг. н.э. в течение нескольких столетий это имя охватывало самые различные народы. Были периоды, когда имя готов исчезало, например, между временем Птолемея и 60-ми гг. III в. оно перестало встречаться в источниках, а потом появилось опять как этноним, сменивший название «скифы», однако, просуществовав еще какое-то время, оно снова кануло в Лету, так и не образовав средневековой народности и достаточно рано превратившись в миф².

Всю эту пестроту примеров я привела для того, чтобы подтвердить свою основную мысль: нельзя в раннесредневековые источники произвольно подставлять современные термины, например, заменять названия отдельных этнополитических групп названиями современных наций, — это создает такую путаницу, что просто на удивление.

Вышеприведенные рассуждения о том, как функционировали этнонимы в раннем Средневековье касаются и сведений из Бертинских анналов и проблемы их толкования. Я уже приводила свое мнение, согласно которому *gentis Sueonum* из Бертинских анналов — совсем другой народ относительно свеев со Скандинавского полуострова, но со схожим именем. Примеры того, что это было обычным явлением в раннее Средневековье, я привела выше.

Это сходство и могло ввести в заблуждение Людовика Благочестивого (778—840) и его окружение. Хочу напомнить, что контакты как раз между Людовиком Благочестивым и королями свеев функционировали в период с 829 года в свя-

---

¹ Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800—1720. Klerkernas och adelna tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. S. 35.

² Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 11—12, 35—37.

зи с пожеланием короля свеев ознакомиться с христианским учением. Поскольку святитель Ангар (801—865) уже проповедовал христианство королю данов Харальду Клаку, то он показался подходящей фигурой выступить христианским миссионером и перед королем свеев. Ангар прибыл в Бирку и находился там в период 829—831 гг., а в 831 г. он вернулся домой и получил архиепископство в Гамбурге. Примерно в 851—853 гг. Ангар второй раз посетил Бирку также с миссионерской целью, поскольку христианство плохо приживалось у язычников-свеев. Житие Ангара было составлено его преемником, архиепископом Римбертом в 865—876 гг.

Итак, в начале 830-х годов между Людовиком Благочестивым и королем свеев были установлены вполне легальные отношения, а в конце 830-х годов (точнее — 839 г.) при дворе Людовика появляются люди, родовое имя которых сходно со свейским, но они прибыли в составе совершенно другого посольства, с другой стороны и с другими целями. Вполне естественно, Людовик Благочестивый заподозрил неладное: время было такое, что заговоров и нападений можно было ждать с любой стороны. Но именно тот факт, что у истории не вышло никакого продолжения, говорит в пользу моего предположения: представители *gentis Sueonum* в составе посольства народа *Rhos* были простыми «однофамильцами» свеев со Скандинавского полуострова, что, по всей видимости, и удалось выяснить, как минимум, с византийской помощью, поскольку уведомление было отправлено к императору Феофилу.

Теперь посмотрим, какие сведения содержатся в источнике о народе *Rhos*. Прежде всего, мы видим, что титул правителя народа *Rhos* — каган (*chaganus*) — накрепко связывает этот народ с югом Восточной Европы. По источникам известно, что имя *Русь* знали и как имя одного народа, и как имя, объединяющее нескольких народов, т.е. политоним. Например, Масуди (896—956) — «арабский Геродот» писал, что русы — «многочисленные народы, обладающие различными разрядами (Гаркави переводил как «разделяющиеся на многие племена»). Среди них — некий разряд, называемый аллаудаана; они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в страну Андалус, в Рум, в Кустантинию и к хазарам».

Известно, что восточные географы использовали сведения из более ранних источников, не называя их. Большим вкладом, позволившим заглянуть в предысторию сведений восточных географов, стали работы В.В. Седова и Е.С. Галкиной, занимавшихся проблемой локализации Русского каганата. Седов отождествлял Русский каганат с территорией волынцевской археологической культуры. Галкина, продолжившая разработку идей А.Г. Кузьмина о дославянском происхождении русов, связывает ядро Русского каганата с салтовской культурой Подонья, носителями которой выступали сармато-аланские племена.

Я подчеркнула выше, что в исландских сагах рассказывается о том, как Один переселился на север Европы из Великой Свитьод на юге и «взял» имя своей родины с собой, назвав им новую страну. В скандинавистике так называемая «переселенческая легенда» считается книжной, вымышленной, не содержащей исторической информации. А может, как раз эта легенда и содержит рациональное зерно? Почему бы имени свеев не выйти из Восточной Европы таким же образом, как имя данов распространилось по всей Европе, дойдя, в конце концов, и до Скандинавского полуострова?

Тогда все эти разрозненные сведения складываются в логичную картину: скандинавские свеи и свеоны из Бертинских анналов — два разных народа со сходным именем, возможно, генетически восходящим к имени одного легендарного предка. Свеоны из Бертинских анналов — это народ с реликтовым именем Sueonum, оставшийся на юге Восточной Европы и сохранивший свое родовое древнее имя, но вошедший в состав более крупных образований, каким было образование Русь (это единственная, исторически верифицируемая возможность для свеонов «быть русами»: принять это имя от Руси, а не наоборот!)

Соответственно, предположение о том, что представители короля свеев в 839 г. оказались в Константинополе, откуда попали к Людовику Благочестивому, — совершенно дико-растущая фантазия! Ведь именно в те же годы представители Людовика Благочестивого — миссионеры и хронисты — бывали с визитами у королей свеев, описывали в своих трудах как обстановку, царившую в Бирке, так и наиболее значи-

тельные события из жизни конунгов и общества. И ни один из них впоследствии не упомянул о таком грандиозном мероприятии, как посольство из Бирки в Константинополь.

Да, если бы подобное мероприятие удалось осуществить, то об этом рассказывали бы из поколения в поколение. Адам Бременский использовал житие Ансгара, а также другие хроники, отмечавшие наиболее значительные сведения из жизни правителей Скандинавского полуострова, и ни слова не нашел о великом посольстве короля свеев в Константинополь. Его информатором был король данов Свен Эстридссон, связанный многочисленными узами родства со свейскими королями. Как о значительном событии рассказал король Свен о браке дочери короля Олофа Шетконунга Ингигерды с Ярославом Мудрым. Если бы не его рассказ, мы не знали бы об этой женитьбе, поскольку летописи не придали значения деталям и сообщили только о рождении первенца у Ярослава. Но для небольших государств подобный факт был замечателен: вот, дескать, и с нами великие государи знались и наших невест тоже сватали. А тут «забыли» такое событие, как посольство из Бирки в Константинополь?!

Иногда в контексте вышеприведенных рассуждений упоминается о «найденной в погребении на территории Швеции монете Феофила», которая будто бы подтверждает, что «хотя бы один из послов все же был свеем». Именно так толкуется монета Феофила из раскопа в Бирке. Но почему надо предполагать, что упомянутая монета была принесена и закопана свеем? Какие есть для этого основания? Одно-единственное: скандинавоцентристский взгляд на события того времени. В сознании укрепилась мысль о том, что эпицентром событий был Скандинавский полуостров, и все шло отсюда: посольства, экспедиции, торговые инициативы.

Однако история свидетельствует об обратном. Как сейчас, так и тогда эпицентром была континентальная Европа, а ее периферийные территории, такие как Скандинавский полуостров, были принимающей стороной. В составе упомянутой экспедиции Ансгара в Бирку были торговые караваны, т.е. торговые люди из Франкской державы отправлялись в Бирку в период правления императора Феофила. Это один из путей, каким туда могли попасть монеты, в том

числе и византийские. Я уж не говорю здесь о том, что Бирка была торговым центром, в который деньги могли стекаться разными путями и через разных лиц, в том числе и из Восточной Европы.

При этом у меня давно возникло предположение, что как раз торговцы из Восточной Европы на очень ранней стадии стали осваивать Скандинавский полуостров, а не наоборот. Хочу привести совершенно потрясающие результаты археологического исследования Прикамья и Приуралья. Они хорошо известны, но в общую концепцию начального периода древнерусской истории особенно не вводились. Норманистам они были неинтересны, поскольку никак не помогали доказывать всеобъемлющую роль «скандинавов» в Восточной Европе, а для ученых, связывающих начало древнерусского политогенеза и культурогенеза с расселением славянства, эти сведения были слишком ранними. Для моей же концепции дославянского индоевропейского периода древнерусской истории они оказались очень интересны, поскольку я увидела в этих археологических находках следы присутствия русов — насельников в Восточной Европе (см. об этом очерк «Россия с русскими»).

Археологические исследования Прикамья и Приуралья показывают, что этот регион с древнейших времен вел международную торговлю впечатляющих масштабов. Согласно данным археологов Приуралья, начало связей этого края с югом лежит в глубокой древности — прослеживается с энеолита и бронзы. Но более документированы торговые связи для раннего железного века, когда в VIII—VI вв. до н.э. посредством товарного обмена в Прикамье с Северного Кавказа (реже из Закавказья) поступали готовые модели оружия и орудий труда, а также металл¹.

В бассейне Камы вплоть до Урала найдены памятники древнегреческой культуры, т.е. этот регион, как и побережье Балтийского моря аналогичного периода, был в сфере

---

¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 5—11; Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

древнегреческой торговли¹. Во второй половине VI—IV вв. до н.э. прикамское население (ананьинская культура) имело интенсивные контакты с савроматским миром, саками, народами Казахстана и Средней Азии. Причем подчеркивается, что связи эти носили более глубокий характер, чем просто торговый обмен. В ареале ананьинской культуры (Прикамье, бассейн Вычегды, Приуралье) появились некоторые типы наконечников стрел, железных кинжалов и мечей, деталей конской сбруи, предметов звериного стиля, идентичных савроматским².

Ананьинский железоделательный очаг функционировал в VIII—VII вв. до н.э. наряду с северокавказским, среднеднепровским, скифскими³. На рубеже эпох вещи из южных земель в Прикамье пополняются многочисленными стеклянными бусами, а также плакетками из голубого египетского фаянса в виде скарабеев, львов, медными римскими кастрюлями⁴. В первой половине I тыс. н.э. в Прикамье наблюдался массовый приток ближневосточных бус, множество вариантов римских провинциальных фибул из мастерских Северного Причерноморья, а также изготавливаемых поздними скифами Поднепровья и сарматами Нижнего Поволжья. В могильниках III—V вв. Среднего Прикамья обнаружены десятки раковин моллюсков, добытых в тропических частях Тихого и Индийского океанов. Распространение прикамских вещей на запад, в Среднее Поволжье, в район Сурско-Окского междуречья, свидетельствует о развитии контактов в западном направлении⁵.

В V—VIII вв. южный экспорт в Прикамье продолжает нарастать: это по-прежнему стеклянные и каменные бусы, серебряные ожерелья, поясная гарнитура, парадное оружие и другие предметы причерноморского, ближневосточ-

¹ Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 138.

² Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. С. 178—179.

³ Солнцев Л.А., Фомин Л.Д., Шрамко Б.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // Советская археология. 1977. №1. С. 57—74.

⁴ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 7.

⁵ Там же. С. 7—8.

ного, среднеазиатского происхождения. Привлекают внимание многочисленные находки парадной серебряной посуды и монет. В Прикамье известно 123 пункта, содержащих 187 серебряных сосудов византийского, иранского, среднеазиатского происхождения. Кроме того, найдено более 200 сасанидских драхм, около 300 византийских и около 20 хорезмийских монет. Время притока сасанидского серебра в Прикамье датируется по-разному, в рамках периода III—VII вв.¹

Особой интенсивностью был отмечен приток драгоценностей в Прикамье с юга в VI—VII вв. Примером служат так называемые Бартымские клады, т.е. сокровища, найденные в окрестностях Бартымского селища в бассейне р. Сылвы. Так, были найдены 3 хорезмийские чаши, сасанидские чаша и кубок, чаша «бактрийского круга» и византийское блюдо². В одном из сосудов были обнаружены 264 серебряных милиаресиев имп. Ираклия. Вдобавок к ним на этом же месте было найдено еще 8 монет и ножка серебряного кубка. Клад оценивался археологами как уникальный и по количеству предметов (272 монеты), и по их качеству: монеты отлично сохранились, принадлежали к монетам раннего выпуска (около 615 г.), 59 экземпляров было изготовлено одной парой штемпелей. По оценке исследовавшей клад Л.Н. Казамановой, он принадлежал к одному выпуску и не был разрознен обращением³.

---

¹ Бадер О.Н., Смирнова А.П. «Серебро Закамское» первых веков н.э. / Труды ГИМ. Вып. 13. М., 1954; Вошинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н.э. // СА. 1953. Т. XVII. С. 183—196; Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967; Мухаммадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

² Бадер О.Н. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура // Вестник древней истории. 1948. №3. С. 166—169; Он же. Бартымская чаша // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). М., 1949. Вып. 29. С. 84—91; Он же. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (К последним находкам) / На Западном Урале. Молотов, 1952. С. 182—200; Он же. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. М., 1954. Вып. 55. С. 117—128.

³ Казаманова Л.Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Труды государственного исторического музея. М., 1957. Вып. 26. Ч. 2. С. 70—76.

Приведенные материалы дают основание археологам говорить о том, что торговля южных областей с Прикамьем в I тыс. н.э. являлась одним из важных и хорошо освоенных торговых направлений и была настолько организована, «что из весьма отдаленных областей купцами поставлялись сюда крупные партии дорогих товаров. О том, что в Прикамье приезжали напрямую купцы с большими ценностями, свидетельствуют не только Бартымские клады, но и находка гирьки византийского купца, найденная на Верх-Саинском городище... расположенном в 2 км от Бартымских кладов и поселка... археологические материалы убедительно свидетельствуют, что... население давно освоило торговые операции и располагало большим количеством престижных ценностей (бусы, украшения, оружие, серебряные сосуды, монеты), которые, наряду с мехами, воском и медом, могли служить эквивалентом при обмене»¹.

Кроме юга Прикамье имело торговые контакты и с прибалтийскими землями. В качестве примера указываются обычно находки так называемых поясов неволинского типа, хорошо известных по памятникам Верхнего и Среднего Прикамья (в бассейне р. Сылвы, верховье р.Чепцы, по р. Вычегде и др.) и характерных для женских захоронений, датируемых концом VII—VIII вв. Это неширокие кожаные пояса, украшенные пряжкой и многочисленными бронзовыми накладками и привесками, состоящими из бус и других украшений. Умерших подпоясывали этими поясами поверх платья из шерстяной ткани местного производства или из шелковой привозной ткани. Как отмечает Р.Д. Голдина, «судя по многочисленности поясов (не менее 72. — Л.Г.), разнообразию их вариантов, находкам полных, со всеми привесками экземпляров, эти предметы изготовлялись именно здесь — в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях, в частности, на р. Чусовой... Довольно много их в... Верхнем Прикамье»².

---

¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 8—9.

² Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии. Вып. 158. 1979. С. 79—90.

Прослежена и динамика развития производства этих поясов: «Пояса неволинского типа развились из поясов, украшенных накладками местных вариантов геральдических форм, получивших в науке название агафоновских... и распространенных здесь в VII в... Неволинские пояса в конце VIII—IX в. сменились в Прикамье многочисленными и разнообразными поясами салтовского типа»¹. Здесь интересно отметить тот факт, что значительное скопление поясов неволинского типа было выявлено на финском побережье Балтийского моря, где в нескольких захоронениях было обнаружено 19 поясов. Пояса этого типа датируются в Финляндии началом VIII в. Их появление объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII—VIII вв. В результате этого в финском языке могло появиться слово «регті» для обозначения странствующих торговцев².

Доказательством же того, что товары из Прикамья действительно «странствовали» на большие расстояния, служит обнаружение небольшого количества неволинских поясов в Сибири, в могильниках близ Томска³. Распространение поясов неволинского типа далеко за пределы места их изготовления говорит о том, что они рассматривались как признанный предмет роскоши. Об их престижности говорит тот факт, что один такой пояс был обнаружен в Швеции, в королевском кургане в Уппсале⁴.

Археологические находки типа поясов неволинского типа красноречиво свидетельствуют о том, что развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении изначально шло с востока на запад, а не наоборот. Под-

---

¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 10—11.

² Мейнандер К.Ф. Биармы / Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35—40.

³ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 10.

⁴ Callmer J. The beginning of the Easteuropen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eight and ninth centuries A.D. // International Konferenz über das Frühmittelalter. Szeckszard, 1989. С. 25.

тверждается данный вывод и анализом такого археологического материала, как бусы.

Шведский археолог Юхан Каллмер, исследовавший происхождение бусинного материала в наборах бус 800—1000 из памятников на территории Скандинавского полуострова, выделил разновидности восточных бус, поступавшие в Скандинавию из Восточной Европы. Среди них, например, бусы, выполненные в технике миллефиори («тысяча цветов»), во множестве представленные как в Скандинавии, так и в Восточной Европе — в Подонье, Поволжье, Прикамье и на Кавказе, а также другие типы бус (круглые бусы, сделанные из палочки с последующим прокалыванием цвета аметист, сердоликовые сферические бусы, цилиндрические бусы с выступающими сине-белыми глазками), также хорошо известные на Ближнем Востоке, Кавказе, Волге, Каме и в странах Скандинавии. Отсутствие их в странах Западной Европы указывало на их поступление в Скандинавию через Восточную Европу.

Каллмер сопоставлял некоторые варианты восточных бус с находками поясов неволинского типа и пришел к выводу, что приток в Скандинавию указанных типов восточных бус, а также неволинских поясов был связан с торговой деятельностью купцов из Восточной Европы, из Волго-Окского междуречья или Камского бассейна¹. Российские археологи Р.Д. Голдина и Е.В. Голдина в результате тщательного изучения бус неволинской культуры в Приуралье определили, что все вышеперечисленные типы ранних восточных бус, обнаруженные в Скандинавии, не только хорошо известны в могильниках неволинской культуры, но и появились в Приуралье значительно раньше (VI в.), чем на Балтике.

Приведенные материалы археологических исследований убедительно показывают, что торговый путь из Восточ-

---

¹ Callmer J. The beginning of the Easteuropen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eight and ninth centuries A.D. // International Konferenz über das Frühmittelalter. Szeckszard, 1989. С. 22—35; Callmer J. Trade beads and bead Trade in Scandinavia ca 800—1000 A.D. Acta Arheologia Lundensia, serias in 4, №11. Bonn, Lund, 1977.

ной Европы¹ в регион Балтийского моря был проложен благодаря деятельности восточноевропейских купцов, продвигавшихся от «предела Симова» к Варяжскому морю: сначала на финское побережье Балтийского моря на рубеже VII—VIII вв., затем далее, на Скандинавский полуостров, с начала IX в. И это очень логично. Транспортными артериями в Восточной Европе служили реки и речные системы. Предполагаемый путь движения торговцев из Приуралья шел по Каме, Волге, Мологе, Мсте, Волхову и другим рекам до Ладоги, а затем — до Финского залива².

Только местные народы, жившие по этим рекам из поколения в поколение и накопившие благодаря этому знания о восточноевропейской гидросистеме, об особенностях режима рек, об оптимальных маршрутах, могли быть пользователями речных систем в качестве транспортных магистралей.

Для иллюстрации сказанного мне показалось полезным привести отрывок из «Уральских сказов» П.П. Бажова («Ермаковы лебеди»), где отразился вековой опыт приречных жителей, знающих, что такое речное судоходство:

«Так, говоришь, из донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашел? Куда никто из наших не бывал, туда он со всем войском по рекам проплыл?»

Ловко бы так-то! Сел на Каме, попотел на веслах, да и выбрался на Туру, а там гуляй по сибирским рекам, куда тебе любо. По Иртышу-то вон, сказывают, до самого Китаю плыви — не тряхнет!

На словах-то вовсе легко, а попробуй на деле — не то заплывешь! До первого разводья доплыл, тут тебе и спотычка. Столбов не поставлено и на воде не написано: то ли тут протока, то ли старица подошла, то ли другая река выпала. Вот и гадай — направо плыть али налево правиться? У куличков береговых небось не спросишь и по солнышку не смекнешь, потому — у всякой реки свои петли да загибы и никак их не угадаешь.

---

¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. / Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 12—13.

² Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

Нет, друг, не думай, что по воде дорожка гладкая. На деле по незнакомой реке плыть похитрее будет, чем по самому дикому лесу пробираться. Главная причина — приметок нет, да и не сам идешь, а река тебя ведет. Коли ты вперед ее пути не узнал, так только себя и других намаешь, а можешь и вовсе с головами загубить»¹.

Такова была восточноевропейская торговля, на протяжении более полутора тысяч лет развивавшая международные торговые связи гигантского масштаба — от Приуралья до Египта, Византии, Тихого и Индийского океанов; а с начала второй половины I тысячелетия ее представители появились на Балтике.

Первым торговым центром в районе Мэларен (район современного Стокгольма) была не Бирка, а торговая фактория на островке Хэльге. Там были найдены фигурка Будды из Северной Индии и ритуальная чашечка из Египта, датированные VI в., а также монеты из Равенны, Рима, Византии, арабские монеты. В это время жители Скандинавского полуострова не обладали парусным флотом для совершения морских экспедиций подобного масштаба. Так что остается один вывод: международную торговлю на Скандинавский полуостров принесли купцы из Восточной Европы. Правда, до сих пор этих купцов оказалось сложно идентифицировать этнически: финно-угорские народы не были известны как мореходы. С признанием моей концепции о русах как о части индоевропейского субстрата Восточной Европы сложность этнической идентификации этих купцов устраняется.

ГДЕ ЖИЛИ ЛЕТОПИСНЫЕ ВАРЯГИ?

В некоторых очерках я упоминала о том, что начала разрабатывать концепцию об индоевропейском субстрате Восточной Европы, с которым, по моему убеждению, надо связывать древнейшие корни русской истории. К пониманию необходимости такой постановки вопроса меня постепенно подвели самые разные сюжеты: и работа с проблематикой

---

¹ Бажов П.П. Уральские сказы. М., 1987. С. 240.

генезиса древнерусского института княжеской власти, и выявление негативного влияния на историографию множества западноевропейских утопий — фактор, мотивирующий перепроверку существующих в исторической науке аксиом.

Одной из проблем, подтолкнувших к предположению о существовании индоевропейского субстрата в Восточной Европе и о его связи с древнерусской историей, явились, в частности, сведения о летописных варягах из тех областей, которые в летописи простираются «до предела Симова», т.е. до восточноевропейской границы с Азией.

Напомню слова из этнографического введения ПВА, где говорится о местах обитания варягов: «В Афетовъ же части съдять русь, чудь, и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимьгола, корсь, лътьгола, любь. Ляхове же, и пруси, чудь пресъдять к морю Варяжьскому. По сему же морю съдять варязи съмо ко въстоку до предъла Симова, по тому же морю съдять къ западу до земль Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то кольно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне»¹.

Из этой выдержки видно, что, согласно ПВА, варяги — один из европейских народов («Афетово бо и то колено») и они занимают в Европе две области: одна — все южнобалтийское побережье с востока на запад до земель англов, т.е. до южной Ютландии, а вторая — от восточной оконечности Балтийского моря до границы Европы и Азии, т.е. до Поволжья и Предуралья. По поводу определения областей, в которых летописец помещает варягов, существуют свои проблемы.

Казалось бы, относительно варягов, которых летописец помещает на побережье Балтийского моря, «къ западу до земль Агнянски», совершенно очевидно, что такие летописные названия, как «земля Агнянска» и «англяне», примыкают к побережью Балтийского моря и локализуются как его западный предел. В силу этого, совершенно закономерно отождествлять летописных англан с именем англов и с их страной на юге Ютландского полуострова «Англулус», или «Ангелн». В ходе переселения англосаксов на Британские острова это имя было ими туда перенесено. В книге

---

¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 7—8.

Д.М. Вильсона, со ссылкой на Беду Достопочтенного, говорится, например: «Из страны англов, находящейся между провинциями ютов и саксов и называемой Ангулус, которая с той поры опустела, вышли восточные англы, средние англы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии... а также другие племена англов... Англы приплыли с юга Датского полуострова, из земель, которые все еще называются Ангелн»¹.

В земле Шлезвиг-Гольштейн до сих пор сохранилась историческая область под названием Angeln. О земле «Агнянской» как юге Ютландского полуострова писали такие российские историки, как Н.В. Савельев-Ростиславич и И.Е. Забелин, а из современных историков — А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин².

Но тогда летописные варяги оказываются чуть восточнее земли «Агнянской» и попадают прямоком на южнобалтийское побережье. А южнобалтийское побережье для норманнизма — это минное поле, на которое не может ступить нога норманниста, и летописных варягов желательно перемещать хоть на Камчатку, но только не на юг Балтии. И источник здесь не помеха, поскольку летописца всегда можно объявить несостоятельным. В таких рефлексиях родился вклад норманнизма в проблему локализации летописных варягов, которые «сдять къ западу» и согласно которому летописная «земля Агнянска» — это... Англия Британских островов, а агняне/англяне — это англичане. Сторонники этой локализации, правда, не заметили, что данный вклад следовало бы подкрепить еще и географическим открытием, т.е. доказать, что Балтийское море «протекает» в районе Британских островов.

Шутки шутками, но мнение это, к сожалению, встречалось даже у таких крупных ученых, как М.Н. Тихомиров³. Правда, над историками советского времени довлел мар-

---

¹ Вильсон Дэвид М. Англосаксы. М., 2004. С. 23—24.

² Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 208—209; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. М., 2005. С. 422.

³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 30; См. также: Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 280; Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманнистов / Варяго-русский вопрос в историографии. С. 205—206.

ксизм и статья Маркса «Тайная дипломатия XVIII в.», написанная в конце 50-х гг. XIX в., но в полном виде опубликованная лишь после его смерти, в 1899 г., однако ни разу не включенная ни в одно из собраний сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, изданных в советское время. Я читала эту статью в шведском издании¹.

В упомянутой статье Маркс предпринял краткий экскурс в историческое прошлое России, и единственным автором, на которого он при этом ссылался, был Шлецер, что было вполне естественным, поскольку и Шлецер, и Маркс были воспитаны на одной и той же историографической традиции: готско-германские завоевания заложили основы европейской государственности.

Вслед за Шлецером К. Маркс рассматривал начало русской истории как «естественный результат примитивной организации норманского завоевания... Завоевательные походы первых Рюриковичей и их завоевательская организация ни в чем не отличались от норманнов в других частях Европы... победители и побежденные слились воедино в России быстрее, нежели в других областях, завоеванных скандинавскими варварами... предводители очень скоро смешались со славянами, каковое видно из их браков и их имен... но завоевание и образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер»². В советский период вплоть до 30-х гг. прошлого века идея о скандинавах — создателях древнерусской государственности — провозглашалась как непререкаемая, что нашло свое отражение в первом издании Большой Советской Энциклопедии³.

---

¹ Marx K. 1700-talets hemliga diplomati. Värnamo, 1990.

² Там же. S. 131—133.

³ В статье «Варяги и варяжский вопрос» первого издания БСЭ было категорически заявлено: «Варяги — др.-русское название скандинавов... В середине IX в. в Восточной Европе образовался ряд варяжских княжеств (главные — в Новгороде и Киеве)... Норманское происхождение первых русских князей было установлено еще в XVIII в., в нем не сомневались ни Карамзин, ни Погодин, ни Соловьев; но великорусский шовинизм чувствовал себя обиженным «немецким» происхождением перв. рус. «государей» — и с XVIII в. тянется ряд попыток доказать «истинно-славянское» их происхождение. Научного значения попытки эти не имели...» // БСЭ. Под ред. Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, М.Н. Покровского. Т.9. М., 1928.

Невзирая на то, что с середины 30-х гг. в центре исторических исследований в СССР оказалось основное теоретическое положение марксизма о ведущей роли экономического фактора в развитии общественных отношений и складывания на его основе классового общества и государства, что не оставляло места рассуждениям о роли династии в этом процессе, пришедшей или местной, вышеназванную статью Маркса данная перемена дирекции никак не отменяла. Она продолжала существовать как секрет полишинеля и оказывать свое воздействие на советскую историческую науку. А когда над исследователем нависает марксизм, то политически корректно перенести англов подальше от южнобалтийского побережья. Сейчас марксизм уже ни над кем не висит, однако «земля Агнянска», как известно, по-прежнему трактуется норманнизмом как «английская»¹.

Так обстоит дело с локализацией варягов, «сидящих» к западу. Худо-бедно, у них есть свое место в «географии», и даже не одно, а два. При этом, невзирая на специфику взаимоотношения антинорманнизма и марксистской методологии, немало удалось сделать относительно южнобалтийской области расселения варягов. Крупнейшим вкладом по этой проблеме являются труды А.Г. Кузьмина². Его работы продолжили традиции российских историков М.В. Ломоносова, С.А. Геденова. В наше время большой вклад в разработку варяжской проблематики, а также в развитие вопроса о многовековых связях Северо-Западной Руси с южнобалтийскими славянами внесли работы М.Н. Тихомирова, А.Н. Сахарова, С.Н. Азбелева, В.А. Янина, В.Б. Вилинбахова, В.В. Фомина и др.

---

¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 144, 384.

² Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. №10; Он же. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. №11; Он же. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 7—9; Он же. Одоакр и Теодорих / Дорогами тысячелетий. Сб. исторических очерков и статей. Кн. 1. М., 1987. С. 123—124 (переиздана в кн.: Варяго-русский вопрос в историографии. С. 522—537); Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X / Сост., предисл., введ. к документам А.Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986; Он же. История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003; Он же. Начало Руси. М., 2003. С. 187—242; Иванов В.Д. Русь изначальная / Сост., предисл., коммент. А.Г. Кузьмина. Т. 1. М., 1986. С. 25—27.

А вот относительно второй области, куда летопись помещает варягов, т.е. обширного ареала в Восточной Европе, ситуация намного хуже: здесь никаких определенных концепций пока не сложилось, поскольку локализация варягов к востоку от чуди «до предела Симова» обычно воспринималась как недоразумение, как свидетельство нечетких представлений летописца. А.Г. Кузьмин полагал, что «варяги, локализуемые между чудью и «Симовым пределом», — это города и земли, занятые в свое время мужами Рюрика»¹.

В чем же здесь дело и на основании чего летописца в очередной раз обвинили в некомпетентности? Основанием для подобных обвинений служит созданная в науке и общепризнанная сейчас этническая картина Восточной Европы в древности, согласно которой варягам не положено было находиться там, куда их помещал летописец.

Данная «общепризнанность» покоится на сложившемся убеждении, что древнейшей, этнически верифицируемой языковой общностью северных и центральных областей Восточной Европы являлись исключительно народы уральской языковой семьи, т.е. носители финно-угорских и самодийских языков, мигрировавших со своей прародины близ Северного Урала, между нижними течениями Оби и истоками Печеры в пределы Восточной Европы не позднее эпохи неолита (с рубежа IV—III тыс. до н.э.).

Считается, что это убеждение исходит из соотнесения материалов археологических исследований на обширном археологическом ареале эпохи неолита, характеризующихся памятниками ямочно-гребенчатой керамики, с этническим определением этого круга древностей, носителей которых многие исследователи связывают с предками финно-угров². «Тысяче-

---

¹ Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 205.

² Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 5—8; Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986. С. 6—9; Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000; Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 17—30; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 58—59; Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии / Авт.-сост. В.А. Мацак. Мурманск, 2005.

летиями финны прочно удерживали за собой некогда освоенные территории от Урала до Ботнического залива»¹.

Соседями финно-угорской общности с юга (их размещают в южных регионах Восточной Европы, возможно, с прилегающими областями азиатских степей — Южным Приуральем) выступали носители индоевропейской языковой общности: индоиранцы (арии) где-то с III тыс. до н.э., затем с начала II тыс. до н.э. — представители так называемого древнеевропейского единства, характеризуемого как нерасчлененная славяно-балто-германская общность, из которой в I тыс. до н.э. выделяются носители балтских языков, традиционно отождествляемые с рядом культур раннего железного века Подвинья, Поднепровья и Поочья, где они становятся непосредственными соседями финно-угорского мира². Данные носители балтских языков практически отождествляются специалистами в области лингвистики как непосредственные предки литовцев³.

Не углубляясь далее в эти необъятные сюжеты, стоит только отметить, что представленная картина «отсекает» от русской истории всю Восточную Европу, начиная с древности и вплоть до второй половины I тысячелетия н.э., т.е. до расселения в этих пределах восточноевропейского славянства, которое единственно связывается с генезисом русской истории. Естественно, варягам, как они тракуются в современной науке, на этой карте нет места до конца I тыс. н.э. В этом смысле между сторонниками различных концепций разногласий нет: варяги в любом случае (связываются ли они с ославяненными варинами или с некими обобщенными сканди-

---

¹ Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 25—27.

² Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 2006; Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987; Година Р.Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск, 1996. С. 14—15; Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 25—30; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 40—59.

³ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 4.

навами, ославянившимися на месте) пришли сюда с запада, с Балтики, и могли расселиться здесь не ранее IX—X вв.

Но современные научные концепции находятся в явном противоречии с основным источником — ПВЛ, которая знает варягов как отдельную европейскую общность, не смешивая их ни с финно-угорскими, ни с балтскими народами, рассказывает о варягах в Восточной Европе, по крайней мере, хронологически синхронно с южнобалтийскими варягами и ничем не намекает о «пришлости» восточноевропейских варягов: о них говорится как о насельниках на своей земле.

Это был один из многих фактов, столкнувшись с которыми, я стала сомневаться в правильности имеющихся научных концепций по этнической истории Восточной Европы в древности. В своих размышлениях над данными вопросами я стала исходить из допущения, что ошибся не летописец, а современная наука. То есть ПВЛ правильно освещает картину одновременного расселения варягов в двух областях: на южнобалтийском побережье и в Восточной Европе. Но как и когда они расселились на этих довольно обширных территориях? И как шло расселение, т.е. какая территория была для них исконнее?

Подойдя к этому вопросу, я решила прежде всего выяснить, как и когда возникла та самая этническая карта Восточной Европы в древности, согласно которой носители одной финно-угорской семьи языков «тысячелетиями удерживали за собой» гигантские территории от Урала до Ботнии, так никогда и не создав на этих территориях единой крупной этнополитической общности. И это за тысячелетия!

Как выяснилось, современные представления о том, что единственными насельниками на севере Восточной Европы в древности были носители финно-угорских языков, возникли сравнительно недавно, около середины XIX столетия. Но эти представления имели свой пролог, которым послужили также работы многожды упоминаемых мною шведских историков и литераторов предыдущих веков, создававших легендарную историю предков шведов, издревле властвовавших над территориями Северо-запада Восточной Европы и собиравших дань с местного населе-

ния. Одним из вдохновляющих мотивов было как раз стремление обосновать историческое право Швеции облагать данью эти области, что после Столбовского мира 1617 года означало на деле идеологизацию получения выгод от контроля за русской торговлей (прежде всего, за торговлей хлебом) с Западом, а после поражения в Северной войне — оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

Основополагающим моментом в этих рассуждениях было создание определенной этнической карты восточно-европейского Северо-Запада, согласно которой славяне и русские были разными народами, т.е. русские были на самом деле шведами, а финны жили в этих областях задолго до появления здесь славян, пришедших поздно и подчинивших местные финноязычные народы, до этого подчинявшихся шведо-варягам и платившие им дань (Х. Бреннер, И. Штраленберг, А. Моллер, С. Паулинус/Линдхейм, Ю. Тунман и многие другие). Идея о том, что за именем русских в древний период скрывались шведы, начала формулироваться Бреннером, «открывшем» связь имени Русь с финским наименованием шведов «rotzalainen» (подробнее см. здесь). Но это «открытие» Бреннера, в свою очередь, покоилось на вере в распространившуюся благодаря Рудбеку мысль о том, что предки финнов заселяли Восточную Европу вплоть до Дона задолго до других народов, а предки шведов их покорили и собирали с них дань¹.

Монтаж образа шведо-русов был достаточно длительным процессом, и важное звено в этой цепи было введено упомянутым Бреннером, который стал утверждать, что имя *Русь* произошло от названия финнами шведов как «rotzalainen» или «rossalainen», а последнее, в свою очередь, произошло от Рослагена. Это было логическим развитием Рудбековских экзерсисов относительно шведо-варягов. Поскольку варяги звались *Русь*, то потребовалось только небольшое усилие фантазии, и *Русь* также обрела шведское звучание в финноязычном обрамлении.

---

¹ Rudbeck O. Atland eller Manheim. Uppsala, 1947. S. 196—199.

Тогда же в качестве аргументации стали предприниматься попытки все местные названия рек, озер, гор на севере и в центре Восточной Европы объяснять если не из шведского, то из финского языка¹ — третьего было не дано, но это — тема отдельного разговора. Здесь же важно подчеркнуть, что у истоков современных представлений об этнической картине древней Восточной Европы обнаруживаются те же шведские историки и писатели, которые своим историозодчеством заложили основы норманизма, причем созданная ими картина расселения народов в Восточной Европе выступала необходимым условием при создании очередного их фантома — фантома о шведском происхождении имени Руси при посредстве финского Ruotsi.

Следует учитывать, что традиции шведской университетской школы оказали глубокое влияние на формирование гуманитарной науки в Финляндии. Собственно, королевская академия в финском Обо (1640) была одним из четырех первых шведских государственных университетов, считая университеты в Уппсале, Дерпте и Лунде. Соответственно, весь комплекс идей готицизма и рудбекианизма, свойственный шведской исторической мысли XVII—XVIII вв., пронизывал и ученый мир Обо. Достаточно вспомнить, что там защищал свою диссертацию о шведском происхождении летописных варягов Альгот Скарин.

Этот момент важно принимать во внимание, поскольку следующий этап развития представлений об этнической карте Восточной Европы в древности связан уже с финскими учеными, в частности, с деятельностью таких крупных финских филологов и фольклористов, как М.А. Кастрен (1813—1853), Д. Европеус (1820—1884) и др. Эта плеяда финских деятелей культуры принадлежала поколению финской интеллигенции, сложившемуся на волне пробуждения национального самосознания в Финляндии в первой четверти XIX в. Образованные круги финского общества обратили свой интерес на исследование финского языка, финско-

---

¹ Latvakangas A. Riksgrundarna Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 250—251, 285—295.

го фольклора, для того чтобы исследовать корни народной культуры и показать место «финского племени» во всемирной истории. В немалой степени этот энтузиазм подогревался утвердившимся в европейской культуре принципом, рожденным в эпоху Просвещения, — считать главным цивилизационным признаком наличие национальной письменной культуры, выраженной в памятниках письменности, а народы, письменных памятников не имевшие, отодвигать в разряд «неисторических» и стоящих вне цивилизационных процессов. Тем самым одним махом обездоливались в плане исторической роли многие европейские народы, культура которых развивалась и хранилась в лоне устной традиции — к таким народам относились и финны.

Издание знаменитым финским фольклористом Э. Ленротом памятника «Калевалы» в 1835—1849 гг. показало европейскому сообществу, что памятники устной традиции ничуть не менее ценны, чем памятники письменной традиции, и сыграло большую роль в привлечении внимания европейского общества к проблемам культур финноязычных народов. Не меньшую известность получили труды Кастрена по сравнительному языкознанию и исторической лингвистике финно-угорских языков, а также вклад Европеуса в собирание и систематизацию финского фольклора.

Заслуги названных ученых, а также их коллег перед мировой наукой бесспорны. Но в значительной степени под влиянием их работ закрепились в науке та картина сплошного финно-угорского мира, существовавшего, по их убеждению, в древности от Саян до Балтики и населившего, в частности, север Восточной Европы первыми в языковом отношении верифицируемыми насельниками. Однако все дело в том, что данные представления родились у этих ученых в университетской среде, более сотни лет воспитывавшейся на идеях шведских историков, фантазировавших о прошлом шведов и финнов в Восточной Европе. Поэтому, отправляясь в экспедиции по территории России для сбора материалов по финскому фольклору и лингвистике, эти энтузиасты априорно объявляли исходно финноязычными все те области, где проживали носители финно-угорских языков.

Однако уже в конце XIX — начале XX в. у этой теории появились оппоненты, которые стали заявлять о том, что созданная в лоне финно-угроведения этническая карта севера и центра Восточной Европы была на самом деле иной или была более сложной по своему составу. А.И. Соболевский (1856—1929), крупнейший специалист в области истории русского языка и восточнославянской диалектологии, занимавшийся в том числе и исследованием топонимики и исторической географии, стал склоняться к выводу, что носители финно-угорских языков не были автохтонами в центре и на севере Восточной Европы. В работах, посвященных этой теме, Соболевский писал:

«...Мы имеем памятники языка. Это местные названия рек, озер и гор... Не только реки и озера покрупнее, даже ручьи имели уже у древнейших людей свои имена. Первые их собственники дали рекам, озерам, горам имена из своего языка; а следующие за ними насельники, сперва мирные соседи, а потом враги пользовались уже готовыми названиями, заимствованными, иногда в переводе на свой язык, чаще же без перевода, в их чужом виде.

Переходя от поколения к поколению, от племени к племени, от народа к народу, местные названия сохранились до нас... К числу таких местных названий, которыми пользуемся теперь мы, принадлежат имена Днепра, Двины, Москвы, Твери, Селигера и др. Древность их теперь не подлежит сомнению, но связи их с живыми словами русского языка мы не чувствуем; они нам совершенно непонятны.

Если мы возьмем местные названия Тверской губернии... то найдем между ними имена озер Соброе, Овселуг, Пено, Корегож, имена рек Кудь, Тудь, Жукопа, Чавыжня, Валиса, Шешма, Тюбьма, Нетесьма, Симога, Тихвина...

Еще недавно эти и подобные им названия мы считали сплошь финскими. Но теперь, когда знакомство с финскими языками у нас возросло, мы видим, что материал финских языков не дает нам объяснения приведенных названий... главная масса названий Тверской губернии не объясняется при помощи финских языков.

Народы, которые обитали до финнов в соседней России и финнами, быть может, были вытеснены, едва ли были

сколько-нибудь известны Геродоту... Мы можем сделать предположение, что в числе их были сарматские племена, близко родственные со скифскими, но от них отличные... Но дальше предположения мы не в состоянии идти... Нужно произвести скромную, невидную, но и нехитрую работу. Прежде всего нужно привести в известность наши местные названия озер, рек, гор... Когда мы будем иметь подобные списки, мы вместе с тем будем иметь отличный материал для исследования»¹.

Эти исследования академик А.И. Соболевский продолжил почти до последних лет своей жизни. В 1927 г. он опубликовал работу «Названия рек и озер русского Севера», где подтвердил свои ранние предположения: *«Предлагая читателю продолжение наших «Русско-скифских этюдов» и входя в область Поволжья, Прикамья, северной России... я чувствую всю трудность решения принятой мною на себя задачи. Тем не менее, ввиду почти полной новизны вопроса, я решаюсь предложить собранный мной материал... Я ограничиваюсь сопоставлением данных в области названий рек и озер Поволжья, Прикамья и русского севера с данными названий на юге и в центре России. Исходный пункт моей работы — предположение, что эти две группы названий родственны между собой и принадлежат одному языку индоевропейской семьи (выделено мной), который я пока, впредь до подыскания более подходящего термина, именую скифским»*².

Как видно из приведенных примеров, вопрос об индоевропейском субстрате на восточноевропейском Севере стал подниматься в российской науке еще в XIX в. в русле серьезной школы языкознания. Но в советское время он заглох, и я связываю это с утверждением норманнизма советского толка, который, как показано выше, оказался неотъемлемой частью марксистской догматики. Попытки поднимать этот вопрос предпринимались и позднее, притом самыми разными учеными. Но об этом следует поговорить отдельно.

---

¹ Соболевский А.И. Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912. С. 4—9.

² Соболевский А.И. Название рек и озер русского Севера. А., 1927. С. 1—2.

А что мы можем констатировать сейчас, по завершении этого очерка? С одной стороны, у нас есть варяги, которых летописец размещает в Восточной Европе до «предела Симова», с другой стороны, у нас есть принятая наукой этническая карта Восточной Европы в древности, на которой вышеупомянутым варягам нет места. Но расследование истории этого вопроса показывает, что у истоков представлений о том, кто был насельниками в Восточной Европе, стояла шведская историографическая традиция по созданию исторических фантазий, вплоть до Рудбека, который эти фантазии довел до пика абсурда.

На мой взгляд, констатация этого факта дает основание начать пересматривать существующие представления о сплошном финно-угорском мире на севере Восточной Европы вплоть до расселения там славянства и продолжить работу, начатую в конце XIX в. такими учеными, как А.И. Соболевский. Давайте хотя бы начнем думать над этим.

Послесловие

О НОРМАННИЗМЕ КАК ВЫДУМАННОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ И О КНЯЗЕ РЮРИКЕ

В течение более двухсот лет в российской истории главенствует теория, которая уверяет, что начало русской истории было положено выходцами со Скандинавского полуострова. Эта теория утверждает, что от этих выходцев мы стали называться Русью, что именно они сыграли ведущую роль в процессах образования Древнерусского государства, от них мы якобы получили княжескую власть — до этого у нас, по утверждению норманистов, княжеской власти не было, они освоили и установили контроль над Балтийско-Волжским торговым путем от Балтики до Каспия и развили торговлю впечатляющего трансевропейского масштаба, им мы обязаны возведением древнерусских городов в русле не то завоевания, не то миграций колонистов (за 200 с лишним лет так и не договорились: завоевали или переселились мирно). И представьте себе, что все это неправда, ничего подобного в нашей реальной истории не было. Однако все это есть в книгах по истории, в учебниках, разбрелось по множеству изданий, проросло корнями в академическо-вузовской системе. Представьте себе, сколько поколений россиян (25—30?) воспитывались на этом историческом мираже. Имя исторического миража — норманнизм.

Миражем эта система взглядов является потому, что все идеи норманнизма, т.е. идеи о выходцах из Швеции, принесших имя Руси и древнерусскую княжескую власть, да еще и создавших на Руси торговлю невиданных масштабов и пр., доказательств под собой не обнаруживают: лингвистика, так никогда и не выйдя из области предположений, плывет по

воде, а подтасовка фактов типа истории с пирейским львом к доказательствам никакого отношения не имеет. И далее вполне логично встает вопрос: а как же это так все получилось? Как же дошли до такого состояния, что гигантские наиважнейшие процессы в истории государства Российского стали выводить невесть откуда, да при этом еще грубейшим образом подтасовывая факты? Что же, наука у нас совсем негодная? Ученые плохие? Да, нет, и наука у нас годная, и ученые хоть куда.

Понять нынешнюю ситуацию в отечественной исторической науке можно, только если принять во внимание поразительное явление в истории западноевропейской исторической мысли, которое осталось также практически неизвестным российскому обществу, а именно — традицию приписывать своим странам величественное древнее прошлое, основанное на фантазиях. Традиция эта вошла в западноевропейскую историю под названиями готицизма и рудбекианизма и развивалась ни много ни мало в течение XVI—XVIII вв. Норманнизм родился как плоть от плоти готицизма и рудбекианизма, соответственно, такие идеи, как идея Руси из шведского Рослагена, идея о безродном наемнике Рюрике, не то завоевателе, не то контрактнике, идея о норманнах как скандинавах-викингах и т.д., являются в основе шведскими конструктивами, сочиненными в ненаучной мифологизированной историографии.

Почему эти исторические фантазии, проникнув в нашу историческую науку в XVIII в., так цепко сидят в ней более 200 лет? По той же самой причине, по какой эти же исторические утопии населяли западноевропейскую науку в течение нескольких столетий, а в видоизмененной форме живут там и до сих пор. Человеческое сознание подвержено влиянию фантазий и утопий. Особенно если они поддерживаются политическими или влиятельными общественными силами. Норманнский период в древнерусской истории был упомянут Марксом в его статье, а куда же было деваться советским историкам от статей Маркса? Потому все официальные советские справочные издания, включая БСЭ, как солдаты на политучебе, докладывают о варягах как о скандинавах. В XIX в. норманнская теория особо поддерживалась так на-

зываемыми прогрессивно-демократическими и либеральными силами российского общества, поскольку эти силы держались веры в то, что весь свет идей — с Запада, а тот, кто эту веру не разделяет, тот квасной патриот и противник прогресса. Но время все расставляет по своим местам. Классики марксизма не являются больше методологией, и у исторической науки все больше свободы обнаруживать отсутствие научной основы в концепциях норманнизма.

Теперь самое время сказать несколько слов об авторе вышеизложенного. Я переехала в Швецию более 20 лет тому назад, имея за плечами изрядный опыт работы в качестве историка, но не имея никакого отношения ни к норманнизму, ни к антинорманнизму. Я работала в области востоковедения (как Байер, люблю я добавлять, когда норманисты слишком уж начинают одолевать вопросами: а ты кто, вообще, такая, предъяви документ!). Поэтому по варяжскому вопросу я никаких концепций с молоком научных руководителей не впитывала, начинала знакомство с проблематикой с чистого листа. Выучив шведский язык, прослушав курс шведской истории, я стала интересоваться и работами шведских историков, в том числе и работами, затрагивающими историю России. И когда дошла до Рюрика, то пришла в полное изумление, поскольку все не согласовывалось с элементарной логикой. С логикой, основанной на одновременном знании шведской и русской историй. Если не знать одной из них, то придумать можно все что угодно.

Тогда мне захотелось выяснить, почему же пишут не на основе источников, а вразрез с ними, откуда истоки такой странности? И вот так я открыла тот любопытный феномен в жизни западноевропейских стран, как традиция составлять выдуманные истории и жить ими. После этого все стало на свои места, в том числе и информация о геофизике Рослагена. Образ шведских викингов, пришедших на Русь и что-то там организовавших, это часть вот этих выдуманных историй, историй, рождавшихся силой воображения и пера и никогда не существовавших в действительности. Никогда в действительности никакие викинги из Швеции на Русь не приходили и никакой государственности там не организовывали.

Хочется сразу оговориться, что не вина предков шведов — свеев и гетов — в том, что шведские писатели-фантазеры XVI—XVIII вв. приписали им грандиозную историю, никогда не имевшую места в действительности. Единственно, где предки шведов выступали основоположниками, так это в своей собственной шведской истории, в тех краях, где сейчас расположена современная Швеция. Они — ее создатели и творцы. И, по-моему, предки шведов проделали очень хорошую работу: современная Швеция — прекрасный результат их стараний и трудов. За это им великая благодарность и уважение от потомков.

Важные корректировки в понимание нужных в данном контексте исторических процессов внесли для меня работы современных шведских ученых. Шведская наука успешно демифологизируется, особенно в последние 20 лет. Поэтому важно знакомиться с шведскими работами по археологии и истории, появившимися за последние годы, что российским историкам, не знающим шведского языка, сделать практически невозможно. А сравнение истории шведского политогенеза с древнерусским материалом весьма интересно.

Складывание государственности — это в том числе и объединение территорий под властью одного правителя/династии. Как проходил этот процесс в Швеции? Согласно исследованиям шведских историков, начало процесса складывания шведской государственности относится к XI в., а завершение — к концу XIII в. В рамках этого процесса в Швеции под властью одного короля должны были объединиться земли народа свеев (район Уппсалы — современного Стокгольма) и народа гетов (от современного Гетеборга до восточной Ботнии). Следовательно, для того, чтобы, условно говоря, объединить эти земли, т.е. Стокгольм с Гетеборгом, под властью одного короля, потребовалось три столетия.

Как проходил аналогичный процесс в древнерусской истории? Согласно ПВЛ, в год 862 произошло призвание Рюрика с братьями к предкам новгородцев, а в год 882 «съезде Олег княжа въ Киевъ...». Иначе говоря, объединение древнерусских земель под властью династии Рюриковичей от Приильменья до Поднепровья, т.е. от Балтики до Черного моря, произошло за пару десятилетий! И норманнисты утвер-

ждают, что это произвели выходцы от тех же предков шведов?! Да они же рассказывают рождественские сказки для бедных детей!

Итак, в 2012 году исполняется 1150 лет со дня призвания на княженье к ильменским словенам князя Рюрика и его братьев, согласно Повести временных лет. До XVIII в. в понимании этого события каких-либо экстравагантных суждений не замечалось. Русская историческая мысль придерживалась вековой летописной традиции, согласно которой Рюрик и его братья приглашались как князья в княженье Словен в силу своих наследных прав, как внуки своего деда по матери, по причине отсутствия в княженье Словен прямых наследников мужского пола.

Таких призваний в истории Европы было множество. Пресекалась правящая линия, вымирали или изгонялись ее мужские представители, и начинали подбирать новых возможных кандидатов. Вопросы о приглашении князей или королей подлежали юрисдикции или традиции наследных институтов власти, кандидатов подбирали среди тех, кто обладал наследными правами. Линий наследования было две: по отцовской линии и по материнской. При призвании со стороны обращались, как правило, к потомству по материнской линии, т.е. сыновьям принцесс или княжен, выданных замуж в другие страны, — эти сыновья обладали законными правами на престол в отчем доме своей матери. Такая традиция наследования называется матрилатеральной, т.е. наследование со стороны матери.

Призвание правителя со стороны, т.е. использование матрилатеральной традиции, было нередким в западноевропейской истории. В статьях сборника я напоминаю о призвании «со стороны» Конрада I (911—918 гг.), который стал новым немецким королем как внук своего деда по матери. Призванием «со стороны» началась в истории Англии история династии Плантагенетов: королевский трон Англии опустел со смертью короля Генриха I. Одним из кандидатов на английский престол выступил внук умершего Генриха, сын его дочери Матильды Генрих Плантагенет, который взшел со временем на английский престол как внук своего деда по матери.

Полны призываниями со стороны истории небольших стран, в частности Швеции. В результате призывания пришли в Швецию такие шведские короли, как Альбрехт Мекленбургский (XIV), как Богуслав Эрик Померанский/Поморский (XIV—XV), как Кристоффер Баварский (XV). Все они были призваны как потомство шведских принцесс, отданных замуж «за море», в страны Южной Балтии и далее. Нынешняя шведская династия Бернадоттов также результат призывания со стороны. Правда, в этом случае использовали механизм усыновления. Умиравший без наследников шведский король Карл XIII (правил в 1809—1818 гг.) усыновил французского маршала Ж.-Б. Бернадотта, и риксдаг утвердил его как наследника шведского престола, поскольку хоть ты кандидат на престол изнутри, хоть — со стороны, но ты должен иметь основания, т.е. наследные права.

В российской истории были и другие призывания «со стороны», помимо Рюрика. Например, дочь Петра, императрица Елизавета, будучи незамужней и при отсутствии собственных наследников, призвала «из-за моря» племянника, сына старшей сестры Анны от ее брака с герцогом Гольштейн-Готторпским. Герцогский сын принял православие и стал наследным цесаревичем Петром Федоровичем, как внук Петра I или как внук своего деда по матери. Вот из этих же мест, 800 годами ранее, и призывали князя Рюрика занять место очередного наследного правителя в летописном князьенне Словен. Мне иногда задают вопрос: это значит, от немцев, что ли, призывали? Нет, немцами население Южной Балтии стало много столетий спустя после Рюрика, с распространением там нового языка и новой веры. А во времена Рюрика там жили другие народы, общим именем которых было имя варинов — так это имя звучало у античных авторов, а наши предки называли их варягами. У германоязычных народов имя варинов звучало как вэринги. Это древнее имя когда-то принадлежало одному народу, но во времена Рюрика оно стало общим, надлокальным для многих славяноязычных народов Южной Балтии. Одним из таких народов был народ Русь, занимавший на южнобалтийском побережье, согласно летописи, самую западную ее часть. Там, как и во времена Елизаветы, находились наследники, которые по-

казались наиболее подходящими как кандидаты на престол в княженье Словен.

Но южнобалтийская Русь была не единственной Русью. Русь существовала в Восточной Европе и до Рюрика. Есть сообщение ПВЛ об образовании Русской земли у полян под 852 г., т.е. за десять лет до призвания Рюрика в княженье словен. К варягам-руси отправились, согласно Лаврентьевской летописи, «... русь, чудь, словъни, и кривичи...», т.е. своя русь до призвания Рюрика существовала и в Приильменье.

— Это загадка или ошибка, — заявляют норманнисты.

Ну при чем здесь загадка?! Представьте себе, что сегодня кто-нибудь, прочитав сообщение о том, что делегация из России отправилась в Белоруссию, или, в старом стиле, — что кто-то из Великороссии поехал в Малороссию, стал бы кричать: «Какая страшная загадка!» Никому такое и в голову не придет. Мы знаем, что стран с именем Русь сегодня несколько.

Но как показывают летописи, так было и 1150 лет тому назад. *Русь, русы* очень древнее имя наших предков, и корни их в Восточной Европе. Как глубоки эти корни, мы сейчас сказать не можем, поскольку дорюриковская древность отсечена от русской истории норманнизмом: норманнизм украл ее у нас. А вместе с этим и накопленный издревле опыт управления древнерусскими землями, традиции контактов с Поднепровьем и другими восточноевропейскими землями. А ведь именно исходя из знания всего этого можно было бы логично объяснить, почему новой династии потребовалось всего два десятилетия для создания гигантского объединения Новгородчины и Киевщины. Князь Рюрик с братьями, призванный к предкам новгородцев исходя из его наследных прав, восстановил преемственность княжеской власти в Приильменье, как Конрад I в Германии или Генрих Плантагенет в Англии. Но так же, как и там, новая древнерусская династия началась не на пустом месте. Институт власти, структуру которого составляли князь и вече, существовал у предков новгородцев издревле. Вернуть российскому обществу картину этого опыта — ближайшая задача исторической науки и наш долг перед нашими предками.

Вместо этого научные силы отвлекаются на пусто-
рожные выдумки. Одна из них связана с убеждением, что на-
циональность человека можно определить по национально-
сти имени. А так как они уверовали, что все имена древне-
русских князей — скандинавские (скандинавскими они не
являются, но об этом разговор отдельный), то через имя пы-
тались найти и скандинава по имени Рюрик. Начали поиск,
разумеется, со Швеции, но когда там и близко никого не об-
наружилось, то круг поисков расширили до Дании. В ран-
ней истории этой страны действительно встречается немало
лиц, носящих имя Рорик. К слову сказать, это имя встреча-
ется и в истории других стран на европейском континенте,
вплоть до Британских островов. Но норманнизм за границы
Скандинавии идти не может. И вот одного из многих дат-
ских Рориков часть российских норманнистов стала навязы-
вать как одного из кандидатов в летописные Рюрики. По не-
лестности эта идея вполне может поспорить с идеей Руси из
Рослагена.

Достаточно упомянуть, что у этого Рорика не было двух
братьев, как у летописного Рюрика, согласно летописанию.
И то, как норманнизм пытался избавиться от Рюриковых
братьев Синеуса и Трувора, — это отдельный и достаточно
скверный анекдот нашей исторической науки. Именно на-
шей, поскольку, например, представители датской медиэви-
стики данного Рорика из датской истории с летописным Рю-
риком не соединяют: их знание собственной истории сде-
лать это не позволяет.

В западноевропейских хрониках данный избранник нор-
маннистов упоминался в рассказах о нападениях данов на
города в землях королей франков, в основном на побережье
Атлантики. Он ничем не выделялся в массе тех грабителей
и вымогателей, которые одолевали в IX в. земли современ-
ных Германии, Голландии, Франции. Он поступал на службу
то к одному королю франков, то к другому, получал за служ-
бу земельный надел, которым пользовался, пока служил, из-
гонялся оттуда, становился вассалом нового господина и т.д.
Так, перебегая от одного господина к другому, в конце кон-
цов, бесследно исчез из поля зрения хронистов.

Это он, уверяют норманнисты, наш Рюрик. Он когда сбежал от Лотаря там или от Людовика Немецкого, то успевал быстренько добежать до Приильменя (а что, норманнам это было раз плюнуть!) и начинал организовывать там династию, государственность и пр. Утомившись на вахте древнерусской государственности, он опять якобы бежал на Атлантику, во Фризию и начинал вымогать там у очередного франкского короля кусочек владения. Так, летописный Рюрик был призван и стал князем у новгородцев в 862 г., а датский Рорик в 863 г. кланяется в ноги королю западных франков Карлу Лысому и получает от него удел во Фрисландии, откуда его через четыре года в очередной раз изгнали. И вот такого неудачника и растяпу часть норманнистов предлагает нам в качестве летописного Рюрика: в своих мелких краях он все профуфыкал и потерял, а на гигантских просторах Новгородчины и Киевщины организовал великое европейское государство! Сюжеты из мира фантазии.

— Его наняли как сити-менеджера, поскольку он мог узнать важные секреты управления у франкских королей, — не сдается другая часть норманнистов. Ну какие там секреты! Все интересы этой жалкой личности не выходили за пределы интересов грабителя уездного масштаба, к тому же незадачливого. Кто бы такого дурака стал в сити-менеджеры нанимать! Единственно, что роднит этого искателя приключений с летописным Рюриком, так это сходство имени, но здесь русская пословица объясняет: Федот, да не тот.

Призвание правителя со стороны не включает в себе никакой загадки. Ну что загадочного в призвании Генриха Плантагенета? Но в английской истории нет норманнизма, поэтому если бы какой-нибудь британский историк заявил, например, что Генриха Плантагенета нанимали как сити-менеджера и что англичане по гроб жизни должны быть благодарны за него французам, то такой бедолага сейчас же стал бы мишенью сочного английского юмора. А по поводу Рюрика как наемного сити-менеджера бряцают лиры российских СМИ со ссылками на respectable ученые имена.

Вот и разъедают российскую историческую мысль всяческие деструктивные идеи, вот и не дается в руки национальная идея, ибо из-за норманнизма российская история

оказалась лишенной собственных корней. Вышеприведенные примеры из западноевропейской истории показывают, какое значение для выхода общества из духовного кризиса имеет позитивное восприятие национальной истории, что и демонстрирует связь национальной истории с национальными интересами и с национальной идеей. Национальная идея — это детище национальной истории и плод национальной культуры, которые вырастают из жизненного опыта всех предшествовавших поколений наших предков как синтез того, что создано их руками и мыслью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление. Национальная идея, национальная история и национальные интересы . . . . .</i>	<i>5</i>
--	----------

Часть 1. КАКИМ БЫВАЕТ «СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ»

Эпоха Возрождения как переформатирование	8
Общественное переформатирование по-итальянски	13
Готицизм, или Обратная сторона гуманизма	16
О шведском готицизме и рудбекианизме как изложницах норманнизма	22
Каким бывает «светлое прошлое»	63
Россия с русскими	68
Варяны — варяги — вэринги: судьбы в истории и историографии	81

Часть 2. РЮРИК, ТРУВОР И СИНЕУС

О Рослагене — выдуманной прародине Руси	99
Рюрик и призвание правителя «со стороны»	115
Что позволено Плантагенету, то не позволено Рюрику	133
Наследование власти в Скандинавии	149
Как наследовалась власть и «призывались» правители: материнская линия наследования	162
Призвание Рюрика: о чем идет спор?	171
Синеус и Трувор в переводе с албанского	184
Русский князь — титул, а не национальность	190
Какими были имена русских князей	203

Часть 3. О ВИКИНГАХ, С РОГАМИ И БЕЗ РОГОВ

Приключения льва из Пирея, или Йантазия на камне	213
О викингах, с рогами и без рогов	235
Норманны — не только скандинавы	250

Норманны, которые строили города	270
Как востоковед Байер внедрял шведские инновации	282
«Шведские викинги» не могли создать Древнерусское государство	301
Куда и откуда шли торговые пути Средневековья	324
Где жили летописные варяги?	342
<i>Послесловие. О норманнизме как выдуманной древнерусской истории и о князе Рюрикe . . . . .</i>	<i>356</i>

Литературно-художественное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Грот Лидия Павловна

**ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ,
или
НОРМАННЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО**

Редактор *В. Манягин*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 23.04.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 2 000 экз. Заказ 8335

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0415-6

9 785443 804156 >

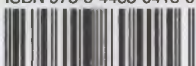

Лидия Грот – кандидат исторических наук. Окончила восточный факультет ЛГУ, с 1981 года работала научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

С начала 90-х годов проживает в Швеции. Лидия Павловна широко известна своими трудами по начальному периоду истории Руси. В ее работах есть то, чего столь часто не хватает современным историкам: прекрасный стиль, интересные мысли и остроумные выводы.

Активный критик норманнской теории происхождения русской государственности. Последние ее публикации серьезно подрывают норманистские позиции и научный авторитет многих статусных лиц в официальной среде, что приводит к ожесточенной дискуссии вокруг сделанных ею выводов и яростным, отнюдь не академическим нападкам на историка-патриота.

ISBN 978-5-4438-0415-6

9 785443 804156 >

приниме жертвъ, во мѣленихъ еи
едца: такъ благохотнѣ дѣво
жертвъ приносѣ, по амакомѣ
паула глагола: Оумоланъ
цѣдроты ежѣа, предгавети
жнедѣщѣ, етѣ, благогоднѣ
вашѣ: Чегое свое тѣло, я
благогоднѣ, вѣломѣ еи
прѣтави, еъ вѣанконъ амѣоми
е омиѣбѣла дѣша етѣ, вни
хрѣтѣ еиѣ: егонъ зеранномъ
ше: Оумазвѣнна амѣоми аз
дѣшпантѣлнѣ еиѣ мзѣѣ. Стр
Положи ма, такъ стрѣлѣ изъ
скры ма. Но кто етѣ, еи
кто етѣ стрѣлатѣль: Стрѣ
вѣдѣржнѣль амѣобѣ еѣми, по в
евѣлнѣтѣ глагола: Не амѣоми
амѣобѣ етѣ. Стрѣла же изъ
еиѣ ежѣи, тѣко мѣнѣннѣи роде ч
во етѣхъ григорнѣ нѣвкнѣи
Оумазвѣтѣ главо стрѣлѣ, еи
цѣи: Стрѣлатѣль же стрѣлѣ
еѣа еѣти ѣ етѣгѣ пикиѣа пѣ
скои стрѣлѣ, еднороднѣго
Бгоамѣннѣннѣи егонѣиѣтѣ еиѣ

Нѣпѣтѣгѣа чнѣтѣ еѣдѣи, ео амѣ
оутрока, цѣлоураиѣ во етѣхъ
ниже такъ егоамѣннѣннѣи патрѣхъ
приниме жертвъ, во мѣленихъ еи
едца: такъ благохотнѣ дѣво
жертвъ приносѣ, по амакомѣ
паула глагола: Оумоланъ
цѣдроты ежѣа, предгавети
жнедѣщѣ, етѣ, благогоднѣ
вашѣ: Чегое свое тѣло, я
благогоднѣ, вѣломѣ еи
прѣтави, еъ вѣанконъ амѣоми
е омиѣбѣла дѣша етѣ, вни
хрѣтѣ еиѣ: егонъ зеранномъ
ше: Оумазвѣнна амѣоми аз
дѣшпантѣлнѣ еиѣ мзѣѣ. Стр
Положи ма, такъ стрѣлѣ изъ
скры ма. Но кто етѣ, еи
кто етѣ стрѣлатѣль: Стрѣ
вѣдѣржнѣль амѣобѣ еѣми, по в
евѣлнѣтѣ глагола: Не амѣоми
амѣобѣ етѣ. Стрѣла же изъ
еиѣ ежѣи, тѣко мѣнѣннѣи роде ч
во етѣхъ григорнѣ нѣвкнѣи
Оумазвѣтѣ главо стрѣлѣ, еи
цѣи: Стрѣлатѣль же стрѣлѣ
еѣа еѣти ѣ етѣгѣ пикиѣа пѣ
скои стрѣлѣ, еднороднѣго
Бгоамѣннѣннѣи егонѣиѣтѣ еиѣ